

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

5 (41) 2015

**Журнал выходит по решению руководителей экономических институтов РАН:
Северо-Западного федерального округа**

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Республика Карелия)
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Мурманская область)
Институт социально-экономического развития территорий РАН (Вологодская область)

руководства

Санкт-Петербургского государственного экономического университета
Череповецкого государственного университета (Вологодская область)

других регионов РФ

Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Республика Башкортостан)
Институт экономики Уральского отделения РАН (Свердловская область)

Редакционный совет:

Решением Президиума
Высшей аттестационной
комиссии Минобрнауки
России от 19 февраля
2010 года №6/6
журнал включён
в Перечень ведущих
научных изданий,
рекомендуемых для
публикации основных
результатов
диссертаций
на соискание учёной
степени доктора
и кандидата наук.

Журнал включён в базы
данных ВИНТИ РАН,
Ulrich's Periodicals
Directory, Index
Sopernicus International,
EBSCOhost, Proquest,
а также в Российский
индекс научного
цитирования и
представлен в открытом
доступе на платформе
Научной электронной
библиотеки
(<http://www.elibrary.ru>).

С 2014 года Германская
национальная
экономическая
библиотека
включила журнал
в свой фонд.

Журнал также
направляется в
Библиотеку Конгресса
США.

Макаров В.Л., академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН, генеральный директор Центра испытаний и сертификации (ТЕСТ-Санкт-Петербург, Россия)

Татаркин А.И., академик РАН, директор Института экономики УРО РАН (Екатеринбург, Россия)

Витязь П.А., академик, руководитель Аппарата НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Никитенко П.Г., академик НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН, советник РАН, гл.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)

Сапир Ж., проф., директор Высшей школы социальных наук (HESS), Центра исследований индустриализации (СЕМІ) (Париж, Франция)

Валентей С.Д., д.э.н., проф., научный руководитель Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Уфа, Россия)

Дайнеко А.Е., д.э.н., проф., директор Института экономики НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Ильин В.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда, Россия)

Кибиткин А.И., д.э.н., проф., заместитель ректора по науке и стратегическому развитию Мурманского государственного технического университета (Мурманск, Россия)

Кивинен М., проф., директор Александровского института Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д.с.н., проф., директор Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Кузнецов С.В., д.э.н., проф., директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Ларичкин Ф.Д., д.э.н., проф., директор Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты, Россия)

Максимцев И.А., д.э.н., профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН, зав. лаб. ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Путилов А.В., д.т.н., проф., декан факультета управления и экономики высоких технологий Научно-исследовательского ядерного университета МИФИ (Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д.т.н., директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)

Штомпка Пётр, профессор, декан факультета теоретической социологии Ягеллонского университета (Краков, Польша)

Чжан Шухуа, доктор, проф., зам. начальника научного центра информации и документации Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)

У Эньюань, проф., Институт российских, восточно-европейских и центрально-азиатских исследований Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к.с.н., доцент, ректор Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. Л.А. Аносова, д.э.н., проф. А.Г. Воробьев,

д.э.н., проф. Е.С. Губанова, к.э.н. К.А. Задумкин,

д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора), к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора),

к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора, отв. секретарь),

д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. С.В. Терёбова

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

FEDERAL AGENCY
FOR SCIENTIFIC ORGANISATIONS

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

5 (41) 2015

The journal is published according to the decision of RAS economic institutions' administration in the North-West Federal District

Institute of Economics of Karelian Scientific Centre of RAS (Karelia Republic)
G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (the Murmansk Oblast)
Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (the Vologda Oblast)

and according to the decision of the administration of

Saint Petersburg State University of Economics and Finance
Cherepovets State University (the Vologda Oblast)

and RAS institutions of other RF regions

Institute of Social and Economic Research of Ufa Science Centre of RAS (Bashkortostan Republic)
Institute of Economics of the Ural RAS Department (the Sverdlovsk Oblast)

Editorial Council:

The decision of Presidium of the Higher Attestation Commission of the Russian MES (No.6/6, dated 19.02.2010) the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

The journal is included into databases: VINITI RAS, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, and also into the Russian Science Citation Index, and is presented in the open access on the platform of the Scientific e-Library (<http://www.elibrary.ru>).

In 2014 the German National Library of Economics included the Journal into its fund.

The journal is also sent to the Library of Congress, the USA.

Makarov V.L., RAS Academician, Director of the Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia)
Ivanter V.V., RAS Academician, Director of the Institute of Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
Okrepilov V.V., RAS Academician, General Director of State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (St. Petersburg, Russia)
Tatarkin A.I., RAS Academician, Director of the Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)
Vityaz P.A., Academician, Head of Academy Staff of the NASB (Minsk, Belarus)
Nikitenko P.G., Academician of the NASB (Minsk, Belarus)
Lazhentsev V.N., RAS Corresponding Member, RAS Advisor, Senior Research Associate of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
Sapir J., Professor, Director of Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Head of the Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMI-EHESS) (Paris, France)
Valentey S.D., Doctor of Economics, Professor, Supervisor of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
Gaynanov D.A., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russia)
Dayneko A.E., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the NASB (Minsk, Belarus)
Ilyin V.A., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the RAS (Vologda, Russia)
Kibitkin A.I., Doctor of Economics, Professor, Vice Rector for Science and Strategic Development of the Murmansk State Technical University (Murmansk, Russia)
Kivinen M., Professor, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Kotlyarov I.V., Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of NASB (Minsk, Belarus)
Kuznetsov S.V., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Regional Economics (St. Petersburg, Russia)
Larichkin F.D., Doctor of Economics, Professor, Director of Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of the RAS (Apatity, Russia)
Maksimtsev I.A., Doctor of Economics, Professor, Rector of the Saint Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)
Putilov A.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean at the Department of Management and Economics of High Technologies of National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russia)
Polterovich V.M., RAS Academician, Head of Laboratory of the Central Economics and Mathematics Institute (Moscow, Russia)
Chukreev Yu.Ya., Doctor of Technical Sciences, Director of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
Sztompka, P., Professor, Dean at the Department of Theoretical Sociology of the Jagiellonian University (Kraków, Poland)
Zhang Shuhua, Doctor, Professor (Beijing, China), Deputy Director of the Center for Documentary and Information of the Chinese Academy of Social Sciences
Wu Enyuan (Beijing, China), Professor, the Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies of the Chinese Academy of Social Sciences
Afanasyev D.V., Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Rector of Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)

Chief Editor - V.A. Ilyin

Editorial Board:

Doctor of Economics, Professor L.A. Anosova, Doctor of Economics, Professor A.G. Vorobyov,
Doctor of Economics, Professor E.S. Gubanova, Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin,
Doctor of Economics K.A. Gulin (Deputy Chief Editor), Ph.D. in Economics M.F. Sychev (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Philology O.V. Tretyakova (Deputy Chief Editor, Executive Editor),
Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova,
Ph.D. in Economics G.V. Leonidova, Ph.D. in Economics S.V. Terebova

*All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review.
Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

ISSN 1998-0698

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© ISED T RAS, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А.* Проблемы перехода к новому этапу российской государственности 9
- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 20

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- Романова О.А., Сиротин Д.В.* Новый технологический облик базовых отраслей
промышленных регионов РФ 27
- Гулин К.А.* Межрегиональное сотрудничество в формирующемся Евразийском
экономическом пространстве 44

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Морев М.В.* Опыт региональных социологических исследований 54
- Кабанов В.Н.* Оценка эффективности государственных инвестиций
в увеличение продолжительности жизни 75
- Фокин В.Я.* Классификация муниципальных образований региона по структуре
и уровню доходов и потребительских расходов населения 89

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Гончарова Л.И., Ларичкин Ф.Д., Переин В.Н.* Потенциал техногенного
минерального сырья в России и проблемы его рационального
использования 104
- Мироненко Н.В.* Государственное регулирование развития агропромышленного
комплекса региона: проблемы оценки и совершенствования 118

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

- Верба Ю.С., Иванов И.Н.* Устойчивое развитие и управление проектами:
задачи и результаты интеграции 135

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

<i>Печенская М.А.</i> Исследования функционирования бюджетной системы региона	147
---	-----

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

<i>Третьякова О.В.</i> Рейтинг научных журналов экономических институтов РАН	159
--	-----

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

<i>Чжан Ихун.</i> Изучение интеграции экономики и экологии в провинции Цзянси: подход к устойчивому развитию региона	173
--	-----

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>Шишкина М.А.</i> Влияние особенностей репродуктивного поведения населения Республики Коми на функционирование института родительства	182
<i>Лавриненко П.А., Рыбакова Д.А.</i> Сравнительный анализ региональных различий в сферах здоровья населения, экологии и здравоохранения	198

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

<i>Ласточкина М.А.</i> Научная жизнь: исследование социокультурной модернизации регионов России	211
---	-----

ЮБИЛЕИ

Сычеву Михаилу Федоровичу – 80 лет	223
Требования к оформлению статей	226
Информация о подписке	231

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

- Ilyin V.A.* Issues of Russia's Transition to the New Stage of Its Nation-Building 9
- Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society..... 20

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

- Romanova O.A., Sirotin D.V.* New Technological Shape of Basic Branches
of RF Industrial Regions 27
- Gulin K.A.* Interregional Cooperation in the Emerging Eurasian Economic Space 44

SOCIAL DEVELOPMENT

- Morev M.V.* Regional Sociological Research Experience 54
- Kabanov V.N.* Assessment of the Effectiveness of Public Investment in the Increase
in Life Expectancy 75
- Fokin V.Ya.* Classification of Region's Municipalities by Structure and Level of Incomes
and Consumer Spending 89

BRANCH-WISE ECONOMY

- Goncharova L.I., Larichkin F.D., Perein V.N.* Potential of Technogenic Mineral
Raw Materials in Russia and the Issues of its Rational Use 104
- Mironenko N.V.* State Regulation of the Regional Agricultural Complex Development:
Assessment and Rationalization Issues 118

ISSUES OF ADMINISTRATION IN TERRITORIAL SYSTEMS

- Verba Yu.S., Ivanov I.N.* Sustainable Development and Project Management:
Objectives and Integration Results 135

PUBLIC FINANCE

Pechenskaya M.A. Research in the Functioning of the Regional Budgetary System 147

DISCUSSION PLATFORM

Tret'yakova O.V. Ranking of Scholarly Journals of Economic Institutes of the Russian Academy of Sciences 159

FOREIGN EXPERIENCE

Zhang Yihong. Case Study of Integration of Economy and Ecology in Jiangxi: an Approach to Regional Sustainable Development 173

YOUNG RESEARCHERS

Shishkina M.A. Influence of Reproductive Behavior of the Population of the Komi Republic on the Functioning of the Institute of Parenthood 182

Lavrinenko P.A., Rybakova D.A. Comparative Analysis of Regional Differences in Healthcare, Environment, and Public Health 198

SCIENTIFIC REVIEWS. OPINIONS

Lastochkina M.A. Scientific Life: Research in Socio-Cultural Modernization of Russian Regions 211

ANNIVERSARIES

Mikhail Fedorovich Sychev Celebrates His 80th Birthday 223

Requirements to Manuscripts 226

Subscription Information..... 231

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc/2015.5.41.1
УДК 338(470), ББК 65.050.11(2Рос)

© Ильин В.А.

Проблемы перехода к новому этапу российской государственности

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ilin@vscc.ac.ru

После распада Советского Союза Россия оказалась в ситуации, когда были разорваны все существовавшие связи между союзными республиками, резко ухудшились национальные отношения, обострились социальные последствия политического и экономического кризиса, что повергло в отчаяние миллионы людей и привело к беспрецедентной дифференциации общества на бедных и богатых, к резкому усилению социальной и политической напряженности, всплеску смертности, в том числе от самоубийств, что означало психологическую невозможность россиян адаптироваться к новым условиям существования. По сути уже тогда началась «гибридная война»¹, которая ведется сегодня против России.

¹ Глазьев С.Ю. О внешних и внутренних угрозах экономической безопасности России в условиях американской агрессии: доклад на заседании РАН 29 октября 2014 г. [Эл. рес.]. — Реж. дост.: <http://promportalndg.ru/sergey-glazev-o-voynakh-i-vnutrennih-ugrozah-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossii-v-usloviyah-amerikanskoy-agressii/>

Новый этап российской истории многие связывают с последствиями «крымской весны» (когда Крым и Севастополь вошли в состав Российской Федерации) и успешными действиями Президента во внешней политике (прежде всего по отношению к США и конфликтам в Украине и Сирии). Однако, на наш взгляд, он начался еще в 2000 году, когда в результате компромиссных решений различных политических сил на пост Президента РФ был избран В.В. Путин² и стали преодолевать деградационные процессы в экономике и в экстренном порядке ликвидироваться глубокие последствия «лихих 90-х».

² И.о. Президента РФ В. Путин стал 31 декабря 1999 г. в связи с досрочным уходом Б.Н. Ельцина в отставку; 26 марта 2000 г. В. Путин одержал победу на президентских выборах, набрав более 52% голосов избирателей; 7 мая он официально вступил в должность главы государства.

Период стабилизации политической и экономической ситуации позволил российскому обществу накопить критическую массу в ожидании перемен, соотнести проникшие в 90-х годах западные ценности с собственным менталитетом. На наш взгляд, это была крайне важная и неотъемлемая часть нового этапа российской государственности.

Со временем курс на стабилизацию стал всё меньше удовлетворять потребностям населения — обществу требовались новые идеи и конкретные шаги, которые позволяли бы гордиться страной, так же как когда-то люди гордились достижениями СССР — реально действовавшими в государстве механизмами социальной защиты, выдающимися достижениями в науке, спорте, искусстве. И, конечно, победой в Великой Отечественной войне и вкладом советских ученых в освоение космоса³.

Признаки «назревания» потребности в национальной идентичности в постсоветском обществе отчетливо проявились в 2007 г., когда В. Путин произнес речь на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (февраль 2007 г.). В ней Президент РФ впервые «продемонстрировал принципиальную волю России как планетарной геополитической силы участвовать в формировании будущего мироустройства»⁴.

³ По данным ВЦИОМ за 2007 г. «подавляющее большинство россиян восхищается подвигами героев Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (93%), советских конструкторов, запустивших в 1957 г. первый искусственный спутник Земли (84%) и отправивших в 1961 г. в космос первого человека (91%)» (источник: ВЦИОМ: Россияне гордятся героями войны и покорителями космоса [Эл. рес.] // Официальный сайт РБК. — Реж. дост.: <http://top.rbc.ru/society/19/01/2007/99081.shtml>

⁴ Дугин А. Эхо «мюнхенской речи». Президент Путин вступил на путь геополитической революции [Эл. рес.]. — Реж. дост.: <http://oko-planet.su/politik/politikrus/230532-aleksandr-dugin-eho-myunhenskoy-rechi-prezident-putin-vstupil-na-put-geopoliticheskoy-revolyucii.html>

Можно считать, что вторым шагом стала речь В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» в сентябре 2013 г. **Это была «первая масштабная попытка властей РФ сформулировать новую политическую идеологию для России после распада Советского Союза, а также рассмотреть в критическом ключе вопрос о ценностях, которые должны лечь в основание новой российской идентичности, Евразийского мира и международных отношений»⁵.**

После этого внимание общественности было приковано к таким событиям, как успешное выступление российской сборной на Олимпийских играх в Сочи (февраль 2014 г.), вхождение в состав России Крыма и Севастополя (март 2014 г.), развязанная украинскими властями вооруженная агрессия против населения Донбасса. Все эти события не могли не сработать на усиление консолидации самых разных слоев социума и приверженцев самых разных политических точек зрения.

Сплотила людей не только идея возрождения «русского мира» и восстановления статуса России как одного из главных центров многополярного мироустройства. Консолидации общества способствовали конкретные действия, предпринятые Президентом по «возвращению в родную гавань»⁶ Крыма и Севастополя, а также успешное решение российскими властями сложнейшей задачи по реализации в кратчайшие сроки мегапроекта по

⁵ Махмудов Р. Валдайская речь Владимира Путина: критический анализ [Эл. рес.] // Информационный портал <http://www.12news.uz/>. — Реж. дост.: <http://www.12news.uz/news/2013/09/30/валдайская-речь-владимира-путина-кри/>

⁶ Стенограмма выступления В.В. Путина на митинге «Мы вместе!» в поддержку принятия Крыма в состав Российской Федерации 18 марта 2014 г. [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента России. — Реж. дост.: <http://kremlin.ru/events/president/news/20607>

строительству спортивной, транспортной, туристической инфраструктуры в рамках организации Олимпийских игр в Сочи.

В середине 2010-х многие ученые стали говорить о том, что Россия находится на пороге нового этапа в своем развитии: после долгого, почти 15-летнего периода ожидания «новая возрождающаяся» Россия наконец-то осуществила переход в свой новый век — «светлый и жизнеутверждающий»⁷.

Новый этап российской истории во многом связан с событиями, происходящими на мировой арене. В этом и заключается реализация потребности общества в национальной идентичности и возвращении былого величия СССР, который на закате своего существования являлся второй сверхдержавой мира.

Следует отметить, что регулярно вспыхивающие в последние годы вооруженные конфликты лишь «подливают масла в огонь» международных отношений, в то время как сам «огонь» связан прежде всего с отчаянными попытками отдельных стран не утратить «право» на «экспорт социальных экспериментов, попытки подстегнуть перемены в тех или иных странах, исходя из своих идеологических установок»⁸. Ирак, Афганистан, Югославия, Ливия, Украина, Сирия — к вооруженным конфликтам на всех этих территориях были причастны США, несущие в мир так называемые «демократические ценности», не задумываясь при этом, что нарушают элементарные законы международного права — права на государственный суверенитет. Сталкиваясь с

перенакоплением капитала в финансовых пирамидах и устаревших производствах, а также с утратой рынков сбыта своей продукции и падением доли доллара в международных транзакциях, США пытаются удержать лидерство за счет развертывания мировой войны с целью ослабления как конкурентов, так и партнеров⁹.

На 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН В. Путин достаточно четко обрисовал последствия, к которым может привести подобная стратегия выстраивания взаимоотношений с международными партнерами: «Достаточно посмотреть на ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке... Агрессивное внешнее вмешательство привело к тому, что вместо реформ государственные институты да и сам уклад жизни были просто бесцеремонно разрушены. Вместо торжества демократии и прогресса — насилие, нищета, социальная катастрофа, а права человека, включая и право на жизнь, ни во что не ставятся»¹⁰. Президент России подчеркнул, что подобное поведение представляет собой попытки расшатать авторитет и легитимность ООН, что является крайне опасным и может привести к обрушению всей архитектуры международных отношений.

Кроме того, В. Путин открыто заявил, что в целях противодействия распространению терроризма Россия осуществляет военно-техническую помощь Ираку, Сирии и другим странам региона, ведущим борьбу с террористическими группировками. Последующая военная операция

⁷ Осипов Г.В. Не упустить представившийся шанс! // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. — М: ИСПИ РАН, 2014. — С. 17.

⁸ Стенограмма выступления В.В. Путина на пленарном заседании юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. — Реж. дост.: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>

⁹ Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России: доклад на заседании Совета безопасности 15.09.2015 [Эл. рес.] // Бизнес Online: деловая электронная газета. — 2015. — 15 сент. — Реж. дост.: <http://www.business-gazeta.ru/article/140998/>

¹⁰ Стенограмма выступления В.В. Путина на пленарном заседании юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. — Реж. дост.: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>

российской авиагруппы в Сирии в ответ на официальный запрос сирийского президента Башара Асада показала, что Россия не намерена ограничиваться в борьбе с терроризмом одними лишь призывами к созданию международной коалиции. Она готова к реальным действиям на легитимных основаниях.

Таким образом, если выступление В. Путина в Мюнхене в 2007 г. было заявкой на придание России статуса одного из центров многополярного мироустройства, то спустя 8 лет, как следует из речи Президента РФ на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2015 г., уже очевидно, что за каждым из его концептуальных посылов стоят конкретные действия или, по крайней мере, — реальная готовность к ним. Вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, твёрдая позиция главы государства по украинскому и сирийскому вопросам, выстраивание взаимоотношений с зарубежными партнерами сообразно внутреннему пониманию идеологического развития, которое поддерживает подавляющее большинство населения страны, осуществление международной

политики с позиции равноправного партнера (где-то «на грани фола», но всегда в рамках международного права) — все эти факты реализуют потребность российского общества в национальной идентичности и, пожалуй, являются главным элементом в существующей на сегодняшний день поддержке Президента.

Не случайно, что, по мнению населения, наиболее успешно глава государства справляется именно с «укреплением международных позиций России» (таблица). Позицией страны на международной арене, по данным опросов ИСЭРТ РАН, гордится 56% населения, военной мощью — 73%.

Однако если внешняя политика государства становится тем консолидирующим моментом, который объединяет представителей самых разных политических сил и находит поддержку в различных слоях российского общества, то внутренние противоречия, которыми характеризуется крайне низкий уровень управления в социально-экономической системе, пока что лишь в начале своего разрешения и по-прежнему делают ее неэффективной.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами? (в % от числа опрошенных)

Показатель	2000	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Изменение, +/- 2015 г. к		
											2000	2007	2014
Укрепление международных позиций России													
Успешно	42,3	58,4	55,1	49,5	49,9	46,2	43,1	45,6	50,4	51,4	+9	-7	+1
Не успешно	30,9	24,9	23,7	30,4	29,3	33,7	37,9	36,2	32,4	31,2	0	+6	-1
Наведение порядка в стране													
Успешно	31,4	53,2	48,2	39,1	41,1	36,6	35,4	39,4	48,0	50,1	+19	-3	+2
Не успешно	49,2	34,0	34,2	43,5	42,5	50,0	50,7	47,5	39,1	37,9	-11	+4	-1
Защита демократии, укрепление свобод граждан													
Успешно	23,5	44,4	39,9	36,7	36,3	32,4	28,8	31,8	37,5	40,3	+17	-4	+3
Не успешно	43,8	37,0	35,9	41,5	42,6	48,3	52,3	51,0	45,4	41,0	-3	+4	-4
Подъем экономики, рост благополучия граждан													
Успешно	25,6	47,2	36,7	31,6	33,5	30,7	28,5	31,3	34,8	34,8	+9	-12	0
Не успешно	52,9	39,1	46,0	52,4	51,6	56,1	57,9	56,8	53,4	51,6	-1	+13	-2

Еще в конце 80-х — начале 90-х гг. в России была создана система управления, называемая экспертами «олигархически-компрадорской», «усугубляющей драматический системный кризис, ведя его ко внутривластному»¹¹.

Глубокая структурная перестройка экономики на основе принципиально новых технологий и новых механизмов воспроизводства капитала — естественный процесс при смене технологических укладов и вековых циклов накопления, который и обуславливает в настоящее время эскалацию международной военно-политической напряженности. Для преодоления критической внешней зависимости от импорта иностранной техники необходимы крупномасштабные программы импортозамещения, сбалансированные по материальным, финансовым и трудовым ресурсам. Это невозможно сделать в рамках существующей системы регулирования экономики, в которой утрачены методы планирования, включая составление балансов, целевого программирования, научно-технического прогнозирования, системного проектирования¹².

Сросшиеся интересы бюрократии и бизнеса создают глубоко несправедливое государство, в котором происходит перераспределение важнейших ресурсов от групп, ориентированных на модернизацию общества, к верхушке, стремящейся к безграничному личному обогащению.

¹¹ Губанов С.С. Компрадорский режим держится на волоске истории: интервью С.С. Губанова газете «Бизнес Online» от 24.02.2015 // Официальный сайт газеты «Бизнес Online». — Реж. дост.: <http://www.business-gazeta.ru/article/126419/>

¹² Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России: доклад на заседании Совета безопасности 15.09.2015 // Бизнес Online: деловая электронная газета. — 2015. — 15 сент. — Реж. дост.: <http://www.business-gazeta.ru/article/140998/>

К сожалению, вся иерархия исполнительной власти, включая действующее Правительство России, продолжает осуществлять либеральный курс, сдерживающий переход страны на рельсы, обеспечивающие реальное продвижение к современной динамичной и эффективной экономике. «Те, кто в свое время развалил Советский Союз, не исчезли, не сошли еще с исторической сцены. Конечно, кто-то уехал, кто-то умер, кто-то осознал свою ошибку и теперь занимается искуплением исторической вины. Но многие из них остались во власти»¹³.

В мае 2015 г., подводя итоги деятельности Правительства за три года (половину конституционного срока), Председатель кабинета министров Д.А. Медведев наглядно продемонстрировал оторванность взглядов российских чиновников от реальной действительности¹⁴. Точно так же можно охарактеризовать его сентябрьскую статью «Новая реальность: Россия и глобальные вызовы», которая, по сути, является продолжением статьи «Россия, вперед!» и в которой премьер-министр «уходит от разговора об истинных причинах проблем в экономике... защищает и обосновывает непопулярные меры и реформы в образовании, здравоохранении, пенсионной системе... при этом явная слабость текста — в недоговоренности, в нежелании (или невозможности) быть с аудиторией до конца откровенным»¹⁵.

¹³ Поляков Ю.М. О пространстве русской культуры [Эл. рес.] // Официальный сайт Изборского клуба. — Реж. дост.: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1280/>

¹⁴ Д. Медведев удивил россиян своим взглядом на экономику // Независимая газета. — 2015. — № 101. — 25 мая.

¹⁵ Ремчуков К.В. Россия, вперед! Часть вторая: в своей антикризисной статье премьер-министр уходит от разговора об истинных причинах проблем в экономике // Независимая газета. — 2015. — № 206. — 25 сент.

На протяжении последних лет оценка экономической ситуации со стороны Правительства шла вразрез с точкой зрения экспертов¹⁶. В то время как Правительство констатировало «очень хорошие изменения, изменения к лучшему»¹⁷, эксперты

¹⁶ Некоторые примеры:

«Россия занимает первое место в мире среди крупных стран по неравенству распределения богатства. В странах с социал-демократической традицией (Скандинавия, Германия) коэффициент фондов составляет 3–7 раз. В России в 1991 г. он составлял 4,5 раза, в 2014 г. — 16 раз по официальной статистике и от 25 до 40 раз по экспертным оценкам (с учетом скрытых доходов). При этом предельно критическим соотношением доходов крайних 10% наиболее и наименее обеспеченных групп населения считается 10 к 1. Численность россиян с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в I квартале 2015 г. достигла 23 млн. человек и, судя по прогнозу инфляции и доходов населения, может увеличиться еще на треть» (источник: Глазьев С.Ю. Запредельное неравенство. Политика государства противоречит интересам населения [Эл. рес.] // Завтра: газета. — 2015. — № 29 (1130). — 23 июля. — Реж. дост.: <http://zavtra.ru/content/view/zapredelnoe-neravenstvo/>)

«...Можно утверждать, что в 2014 г. мы ощутили только частичное влияние антироссийских мер, годом санкций станет 2015 год. В 2014 г. ухудшились многие показатели: инвестиции, рекордная девальвация рубля, начиная с 2012 г. стала ускоряться инфляция. Произошло ухудшение социально-экономической ситуации в целом. В отличие от кризиса (2008 г. — В.И.), это не кратковременный, а долгосрочный процесс, поэтому восстановление предсказать невозможно» (источник: Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России: итоги и перспективы, санкции (материалы открытого семинара) [Эл. рес.] // Новости на официальном сайте РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. — Реж. дост.: <http://www.emba.ranepa.ru/novosti/seminar-abela-gezevicha-aganbegyana-abel-aganbegyan-naibolshiy-uscherb-ot-sanktsiy-zhdet-rossiu-v-2015-g>)

«Шоки 2014 г. обострили проблемы, накопившиеся за четверть века. В начале 2015 г. — проседание отдельных отраслей, экспорта-импорта на десятки процентов. Убытки реального сектора и банков — в целом по стране. Ожидаемая динамика — стабилизация на более низком уровне, как после инсульта, новые скачки рубля, пространство неопределенности и риски. Слабые ответы на вызовы (антикризисный план), при том что внешние факторы действуют с той же силой и негативно. Итог — экономика, находящаяся на наклонной траектории» (источник: Миркин Я.М. Внезапный поворот [Эл. рес.] // Журнал новой экономической ассоциации. — 2015. — № 2 (26). — С. 197).

¹⁷ Интервью Дмитрия Медведева телеканалу «Россия» 23 мая 2015 [Эл. рес.] // Новости на официальном сайте Правительства РФ. — Реж. дост.: <http://government.ru/news/18220/>

прогнозировали «ощутимое снижение уровня и качества жизни для большинства населения... откат российского общества по уровню бедности на 10 лет назад»¹⁸.

Причем ссылка на то, что всему виной несовершенство методологии Росстата, постепенно теряет свою значимость, то есть понимание Правительством экономической ситуации в стране — не ошибка, а сознательная стратегия. В середине 2014 г. главный редактор журнала «Экономист» С.С. Губанов говорил о том, что несовершенство статистики — это не вина, а беда Росстата¹⁹. В начале 2015 г. он был значительно более категоричен в своей оценке: «Ложь возведена в систему. В свою очередь, ошибочные, искаженные аналитические данные ведут к заведомо неправильным государственным решениям, лишь усугубляющим тяжесть ситуации»²⁰.

Однако реальность неумолима, и сегодня она, что называется, «приперла к стенке» чиновников, вынудив их «признать ущербность своих экономических расчетов»²¹. Правда, с экранов телевизо-

¹⁸ Глазьев С.Ю. Запредельное неравенство. Политика государства противоречит интересам населения [Эл. рес.] // Завтра. — 2015. — № 29 (1130). — 23 июля. — Реж. дост.: <http://zavtra.ru/content/view/zapredelnoe-neravenstvo/>

¹⁹ «Тот якобы наноприрост, в который верит Кремль, получен чисто статистическими уловками...Если ряды искажены, то наука лишается мощного аналитического инструментария для сравнения...Минус 0,7 процента, а в долларом выражении падение больше — примерно на 1,2 процента. Вместо спада был статистически нарисован лиловый рост...Итоги 2014 года подправлены уже тоньше — уменьшением дефлятора. Минус 1,5 процента превращены в плюс 0,6 процента. Подобная манера макроэкономического очковтирательства, пожалуй, единственная новация, которую привнес Улюкаев в работу Министерства экономического развития» (источник: Интервью проф. Губанова о причинах стагнации российской экономики, 30 июня 2014 г. [Эл. рес.] // Информационный центр aftershock. — Реж. дост.: <http://aftershock.su/?q=node/240304>)

²⁰ Губанов С.С. Компрадорский режим держится на волоске истории [Эл. рес.]. — Реж. дост.: <http://www.business-gazeta.ru/article/126419/>

²¹ В правительстве признали ущербность экономических расчетов // Независимая газета. — 2015. — 22 сент.

ров по-прежнему звучат высказывания о том, что «ситуация стала жестче, но ничего страшного не произошло»²² и что «при любом развитии событий социальные обязательства как выполнялись, так и будут выполняться»²³ (хотя при этом планируется усилить принцип адресной социальной поддержки наиболее уязвимых категорий населения, а это, по мнению экспертов, – «эвфемизм, призванный смягчить удар от того, что будет, возможно, заморожена индексация пенсий, повышен пенсионный возраст»²⁴).

В позициях Правительства вновь возникает противоречие: соглашаясь с экспертами в том, что экономика находится в критическом состоянии, людям сообщается о ее позитивных итогах. Более того, «если прислушаться к заявлениям представителей финансового блока правительства, да и других уважаемых личностей российской экономики, то можно отметить один примечательный факт: практически все они видят будущее в слабом рубле, а крепкий рубль, наоборот, был одним из тех факторов, которые мешали российской экономике идти вперед»²⁵.

«Общепризнанный постулат проводимой в России экономической политики состоит в том, что она исходит из догматических, ложных и вредных представлений о пользе автоматического действия механизмов рыночной самоорганизации и невмешательстве государ-

ства в вопросы регулирования. Опирающаяся изначально на неверные посылы политика современных монетаристов и монетаризма уже привела к экономической стагнации, рецессии, лишила экономику перспектив и импульсов развития... На фоне деградации национальной экономики благосостояние проводников этой политики и ее бенефициаров – офшорной олигархии – растет»²⁶.

Кроме того, за последние годы качество государственного управления характеризуется многочисленными фактами коррупции, о чём свидетельствует череда расследований в отношении руководителей «Роснано», «Сколково», «Оборонсервиса»; аресты губернаторов В.А. Юрченко, С.А. Боженова, Н.В. Денина, А.В. Хорошавина, В.М. Гайзера, вице-губернаторов В.А. Лукоянова, А.С. Иванова, Н.Д. Сандакова, В.А. Нечаева и др. Существуют еще «сотни менее громких дел в отношении чиновников правительств, депутатов, градоначальников, которые не видны поверхностным взглядом с федерального уровня... Во многих случаях представители этого «кумовского клубка» прибегают к защите своих покровителей в Москве, уголовные дела стопорятся после вмешательства определенных влиятельных лиц»²⁷.

В силовых структурах создано специальное подразделение по борьбе с коррупцией. Так же как в 30-е – 40-е гг., это «обусловлено жесткой необходимостью чистки элит в условиях угрозы войны... На местах были партийные царьки, бывшие боевики гражданской войны, которых надо было ставить на место, а элиты – чистить, причем очень быстро»²⁸.

²² Глава ВТБ А. Костин (Новости «Россия 24») [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.vestifinance.ru/videos/23936>

²³ Новости ОРТ (Медведев на Международном инвестиционном форуме в Сочи) [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.ltv.ru/news/economic/293401>

²⁴ Владимир Путин отходит на вторую линию обороны. Президент теряет контроль над дефицитом бюджета [Эл. рес.] // Независимая газета. – 2015. – 23 сент. – Реж. дост.: http://www.ng.ru/economics/2015-09-23/4_putin.html

²⁵ Почему крепкого рубля больше не будет [Эл. рес.] // Информационный портал «Вести» от 02.10.2015. – Реж. дост.: <http://www.vestifinance.ru/articles/62986>

²⁶ Глазьев С.Ю. Нищета и блеск российских монетаристов. Часть 1 // ЭНСР. – 2015. – № 2. – С. 7-8.

²⁷ Тихонов С. Хотели посадок? [Эл. рес.] // Эксперт. – 2015. – № 40 (959). – 28 сент. – Реж. дост.: <http://expert.ru/expert/2015/40/hoteli-posadok/>

²⁸ Там же.

Сегодня обвинения выдвигаются уже не отдельным лицам, а организованным группам, что свидетельствует о глубоком морально-нравственном разложении элит. Операции по разоблачению противоправных действий управленческой элиты имеют широкий общественный резонанс и являются фактором роста доверия силовым структурам.

По данным Левада-Центра, уровень доверия органам государственной безопасности за период с 2014 по сентябрь 2015 г. возрос с 46 до 50%, полиции — с 21 до 29%. За этот же период доля россиян, доверяющих Правительству РФ, снизилась с 46 до 45%.

По данным социологических опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, за период с февраля 2014 по октябрь 2015 г. уровень доверия Федеральной службе безопасности возрос с 36 до 40%, полиции — с 35 до 41%, в то время как доверие органам власти не изменилось: Правительство РФ — 48–49%, Совет Федерации — 40%, Государственная Дума — 33–35%, руководство области — 36–37%. Среди всех государственных институтов уровень доверия увеличился только по отношению к Президенту РФ (с 57 до 60%), что, безусловно, связано с его стратегией международной политики.

Однако, как отмечают эксперты, ориентация денежных властей на обслуживание интересов валютно-финансовых спекулянтов и офшорную олигархию ежедневно усиливает противоречия между властвующей элитой и народом, доводя их до состояния антагонистических. Это подрывает доверие населения к институтам государственной власти, ослабляя две ее опоры — бюрократию и правоохранительные органы²⁹. Непоследовательность

²⁹ Глазьев С.Ю. Запредельное неравенство. Политика государства противоречит интересам населения [Эл. рес.] // Завтра. — 2015. — № 29 (1130). — 23 июля. — Реж. дост.: <http://zavtra.ru/content/view/zapredelnoe-neravenstvo/>

действий отмечается и в том, что наказание виновных длится ровно столько, сколько к очередному делу приковано внимание общественности³⁰. Многие люди, принимающие, мягко говоря, «неэффективные» управленческие решения, остаются на руководящих постах в течение десятилетий, в течение всего своего «продуктивного» пути и лишь меняют названия организаций, партий, в которых работают³¹.

Таким образом, в настоящее время Россия находится на развилке своего развития. При переходе к новому этапу российской государственности возникают комплексные, системные проблемы, которые не позволяют экспертам давать однозначно позитивные прогнозы³².

Вызовы, с которыми сталкивается страна на современном этапе своей истории, находятся в двух плоскостях.

Во-первых, это *международные отношения*, в которых Россия играет всё более важную роль и которые становятся всё более напряженными вследствие регулярно вспыхивающих вооруженных конфликтов.

³⁰ См., например, ситуацию вокруг содержания под стражей Е. Васильевой (источник: Максимов А. Женечка в стоге сена [Эл. рес.] // Завтра. — 2015. — № 32. — 13 авг. — Реж. дост.: <http://zavtra.ru/content/view/zhenechka-v-stogesen/>; Максимов А. Комедия строгого режима [Эл. рес.] // Завтра. — 2015. — № 35. — 3 сент. — Реж. дост.: <http://zavtra.ru/content/view/komediya-strogo-rezhima/>)

³¹ См., например, Делягин М. Безграмотный рифмоплет [Эл. рес.] // Завтра. — 2015. — № 37. — 17 сент. — Реж. дост.: <http://zavtra.ru/content/view/bezgramotnyj-rifmoplyot/>; Делягин М. Отличный трюк [Эл. рес.] // Завтра. — 2015 — № 33. — 20 авг. — Реж. дост.: <http://zavtra.ru/content/view/zurabov/>

³² По мнению Г.В. Осипова, последствия событий 2014 г. (в первую очередь — присоединение Крыма) «могут стать судьбоносными для нашей страны и ознаменоваться как новым духотворным и экономическим подъемом, так и унынием разочарования и глубочайшим упадком всего и вся» (источник: Осипов Г.В. Не упустить представившийся шанс! // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. — М: ИСПИ РАН, 2013. — С. 12.).

Во-вторых, это сложившаяся на сегодняшний день *система государственного управления*, которая, по мнению экспертов, «несовместима с жизненными интересами производственной сферы и населения»³³ и становится непреодолимым препятствием в построении эффективного взаимодействия государства и общества³⁴.

Наблюдается критическое отставание внутренней политики от достижений на мировой политической арене. Действия Президента имеют очевидные успехи в плане усиления международного статуса России. Однако либеральное крыло Правительства сдерживает решение задач национальной безопасности в XXI в. Из этой конфликтной ситуации существуют даже не два, а три принципиальных выхода: «революция сверху», «революция снизу» и «революция извне». Учитывая масштабы и значение России в мировом разделении труда, надеяться на то, что «всё как-нибудь само собой рассосётся», не приходится»³⁵.

³³ Глазьев С.Ю. Запредельное неравенство. Политика государства противоречит интересам населения [Эл. рес.] // Завтра. — 2015. — № 29 (1130). — 23 июля. — Реж. дост.: <http://zavtra.ru/content/view/zapredelnoe-neravenstvo/>

³⁴ «Смена приоритетов деятельности невозможна без смены всей системы ценностей, а в этом отношении Россия сегодня категорически расколота на власть и собственность, имущее меньшинство (максимум 10% населения) и гигантское неимущее большинство (свыше 90% населения). Первое исповедует западные либеральные ценности, обеспечивая свободный и беспрепятственный «трансфер» российских активов и ресурсов на Запад, второе — инерционно исповедует традиционные ценности русской цивилизации, пока лишено практически любых форм участия в структурах власти и собственности» (источник: Коньков Н., Нагорный А. Глазьев и план революции сверху: вокруг доклада «О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России» [Эл. рес.] // Завтра. — 2015. — 24 сент. — Реж. дост.: <http://zavtra.ru/content/view/glazev-i-plan-revoljutsii-sverhu/>)

³⁵ Там же.

Что касается самих россиян, то их ожидания можно охарактеризовать как «сдержанно тревожные». Почти половина из них отличается негативным социально-психологическим самочувствием (четверть ощущает чувство тревоги, каждый пятый испытывает апатию, раздраженность, реже — озлобленность)³⁶. **«Граждане осознают тяжесть ситуации в экономике и не верят, что власть в состоянии вывести страну из кризиса. Но те же граждане поддерживают внешнюю политику власти, которая вернула державе величие»**³⁷.

Характеризуя сложившуюся ситуацию, можно провести аналогию с общественно-культурной трансформацией, которая, по мнению академика РАН В.М. Полтеровича, происходит во всем мире: от коллективизма к индивидуализму и далее к коллаборативности; от централизма — к конкуренции и сотрудничеству, от социализма — через либерализм к «философии сотрудничества»³⁸.

Как при коммунистическом режиме в СССР господствовал централизм и коллективизм, как после его распада царил конкуренция и индивидуализм «лихих 90-х», так сегодня речь идет о коллаборативности и «философии сотрудничества», то есть об умеренном, но, при этом,

³⁶ Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном): информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / ИС РАН. — М., 2015. — С. 4.

³⁷ Граждан не волнует рост бедности. Внутренние проблемы страны выведены из политической повестки [Эл. рес.] // Ведомости: газета. — 2015. — 14 июня. — Реж. дост.: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/06/15/596296-grazhdan-ne-volnuet-rost-smertnosti-i-bednosti>

³⁸ Полтерович В.М. От социального либерализма к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. — 2015. — № 4. — С. 45.

необходимом вмешательстве государства в управление экономическими и социальными процессами³⁹.

Готовность к сотрудничеству является неотъемлемым принципом решения международных проблем. Об этом регулярно заявляют лидеры всех стран, хотя не все из них проявляют эту готовность в конкретных обстоятельствах и в конкретных действиях. Что касается внутренней политической жизни, то на этом фронте разногласий гораздо больше. Объявив курс на сближение с обществом⁴⁰, власть ограничивается декларативным характером сотрудничества: обещаниями, прогнозами, ничем не подкрепленными заявлениями.

³⁹ «В отличие от конкуренции, неизбежно ведущей к параллельному использованию ресурсов для достижения взаимоисключающих целей и, следовательно, к их непроизводительному расходованию, сотрудничество предполагает гармонизацию усилий... Возрастание роли институтов сотрудничества — естественный результат технологической, культурной и институциональной эволюции... Описываемая трансформация ведет к повышению эффективности институтов как с общественной, так и с индивидуальной точек зрения: уменьшается сфера принуждения, неизбежно порождаемая как институтами власти, так и институтами неограниченной конкуренции; цели взаимодействия достигаются с меньшими издержками. Речь идет не только о материальных, но и о социально-психологических («моральных») издержках: наблюдаемая эволюция расширяет возможности для осуществления взаимодействий в рамках моральных норм, широко признанных в современных обществах» (источник: Полтерович В.М. От социального либерализма к философии сотрудничества // *Общественные науки и современность*. — 2015. — № 4. — С. 45.).

⁴⁰ На наш взгляд, государство окончательно и бесповоротно «встало на рельсы» сотрудничества с обществом, открыто предложило ему участвовать в решении внутренних проблем в качестве полноправного субъекта. Это произошло, когда появился Общероссийский народный фронт (2011 г.); когда на самых высоких этажах власти стали говорить о том, что «главный критерий в оценке результативности работы власти — мнение людей» (выступление Президента РФ В.В. Путина в октябре 2012 г. на видеоконференции, посвященной эффективности работы органов исполнительной власти субъектов РФ); когда оценка населением вошла в Перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ (Указ Президента РФ от 21 августа 2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»).

Всё это напоминает скорее имитацию сотрудничества, которое Ж.Т. Тощенко охарактеризовал как «подмену деятельности во всех ее проявлениях», «плод деятельности (сознательной или неосознанной), когда создаются искусственные условия процессов и явлений, предназначенных для достижения специфических (корыстных), мнимо общественно значимых, групповых и корпоративных целей», «результат отсутствия четкой стратегической цели и научной базы, процветающий в тех условиях, когда нет устойчивой обратной связи с народом, когда не считаются с его мнением, не советуется с ним, а предлагают ему руководствоваться решением функционеров, которые стоят у власти». Именно имитация, по мнению академика РАН, служит причиной социальной апатии, недоверия власти, низкой избирательной активности и в целом аномии общества⁴¹.

Как известно, крепость цепи определяется ее слабым звеном. И поскольку «идейная власть находится всё в тех же руках, ничего полезного от этих людей ждать уже нельзя, они препятствуют движению вперед, сегодня нужна новая парадигма, нужны новые идеи, как обустроить страну, нужны новые люди — носители этих идей»⁴².

По мнению главного редактора журнала «Эксперт» В.А. Фадеева, «нет никаких сомнений, что в ближайшее время новая политическая конфигурация, которая обеспечит рывок, будет создана»⁴³. Однако прошло уже более двух лет и никаких изменений в решении этой задачи не наблюдается, а поводов для оптимизма становится всё меньше и меньше.

⁴¹ Тощенко Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация // *Социологические исследования*. — 2012. — № 12. — С. 23-35.

⁴² Выйти из бреда [Эл. рес.] // *Эксперт*. — 2013. — № 19. — 13–19 мая. — Реж. дост.: <http://expert.ru/expert/2013/19/vyjiti-iz-breda/>

⁴³ Там же.

Очевидно, что без избавления от ключевых проблем «внутри страны, в своём собственном доме»⁴⁴ результаты, достигнутые на международной политической арене, не могут иметь прочного фундамента, поэтому сегодня, на развилке нового этапа российской истории главная задача, которая стоит перед обществом, наукой и властью, — это приведение макроэкономической политики «в соответствие с общепринятым пониманием принципов социальной справедливости и правды, а также

в интересах развития производственной сферы»⁴⁵; повышение эффективности государственного управления в целях структурной перестройки экономики на принципах вертикальной интеграции, организации решительной борьбы с метастазами коррупции, обеспечения реальных действий по сокращению дикого социального неравенства, всего того, что реально препятствует реализации президентской программы и осложняет проведение независимой суверенной политики.

Сведения об авторе

Владимир Александрович Ильин — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Института социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ilin@vscc.ac.ru)

Ilyin V.A.

Issues of Russia's Transition to the New Stage of Its Nation-Building

Vladimir Aleksandrovich Ilyin — Doctor of Economics, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Director, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, ilin@vscc.ac.ru)

⁴⁴ В ходе «прямой линии» в апреле 2015 г. Президент РФ отметил также: «Санкции санкциями, они, конечно, вносят свой вклад в наши сложности, но это всё-таки не главное» (источник: Стенограмма «прямой линии» с Президентом РФ В.В. Путиным от 16 апреля 2015 г. [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. — Реж. дост.: <http://kremlin.ru/events/president/news/49261>).

⁴⁵ Глазьев С.Ю. Запредельное неравенство. Политика государства противоречит интересам населения [Эл. рес.] // Завтра. — 2015. — № 29 (1130). — 23 июля. — Реж. дост.: <http://zavtra.ru/content/view/zapredelnoe-neravenstvo/>

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в августе – октябре 2015 г., а также в среднем за последние 6 опросов (с декабря 2014 по октябрь 2015 г.). Дается сопоставление их с данными за 2013–2014 гг., а также за 2007 (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности) и 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева).

Оценка деятельности власти

В августе – октябре 2015 г. уровень одобрения деятельности Президента незначительно² снизился (с 72 до 69%), однако остается более высоким, чем в 2011–2014 гг.

Удельный вес негативных оценок не изменился и составил 18%, что в целом соответствует среднему значению за последние 12 месяцев.

В среднем за последние 6 опросов поддержка деятельности федеральных органов государственной власти остается более высокой, чем в 2011 – 2014 гг.

Для справки: в целом по стране уровень одобрения деятельности Президента РФ остается стабильным. По данным ВЦИОМ доля положительных оценок составляет 86–87%, отрицательных – 69% (в сентябре – 1 половине октября 2015 г.).

По данным Левада-Центра доля россиян, одобряющих деятельность главы государства, составляет 83–84%, удельный вес отрицательных характеристик – 15–17% (в августе – сентябре 2015 г.).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше.

Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>

² В соответствии с методологией проведения опроса снижение оценки деятельности Президента РФ находится в пределах допустимой погрешности (3%).

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...			
												2014	2013	2011	2007
Президент РФ															
Одобрю	75,3	58,7	55,3	64,1	66,0	66,3	67,5	69,5	72,0	69,3	68,4	+4	+13	+10	-7
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	22,3	19,7	20,5	16,2	16,1	17,8	18,1	18,1	-4	-11	-8	+7
Председатель Правительства РФ*															
Одобрю	-*	59,3	48,9	54,2	56,3	56,1	56,5	59,1	60,7	58,1	57,8	+4	+9	-2	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	27,6	24,7	24,7	20,5	19,5	22,5	21,0	22,2	-5	-11	-3	-
Губернатор															
Одобрю	55,8	45,7	44,4	40,1	39,3	38,3	37,1	40,5	41,5	38,7	39,2	-1	-5	-7	-17
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	38,9	37,0	37,4	37,5	35,4	35,4	36,0	36,5	-2	+3	+6	+14

* Вопрос задается с 2008 г.

Оценка успешности действий главы государства по решению ключевых проблем страны за последние два месяца незначительно снизилась:

- доля жителей области, считающих, что Президент успешно справляется с проблемой наведения порядка в стране, уменьшилась с 52 до 49% (в рамках допустимой погрешности опроса);
- удельный вес людей, положительно оценивающих действия главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан, снизился с 43 до 38%;
- доля тех, кто считает, что глава государства успешно решает задачу подъема экономики и роста благосостояния граждан, уменьшилась с 37 до 32%.

На стабильном уровне остается оценка деятельности Президента по укреплению международных позиций России. На протяжении всего периода с февраля по октябрь 2015 г. удельный вес положительных характеристик составляет 51–52%.

Доля отрицательных суждений по всем вышеуказанным проблемам за последние два месяца не изменилась.

В среднем за последние 6 опросов оценка успешности действий Президента по решению ключевых проблем страны остается более высокой, чем в 2013–2014 гг.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..? * (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...			
												2014	2013	2011	2007
Укрепление международных позиций России															
Успешно	58,4	46,2	45,7	50,4	50,8	50,4	52,7	51,1	52,2	50,7	51,3	+1	+6	+5	-7
Не успешно	24,9	33,7	36,2	32,4	30,3	29,5	28,7	32,5	32,4	33,1	31,1	-1	-5	-3	+6
<i>Индекс успешности**</i>	133,5	112,5	109,5	118,0	120,5	120,9	124,0	118,6	119,8	117,6	120,2	+2	+11	+8	-13
Наведение порядка в стране															
Успешно	53,2	36,6	39,4	48,0	52,1	50,3	50,1	49,9	51,7	48,6	50,5	+3	+11	+14	-3
Не успешно	34,0	50,0	47,5	39,1	35,1	37,3	37,5	38,0	37,9	38,7	37,4	-2	-10	-13	+3
<i>Индекс успешности</i>	119,2	86,6	91,9	108,9	117,0	113,0	112,6	111,9	113,8	109,9	113,0	+4	+21	+26	-6
Защита демократии и укрепление свобод граждан															
Успешно	44,4	32,4	31,8	37,5	40,7	39,5	39,2	42,2	42,6	38,1	40,4	+3	+9	+8	-4
Не успешно	37,0	48,3	51,0	45,4	41,9	40,9	39,9	38,3	41,7	44,3	41,2	-4	-10	-7	+4
<i>Индекс успешности</i>	107,4	84,1	80,8	92,1	98,8	98,6	99,3	103,9	100,9	93,8	99,2	+7	+18	+15	-8
Подъём экономики, рост благосостояния граждан															
Успешно	47,2	30,7	31,3	34,8	37,6	34,4	34,7	36,2	36,6	32,1	35,3	+1	+4	+5	-12
Не успешно	39,1	56,1	56,8	53,4	50,8	51,5	49,9	49,9	52,6	54,3	51,5	-2	-5	-5	+12
<i>Индекс успешности</i>	108,1	74,6	74,5	81,4	86,8	82,9	84,8	86,3	84,0	77,8	83,8	+2	+9	+9	-24

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за последние 6 опросов.
** Для расчёта индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой.

В структуре партийно-политических предпочтений населения за период с августа по октябрь 2015 г. существенных изменений не произошло: поддержка «Единой России» составляет 38–39%, КПРФ – 7%, ЛДПР – 6%, «Справедливой России» – 3–4%.

За последние 6 опросов доля жителей области, считающих, что «Единая Россия» выражает их интересы, увеличилась по сравнению с уровнем 2014 года на 5 п.п. (с 33 до 38%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партия	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2013	2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Среднее за послед- ние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...			
														2014	2013	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	32,8	36,7	38,8	38,2	40,3	38,5	38,0	38,4	+6	+9	+7	+8
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	9,7	8,3	7,7	7,8	6,8	7,1	6,9	7,4	-2	-4	-3	0
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	7,6	7,8	6,7	6,1	5,4	5,9	6,1	6,3	-1	-1	-2	-1
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	3,5	3,2	4,1	3,7	3,3	3,5	3,3	3,5	0	-1	-2	-4
Другая	1,8	–	1,9	–	0,6	0,3	0,1	0,3	0,1	0,2	0,1	0,1	0,2	0	0	-2	-2
Никакая	17,8	–	29,4	–	34,9	34,4	32,7	30,3	31,5	32,5	33,8	32,3	32,2	-2	-3	+3	+14
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	10,2	11,7	11,1	12,0	12,5	11,6	11,1	13,3	11,9	0	+2	-1	-9

В октябре 2015 г. по сравнению с августом отмечаются негативные изменения в динамике показателей социального самочувствия. Тем не менее оценки населения по-прежнему выше, чем в начале года:

- за последние два месяца незначительно (с 73 до 70%) уменьшилась доля жителей области, положительно характеризующих своё настроение (в феврале 2015 г. – 62%);
- удельный вес положительных оценок запаса терпения снизился с 82 до 78% (в феврале 2015 г. – 74%).

Структура социальной самоидентификации остается стабильно низкой с июня 2015 г.: 50% жителей области считают себя «бедными и нищими», 39% – субъективно относят себя к категории людей «среднего достатка».

Индекс потребительских настроений (ИПН), характеризующий прогнозы людей относительно перспектив развития экономики и личного благосостояния, за последние два месяца не изменился и составил 78 пунктов. Это выше, чем в начале 2015 г. (76 п.), и ниже, чем в 2013–2014 гг., когда ИПН составлял 88–90 п.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...			
												2014	2013	2011	2007
Настроение															
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	69,4	70,9	61,8	67,6	69,5	73,1	70,4	68,9	-1	0	+6	+5
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	24,9	24,1	31,3	26,6	24,4	23,5	25,4	25,9	+1	0	-3	-2
Запас терпения															
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	80,8	80,0	74,3	78,9	79,0	82,2	78,2	78,8	-2	-1	+4	+5
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	12,6	13,6	17,3	14,9	14,7	13,3	13,9	14,6	+2	0	-1	+1
Социальная самоидентификация*															
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	43,2	42,3	38,3	36,7	39,4	39,9	39,2	39,3	-4	-5	-4	-9
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	49,1	51,0	53,3	51,6	48,0	50,5	50,2	50,8	+2	+4	+7	+8
Индекс потребительских настроений															
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	87,6	82,3	75,7	73,4	80,1	77,9	77,7	77,9	-10	-12	-12	-28
* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»															

Заключение

Таким образом, в октябре 2015 г. незначительно (в рамках допустимой погрешности опроса) снизились оценки деятельности органов государственного управления, а также удельный вес жителей области, положительно характеризующих своё настроение и запас терпения.

Речь, произнесенная В. Путиным на юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, не произвела на российское общество того эффекта, который в 2013 г. произвело его выступление на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай». Напомним, что тогда Президент озвучил своё концептуальное виденье будущего России, рассуждая о «духовных скрепах» российского народа, о недопустимости однополярного мироустройства, о «русском мире». После этого на волне событий «крымской весны» (когда Крым и Севастополь вошли в

состав Российской Федерации) исследовательские центры (ВЦИОМ, Левада-Центр, ИСЭРТ РАН) неоднократно фиксировали рекордные показатели поддержки Президента среди россиян.

В октябре 2015 г. глава государства, по сути, продолжил развивать концептуальные положения, озвученные им еще в феврале 2007 г. на конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене. Выступая на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, В. Путин расставил все точки над «i» по вопросу о недопустимости однополярного мира и последствиях, к которым может привести диктат доминирующей силы в международных политических отношениях.

Изменения, отмечаемые в октябре 2015 г., на наш взгляд, имеют три причины:

- во-первых, «медленное и долгое» снижение рейтинга Президента прогнозировалось еще в середине 2015 г., поскольку уже тогда этот рейтинг достиг своего «потолка» и дальше ему расти было в принципе некуда³;
- во-вторых, сказывается отсутствие существенных изменений в решении внутренних экономических вопросов. Несмотря на заявления В. Путина о том, что экономические вопросы в его деятельности занимают «как минимум 80% времени, если не больше»⁴, данные статистики и социологических опросов населения свидетельствуют о негативных тенденциях в динамике уровня жизни.

По данным Росстата реальные располагаемые денежные доходы россиян в январе – августе 2015 г. составили 96,9% к соответствующему периоду предыдущего года, реальная заработная плата – 91%. При этом индекс потребительских цен в сентябре 2015 г. составил 100,6% к августу 2015 г. и 100,5% к декабрю 2014 г. В целом доля жителей России с денежным доходом ниже прожиточного минимума в первом полугодии 2015 г. составила 15,1%, в 2014 г. (для сравнения) – 11,2%.

По данным социологических опросов, проведенных в 2015 г., по мнению более чем половины населения (52–54%), Президент РФ неуспешно справляется с проблемой подъема экономики и роста благосостояния граждан; 50–53% считают себя бедными или нищими, большинство прогнозирует ухудшение своего материального положения и экономической ситуации в стране (об этом говорит значение индекса потребительских настроений, которое на протяжении всех опросов 2015 г. составляет 75–77 пунктов, то есть остается ниже уровня в 100 пунктов, что означает преобладание негативных оценок над отрицательными).

На фоне пессимистических данных статистики и социологических опросов, свидетельствующих о стагнации экономики и негативном характере материального положения населения, регулярно всплывающие коррупционные скандалы с фигурирующими в них суммами финансовых средств (например, дело Роснано и Оборонсервиса; аресты губернаторов А.В. Хорошавина, В.М. Гайзера и др.) подрывают доверие общества к органам государственного управления.

³ Горбачев А., Гармоненко Д. Президент и его рейтинг [Эл. рес.] // Независимая газета. – 2015. – 10 июля. – Реж. дост.: http://www.ng.ru/politics/2015-07-10/1_president.html

⁴ Выступление Президента РФ на VII инвестиционном форуме «Россия зовёт!» 13 октября 2015 г. [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. – Реж. дост.: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/50498>

Третья причина снижения поддержки власти заключается в том, что военные действия, которые начала Россия против террористов в Сирии, могли вызвать воспоминания о терактах, происходивших в России в разгар чеченской войны. С 30 сентября 2015 г. российская авиагруппа по официальному запросу сирийского президента Башара Асада наносит точечные бомбардировки по объектам террористических группировок на территории Сирии. Несмотря на вполне понятные в целом намерения («противодействие распространению терроризма»⁵, и в частности предотвращение проникновения террористов в Россию), это могло вызвать в обществе беспокойство из-за опасений повторения таких трагедий, как «Норд-Ост» (2002 г.) или теракт в Беслане (2004 г.).

Дальнейшая динамика общественного мнения, на наш взгляд, будет зависеть от трех факторов:

- первый – насколько успешными будут действия Президента и Правительства по преодолению негативного тренда стагнации экономики и ухудшения уровня жизни населения;
- второй – насколько эффективными будут действия России на территории Сирии, что во многом зависит от ее политики по отношению к зарубежным партнерам, от их заинтересованности в сотрудничестве по созданию антитеррористической коалиции;
- третий – насколько успешными будут действия силовых структур и правоохранительных органов по предотвращению терактов на территории России. Сегодня каждый такой случай может иметь крайне широкий общественный резонанс и оказывать существенное влияние на отношение людей к власти и в целом на восприятие ситуации в стране.

---

⁵ Выступление В.В. Путина на пленарном заседании юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. – Реж. дост.: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc/2015.5.41.2

УДК 338.2, ББК 65.30-18

© Романова О.А., Сиротин Д.В.

Новый технологический облик базовых отраслей промышленных регионов РФ*

**Ольга Александровна
РОМАНОВА**

доктор экономических наук, профессор
Институт экономики Уральского отделения РАН
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, econ@uran.ru

**Дмитрий Владимирович
СИРОТИН**

Институт экономики Уральского отделения РАН
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, sirotind.umk@mail.ru

Аннотация. В статье подчёркивается возрастающая значимость промышленности в развитии экономики как развивающихся, так и развитых государств. Отмечена определяющая роль базовых отраслей промышленных регионов РФ в обеспечении уровня их социально-экономического развития. Обоснована возможность развития базовых отраслей ряда индустриальных регионов как наукоёмких, высокотехнологичных, отвечающих требованиям новой индустриализации. Предложено авторское понятие новой индустриализации, уточнённое с позиции принципов инклюзивного развития. Введено в научный оборот понятие «перепозиционирование регионального промышленного комплекса» как поэтапного процесса взаимообусловленных технологических, экономических, социально-институциональных, экологических и организационных преобразований на инновационной основе. Обосновано, что такой комплекс целесообразно рассматривать как сетевое сообщество конкурентоспособных, структурно сбалансированных производств, обеспечивающих индивидуализированные потребности высокотехнологичного сектора в наукоёмких

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-02-00331а «Инновационно-технологическое развитие региона: оценка, прогнозирование и пути достижения».

товарах и услугах, а также возрастающие качественные потребности традиционных отраслей экономики. Предложен методологический подход к выявлению приоритетных направлений технологического развития базовых отраслей промышленных регионов. Его особенностью является проведение на первом этапе библиометрического моделирования как предварительной основы выявления ключевых направлений развития базовых отраслей; на втором этапе – исследование региональной патентной активности в области выявленных направлений развития; на третьем этапе проводится выбор согласованных приоритетов развития базовых отраслей на основе методологии Форсайт. На примере Урала обоснованы предпосылки формирования нового технологического облика металлургического комплекса региона. Разработаны сценарии репозиционирования металлургии региона с выделением соответствующих этапов, характеризующихся системой предложенных показателей.

Ключевые слова: промышленный регион; библиометрическое моделирование; патентный анализ; Форсайт; приоритеты; репозиционирование; технологический облик; сценарный подход.

Введение

Промышленность, являющаяся системообразующей отраслью народного хозяйства Российской Федерации, выступает важнейшим фактором обеспечения экономического роста. Несмотря на то, что в период серьезных рыночных трансформационных изменений роль промышленности в формировании ВВП страны, налоговых поступлений, занятости и других макроэкономических показателей сократилась, она по-прежнему занимает ведущее место в экономике страны, создавая необходимые условия для экономического роста. Однако сегодняшняя проблема России заключается в неизбежности ее новой индустриализации, предполагающей обновление технологического, социально-экономического базиса экономики и изменение способов управления хозяйственным комплексом страны. В период становления новых отраслей промышленности и соответствующей инфраструктуры возникает несоответствие между технико-экономической и социально-институциональной сферами. Возникают также внутренние противоречия в экономической системе между новыми и старыми технологиями, процесс преодоления которых социально болез-

ненный, сложный, достаточно длительный. Поэтому, по нашему мнению, новая индустриализация затрагивает не только управление и организацию на уровне отдельных фирм, производств и отраслей, но и всю систему как социального, так и политического регулирования. Для успешного проведения новой индустриализации необходимы кардинальные изменения в инвестиционном поведении, в технологических решениях, в организационных моделях. Такие изменения позволят повысить эффективность принимаемых решений, будут способствовать положительным изменениям в менталитете социума, в институциональной среде, поддерживающей и регулирующей желательные экономические и социальные процессы.

Представляется, что новая индустриализация должна ориентироваться на инклюзивный экономический рост, который проявляется не только в увеличении темпов прироста макроэкономических показателей, но и в улучшении распределения результатов такого роста, в расширении равенства возможностей всех членов общества [17, 21]. **Такое понимание новой индустриализации позволяет трактовать ее как синхронный процесс не только создания**

новых высокотехнологичных секторов экономики, но и эффективного инновационного обновления ее традиционных секторов при согласованных качественных изменениях между технико-экономической и социально-институциональными сферами, осуществляемых на принципах инклюзивного развития посредством интерактивных технологических, социальных, политических и управленческих изменений.

Успешный опыт новой индустриализации экономики европейских стран показывает, что только современный развитый индустриальный сектор определяет быстрый и качественный рост экономики. Объясняется это тем, что из всех секторов именно промышленность обеспечивает наиболее высокие темпы роста производительности труда и оказывает высокий мультипликативный эффект на другие сектора экономики.

Перепозиционирование базовых отраслей в условиях новой индустриализации. Промышленность РФ формирует около 35% ВВП России. Среди федеральных округов выделяется Уральский федеральный округ, доля промышленности которого в ВРП составляет более 55% (табл. 1). Доля Уральского федерального округа в промышленности РФ на протяжении последнего десятилетия (2004–2014 гг.) колебалась в пределах 19–21%.

Технологический облик любой промышленно развитой страны, а также её регионов и областей характеризуется не столько промышленностью в целом, сколько уровнем и качеством развития обрабатывающих производств. Если по объёму ВВП Россия занимает 6 место в мире, то по доле добавленной стоимости, создаваемой в обрабатывающих производствах, она находится на 17 месте, отставая по этому показателю от Южной Кореи в три, а от США в двадцать четыре раза.

Качественная структура промышленности во многом определяется, как выше было сказано, долей обрабатывающих производств в ее составе. В Уральском федеральном округе лидерами по этому показателю являются Свердловская и Челябинская области, где доли обрабатывающих видов деятельности превышают 82% (табл. 2). Можно отметить, что уровень концентрации промышленного производства Среднего Урала в четыре раза превышает аналогичный показатель по РФ в целом.

Мировые тенденции развития промышленности свидетельствуют о высоких темпах роста в развитых странах высокотехнологичных, экологически не обременительных производств, характеризующихся высокими темпами снижения ресурсоёмкости и роста производительности труда. Обрабатывающие виды деятельности в

Таблица 1. Доля промышленности в структуре ВРП федеральных округов РФ, 2013 г.

Федеральный округ	Доля промышленности в структуре ВРП, %
Центральный (ЦФО)	24,5
Северо-Западный (СЗФО)	33,1
Южный (ЮФО)	23,7
Северо-Кавказский (СКФО)	14,5
Приволжский (ПФО)	44,1
Уральский (УрФО)	55,7
Сибирский (СФО)	38,2
Дальневосточный (ДВФО)	37,5

Таблица 2. Доля обрабатывающих производств в структуре промышленности областей УрФО, 2013 г.

Область	Доля обрабатывающих видов деятельности в структуре промышленности, %
Челябинская	86,4
Свердловская	82,3
Курганская	75,2
Тюменская в целом, в т.ч.:	10,1
Ямало-Ненецкий автономный округ	2,5
Ханты-Мансийский автономный округ–Югра	2,3

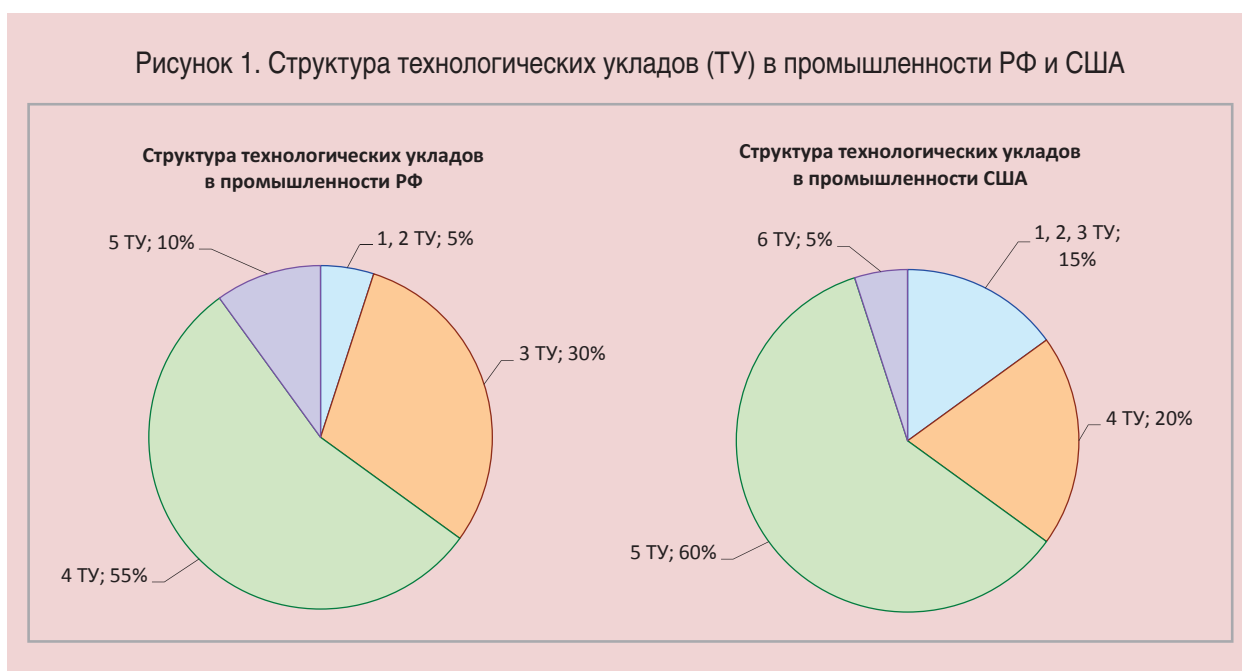
развитых странах (США, Германия и др.) обеспечивают потребности не только территорий их базирования, но и имеют высокий экспортный потенциал. Решению проблемы развития высокотехнологичных производств в такой стране, как, например, Германия, способствовала разработанная ещё в 2006 году «Новая высокотехнологичная стратегия», на основе внедрения которой проведено реформирование национальной инновационной системы страны. В рамках стратегии был реализован ряд программ, учитывающих внедрение нанотехнологий практически во все промышленные сектора экономики. При этом ставились две основные задачи: 1) поддержка стратегических секторов (биотехнологического, космического, энергетического, информационно-коммуникационного и др.), развитие которых позволит создать новые рынки и стать основой для будущего развития; 2) формирование новой общественной ментальности, при которой наивысшей ценностью обладают новые идеи [1]. Кроме того, в настоящее время Германия реализует программу «Индустрия 4.0», где к условиям совместного развития промышленной и информационной технологических баз адаптируется система национального образования [5]. Поводом для разработки программы послужил прогноз мировых экспертов относительно формирования в ближайшие годы очередной

(четвёртой) промышленной революции, в условиях которой стратегическое значение имеет повышение конкурентоспособности обрабатывающей промышленности.

Качество технологической структуры промышленности любой страны характеризуется структурой сформировавшихся технологических укладов (ТУ). Если в промышленности США доминирует V ТУ и активно формируются элементы VI ТУ, то в промышленности России функционируют технологии более низких укладов (рис. 1) [6].

Современные темпы изменений мировой рыночной конъюнктуры, неопределённость геополитических преобразований и, вместе с тем, формирование вектора развития отечественной экономики на базе принципов новой индустриализации приводят к тому, что успешное развитие промышленного комплекса Среднего Урала может быть основано не столько на удовлетворении нужд традиционных отраслей промышленности, сколько на переориентации на удовлетворение потребностей новых высокотехнологичных отраслей промышленности. Развитие комплекса должно опираться на чёткое представление рыночных перспектив и реализацию конкурентных преимуществ. В связи с этим дальнейшее развитие промышленного комплекса Урала в условиях становления новой индустриализации связано с фор-

Рисунок 1. Структура технологических укладов (ТУ) в промышленности РФ и США

мированием новых приоритетов развития, со своеобразным перепозиционированием старопромышленного региона в регион с мощной научно-технологической производственной базой, отвечающей современным требованиям мировых стандартов. Одной из основных задач такого перепозиционирования является формирование новых рынков сбыта, ориентированных на высокотехнологичные отрасли потребления, а также удовлетворение возрастающих качественных требований традиционных потребителей промышленной продукции.

Неопределённость условий и факторов, определяющих такое перепозиционирование промышленного комплекса региона, предопределяет необходимость единого подхода к пониманию термина «перепозиционирование». Нами проведено исследование понятийного аппарата относительно трактовки данного термина отечественными экономистами, установлены их общие черты и отличия, что позволило предложить авторское понятие данного термина применительно к региональному промышленному комплексу (РПК). Под

перепозиционированием РПК нами понимается поэтапный процесс взаимообусловленных технологических, экономических, социально-институциональных, экологических и организационных преобразований на инновационной основе, позволяющих на базе достижения критериев наилучших доступных технологий и реализации принципов «зеленой экономики» сформировать новый технологический облик промышленного комплекса как сетевого сообщества конкурентоспособных, структурно сбалансированных производств, обеспечивающих индивидуализированные потребности высокотехнологичного сектора в наукоемких товарах и услугах, а также возрастающие качественные потребности традиционных отраслей экономики.

Проведённые исследования [7, 11, 13, 15] позволили установить наличие предпосылок, свидетельствующих о реальных возможностях в индустриальных регионах перепозиционирования базовых отраслей промышленности и формирования их нового, современного, технологического облика. Определяющим ресурсом такого перепозиционирования является Человек,

его креативность и предпринимательская активность. Не уменьшается значимость использования таких традиционных ресурсов, как минерально-сырьевые, научно-технологические, производственные, институциональные. Однако кардинально меняются требования к их качеству при значительном внимании к возможностям изменения сочетания используемых ресурсов. Такое сочетание позволяет увеличить «потенциал рекомбинации» и способствует достижению целей новой индустриализации.

В качестве примера типичной базовой отрасли Уральского индустриального региона в настоящей статье рассмотрена металлургия, применительно к которой предварительно был оценен ресурсный потенциал новой индустриализации и выявлены технико-экономические предпосылки формирования ее нового технологического облика [8, 9, 10].

В промышленности Среднего Урала определяющую роль в развитии экономики региона играет металлургический комплекс, доля которого в структуре обрабатывающих отраслей составляет более 55%. Регион обеспечивает более 10% общероссийского производства металлопроката. До начала геополитического кризиса, начавшегося во второй половине 2014 года, экспорт металлургических предприятий Свердловской области охватывал 86 стран ближнего и дальнего зарубежья. В результате проведения в 2010–2014 гг. ряда масштабных инвестиционных проектов металлургия Среднего Урала освоила производство новых высокотехнологичных видов металлопродукции [16]. Здесь полностью отсутствует мартеновское производство (III ТУ), а сталеплавильные мощности распределены между конвертерным (IV ТУ) и электросталеплавильным (V ТУ) способами производства. Достигнутый тех-

нологический уровень производства дает возможность выпускать металл высокого качества, соответствующего современным требованиям высокотехнологичных производств.

Методологический подход к изменению технологического облика базовой отрасли.

Формирование новых рынков сбыта, ориентированных на высокотехнологичные отрасли потребления, а также повышение конкуренции на рынке конструкционных материалов актуализирует необходимость разработки методологического аппарата по выявлению приоритетных направлений технологического развития металлургии, реализация которых может способствовать изменению её технологического облика. В Институте экономики УрО РАН разработан методологический подход к выявлению приоритетных направлений технологического развития металлургии, апробированный применительно к металлургии Среднего Урала. Первым этапом данного подхода является построение библиометрической модели взаимодействия металлургии со смежными направлениями научной деятельности. В процессе библиометрического моделирования построена информационная модель, базирующаяся на различных документопотоках с учётом их специфики. В ходе исследования выделены основные области нанонауки, как определяющей дисциплины ядра VI ТУ, имеющей значимые связи с металлургическим производством, задействованным в развитии высокотехнологичных отраслей экономики. Проведён также анализ состояния и скорости развития выделенных перспективных направлений.

Анализ развития нанонауки показал высокие темпы роста и динамику публикационной активности работ, посвящённых наноматериалам. Это говорит о том, что в структуре научной базы новейшего

ТУ материаловедение занимает одно из значимых мест. При этом прослеживается достаточно сильная связь между научными дисциплинами, развивающими представление о наноматериалах (наноструктурное материаловедение; объемные наноматериалы, полученные закалкой из расплава и интенсивной пластической деформацией; порошковые наноматериалы и др.), и основополагающими металлургическими дисциплинами (металловедение, технология литейных процессов и др.). В результате библиометрического анализа выделены материалы и способы их обработки, совместно используемые в наноиндустрии и металлургии, что сформировало базу для дальнейшего анализа.

В соответствии с разработанным методологическим подходом, по выделенным на данном этапе научным областям установлены соответствующие рубрики Международной патентной классификации (МПК). Присвоение выделенным научным областям соответствующих рубрик патентной классификации позволило распределить их, выделив четыре основные подгруппы металлургии и четыре отдельных направления, использующие возможности

наноиндустрии. Определив направления технологического развития научной базы высокотехнологичных производств и металлургии, находим точки их пересечения (табл. 3). Исследование проведено на основе анализа баз Европейского патентного ведомства и Федерального института промышленной собственности. Таким образом, на первом этапе выстраивается технологическая карта мирового развития металлургии в условиях формирования VI технологического уклада и устанавливается научный вектор развития металлургии РФ.

Вторым этапом разработанного методологического подхода является выявление научно-технологического потенциала Среднего Урала с позиции учёта требований наилучших доступных технологий к металлопродукции. Нами сформулирована гипотеза о возможности рассмотрения динамики выдачи патентов РФ на изобретения как одного из факторов обоснования выбора приоритетных направлений повышения качества отечественной металлопродукции. По нашему мнению, рост патентной активности может являться характеристикой инновационной активности. В рамках этой гипотезы, по

Таблица 3. Взаимосвязь направлений технологического развития научной базы высокотехнологичных производств и металлургии в соответствии с Международной патентной классификацией (МПК, 8-ая редакция)

Направления наноауки		Направления металлургии	
Индекс МПК	Обозначение	Индекс МПК	Обозначение
B82B	Наноструктуры, их изготовление и обработка	C21	Металлургия железа
B01J	Химические или физические процессы, например катализ, коллоидная химия; аппараты для их проведения	C22	Металлургия; сплавы черных или цветных металлов; обработка сплавов или цветных металлов
B81B	Микроструктурные устройства или системы, например микромеханические устройства	C23	Покрытие металлических материалов; покрытие других материалов металлическим материалом; химическая обработка поверхности и пр.
C09	Красители, краски, лаки и пр.	C25	Электролитические способы получения, регенерации или рафинирования металлов, а также нанесения покрытий; устройства для них (область применения – цветная металлургия)

выявленным ранее перспективным направлениям развития металлургии проводится дополнительный этап патентного анализа, на котором уточняются региональная принадлежность патентополучателя, дата получения и статус действия патента.

В целях апробации методики проведено исследование патентной базы на основе зарегистрированных патентов РФ на изобретения, относящиеся к материалам, техническому оснащению и способам повышения качества стали. На базе патентной классификации установлены точки пересечения рубрик поиска металлургических специализаций и разделов практического применения нанонауки, что позволило сузить круг поиска приоритетных металлургических направлений.

Таким образом, в дальнейшем исследовании рассмотрены следующие направления: обработка расплавленной стали в ковше (код МПК С21С7 внепечная обработка); обработка металла давлением, как в сочетании с термообработкой, так и отдельно (код МПК С21D8; С21D9); нанесение на поверхность металла покрытий

различного содержания в расплавленном и твердом состоянии (код МПК С23С); а также получение редкоземельных металлов (код МПК С22В59) (табл. 4). Анализируемый период составил 12 лет (с 2003 по 2014 г.). Детальный анализ позволил проследить особенности развития каждого из выделенных направлений на международном, федеральном и региональном уровнях.

Совокупность выделенных направлений формирует границы технологической базы, отражающей специфику требований наилучших доступных технологий к металлопродукции. Анализ выдачи патентов на изобретения по основным перспективным направлениям развития отрасли в мире показал устойчивую, положительную динамику данного показателя в России, аналогичную мировой тенденции.

На федеральном уровне активная выдача патентов, относящихся к группе перспективных, проводится через Центральный федеральный округ (причём порядка 37% патентополучателей этого округа являются иностранными гражданами). Ураль-

Таблица 4. Динамика выдачи патентов по федеральным округам РФ на изобретения по перспективным направлениям развития металлургии, ед.*

Федеральный округ	Год публикации патента												Всего за 12 лет
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	
Всего по РФ	57	44	33	37	33	51	56	48	54	66	58	65	602
ЦФО	25	16	12	15	15	23	29	16	35	26	31	37	280
из них число зарубежных правообладателей	7	3	5	8	4	11	4	8	19	14	7	5	95
СЗФО	12	6	4	5	3	2	6	2	10	10	5	15	80
из них число зарубежных правообладателей		2		1			1		2	1	2	1	10
ЮФО	1	1		1	3	2	1	3	2		1	1	16
СКФО						2				1			3
ПФО	7	4	7	7	3	6	4	8	1	5	3	4	59
УрФО	9	17	7	7	4	12	12	13	3	18	16	3	121
СФО	2		3	2	5	4	4	6	3	6	2	5	42
ДФО	1												1

* Составлено по данным открытых реестров Федерального института промышленной собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www1.fips.ru/wps/portal/Registers/>

ский федеральный округ, где патентообладатели сосредоточены преимущественно на территории Челябинской и Свердловской областей, по развитию направлений, относящихся к группе перспективных, уступает только Центральному округу, а в развитии технологий обработки жидкой стали занимает лидирующую позицию.

Для уточнения согласованных на предыдущих этапах приоритетов развития отрасли дальнейшие исследования проведены на основе методологии Форсайт, которая в полной мере соответствует современным научным подходам и существующей практике разработки долгосрочных прогнозов и определения приоритетов развития [2, 18, 20, 22]. В рамках развития этой методологии разработана экспертная анкета, отражающая специфику технологического обеспечения металлургического комплекса в условиях Среднего Урала. В качестве одной из задач данного исследования являлось не только получение прогнозных материалов, но и формирование согласованного видения перспектив инновационного развития у «ключевых игроков» металлургии региона. К решению задачи были привлечены представители региональных органов власти, крупных промышленных предприятий, бизнеса, науки и образования. Был проведен ряд встреч с экспертами, составлен предварительный список перспективных технологических направлений, проведен анкетный опрос, подведены итоги, опубликованы результаты [14].

Выявленные приоритетные направления было предложено оценить с позиции своевременности внедрения и получения положительного эффекта для бизнеса и экономики Среднего Урала в целом (рис. 2).

Как показали результаты исследований, Свердловская область не в полной мере готова к внедрению перспективных техно-

логий, прежде всего из-за слабости мер государственной поддержки и несформированной нормативно-правовой базы. Сдерживающими факторами являются также региональная инфраструктура и система подготовки кадров. Наиболее сдерживающими факторами применительно к готовности промышленных предприятий к внедрению перспективных технологий являются финансовые ресурсы, недостаточно развитая кооперация и необеспеченность по отдельным видам сырьевых ресурсов.

В экспертных панелях были учтены также основные факторы риска, сопровождающие внедрение новых технологических решений сталеплавильного производства. При их оценке экспертами была учтена как вероятность их наступления, так и сила воздействия на производителя (рис. 3).

Из приведённого рисунка видно, что значительным весом обладают риски мировой конъюнктуры, актуальность учёта которых растёт в кризисных условиях развития экономики.

Проведённое исследование позволило выявить и систематизировать перечень приоритетных для Свердловской области направлений технологического развития металлургии и оценить степень влияния производственных и социально-экономических групп рисков. Технологическое развитие металлургии определяется в значительной мере ростом доли высокотехнологичной металлопродукции, волатильность которой зависит от развития секторов её потребления. Результаты исследований позволили построить вектор развития металлопродукции относительно изменений потребительского рынка (рис. 4).

Столь значительное изменение доли рынка высокотехнологичной металлопродукции, приведённое на рисунке, обусловлено представлением о металлургии к 2050

Рисунок 2. Экспертная оценка возможностей и эффективности внедрения перспективных технологий на металлургических предприятиях Свердловской области [14, с. 242-243]

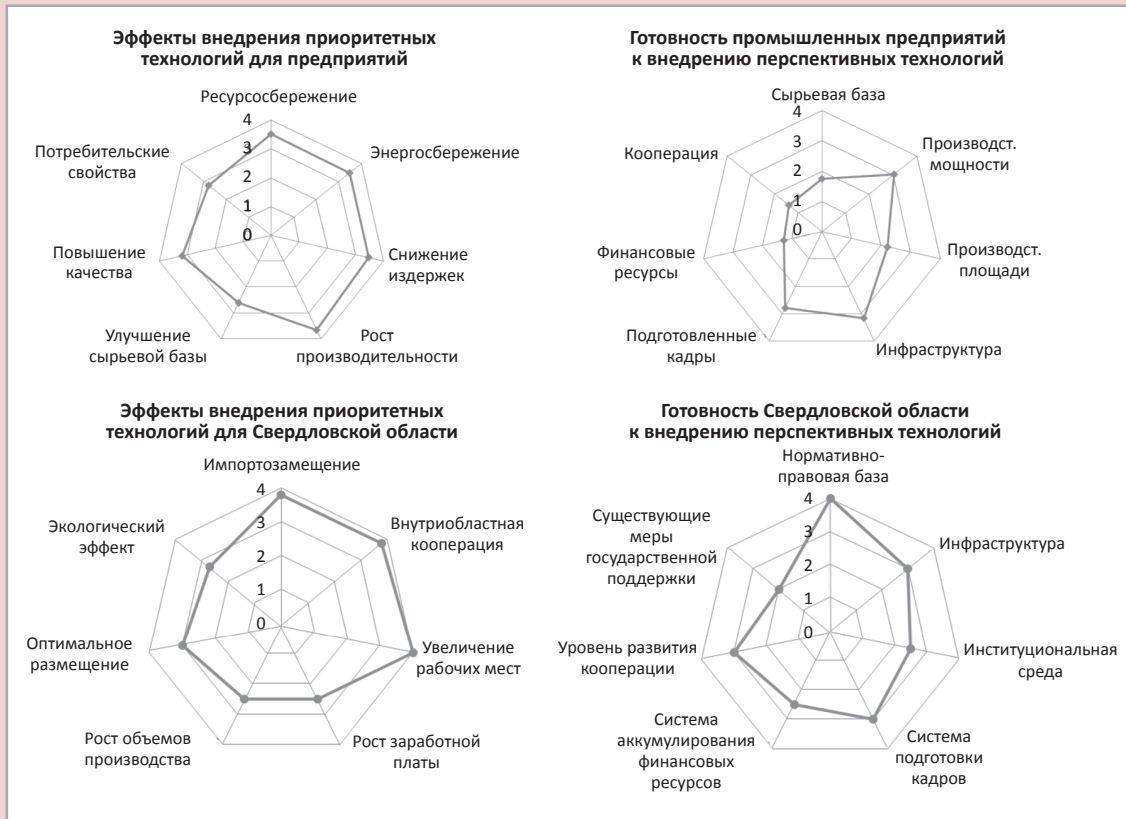

Рисунок 3. Производственные и социально-экономические риски сталеплавильного производства, %

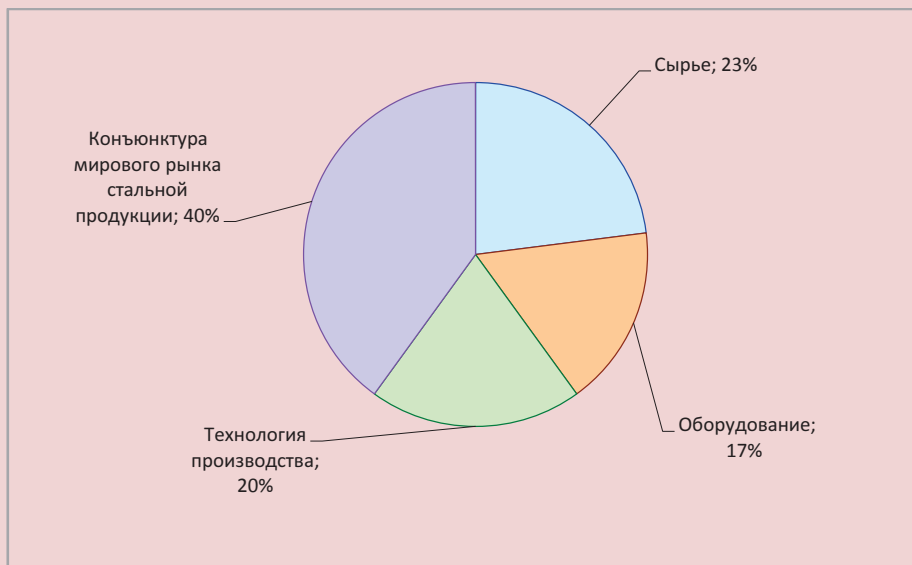

Рисунок 4. Вектор развития металлопродукции относительно изменений потребительского рынка

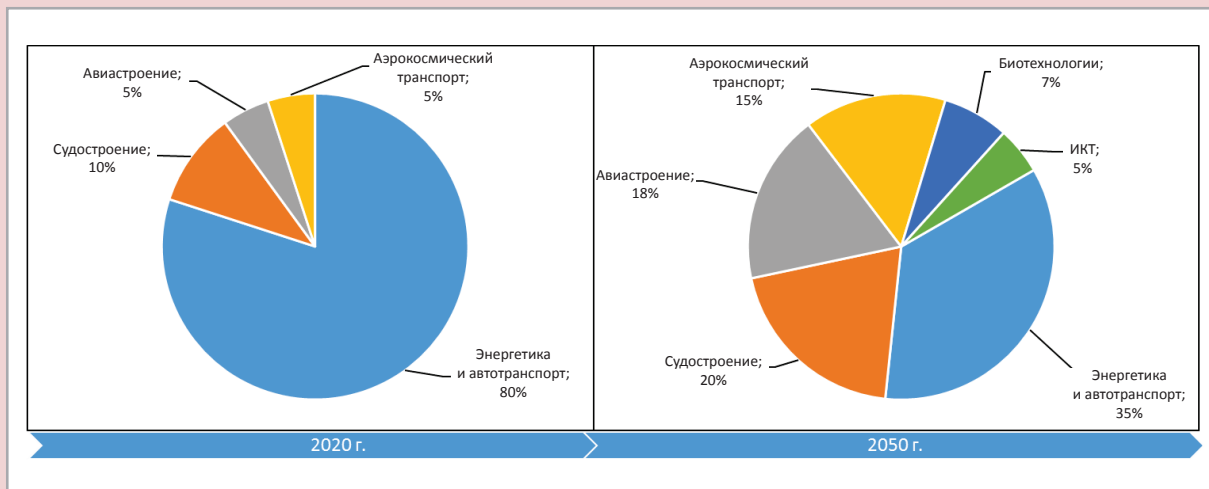
году с позиции формирования оптимального варианта её развития, определённого на базе программ развития металлургии и металлопотребляющих отраслей. При этом учитывался опыт европейской металлургии, функционирование которой основано на реализации наилучших доступных технологий. По основным показателям европейская металлургия превосходит отечественную в среднем на 60–70%.

Для выявления ожидаемой структуры потребления металла проанализирована нормативно-законодательная база, определяющая Стратегию развития отечественной промышленности, включая чёрную металлургию [3, 4, 12]. Проанализированы также действующие и запланированные на ближайшее будущее инвестиционные проекты, что позволило установить структуру потребительского рынка высокотехнологичной продукции РМК на период до 2050 года (рис. 5).

Помимо роста доли потребителей уральской высокотехнологичной металлопродукции с 17 до 70%, ожидаются её структурные изменения. Из рисунка видно, что к 2050 году потребительский сегмент энергетики и автотранспорта сократится более чем в два раза, потребление металлопродукции авиа- и судостроительным секторами вырастет на 10%, сформируются новые секторы потребления: биотехнологический (7%) и информационно-коммуникационный (5%).

Сценарный подход к развитию металлургического комплекса Среднего Урала. На металлургию оказывает большое влияние множество внешних и внутренних факторов, что затрудняет установление количественных параметров для построения прогноза. С этой позиции рационально применение сценарного подхода [19]. Применительно к металлургии Среднего Урала разработаны четыре сценария развития отрасли: нега-

Рисунок 5. Структура потребителей высокотехнологичной металлопродукции Среднего Урала

тивный, инерционный, инновационный и сценарий «образа будущего». Сценарий «образа будущего» носит в основном качественный характер. В основе его построения лежат как прогнозные материалы и программы развития металлургического комплекса, так и аналитические обобщения тенденций развития металлопотребляющих отраслей на мировом и отечественном рынках.

При построении сценариев в качестве исходных параметров, характеризующих этапность перепозиционирования регионального металлургического комплекса, были приняты показатели, определённые в соответствии с параметрами развития металлургии развитых стран, стратегии развития отечественной металлургии, а также прогноза социально-экономического развития Свердловской области. Для их конкретизации на основе метода главных компонент систематизированы показатели, формирующие основные направления перепозиционирования. В результате расчётов выделены три основные компоненты (F_1 , F_2 , F_3), определяемые совокупностью зависимых переменных (табл. 5).

Выделение наиболее значимых факторов, влияющих на перепозиционирование металлургии региона, позволило определить ориентиры для принятия решений в меняющихся социально-экономических и политических условиях. Разработаны сценарии развития металлургического комплекса Среднего Урала на период до 2030 года: негативный, инерционный и инновационный.

Негативный сценарий предполагает развитие отрасли в условиях возрастания внешнеполитических рисков, оттока капитала и нестабильности национальной валютной системы. Сценарием учитывается дальнейшее снижение цены на баррель нефти до 40 долл. США. В этой ситуации будет наблюдаться замедление деловой активности национальной экономики, что скажется на таких отраслях, как металлургия, машиностроение и строительство. К основным рискам, сопровождающим данный сценарий, относятся: зависимость от внешней экономической конъюнктуры цен; сохранение ориентиров экономической политики, предполагающей реализацию продукции преимущественно первых

Таблица 5. Формирование главных компонент и интерпретация решений

Компонента	Показатели, формирующие главную компоненту	Доля суммарной дисперсии, %	Направления перепозиционирования
F_1	Сумма показателей подкомпонент a и b	48,8	Эффективность инновационной деятельности
a	Индикатор конкурентоспособности отечественной металлопродукции на мировом рынке β_m , скорректированный по соотношению уровня стоимости экспортно-импортных операций, %	47	Эффективность развития продуктовой металлургической базы
	Выдано патентов на изобретения, относящиеся к перспективным направлениям, ед.		
	Произведено готовой продукции чёрной металлургии, тыс. т		
	Затраты на продуктовые инновации, тыс. руб.		
b	Доля выплавки стали в электропечах, %	46,8	Эффективность технологического развития металлургии
	Доля стальной продукции высокого передела, %		
	Доля инновационной продукции, %		
	Затраты на процессные инновации, тыс. руб.		
F_2	Объёмы выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, тыс. т	36,5	Эколого-экономическая эффективность инвестиционной деятельности
	Вклад в загрязнение поверхностных водных объектов: объём загрязнённых сточных вод, млн. куб. м		
	Производительность труда в металлургической отрасли, тыс. руб.		
	Инвестиции в основной капитал, млн. руб.		
	Ресурсоёмкость стального проката, кг/т		
	Удельная энергоёмкость проката, кг у.т/т		
F_3	Среднесписочная численность по отрасли, тыс. чел.	14,7	Обеспеченность отрасли высококвалифицированными трудовыми ресурсами
	Доля высококвалифицированных специалистов, %		

стадий передела. Снижение инвестиций в комплекс скажется на росте материало- и энергоёмкости продукции, замедлении темпов обновления основных фондов и снижении конкурентоспособности продукции. Сокращение инвестиций в отрасль не позволит в ближайшее время сделать значимые шаги на пути к перепозиционированию металлургического комплекса Урала, в общем и целом сохраняя существующие тенденции. Данный сценарий не предполагает значительного инвестиционного вливания в отрасль.

Инерционный сценарий моделирует развитие металлургического комплекса в условиях умеренного давления кризисных факторов на экономику РФ и ослабления курса национальной валюты, при со-

хранении сложившихся в отечественной экономике тенденций. Цена на баррель нефти марки Brent держится на уровне не ниже 50 долл. США. Серьёзных институциональных и организационных изменений, а также критических ухудшений состояния отрасли не ожидается.

К основным рискам данного варианта развития событий относится вероятность продолжения макроэкономической нестабильности, напрямую либо косвенно влияющей на экономику России; образование долгосрочного бюджетного дефицита; возникновение кризисных явлений банковской системы. Ситуация подобного развития не позволяет ожидать в течение рассматриваемого периода серьёзных технологических изменений в металлургии

Среднего Урала. С другой стороны, за период активного спроса на мировом рынке металлургия смогла реструктурироваться, в ней есть определённый задел для того, чтобы поддерживать приемлемый технологический уровень металлургического комплекса. Развитие сектора строится на принципах дальнейшей модернизации традиционных отраслей и поиска путей стимулирования проектов развития высокотехнологичных производств. В процессе реализации инерционного сценария предполагается увеличение доли импортозамещающей металлопродукции высоких стадий передела.

Инновационный сценарий заключается в становлении современного высокотехнологического комплекса с высокой производительностью труда, отвечающего требованиям экологичности, энерго- и ресурсосбережения производства, что позволяет говорить о возможности становления нового технологического облика металлургии. Реализуемость данного сценария предполагает технологические, институциональные, экономические и организационные изменения. Механизм реализации инновационных производств, а также создание делового климата для активации инвестиционной деятельности предполагает существенное развитие государственно-частного партнёрства. Предполагается и рост инвестиционной активности в отрасли, в том числе за счёт развития малых и средних предприятий региона. Развитие по инновационному сценарию возможно

при цене на баррель нефти марки Brent на уровне не ниже 60 долл. США, снятии санкций, росте деловой активности, улучшении конъюнктуры на мировом рынке металлов, притоке инвестиций в реальный сектор.

Реализация инновационного сценария позволяет говорить о процессе перепозиционирования металлургии, о её восприятии как инвесторами, бизнес-сообществами, так и населением территорий расположения металлургических предприятий как современного и высокопроизводительного производства с развитыми сетевыми взаимодействиями.

Заключение

Таким образом, перепозиционирование РМК – это процесс поэтапного становления нового технологического облика базовой отрасли региона, меняющего представление о металлургии как о «грязной отрасли». Формирование новой технологической основы, соответствующей, а по некоторым направлениям превосходящей требования наилучших доступных технологий и зелёной экономики, переориентация на выпуск наукоёмкой продукции и обеспечение индивидуализированных потребностей высокотехнологического сектора экономики, а также кардинальное изменение квалификационного состава трудовых ресурсов будут характеризовать определяющие черты нового технологического облика регионального металлургического комплекса.

Литература

1. Бойкова, М.В. Форсайт в Германии / М.В. Бойкова, М.Г. Салазкин // Форсайт. – 2008. – № 1. – С. 60-69.
2. Гапоненко, Н.В. Форсайт. Теория. Методология. Опыт: монография / Н.В. Гапоненко. – М.: Юнити-Дана, 2008. – 239 с.
3. Государственная программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности на период до 2020 года», 2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2014/11065/2561.pdf> (дата обращения: 25.08.2015)

4. Государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика», 2013 [Электронный ресурс]. – URL: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depStrategy/doc20130408_01 (дата обращения: 21.08.2015)
5. Европейская парламентская сеть оценки технологий: новые технологии и государственные решения: сборник материалов / Совет Федерации. – М., 2014. – С. 36.
6. Коблов, Е.Н. Курсом в 6-й технологический уклад [Электронный ресурс] / Е.Н. Коблов // Сайт о нанотехнологиях № 1 в России. – URL: <http://www.nanonewsnet.ru/articles/2010/kursom-v-6-oi-tekhnologicheskii-uklad> (дата обращения: 08.09.2015)
7. Романова, О.А. Ресурсный потенциал реиндустриализации старопромышленного региона / О.А. Романова, О.С. Брянцева, Е.А. Позднякова. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – 251 с.
8. Романова, О.А. Формирование нового технологического облика металлургического комплекса региона / О.А. Романова, Е.Н. Селиванов, Г.Б. Коровин. – Екатеринбург: УрО РАН, 2014. – 234 с.
9. Романова, О.А. Новый технологический облик металлургии Урала: экономический аспект / О.А. Романова, Д.В. Сиротин // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2014. – №7. – С. 105-112.
10. Романова, О.А. Экологическая безопасность в условиях инновационного развития металлургии Урала / О.А. Романова, Д.В. Сиротин // Экологическая безопасность промышленных регионов: Труды международного экологического конгресса. – Екатеринбург: СОО ОО–МАНЭБ, Институт экономики УрО РАН, УГГУ, 2015. – С. 247-251.
11. Сиротин, Д.В. Межрегиональная интеграция отраслевых рынков в условиях новой индустриализации / Д.В. Сиротин // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2014. – № 12. – С. 144-153.
12. Стратегия развития черной металлургии России на 2014–2020 годы и на перспективу до 2030 года: утв. приказом Министерства промышленности и торговли РФ от 5 мая 2014 г. № 839 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70595824/> (дата обращения: 20.08.2015)
13. Структурная и пространственно-временная динамика региональных социально-экономических систем: кол. моногр. / под общ. ред. чл.-корр. РАН В.И. Сулова, д.э.н. О.А. Романовой. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – 400 с.
14. Татаркин, А.И. Промышленность индустриального региона: потенциал, приоритеты и динамика экономико-технологического развития / А.И. Татаркин, О.А. Романова, В.В. Акбердина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. – 632 с.
15. Татаркин, А.И. Технологические и пространственные возможности новой индустриализации промышленных регионов / А.И. Татаркин, О.А. Романова, В.В. Акбердина // Федерализм. – 2014. – № 3. – С. 45-56.
16. Уральский вектор инновационного развития российской металлургии / А.И. Татаркин, О.А. Романова, Г.Б. Коровин, С.Г. Ченчевич // ЭКО. – 2015. – № 3. – С. 79-97.
17. Amitai Etzioni Reindustrialization Of America [Электронный ресурс] // Review of Policy Research. – 1983. – № 5. – P. 677-694. – URL: <http://ideas.repec.org/a/bla/revpol/v2y1983i4p677-694.html> (дата обращения: 14.08.2015)
18. Habegger, B. Strategic foresight in public policy: Reviewing the experiences of the UK, Singapore, and the Netherlands / B. Habegger // Futures. – 2010. – February. – Vol. 42. – Iss. 1. – P. 49-58.
19. Kahn H., Wiener A. The Year 2000: A Framework for Speculation on the Next Thirty-Three Years / Kahn H., Wiener A. – The Hudson Institute, 1967. – 431 p.
20. Miles I. The development of technology foresight: A review // Technological Forecasting and Social Change. – 2010. – November. – Vol. 77. – Iss. 9. – P. 1448–1456.
21. Samuel A. Aryeetey-Attoh, Peter S. Lindquist, William A. Muraco, Neil Reid Northwestern Ohio: re-industrialization and emission reductio [Электронный ресурс] // Cambridge University Press. – 2009. – URL: <http://ebooks.cambridge.org/chapter.jsf?bid=CBO9780511535819&cid=CBO9780511535819A015> (дата обращения: 13.08.2015).
22. Vecchiato, R. Foresight in corporate organizations / R. Vecchiato, C. Roveda // Technology Analysis and Strategic Management. – 2010. – January. – Vol. 22. – Iss. 1. – Pp. 99-112.

Сведения об авторах

Ольга Александровна Романова – доктор экономических наук, профессор, зав. отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, econ@uran.ru)

Дмитрий Владимирович Сиротин – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, sirotind.umk@mail.ru)

Romanova O.A., Sirotin D.V.

New Technological Shape of Basic Branches of RF Industrial Regions

Ol'ga Aleksandrovna Romanova – Doctor of Economics, Professor, Department Head, Federal State-Financed Scientific Institution Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moscovskaya Street, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation, econ@uran.ru)

Dmitrii Vladimirovich Sirotin – Junior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moscovskaya Street, Ekaterinburg, 620014, Russia, sirotind.umk@mail.ru)

Abstract. The article emphasizes the increasing importance of industry in the economic development of both developing and developed countries. It highlights the decisive role of basic industries of the RF industrial regions in ensuring the level of their socio-economic development. The work substantiates the possibility to develop basic industries of some industrial regions as the ones that are knowledge-intensive, high-tech and can meet the requirements of new industrialization. The authors propose their understanding of new industrialization in terms of inclusive development. The article introduces a term “repositioning of the regional industrial complex” as a gradual process of interdependent technological, economic, social-institutional, environmental and organizational change based on innovation. It proves that this complex should be viewed as a network of competitive and structurally balanced productions, satisfying individualized needs of the high-tech sector in knowledge-intensive goods and services and increased quality needs of traditional industries. The study offers a methodological approach to single out the priority directions for technological development of basic sectors in the industrial regions. Its unique feature is to carry out bibliometric modeling as a preliminary framework disclosing key areas of basic industries development at the first stage; to conduct research in the regional patent activity in the selected development directions at the second stage; to single out the agreed priorities to upgrade basic industries on the basis of the Foresight methodology at the third stage. The case study of the Urals helps substantiate the prerequisites for the formation of a new technological shape of the regional metallurgical complex. The authors develop scenarios for repositioning of metallurgy of the region and describe corresponding stages, characterized by the system of proposed indicators.

Key words: industrial region; bibliometric modelling; patent analysis; foresight; priorities; repositioning; technological shape; scenario approach.

References

1. Boikova M.V., Salazkin M.G. Forsait v Germanii [Foresight in Germany]. Forsait [Foresight], 2008, no. 1, pp. 60-69.
2. Gaponenko N.V. Forsait. Teoriya. Metodologiya. Opyt: monografiya [Foresight. Theory. Methodology. Experience: Monography]. Moscow: Yuniti–Dana, 2008. 239 p.
3. Gosudarstvennaya programma Rossiiskoi Federatsii “Razvitie promyshlennosti i povyshenie ee konkurentosposobnosti na period do 2020 goda” [State Program of the Russian Federation “Development of Industry and Increase of its Competitiveness for the Period till 2020”. Available at: <http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2014/11065/2561.pdf> (Accessed: August 25, 2015)

4. Gosudarstvennaya programma Rossiiskoi federatsii “*Ekonomicheskoe razvitie i innovatsionnaya ekonomika*” [State Program of the Russian Federation “Economic Development and Innovative Economy”]. Available at: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depStrategy/doc20130408_01 (Accessed: August 21, 2015)
5. Evropeiskaya parlamentskaya set’ otsenki tekhnologii: novye tekhnologii i gosudarstvennye resheniya: sbornik materialov [European Parliamentary Network of Technology Assessment: New Technology and Public Decisions: Proceedings]. Sovet federatsii [Federation Council of the Russian Federation]. Moscow, 2014, p. 36.
6. Koblov E.N. Kursom v 6-i tekhnologicheskii ukhad [In the Course of the 6th Technological Mode]. Sait o nanotekhnologiyakh № 1 v Rossii [Nanotechnologies News from Russia]. Available at: <http://www.nanonewsnet.ru/articles/2010/kursom-v-6-oi-tekhnologicheskii-ukhad> (Accessed: September 8, 2015)
7. Romanova O.A., Bryantseva O.S., Pozdnyakova E.A. Resursnyi potentsial reindustrializatsii staropromyshlennogo regiona [Resource Potential of Re-Industrialization of the Old Industrial Region]. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2013. 251 p.
8. Romanova O.A., Selivanov E.N., Korovin G.B. Formirovanie novogo tekhnologicheskogo oblika metallurgicheskogo kompleksa regiona [Formation of a New Technological Shape of the Metallurgical Complex of the Region]. Ekaterinburg: UrO RAN, 2014. 234 p.
9. Romanova O.A., Sirotn D.V. Novyi tekhnologicheskii oblik metallurgii Urala: ekonomicheskii aspekt [New Technological Shape of Metallurgy of the Urals: Economic Aspects]. Vestnik Zabaikal’skogo gosudarstvennogo universiteta [Scholarly Notes of Transbaikal State University], 2014, no. 7, pp. 105-112.
10. Romanova O.A., Sirotn D.V. Ekologicheskaya bezopasnost’ v usloviyakh innovatsionnogo razvitiya metallurgii Urala [Environmental Security in the Conditions of Innovative Development of Metallurgy of the Urals]. Ekologicheskaya bezopasnost’ promyshlennykh regionov: Trudy mezhdunarodnogo ekologicheskogo kongressa [Environmental Security of Industrial Regions: Proceedings of the International Environmental Congress]. Ekaterinburg: SOO OO–MANEB, Institut ekonomiki UrO RAN, UGGU, 2015, pp. 247-251.
11. Sirotn D.V. Mezhhregional’naya integratsiya otraslevykh rynkov v usloviyakh novoi industrializatsii [Interregional Integration of Sectoral Markets in Terms of New Industrialization]. Vestnik Zabaikal’skogo gosudarstvennogo universiteta [Scholarly Notes of Transbaikal State University], 2014, no. 12, pp. 144-153.
12. Strategiya razvitiya chernoi metallurgii Rossii na 2014–2020 gody i na perspektivu do 2030 goda: utv. prikazom Ministerstva promyshlennosti i trgovli RF ot 5 maya 2014 g. № 839 [Strategy for Development of Ferrous Metallurgy of Russia for 2014–2020 and Long Term up to 2030: Approved by the Order of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation of 5 May 2014 No. 839]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70595824/> (Accessed: August 20, 2015)
13. Strukturnaya i prostranstvenno-vremennaya dinamika regional’nykh sotsial’no-ekonomicheskikh sistem: kol. monogr. [Structural and Spatial-Temporal Dynamics of Regional Socio-Economic Systems: Collective Monograph]. Under general editorship of RAS Corresponding Member V.I. Suslov, Doctor of Economics O.A. Romanova. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2013. 400 p.
14. Tatarkin A.I., Romanova O.A., Akberdina V.V. Promyshlennost’ industrial’nogo regiona: potentsial, priority i dinamika ekonomiko-tekhnologicheskogo razvitiya [Industry of an Industrial Region: Potential, Priorities and Dynamics of Economic-Technological Development]. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2014. 632 p.
15. Tatarkin A.I., Romanova O.A., Akberdina V.V. Tekhnologicheskie i prostranstvennye vozmozhnosti novoi industrializatsii promyshlennykh regionov [Technological and Spatial Capabilities of New Industrialization of Industrial Regions]. Federalizm [Federalizm], 2014, no. 3, pp. 45-56.
16. Tatarkin A.I., Romanova O.A., Korovin G.B., Chenchovich S.G. Ural’skii vektor innovatsionnogo razvitiya rossiiskoi metallurgii [Ural Vector of Innovative Development of Russian Metallurgy]. EKO [All-Russian Economic Journal], 2015, no. 3, pp. 79-97.
17. Amitai Etzioni Reindustrialization of America. Review of Policy Research, 1983, no. 5, pp. 677-694. Available at: <http://ideas.repec.org/a/bla/revpol/v2y1983i4p677-694.html> (Accessed: 14.08.2015)
18. Habegger B. Strategic Foresight in Public Policy: Reviewing the Experiences of the UK, Singapore and the Netherlands. Futures, 2010, February, vol. 42, issue 1, pp. 49-58.
19. Kahn H., Wiener A. The Year 2000: A Framework for Speculation on the Next Thirty-Three Years. The Hudson Institute, 1967. 431 p.
20. Miles I. The Development of Technology Foresight: A Review. Technological Forecasting and Social Change, 2010, November, vol. 77, issue 9, pp. 1448–1456.
21. Aryeetey-Attah S., Lindquist P., Muraco W., Reid N. Northwestern Ohio: Re-Industrialization and Emission Reduction. Cambridge University Press, 2009. Available at: <http://ebooks.cambridge.org/chapter.jsf?bid=CB09780511535819&cid=CBO9780511535819A015> (data obrashcheniya: 13.08.2015).
22. Vecchiato R., Roveda C. Foresight in Corporate Organizations. Technology Analysis and Strategic, 2010, January, vol. 22, issue 1, pp. 99-112.

Межрегиональное сотрудничество в формирующемся Евразийском экономическом пространстве

**Константин Анатольевич
ГУЛИН**

доктор экономических наук, доцент
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, gil@vscc.ac.ru

Аннотация. В 2015 г. вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе, явивший собой новый этап реинтеграции между государствами на просторах бывшего СССР. Успех этого проекта будет зависеть не только от взаимодействия на национальном уровне, но и, во многом, от того, в какой степени в интеграционный процесс будут вовлечены регионы стран – участниц ЕАЭС. Научная дискуссия по данному вопросу представляется актуальной и практически значимой задачей. В статье освещены итоги Международной Интернет-конференции «Межрегиональное сотрудничество в формирующемся Евразийском экономическом пространстве», проведенной Институтом социально-экономического развития территорий РАН в период с 16 по 20 июня 2015 г. Рассмотрены вопросы, связанные с межрегиональным торгово-экономическим сотрудничеством, взаимодействием в сфере науки и инноваций, различными аспектами гуманитарного сотрудничества. Затронута актуальная проблематика приграничного сотрудничества стран-участниц ЕАЭС. Делается вывод о необходимости содержательного развития процесса интеграции как вширь (через расширение направлений сотрудничества, которое не должно сводиться только к контактам на высшем политическом уровне либо торговому партнерству), так и вглубь (посредством вовлечения в него регионов, предприятий, различных социальных групп, отдельных граждан).

Ключевые слова: международное сотрудничество, интеграция, Евразийское экономическое пространство, межрегиональные связи.

С 1 января 2015 г. вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), пришедший на смену Договору об

учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), действовавшему с 2001 г. Это явило собой новый этап реин-

теграции между государствами на просторах бывшего СССР. В состав ЕАЭС вошли Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Россия.

Целью создания Союза является всесторонняя модернизация, кооперация и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создание условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения. Представляется, что успех этого проекта будет зависеть не только от взаимодействия на национальном уровне, но и, во многом, от того, в какой степени в интеграционный процесс будут вовлечены регионы стран — участниц ЕАЭС. Организация широкой научной дискуссии по данному вопросу представляется актуальной и практически значимой задачей.

В период с 16 по 20 июня 2015 г. Институтом социально-экономического развития территорий РАН на специально организованной площадке (<http://eeu-conf.isert-ran.ru/>) была проведена Международная Интернет-конференция «Межрегиональное сотрудничество в формирующемся Евразийском экономическом пространстве». Всего было представлено более 20 докладов в трёх тематических секциях:

- опыт, проблемы и перспективы межрегионального торгово-экономического сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза;
- взаимодействие в сфере науки и инноваций — фактор повышения конкурентоспособности регионов в рамках Евразийского экономического союза;
- гуманитарное сотрудничество — расширение условий для развития человеческого потенциала регионов в Евразийском экономическом пространстве.

В настоящем материале кратко освещены основные итоги проведенного мероприятия.

Сотрудничество стран, формирующих единое Евразийское пространство, многоаспектно. Оно лежит не только в плоскости торгового партнерства или политических связей, но и затрагивает множество других сфер. Широкий спектр вопросов сотрудничества стран и регионов в рамках ЕАЭС был представлен участниками конференции.

В докладе главного научного сотрудника Института социально-политических исследований РАН д.ф.н., профессора Э.М. Андреева были рассмотрены современные процессы евразийской интеграции: теоретико-методологические и практические аспекты реализации. Особенностью экономической регионализации на постсоветском пространстве является то, что в ней участвуют новые независимые государства (ННГ) — части единого в прошлом государства. В процессах постсоветской интеграции прослеживается действие многих факторов, таких как: высокая экономическая и социальная дивергенция ННГ; незавершенность формирования идентичности большинства новых государств, существующие исторические конфликты и противоречия; значительные институциональные различия между странами при высоком уровне централизации управления; экономическое доминирование России на постсоветском пространстве при ее технологической слабости; топливно-сырьевая специализация экономики ведущих стран региона; слабо развитая инфраструктура при большой протяженности пространства и др.

В докладе доцента Западно-Казахстанского аграрно-технического университета имени Жангир хана, к.э.н. Г.А. Айшевой затронуты вопросы потенциала и перспектив инновационного сотрудничества стран Евразийского экономического союза. Сделан вывод о необходимости активизации инновационной деятельности

в образовательных учреждениях, а также научно-технологического сопровождения инновационной деятельности, интеграции науки, образования и производства. В связи с этим научное сообщество стран Евразийского экономического союза должно активно налаживать между собой контакты по обмену опытом, обучению студентов и повышению квалификации кадров, сотрудничеству с производителями. Например, казахстанские специалисты заинтересованы в изучении лучших предложений и разработок по развитию возобновляемых источников энергии, повышению их экономической эффективности.

Важную роль, по мнению докладчика, может играть Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 г., реализация которой позволит обеспечить эффективное взаимодействие национальных инновационных систем в интегрируемом инновационном пространстве и мобилизовать имеющийся научно-технический потенциал.

Вопросы инновационного сотрудничества рассматривались также в докладе старшего научного сотрудника ИСЭРТ РАН к.э.н. М.А. Ласточкиной, посвященном анализу уровней модернизации стран Евразийского экономического союза. Был сделан вывод о том, что для успеха в формировании инновационной экономики евразийского пространства нужно наличие национальных инновационных систем институтов, социальных практик, создающих реальные возможности для развития по инновационному типу. Приоритетом модернизации стран должно стать рассмотрение и реализация путей повышения конкурентоспособности отраслей, главным образом за счет развития инноваций, что обеспечит эффективное включение стран Евразийского экономического союза в систему мирохозяйственных связей.

В докладе младшего научного сотрудника ИСЭРТ РАН И.В. Кузьмина проведена оценка международного сотрудничества регионов в сфере инновационной деятельности и выделены основные направления его развития. Отмечено, что к преимуществам международного инновационного сотрудничества в рамках ЕАЭС относится отсутствие языкового барьера, географическая близость. В качестве инструментов сотрудничества между российскими и зарубежными организациями докладчик предложил, в частности, использовать возможности как региональных, так и общероссийских программ и сетей инновационных инфраструктур, направленных на развитие международной инновационной кооперации.

В докладе доцента Новосибирского государственного университета экономики и управления, к.филос.н. Л.М. Кочетовой рассмотрены возможности и перспективы международного торгового сотрудничества в рамках ЕАЭС через развитие выставочной деятельности. По оценке докладчика, выставочный бизнес Евразийского экономического союза сегодня имеет тенденцию к объединению усилий стран-участниц для проведения экспомероприятий, а также к фокусированию на узких тематических решениях. ЕАЭС формирует экспопространство, характеризующееся развитием торгового сотрудничества в условиях глобализации мировой экономики и выставочного рынка. К особенностям выставочной деятельности союза относится интеграция в различные рынки и неотделимость от других отраслей экономики. Большое значение для интеграции в рамках Евразийского экономического союза будет иметь взаимодействие в процессе подготовки и проведения Всемирной выставки «ЭКСПО-2017», которая состоится в г. Астане.

В докладе старшего научного сотрудника Института социально-политических исследований РАН к.соц.н., доцента И.А. Селезнёва проанализирован опыт социальной интеграции Европы: уроки и перспективы для Евразийского экономического союза. По мнению докладчика, в пользу Европейской социальной модели говорит наличие таких принципов, как: социальная справедливость, социальная безопасность, социальная солидарность, конкурентоспособная экономика и экономический прогресс, благоприятная для общества экология, демократия и человеческое достоинство. Однако интеграция Европейского союза в области социальной политики отстаёт от экономической и политической конвергенции. Это следует учитывать при построении интеграционной модели социальной политики в странах ЕАЭС, поскольку здесь ситуация соответствует ранним этапам развития европейской интеграции, когда вопросам социальной политики уделялось недостаточное внимание. В то же время сложная международная обстановка, в которой находятся отдельные страны-участницы ЕАЭС, диктует потребность в повышении социальной солидарности и снижении социальной напряженности.

Возможности социального взаимодействия стран-членов ЕАЭС в интересах повышения качества жизни населения рассмотрены в докладе зам. директора по научной работе, зав. сектором ИСПИ РАН д.соц.н., профессора Г.И. Осадчей. По ее мнению, успех евразийской интеграции детерминирован социальным становлением ЕАЭС, эффективным социальным взаимодействием его государств-участников.

Докладчик сделал вывод о необходимости реализации модели наднациональной социальной политики, которая представ-

ляет собой систему взаимообусловленных социальных действий, реализуемых в рамках наднациональной стратегии интеграционного объединения. Она определяет роль субъектов наднациональной и национальной социальной политики, характер социально-трудовых отношений, принципы перераспределения национального дохода, обеспечение достойных стандартов жизни в условиях рыночной экономики, нейтрализации рисков в интересах повышения уровня и качества жизни населения интеграционного объединения. Данная модель включает в себя общие для всех государств-членов ЕАЭС элементы социальной политики, отличающие Евразийский экономический союз от других интеграционных объединений. В её нормативной базе закрепляются, устанавливаются минимальные значения показателей, выступающие индикаторами, стандартами социального благополучия и справедливости в ЕАЭС. Принципиально важно, по мнению автора, чтобы на уровне ЕАЭС было утверждено нормативное представление о том, что социальная политика, реализующая принципы социальной справедливости и социального выравнивания, способствует достижению экономических целей ЕАЭС.

Младшие научные сотрудники ИСЭРТ РАН Т.С. Соловьева и А.В. Попов рассмотрели влияние демографического фактора на обеспеченность трудовыми ресурсами экономики России и Казахстана. Они пришли к выводу о том, что в Казахстане все регионы являются трудоизбыточными, причем в основном за счет неквалифицированных работников, при явной нехватке специалистов высокой квалификации. Россия же испытывает дефицит как низко-, так и высококвалифицированной рабочей силы.

В России и Казахстане, имеющих различную структуру потребности в кадрах, при отсутствии барьеров для трудоустройства появляется возможность ликвидировать дефицит кадров по некоторым специальностям. Эту проблему можно решить в рамках Евразийского экономического союза при формировании единого рынка труда за счет привлечения иностранной рабочей силы. Кроме того, возможна активизация деятельности по содействию академической и учебной мобильности молодежи России и Казахстана путем повышения качества образовательных программ и расширения существующих квот на обучение студентов из других стран.

В докладе старшего научного сотрудника Института проблем региональной экономики РАН к.т.н. Н.Н. Шестаковой исследована проблема межгосударственной миграции граждан стран ЕАЭС с учебными целями. Отмечено, что такой вид миграции способствует встраиванию национальных систем образования и отдельных национальных образовательных организаций в мировое образовательное пространство, повышению их конкурентоспособности через улучшение качества подготовки. Это обеспечивает насыщение экономики кадрами, обладающими актуальными современными компетенциями и готовыми к инновационному развитию и повышению научного потенциала территорий. Сегодня в странах ЕАЭС отмечается низкий уровень как входящей, так и исходящей мобильности; они импортируют преимущественно англоязычные образовательные продукты, предлагая определенные образовательные программы для молодежи из развивающихся стран и стран-соседей. В связи с этим актуальным является решение задач развития межгосударственной академической мобильности.

Доклад научного сотрудника ИСЭРТ РАН к.э.н. М.А. Головчина был посвящен вопросам формирования механизмов частно-государственного партнерства в профессиональном образовании в рамках Евразийского экономического союза. Рассматривая опыт России и Казахстана, докладчик пришел к выводу о существенных различиях в реализации государственно-частного партнерства в системах профессионального образования двух стран. Если в Казахстане сотрудничество бизнеса и учебных заведений имеет широкую законодательную, институциональную и инфраструктурную поддержку, то в России узость интересов бизнеса при осуществлении взаимодействия с образовательными организациями в рамках государственно-частного партнерства в большинстве случаев делает этот институт достаточно формальным и неэффективным.

По мнению докладчика, одним из направлений международного сотрудничества России и Казахстана могла бы стать методологическая помощь в формировании организационных основ государственно-частного партнерства в сфере третичного образования. Данное направление взаимодействия может быть обозначено в качестве дополнения к Соглашению между Правительством Республики Казахстан и Правительством РФ о сотрудничестве в области культуры, науки и образовании от 28 марта 1994 г. Начало сотрудничеству может быть положено организацией на постоянной основе при Российском центре науки и культуры в Казахстане работы Совета по образовательному сотрудничеству, в полномочия которого будет входить проведение семинаров и конференций по обмену опытом взаимодействия с социальными партнерами в сфере подготовки квалифицированных кадров для экономики (с уча-

ствием руководителей учебных заведений, а также специалистов Казахстанского центра государственно-частного партнерства), проведение выездных сессий Совета в российских и казахстанских колледжах и вузах.

Тенденции образования в странах ЕАЭС были проанализированы в докладе зав. лабораторией ИСЭРТ РАН к.э.н. Г.В. Леонидовой и научного сотрудника ИСЭРТ РАН к.э.н. К.А. Устиновой. Они пришли к выводу о необходимости использования более глубоких по сравнению с существующими форм сотрудничества, которые будут предполагать согласование национальных приоритетов в научно-технической сфере, создание на многосторонней основе институционального и финансового механизмов в виде международных фондов поддержки научных исследований и инновационных проектов.

Авторами отмечены следующие основные направления сотрудничества в образовательной сфере государств ЕАЭС: совершенствование содержания, форм и методов образования на всех ступенях обучения; разработка согласованных параметров мониторинга качества образования; гармонизация образовательных программ, позволяющая упростить процедуру взаимного признания документов об образовании; совместная подготовка, организация стажировок и повышения квалификации кадров; выполнение совместных научно-исследовательских работ; осуществление взаимной экспертизы научной, научно-методической, учебно-методической продукции, нормативных документов в сфере образования.

Проблемы связи интеграционных и языковых процессов на постсоветском пространстве Центральной Азии освещены в докладе старшего научного сотрудника ИСЭРТ РАН к.и.н. О.Б. Молодова. Было подчеркнuto, что динамика интеграции

находится во взаимосвязи с этническими и языковыми процессами в Центрально-Азиатском регионе. Докладчик отметил общую тенденцию постепенного падения роли русского языка во всех странах ЦАР, главным образом, в связи со снижением удельного веса русскоязычного населения. Постепенная изоляция отдельных стран ЦАР от достижений русской культуры, образования и научного знания препятствует дальнейшим интеграционным процессам в регионе, а также легализации и получению достойного места работы трудовыми мигрантами в России – крупнейшем участнике рынка труда для выходцев из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

С точки зрения углубления интеграционных связей и устойчивости конструкции Евразийского экономического пространства представляется крайне важным, чтобы сотрудничество не ограничивалось контактами на межгосударственном уровне стран и в этот процесс более активно вовлекались регионы стран-участниц ЕАЭС.

В докладе старшего научного сотрудника Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН к.э.н., доцента Т.Ю. Микушевой были рассмотрены состояние и перспективы межрегионального сотрудничества Северного региона РФ в Евразийском экономическом пространстве. Она пришла к выводу о том, что приоритет в развитии регионов должен состоять в мобилизации всех внутренних ресурсов на развитие инфраструктуры, образования, поддержку инноваций и малого бизнеса, а также в осуществлении необходимых структурных преобразований экономики, улучшении делового климата, подъеме предпринимательской активности и местных инициатив. На этой основе можно добиться более высокого качества иностранных инвестиций, а местные предприниматели

могут выступить инициаторами в поиске и привлечении иностранных инвесторов либо быть достойными партнерами или конкурентами. В таком случае будет обеспечено широкое участие субъектов хозяйствования различных отраслей и масштабы деятельности в интеграционном процессе Евразийского экономического союза.

В докладе научного сотрудника Института социально-экономического развития территорий РАН к.э.н. Е.В. Лукина были затронуты такие вопросы межрегионального торгово-экономического сотрудничества в рамках ЕАЭС, которое является важнейшим ресурсом углубления экономической интеграции, как: создание единого межгосударственного информационного портала в сфере межрегионального сотрудничества; осуществление инвестиционной поддержки межрегиональных проектов; организация межрегиональных институтов развития инвестиционной направленности; организация проведения мероприятий в целях налаживания деловых контактов; создание специализированных структур в системе органов власти, ответственных за развитие и координацию межрегиональных связей; организация обучающих семинаров по вопросам межрегионального сотрудничества.

Соискатель кафедры экономической теории экономического факультета Белорусского государственного университета С.С. Балюк, изучив вопросы формирования инновационных кластеров в промышленном комплексе Гродненской области Республики Беларусь, сделала вывод о возможности формирования на этой основе международных кластеров для повышения конкурентоспособности всего Евразийского экономического пространства.

Значительный блок докладов был посвящен актуальной проблематике приграничного сотрудничества стран-участниц ЕАЭС.

Доцент Белгородского государственного университета, к.соц.н. В.А. Сапрыка, рассмотрев концептуальные подходы к исследованию регионального приграничного взаимодействия, предложил определять приграничную систему взаимодействия как не линейную, но эмергентную, самоорганизующуюся, приобретающую новое качество и новые характеристики. Приграничная система взаимодействия не сводится только лишь к приграничным регионам или к суммированию социально-экономических показателей этих регионов, а приобретает новую сущность в социальном ландшафте граничащих стран.

В докладе главного научного сотрудника Института проблем региональной экономики РАН д.э.н., профессора Н.М. Межевича были рассмотрены факторы эволюции экономического пространства и их влияние на развитие агломерационных связей в российско-белорусском приграничье. Отмечено, что в течение последних двух десятилетий сформировалась новая конфигурация приграничных взаимодействий вдоль российско-белорусской границы. Особенностью сложившегося экономического пространства является его относительная однородность, при этом уровень экономического развития приграничных территорий довольно низок. Поэтому приграничное сотрудничество не так явно выражено и не имеет такого разнообразия форм, как, например, сотрудничество России со странами ЕС. От практики евразийской интеграции маловероятно ожидать взрывного роста малых городов вдоль границы (как произошло, например, с г. Лаппеенранта, Финляндия). В подобной ситуации ключевыми становятся стратегические ориентиры, связанные с повышением устойчивости экономики интеграционного блока на основе производственной кооперации,

повышения конкурентоспособности продукции, расширения рынков сбыта.

На российско-белорусском порубежье возможно формирование отдельных локальных интеграционных зон. В качестве агломераций, находящихся в приграничной зоне и оказывающих трансграничное влияние на развитие малых городов в приграничной зоне, докладчик выделил со стороны Беларуси Витебск и Гомель, а со стороны России – Смоленск. Перспективным также может являться развитие малых парных городов: Сураж – Костюковичи, Рудня – Лиозно, Велиж – Сураж. Важнейшую проблему представляет расширение включенности регионов в коммуникационные каналы, обеспеченность соответствующей транспортной инфраструктурой, что позволяет дать импульс экономическому развитию, повышает связность экономического пространства.

Роль приграничного положения как фактора повышения конкурентоспособности территории России и Казахстана раскрыта в докладе зав. отделом Института экономики и организации промышленного производства СО РАН д.э.н., профессора А.С. Новоселова и ведущего научного сотрудника ИЭОПП СО РАН к.э.н., доцента А.С. Маршаловой. По мнению авторов, в настоящее время возможности приграничного взаимодействия Казахстана и России в интересах населения, проживающего на соседних территориях, используются недостаточно, несмотря на то, что со стороны высших руководителей двух стран предпринимаются активные действия, направленные на усиление всестороннего сотрудничества этих стран. На приграничных территориях появляются дополнительные возможности для развития малого и среднего предпринимательства.

Наиболее перспективные направления сотрудничества: инновации в сельском

хозяйстве; сотрудничество в сфере образования и оказания медицинских услуг; рекреация и туризм (разработка совместных туров с использованием национального колорита, исторических памятников, конного туризма и пр.); создание региональных современных транспортно-логистических центров; взаимодействие в сфере культуры и спорта (проведение дней культуры, обмен школьными экскурсиями, регулярные спортивные соревнования, обмен выставками и т.д.).

Необходимо, чтобы местные сообщества прониклись пониманием, что такое сотрудничество взаимовыгодно и его развитие ведет к повышению уровня и качества жизни на этих территориях. Руководителям территорий следует понимать, что приграничное положение с дружественной страной является дополнительным фактором конкурентного преимущества; что приграничное взаимодействие должно быть системно организовано.

Большой интерес у слушателей вызвал доклад магистра Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ К.И. Сережкиной и д.полит.н., профессора РАНХиГС В.В. Огневой «Приграничные связи субъектов как актуальное направление внешнеполитической деятельности Российской Федерации (на примере Брянской области)». В развитии приграничного сотрудничества в целом назрела необходимость не только совершенствования нормативно-правовой базы, но и выработки механизма правового регулирования взаимодействия сопредельных территорий на уровне муниципальных образований и территориальных корпораций, а также поиска путей восстановления прежних и укрепления новых связей приграничных регионов. Это может быть достигнуто только при повышении роли приграничного сотрудничества, при

усилении внимания к проблемам приграничных субъектов РФ. Для решения указанных проблем на приграничной территории необходимо активизировать деятельность соответствующих органов государственного управления, отвечающих за приграничные связи. Требуется совершенствование бюджетных и других инструментов региональной политики, координация конкретных бюджетных, налоговых, таможенных, пограничных и иных мероприятий, обеспечивающих развитие приграничных территорий. Дальнейшему развитию приграничных связей должны способствовать стабильность и предсказуемость политического курса и социально-экономического развития страны.

Младшим научным сотрудником Института проблем региональной экономики РАН Н.А. Росляковой была осуществлена оценка экономических эффектов от интеграции для городов российско-белорусского приграничья. Докладчик пришел к выводу о более активном включении Республики Беларусь в интеграционные процессы, сумевшей получить при этом некоторые положительные эффекты. Усилив экспортную специализацию, Могилевская и Гомельская области смогли завоевать новые отрасли и рынки не только в ближайшем приграничье. Произошла институциональная переориентация под новые условия. В конечном итоге это вылилось в более быстрый рост заработных плат в регионе.

Доцент Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, к.геогр.н. П.А. Черномаз на примере украинского еврорегиона «Слобожанщина» представил опыт и проблемы трансграничного сотрудничества на границах Евразийского экономического союза. Докладчик пришел к выводу о том, что за последнее

десятилетие в Украине и Российской Федерации была сформирована правовая база для развития трансграничного сотрудничества, в том числе в форме еврорегионов, на основе положений Мадридской рамочной конвенции о трансграничном сотрудничестве.

Еврорегион «Слобожанщина» выступил в роли катализатора процессов украинско-российского межрегионального трансграничного сотрудничества, направленных на улучшение жизни населения приграничных регионов. По его примеру в приграничном регионе Украины и России сформировался каркас территориально компактных еврорегионов, в основе которых лежат соглашения между расположенными по обе стороны границы территориальными органами власти и самоуправления.

Однако украинско-российские политические противоречия привели к сворачиванию трансграничного взаимодействия, разрыву гуманитарных связей и экономического сотрудничества приграничных регионов. Для выхода из кризиса необходим двусторонний украинско-российский политический диалог, одной из важных частей содержания которого должно стать создание эффективных механизмов трансграничного сотрудничества на основе имеющегося передового опыта.

Состоявшееся в рамках Интернет-конференции обсуждение проблем евразийского партнерства приводит к выводу о необходимости развития интеграции как вширь (через расширение направлений сотрудничества, которое не должно сводиться только к контактам на высшем политическом уровне либо торговому партнерству), так и вглубь (посредством вовлечения в него регионов, предприятий, различных социальных групп, отдельных граждан). Только в этом случае образованный на постсоветском пространстве Союз сможет

стать устойчивым и наполненным содержательным смыслом межгосударственным образованием, значимым в современных мировых процессах,

Подводя итог, можно отметить, что в рамках Интернет-конференции удалось рассмотреть различные аспекты международного и межрегионального сотрудничества в формирующемся Евразийском

экономическом пространстве. Представляется, что материалы конференции будут интересны и полезны как научным сотрудникам, так и представителям различных органов управления стран-участниц процесса евразийской интеграции. В дальнейшем практику проведения таких мероприятий на данной площадке планируется продолжить.

Сведения об авторе

Константин Анатольевич Гулин — доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, gil@vscc.ac.ru)

Gulin K.A.

Interregional Cooperation in the Emerging Eurasian Economic Space

Konstantin Anatol'evich Gulin — Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director, Department Head, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of SocioEconomic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, gil@vscc.ac.ru)

Abstract. In 2015 the Treaty on the Eurasian Economic Union entered into force and presented a new stage of reintegration of the countries on the territory of the former USSR. The success of this project will depend not only on collaboration at the national level, but also on the degree of the EEU countries' involvement in the integration process. The academic debate on this issue is a relevant and practically important task. The article highlights the results of the international online-conference "Interregional cooperation in the emerging Eurasian Economic Space", conducted by the Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS June, 16–20 2015. It considers the issues associated with interregional trade and economic cooperation, interaction in the sphere of science and innovation and various aspects of humanitarian cooperation. It raises important problems of cross-border cooperation of the EEU states. The article makes a conclusion about the need to develop the integration process both in scope (through expanded directions of cooperation, which should not be limited only to contacts at the highest political level or trade partnership) and depth (through involvement of regions, enterprises, different social groups, individual citizens).

Key words: international cooperation, integration, Eurasian Economic Space, interregional relations.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc/2015.5.41.4

УДК 316.014(470.12), ББК 60.504 (2Рос-4Вол)

© Морев М.В.

Опыт региональных социологических исследований

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

кандидат экономических наук
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, 379post@mail.ru

Аннотация. В статье представлен опыт Института социально-экономического развития территорий РАН в проведении социологических исследований на территории Вологодской области и Северо-Западного федерального округа. Показаны исторические аспекты возникновения системы мониторинга общественного мнения, рассмотрены его теоретико-методологические основы. Анализируется структура индикаторов мониторинга. Дается краткая интерпретация результатов исследований, отражающих тенденции социального самочувствия и социального восприятия. В том числе анализируются отношение населения к деятельности федеральных и региональных органов государственной власти, тенденции социального самочувствия, потребительских настроений, а также комплексного индикатора – индекса общественных настроений региона (ИОНР), разработанного непосредственно в ИСЭРТ РАН. Результаты выполняемых в ИСЭРТ РАН социологических исследований коррелируют с динамикой общероссийских опросов общественного мнения, которые проводятся Институтом социологии РАН (ИС РАН), Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Левада-Центром и др. Они свидетельствуют о постепенной адаптации российского общества к изменившимся после распада СССР условиям существования, позволяют увидеть наиболее важные характеристики современного этапа постсоветской российской истории, связанного с активизацией вопросов международных политических отношений, последствиями «крымской весны» и новыми вызовами, с которыми сталкивается сегодня отечественная экономика. В статье сделан вывод о том, что социологическое знание по мере эволюции всего мирового сообщества, частью которого является и российский социум, играет всё более значимую роль в процессах управления и обеспечения национальной безопасности, что связано с актуализацией нематериальных факторов развития. Поэтому внедрение результатов социологических исследований тенденций и факторов общественной трансформации в систему принятия управленческих решений на всех ее этапах служит необходимым условием эффективности управленческого процесса. 25-летний опыт ИСЭРТ РАН наглядно показывает,

что данный принцип актуален, востребован и приносит конкретные практические результаты. Он свидетельствует о том, что система обратной связи между обществом и государством, основу которой составляют социологические исследования, дает широкий срез информации о социальном самочувствии и экономическом положении, политических настроениях населения, позволяет более адекватно оценивать эффективность государственной экономической и социальной политики, полнее учитывать права и интересы различных групп населения при разработке и реализации социально значимых управленческих решений.

Ключевые слова: общество, социология, мониторинг общественного мнения, опыт региональных исследований, эффективность государственного управления.

В развитии отечественной социологии можно выделить три периода, сменяющих друг друга по принципу преемственности и обеспечивающих, таким образом, эволюционное становление науки.

В советский период, который многими рассматривается как этап, когда наука превратилась в «институт идеологического обслуживания тоталитарного режима» [6, с. 3], на самом деле было немало важных достижений¹, благодаря которым российская социология накопила значительный потенциал, позволяющий ей сегодня играть весомую роль «в социальном обновлении страны, трансформации научного знания в экономику, политику и культуру, адекватную глобальным тенденциям развития цивилизации» [6, с. 8].

В конце 1980-х – начале 1990-х годов общественная и политическая ситуации сформировали запрос на недорогие прикладные исследования, имеющие своей целью конкретные рецепты для решения той или иной задачи [6, с. 13]. В то время отсутствовал системный подход к решению

ключевых задач развития страны, имела место нескоординированность социологических исследований, а также прагматичное отношение к ним, что заключалось в финансировании лишь тех исследований, результаты которых могут быть использованы сию минуту [8, с. 20].

Сегодня перед наукой и государством встают во многом схожие задачи. Низкий уровень доверия органам власти, социальный атомизм, социальная разобщенность, аполитичность широких слоев населения, инертность гражданского участия – всех этих «унаследованных» из периода «лихих 90-х» проблем можно было бы избежать, если бы у россиян сохранилось ощущение того, что они могут влиять на положение дел в стране, что они имеют свой голос и этот голос будет услышан в высших эшелонах власти. Именно эту миссию и призвана осуществить современная социологическая наука.

«Наступивший век по прогнозам и выводам футурологии должен стать веком торжества научного мировоззрения и явить миру качественно новые принципы и подходы к организации настроенного на объединение мирового сообщества, к управлению каждым отдельным государством и обществом. Как известно, XXI веку во всемирном научном сообществе пророчат определяющий титул “века социальных наук”» [13, с. 9].

¹ Так, например, в советский период были заложены основы прикладной социологии (А.К. Гастев, Ф.Р. Дунаевский, Н.А. Витке, О.А. Ерманский, П.М. Керженцев, Т.И. Заславская); открыт первый в России факультет общественных наук с кафедрой социологии во главе с П. Сорокиным (1919–1920 гг.); в 1960-х годах был создан отдел социологии (Г.В. Осипов), лаборатории социологических исследований (В.А. Ядов, Ю.В. Арутюнян, Р.И. Косолапов, Г.М. Андреева); в 1989 г. учреждено Российское общество социологов.

Социологическое знание, описывая взаимосвязи социальных процессов и явлений, рассматривает субъективный фактор общественного развития, который, как отмечает Ж.Т. Тощенко, «играет существенную и все возрастающую роль среди факторов, определяющих содержание и вектор происходящих изменений во всем мире и в нашей стране» [19, с. 32]. Не случайно в современном мире «информационная война играет значительно большую роль, чем военная сила» [18].

Очевидно также, что официальная статистическая информация, которой пользуются органы власти, анализируя положение дел в стране, не дает полной информации о втором участнике «диалога» — обществе. Без внимания остаются такие важнейшие аспекты, как настроения людей, их отношение к различным сферам личной и общественной жизни, к деятельности властных структур, глубинные причины и возможные последствия тех или иных социальных явлений. Такие сведения может дать только социологическая наука.

Таким образом, вектор развития современного общества диктует необходимость обращения всё большего внимания на мнение населения при осуществлении государственного управления. Сегодня социологию интересуют не реализация товаров и услуг (как это было в 1990-е гг.), а «состояние и проблемы общественного и группового сознания, готовность действия (или деятельности) по реализации того, что созрело в душах и сердцах людей» [20, с. 7].

Для получения объективной и глубокой информации об обществе важным фактором является осуществление социологических исследований в мониторинговом режиме. Только так можно обеспечить системный характер получения сведений, которые будут отражать динамику общественного мнения в различные истори-

ческие периоды и показывать реакцию различных групп общества на изменения, происходящие в стране. И, разумеется, только такой характер информации будет иметь реальную практическую пользу как для науки, так и для управленческой деятельности.

Актуальность мониторингового характера исследований подчеркивала Т.И. Заславская еще в начале 1990-х гг. [7, с. 12], и сегодня этот принцип остается одним из главных условий получения объективных результатов. Научные публикации не должны быть основаны на так называемых «ментальных фото» общества, социальной группы или какой-либо отдельно взятой проблемы, на что особое внимание обращает Ж.Т. Тощенко — главный редактор журнала «Социс», пожалуй, одного из самых авторитетных российских изданий по социологической проблематике [20, с. 6].

Институт социально-экономического развития территорий РАН является одной из тех научных организаций, которые имеют практический опыт социологических измерений общественного мнения на региональном уровне, причем именно в мониторинговом режиме. У истоков Института стоят ведущие российские ученые (*Г.В. Осипов, Д.С. Львов, Н.М. Римашевская и др.*). И, конечно, его сотрудники под непосредственным руководством директора ИСЭРТ РАН *В.А. Ильина* также приложили немало усилий для того, чтобы в Вологодской области появилась организованная система получения объективных и оперативных сведений о динамике общественного развития.

Социологические исследования ИСЭРТ с самого начала обладали не только регулярным, но и комплексным характером, важность которого подчеркивала Т.И. Заславская. Они не ограничиваются проблематикой политических и социально-эко-

номических отношений, но раскрывают и проблемы здоровья населения, территориальных особенностей условий жизни, возможностей и механизмов реализации трудового потенциала, перспектив развития гражданского общества, психологического самочувствия населения и многие, многие другие (табл. 1).

Исследование общественного мнения по ключевым вопросам социально-экономической политики и основным проблемам, волнующим население, ИСЭРТ РАН проводит с 1995 года. Каждые два месяца опрашивается 1500 жителей старше 18 лет в двух крупных городах (Вологда, Череповец), а также в 8 районах области

Таблица 1. Краткая характеристика социологических исследований, проводимых ИСЭРТ РАН

Тематика исследований и основные исследовательские проекты	Год начала исследования	Наличие авторского патента
<i>Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения</i>		
Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области	1995	База данных мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2013620087. База данных мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения регионов Северо-Западного федерального округа, свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2012621290.
Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения регионов Северо-Западного федерального округа	2005	
<i>Воспроизводство населения территории: тенденции и резервы</i>		
Условия формирования здорового поколения	1995	База данных мониторинга изучения условий формирования здорового поколения Вологодской области, 2012 г., свидетельство о государственной регистрации № 2012620788.
Мониторинг состояния здоровья населения	1999	
Мониторинг социально-психологического климата и психического здоровья населения	2000	
Репродуктивное здоровье и репродуктивный потенциал населения	2004	
Суицидальное поведение населения	2004	
Социальное здоровье населения	2010	
Качественные демографические изменения в населении как важнейшая характеристика демографического кризиса	2013	
<i>Управление человеческим капиталом и инновационное развитие территории</i>		
Мониторинг качества трудового потенциала	1996	База данных мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области, 2012 г., свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2012620757 № 2011614700. База данных мониторинга изучения условий формирования здоровья новорожденных Вологодской области № 2015620146.
Трудовое поведение как форма реализации индивидуального трудового потенциала	2011	
Формирование научно-образовательного пространства	2009	
Формирование человеческого капитала территорий	2010	
Институциональный анализ регионального рынка труда	2010	
Человеческий потенциал сельских территорий	2013	
<i>Социокультурная модернизация в России, ее состояние в регионах страны</i>		
Экономическое поведение населения (сберегательное, финансовое, инвестиционное и т.д.)	2001	Информационно-аналитическая система мониторинга уровней модернизации регионов России, свидетельство о государственной регистрации № 2012661285.
Социально-экономическое неравенство населения региона	2006	
Социокультурный портрет Вологодской области	2008	
Мониторинг условий проживания населения г. Вологды	2003	–
Мониторинг формирования малого и среднего бизнеса в современных условиях	2002	База данных опросов малого и среднего бизнеса Вологодской области, свидетельство о государственной регистрации № 2012620336 (04.01.2012).

(Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский и Шекснинский; ошибка выборки не превышает 3%)².

В качестве основного метода мониторинга мы выбрали метод анкетирования по месту жительства, позволяющий получать достоверные результаты исследования, прежде всего, за счет создания удобных условий для анкетеров и респондентов, осуществляющих непосредственное взаимодействие. Немаловажным фактором при выборе метода стал значительный объем выборочной совокупности исследования (в год опрашивается около 9 тысяч жителей региона), частота проведения опросов (6 раз в год), а также широкий спектр тематических блоков, которые мы стараемся охватить в каждом конкретном случае (анкета включает в себя более 100 вопросов, объединенных более чем в 10 тем³).

Многоуровневая структура исследования по сбору, обработке и анализу информации включает в себя сотрудников головного центра (непосредственно ИСЭРТ РАН), в функции которого входит общая координация работ, организация опросов в областном центре, обработка и анализ информации; организаторов опросов в районах области, координирующих деятельность анкетеров и проводящих обучение на местах; и непосредственно анкетеров в каждой точке опроса.

² Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области.

³ При проведении каждой новой «волны» опроса структура анкеты несколько меняется за счет того, что мы стараемся держать руку «на пульсе» событий, происходящих в жизни страны и региона. Поэтому точные цифры о количестве вопросов и тем привести достаточно сложно.

В круг вопросов, рассматриваемых в мониторинге, входят:

1. Оценка населением политической и экономической ситуации в стране, регионе.
2. Восприятие людьми актуальных проблем современной жизни.
3. Материальное положение населения, социально-экономическая стратификация.
4. Уровень потребления и измерение индекса потребительских настроений (ИПН).
5. Социальное настроение и удовлетворенность жизнью.
6. Отношение людей к политике властных структур, оценка их деятельности.
7. Уровень социального доверия политическим и общественным институтам.
8. Уровень социальной напряженности и потенциал социального протеста.
9. Социальный капитал и потенциал развития гражданского общества.
10. Оценка личной безопасности и правопорядка.
11. Отношение населения к деятельности средств массовой информации.

Важно подчеркнуть, что срез социологической информации, получаемый в результате исследования, анализируется в разрезе 14 социально-демографических категорий населения, что дает богатую пищу для научных размышлений, но самое главное – важную информацию для органов, принимающих управленческие решения. Возможность изучения социального самочувствия и социального восприятия в отдельных социальных слоях населения позволяет ИСЭРТ РАН в концентрированном виде предоставлять органам власти информацию о наиболее актуальных проблемах, волнующих представителей той или иной категории, об их реакции на различные события, происходящие в жизни страны и региона.

Одной из форм такого представления является *Информационно-аналитический бюллетень «Эффективность государственного управления в оценках населения»*, который ИСЭРТ РАН выпускает с 2013 года после каждой новой волны опроса. Выпуски бюллетеня содержат иллюстративный материал с результатами проведенного этапа мониторинга, а также анализ динамики общественного мнения, осуществленный сотрудниками Института.

Опыт социологических исследований на территории Вологодской области получил положительную оценку со стороны академических и государственных структур. В связи с этим, по решению Бюро секции экономики ООН РАН, начиная с 2005 г. ИСЭРТ РАН распространяет его на территорию Северо-Западного федерального округа.

В ходе мониторинга опрашивается более 5000 человек в десяти регионах Северо-Западного федерального округа (Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, Республика Карелия, Республика Коми, г. Санкт-Петербург)⁴. Объем выборки по каждому региону составляет не менее 400 респондентов.

Увеличение территории исследования потребовало существенных организацион-

⁴ Объем выборки по каждому региону не менее 400 респондентов позволяет с высокой степенью достоверности (ошибка выборки не более 5% при вероятности 95%) судить о ситуации в отдельно взятом субъекте СЗФО и осуществлять межрегиональные сопоставления. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. При определении точек опросов учитывается их равнопредставленность в федеральных избирательных округах; при проведении опросов в населенных пунктах – их равнопредставленность в избирательных округах (участках). Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения региона.

ных изменений. Так, при проведении опросов по СЗФО используется сеть опросных центров, состоящая из головного центра (ИСЭРТ РАН) и представительств в отдельных областях и республиках региона. При этом опросы проходят по единой методике; обеспечивается репрезентативность как обобщенных (в целом по округу) данных, так и данных по отдельным областям и республикам федерального округа.

Территориальный охват накладывает отпечаток и на тематику опросов. Например, в рамках федерального округа изучаются такие проблемы российского общества, как социальная мобильность населения, социальная и социокультурная стратификация, ценностные основы общества и т.д.

Потребовалась бы не одна монография для представления всех результатов социологических исследований, проведенных ИСЭРТ РАН. В данной статье остановимся только на тех из них, которые считаем наиболее интересными и актуальными с точки зрения характеристики общественного развития. Выбранные для представления темы, на наш взгляд, в полной мере демонстрируют качество и глубину научного подхода, с помощью которого ИСЭРТ РАН занимается изучением социума. Они свидетельствуют о том, что многолетняя поддержка ведущих российских ученых и представителей региональных органов государственной власти не прошла даром. Спустя 25 лет ИСЭРТ РАН превратился в крупную ячейку российской науки на региональном уровне.

Созданный на территории Вологодской области механизм получения сведений о российском обществе обладает не только системной основой, но и комплексным, многоаспектным характером, затрагивающим самые разные стороны социальной реальности, самые актуальные проблемы,

волнующие население и представителей конкретных социально-демографических групп. Поэтому еще одна проблема современных социологических исследований, на которую обращает внимание Ж.Т. Тощенко [20, с. 6], – «разрыв социологической мысли с реальной жизнью», недостаточность «эффективного сочетания теоретической мысли с эмпирическими данными, с прикладной стороной вопроса» – в Вологодской области с успехом решается, о чем, в частности, свидетельствует регулярное обращение к результатам социологических измерений ИСЭРТ РАН лиц, принимающих управленческие решения, и представителей общественных организаций.

Наглядным доказательством оценки заслуг ИСЭРТ РАН в деле укрепления региональной социологической науки стало проведение на Вологодской земле Всероссийской научно-практической конференции «**Общество и социология в современной России**», посвященной XX годовщине Дня социолога в Российской Федерации (13–15 ноября 2014 г.). Участниками этого форума стали ведущие представители российской социологической науки: *Г.В. Осипов, М.К. Горшков, Ж.Т. Тощенко, В.В. Федоров, В.В. Локосов* и многие другие

Система индикаторов, которые используются в мониторинге ИСЭРТ РАН, включает в себя десятки показателей, отражающих самые разные аспекты общественной жизни. В данной статье будут представлены только те из них, которые, на наш взгляд, являются ключевыми, наиболее репрезентативно отражающими тенденции социального восприятия и социального самочувствия.

За каждым из конкретных индикаторов, о которых пойдет речь далее, стоит целый блок вопросов, более глубоко раскрывающих конкретные аспекты отношения людей к этим феноменам социальной реальности.

Например, оценивая деятельность Президента страны, мы спрашиваем у людей, насколько успешно он справляется с ключевыми проблемами страны (укрепление международных позиций, защита демократии и укрепление свобод граждан, рост материального благосостояния); насколько приоритетными, на их взгляд, являются для Президента эти направления деятельности; как люди относятся к экономической политике, проводимой органами государственной власти и т.д.

Исследуя отношение жителей области к деятельности региональной власти, мы фиксируем не только уровень ее поддержки, но и мнение об инициативных проектах губернатора, о его представлении в средствах массовой информации, о том, насколько успешно глава региона справляется с конкретными проблемами, беспокоящими население и т.д.

Большинство индикаторов Мониторинга, в т.ч. ключевые, остаются неизменными на протяжении всего периода проведения исследований (с 1995 г.), некоторые из «второстепенных» индикаторов меняются в зависимости от конкретной ситуации, складывающейся в стране и регионе на момент проведения опроса.

Итак, для того чтобы оценить динамические изменения, происходящие в социальном самочувствии и социальном восприятии жителей Вологодской области, ИСЭРТ РАН использует два типа индикаторов: комплексные и (назовем их условно) «прямые». Разделены они по самому простому методическому признаку: комплексные индикаторы вбирают в себя сведения, получаемые из комплекса различных вопросов; «прямые» – это ответы респондентов на конкретные вопросы, которые, хотя и не являются комплексными, играют не меньшую роль в плане отражения динамики общественного мнения. Чтобы

показать это на конкретных примерах, с них мы и начнем представление ключевых индикаторов мониторинга.

Оценка деятельности власти. Оценка деятельности органов власти — это не просто отношение к одному из социальных институтов, коими являются также общественные организации, СМИ, церковь и т.д. Это отношение ко всему выбранному курсу общественного развития, в котором глава государства является главным инициатором тенденций, а губернатор — главным «проводником» заданного направления в регионе. Поэтому среди всех федеральных, региональных и муниципальных органов государственного управления (которые также фигурируют в Мониторинге) мы уделяем особое внимание оценке деятельности Президента РФ и губернатора Вологодской области.

В менталитете российского общества глава государства (как бы эта должность не называлась) всегда имел особый авторитет. Именно с ним во все исторические эпохи всегда связывались надежды и ожидания россиян. И именно личность всегда брала на себя основную ответственность за курс общественного развития. Что уж говорить об отношении россиян к личности действующего Президента РФ В. Путина! Та планка общественного доверия, которую он задал своими действиями еще в начале 2000-х гг. и которую он смог поднять еще выше благодаря своим успешным действиям в 2013–2014 гг., была и остается до сих пор недостижимой ни для одного из политических деятелей страны.

Результаты наших и общероссийских исследований наглядно показывают, насколько резким был скачок поддержки главы государства в 2000 г., когда В.В. Путин сменил на этом посту Б.Н. Ельцина; насколько значительным было снижение уровня одобрения Президента, когда эту

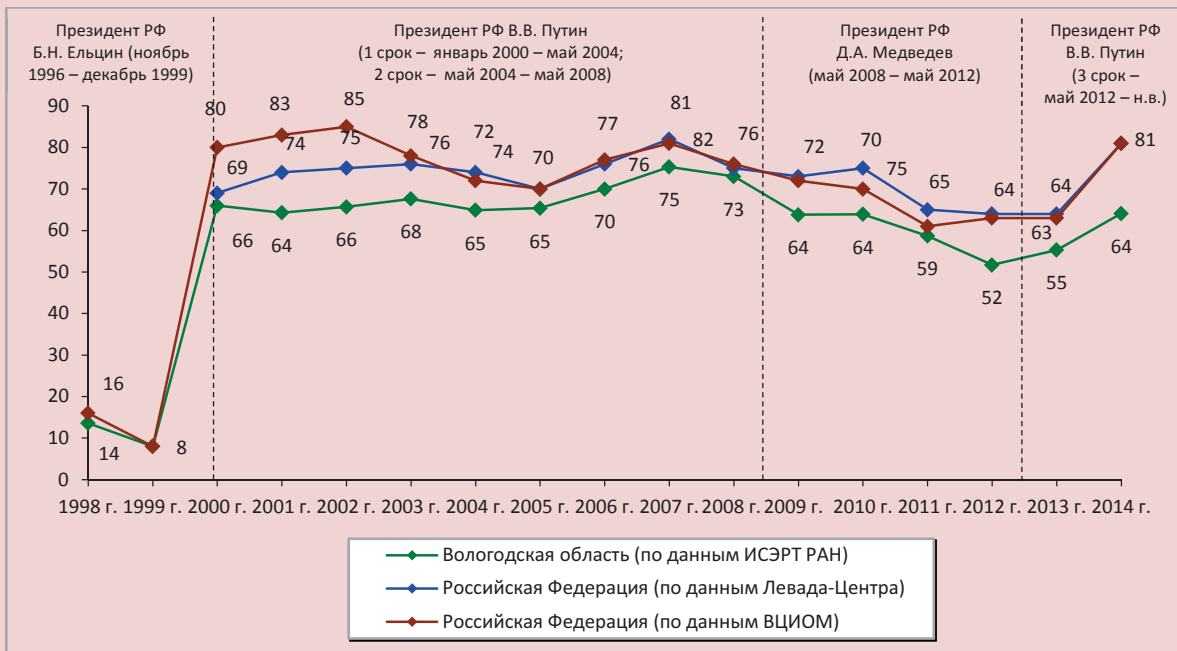
должность занимал Д.А. Медведев; какие надежды возлагало общество на возвращение В.В. Путина в преддверии его третьего президентского срока; и насколько велика оказалась его поддержка в непростых геополитических условиях, связанных с событиями на Украине (*рис. 1*).

Сегодня действующий Президент РФ обладает непоколебимым авторитетом, и это можно расценивать двояко: с одной стороны, концентрация надежд общества на личности одного человека, на наш взгляд, делает всю политическую систему страны несколько уязвимой; однако, с другой стороны, это несет в себе существенный потенциал для оживления консолидационных процессов, практически уничтоженных деятельностью власти в 1990-е годы.

Что касается губернатора Вологодской области, то отношение её жителей к его деятельности не столь однозначно (*рис. 2*). Косвенно на оценку деятельности руководителей местного уровня, как и на отношение к любым другим политическим деятелям, влияет высокий уровень доверия Президенту. Концентрируя свои надежды на личности главы государства, люди проецируют негативные аспекты своего восприятия на другие институты власти, причем «каждое нижестоящее звено вертикали власти уступает в уровне поддержки вышестоящему. Наибольший уровень недовольства населения фокусируется в органах местного самоуправления, что вполне естественно, учитывая их близость к каждодневной жизни граждан и за работой которых можно следить не только по телевизору» [17, с. 14].

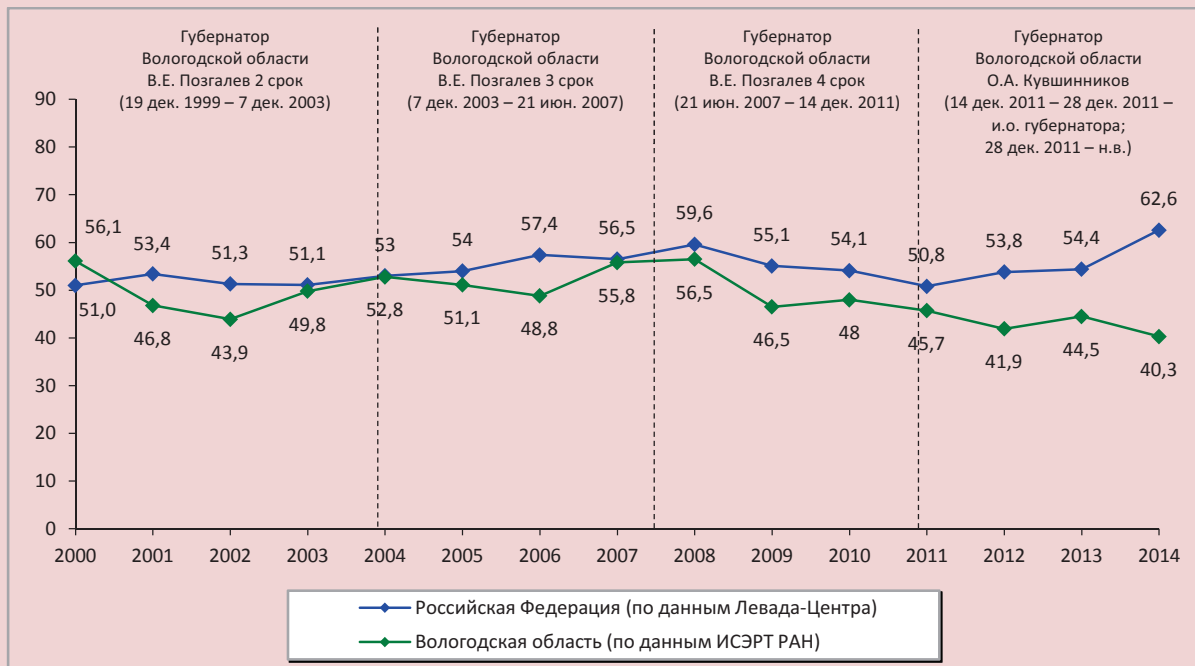
Нельзя также забывать о том, что Вологодская область, вследствие своей сильной зависимости от положения дел в «Северстали», оказалась в числе первых субъектов Российской Федерации, ощутивших

Рисунок 1. Уровень одобрения деятельности Президента РФ по данным ВЦИОМ, Левада-Центра и ИСЭРТ РАН (в % от числа опрошенных)

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН, ВЦИОМ, Левада-Центра.

Рисунок 2. Уровень одобрения деятельности губернатора Вологодской области и работы глав субъектов РФ в среднем по стране по данным Левада-Центра и ИСЭРТ РАН (в % от числа опрошенных)

на себе влияние мирового финансового кризиса 2008 г. Пожалуй, это стало одной из главных причин того, что последовавший за ним бюджетный кризис регионов также отразился на экономической ситуации в области более сильно, чем в других субъектах РФ, и это не может не сказываться на отношении людей к деятельности команды губернатора.

Уровень одобрения деятельности власти отражает ее поддержку населением на текущий момент времени, с учетом тех или иных управленческих решений, принимаемых ею. Однако можно по-разному относиться к тем или иным действиям представителей государственного управления и при этом доверять им в принципе. «Пошатнуть» уровень доверия может лишь последовательный ряд непопулярных в обществе решений. Поэтому более «глубокое» отношение к деятельности властных структур отражается уровнем доверия.

Не вдаваясь в подробности динамических изменений данного показателя (в целом он соотносится с тенденциями уровня одобрения), отметим лишь, что в российском обществе крайне выраженным остается влияние ментального фактора, который, казалось бы, должен был существенно трансформироваться после десятилетнего периода 1990-х гг. вместе с преобразованиями, произошедшими в системе ценностных установок россиян. Власть (прежде всего, глава государства) и церковь — два традиционных для российского общества института, которым люди доверяют больше всего. И если доверие Президенту РФ во многом можно объяснить ролью личности в истории (отношением к В. Путину), то доверительное отношение к церкви однозначно выдает сохранность ментальных установок, пребывавших последние 20–25 лет «в спящем режиме» [5, с. 10].

Таким образом, оценку деятельности власти мы рассматриваем как наиболее репрезентативный индикатор, отражающий восприятие людьми условий социальной реальности и тенденций общественного развития. Остается только добавить, что это не единственный показатель, на который мы ориентируемся, анализируя социальное восприятие. Оценка экономической и политической ситуации, отношение к условиям проживания на конкретной территории муниципального образования, партийно-политические предпочтения населения и т.д. — все это также учитывается при анализе результатов мониторинга общественного мнения, в котором, помимо отношения людей к условиям жизни, немаловажное значение уделяется и тому, как они характеризуют свое материальное положение.

Индекс потребительских настроений (ИПН). Ключевым индикатором самооценки материального положения для нас является индекс потребительских настроений, который отражает не столько восприятие людьми текущей экономической ситуации в стране, в регионе и даже не столько оценку своего личного благосостояния, сколько их ожидания относительно личных перспектив развития в ближайшем будущем. Динамика ИПН дает представление о субъективном ощущении не только того, что есть сегодня, но и того, что будет завтра, а от этого ощущения уже и складывается реальное поведение людей. Именно этот психологический аспект делает ИПН уникальным макроэкономическим индикатором, к которому обращаются ученые и исследователи по всему миру. И именно это привело нас к тому, чтобы рассматривать ИПН в качестве одного из ключевых индикаторов мониторинга общественного мнения.

Таблица 2. Вопросы, используемые для расчета ИПН

№ п/п	Название индекса	Формулировка вопроса
1.	Индекс текущего личного материального положения	Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи: оно лучше или хуже, чем было год назад?
2.	Индекс перспектив личного материального положения	Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше или хуже или примерно такое же, как сейчас?
3.	Индекс краткосрочных перспектив развития экономики страны	Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут для экономики страны хорошим временем или плохим или каким-либо еще?
4.	Индекс долгосрочных перспектив развития экономики страны	Если говорить о следующих пяти годах, они будут для экономики страны хорошим или плохим временем?
5.	Индекс целесообразности приобретения товаров длительного пользования	Если говорить в общем о крупных покупках для дома, то, как Вы считаете, сейчас хорошее или плохое время для того, чтобы покупать большинство таких товаров?

Для расчета ИПН мы используем методику, разработанную Мичиганским университетом США в 1950-х гг. (сегодня эту методику применяет Левада-Центр). Она строится на основе данных опросов общественного мнения по пяти вопросам, для каждого из которых рассчитываются частные индексы (табл. 2)⁵. Средняя арифметическая из частных индексов даёт совокупную величину — индекс потребительских настроений.

Специфика построения ИПН заключается в том, что на основе микроэкономической информации создаётся обобщённый индикатор изменений, происходящих в экономике в целом. Это позволяет выявлять такие зависимости социально-экономических изменений, которые сложно зафиксировать посредством обычных макроэкономических связей. Благодаря этому индекс не только чутко фиксирует тенденции экономической и социальной ситуации, но и реагирует на её возможные изменения, что представляет возможности для прогнозирования дальнейшего развития страны и региона.

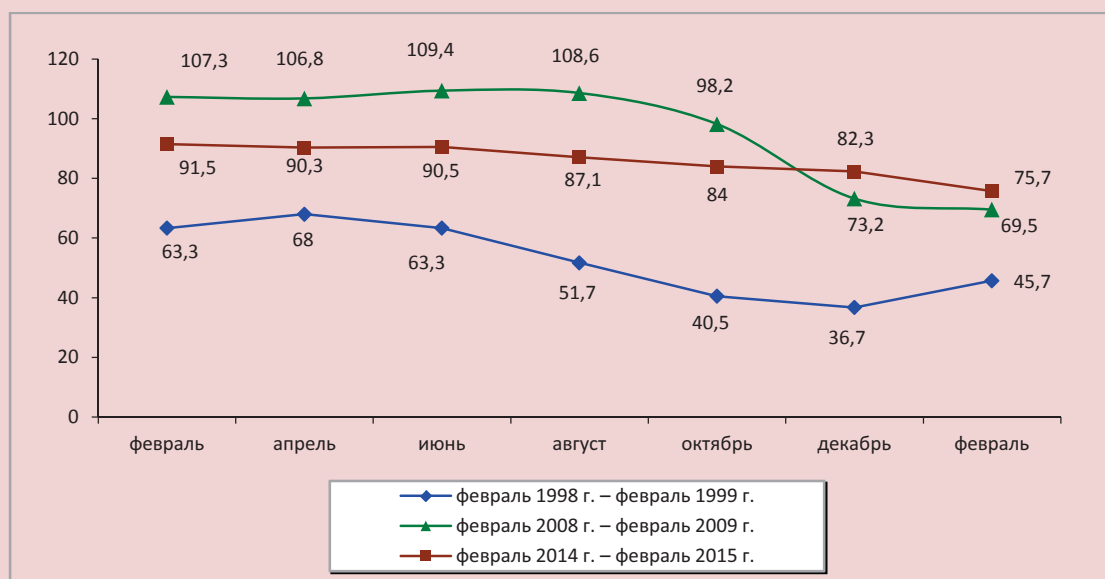
⁵ Для расчёта частных индексов из доли положительных ответов (в процентах) вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные — 200, равновесие первых и вторых — индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.

Приведем пример (рис. 3): снижение ИПН предшествовало дефолту в августе 1998 года и продолжалось в первые месяцы кризиса. Аналогичные изменения индекса имели место в августе 2008 г., когда население столкнулось с последствиями мирового финансового кризиса. С июня 2014 г. мы вновь отмечаем менее выраженную, но все-таки негативную динамику снижения ИПН. С июня индекс снизился с 91 до 84 пунктов, как раз тогда, когда на российской экономике стали сказываться последствия двусторонних санкций, когда достигли своей критической точки затянувшиеся проблемы региональных бюджетов, когда начались беспрецедентные колебания курса национальной валюты, когда опасения очередного экономического кризиса стали «вытеснять» патриотические настроения из общественного сознания [2].

Не акцентируя внимание на динамике частных индексов, входящих в структуру ИПН, отметим одну крайне важную особенность: для российского общества, пережившего в рамках одного поколения не один и даже не два крупномасштабных кризиса, затронувших не только сферу материального положения, но и более глубокие пласты общественной жизни, психологическое ощущение кризиса крайне обострено и влияет на социальное восприятие и социальное самочувствие не меньше, чем реальное положение дел в экономике.

Рисунок 3. Динамика индекса потребительских настроений (ИПН) в 1998, 2008 и 2014 гг. (в пунктах)

Итак, оценка деятельности власти и индекс потребительских настроений – два ключевых индикатора, на которые мы обращаем приоритетное внимание, анализируя тенденции социального восприятия, динамику общественного мнения о жизни в стране, регионе, в конкретном населенном пункте. Как и в отношении оценки работы органов государственного управления, за индексом потребительских настроений стоит немало других индикаторов, которые не ускользают из поля нашего зрения: социальная самоидентификация (доля жителей региона, субъективно относящих себя к категориям «бедных», «нищих», «людей среднего достатка» и «богатых»); субъективная оценка фактического и желаемого уровня доходов; оценка материального положения семьи, а также экономической ситуации в стране и регионе. Эти и многие другие индикаторы измеряются на регулярной основе, анализируются в долгосрочной и краткосрочной динамике и предоставляются органам власти для принятия во внимание при подготовке управленческих решений.

Социальное настроение. Если оценку деятельности власти мы рассматриваем как главный индикатор социального восприятия, то ключевым показателем социального самочувствия населения для нас является социальное настроение.

Социальное настроение – это ключевой элемент общественного сознания, возникающий как реакция на воздействие внешних социальных объектов, как результирующее или доминантное чувство, порождённое этими объектами, осознаваемое или неосознаваемое [23]. Подчеркивая важность данного индикатора, Ж.Т. Тощенко отметил, что оно «объективно выступает определяющим, интегрирующим показателем уровня благополучия, социальной устроенности или неурюенности, степени устойчивости... Социальное настроение как важнейшая характеристика общественного сознания участвует в регулировании как отдельных поступков, действий людей, социальных групп, общественных институтов, так и демонстрирует их умонастроения и мироощущения, ценностные ориентации и установки» [19, с. 30].

Существует множество федеральных и региональных подходов к пониманию и измерению социального настроения⁶. В методике ИСЭРТ РАН респондентам предлагается выбрать один из четырёх вариантов ответа на вопрос «Что бы Вы могли сказать о своём настроении в последние дни?»: «прекрасное настроение», «нормальное, ровное состояние», «испытываю напряжение, раздражение», «испытываю страх, тоску». Экономичность, оперативность и простота подсчёта полученных результатов наряду с корреляцией с общероссийскими тенденциями общественного мнения (см. рис. 4) обуславливают правомерность использования данного подхода в качестве репрезентативного экспресс-метода исследования социального самочувствия.

Результаты и наших, и федеральных исследований наглядно демонстрируют тот факт, что социальное настроение отражает общий характер тенденции общественного развития. Подъемы и спады социального самочувствия россиян практически совпадают (с небольшим временным лагом) с периодами стабилизации и дестабилизации ситуации в стране и мире [16, с. 3]. Они свидетельствуют о том, что российское общество медленно, но верно адаптируется

к изменившимся после распада СССР и после длительного стрессогенного периода 1990-х гг. новым условиям социальной реальности. При этом чутко реагируя на крупные события, происходящие в жизни страны и региона. Не случайно положительная динамика социального настроения была прервана лишь в 2009 г., когда Вологодская область столкнулась с последствиями мирового финансового кризиса (причем это «столкновение» оказалось для региона более существенным, чем для многих других субъектов Российской Федерации). Тем не менее мировой финансовый кризис оказался не сравнимым с тем, что обществу удалось пережить в 1991 и 1998 гг. Осознание этого привело к тому, что ухудшение социального настроения стало кратковременным явлением и уже с 2010 г. доля людей, позитивно характеризующих свое настроение, продолжила увеличиваться (рис. 4).

Отдельные события в жизни страны влияют на социальное настроение всех категорий населения, однако в различных социально-демографических группах они проявляют себя по-разному. Например, за период с февраля 2014 по август 2015 г. в истории России можно выделить два этапа: первый этап связан с успешным выступлением российской сборной на Олимпийских играх, с вхождением Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации. Второй этап связан с ухудшением экономической ситуации и материального положения людей, с действием двусторонних санкций, с колебаниями курса национальной валюты, с обострением затянувшегося бюджетного кризиса регионов.

Как ни странно, но за этот период (2014–2015 гг.) настроение «бедных» людей улучшилось, а относительно «богатых» — ухудшилось (табл. 3). Доля тех, кто испытывает положительные эмоции, среди 20%

⁶ ВЦИОМ, например, строит интегральный индекс социального настроения на основе двух комплексных индексов: индекса социального самочувствия и индекса оценок положения дел в стране, каждый из которых состоит, в свою очередь, из ответов респондентов на три вопроса, более глубоко раскрывающих их суть. Для вычисления индекса социального самочувствия используются вопросы: «В какой мере Вас устраивает жизнь, которую Вы ведёте?»; «Как Вы считаете, через год Вы (Ваша семья) будете жить хуже или лучше, чем сейчас?»; «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?». Для вычисления индекса оценок положения дел в стране — «Как бы Вы оценили нынешнее экономическое положение России в целом?», «Как бы Вы оценили в целом нынешнюю политическую обстановку в России?», «Насколько Вы согласны с тем, что дела в стране идут в правильном направлении?». Интегральный индекс социального настроения является средним значением всех шести частных индексов.

Рисунок 4. Доля людей, положительно характеризующих свое настроение в Российской Федерации и Вологодской области (в % от числа опрошенных)

Таблица 3. Что бы Вы могли сказать о своём настроении в последние дни? (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние»; в % от числа опрошенных)

Показатель	Фев. 14	Апр. 14	Июнь 14	Авг. 14	Окт. 14	Дек. 14	Фев. 15	Апр. 15	Июнь 15	Авг. 15	Изменение (+/-)	
											авг.15 к фев.15	авг.15 к фев.14
Пол												
Мужской	65,8	68,5	71,3	69,5	68,8	69,7	61,7	67,4	72,7	75,2	+14	+9
Женский	64,4	70,0	71,0	71,4	69,8	72,0	61,9	67,8	66,8	71,3	+9	+7
Возраст												
До 30 лет	71,8	70,8	76,1	79,1	76,6	76,4	71,3	73,5	79,4	78,9	+8	+7
30–55 лет	66,4	70,0	71,8	70,3	68,3	69,8	58,3	67,9	67,6	72,1	+14	+6
Старше 55 лет	58,6	67,2	66,7	64,9	66,1	69,1	60,7	63,7	65,9	70,8	+10	+12
Образование												
Среднее и н/среднее	55,6	61,3	61,7	63,3	65,4	67,8	54,8	62,1	64,0	70,2	+15	+15
Среднее специальное	66,0	70,7	72,2	71,3	70,2	71,8	65,2	68,2	73,6	75,3	+10	+9
Высшее и н/высшее	74,1	78,1	80,4	77,7	73,3	73,5	65,8	73,1	70,6	74,1	+8	0
Доходные группы												
20% наименее обеспеченных	43,2	47,4	54,9	54,1	50,2	55,1	38,3	55,6	57,1	55,7	+17	+13
60% средне-обеспеченных	68,6	72,6	72,7	71,5	73,5	75,0	65,2	69,2	71,3	77,7	+13	+9
20% наиболее обеспеченных	87,1	82,7	89,0	89,6	79,0	81,6	80,3	78,1	82,5	85,1	+5	-2
Территории												
Вологда	72,3	75,6	78,6	80,7	75,5	75,6	66,4	72,5	75,6	77,9	+12	+6
Череповец	76,0	79,0	79,9	76,5	72,8	73,2	63,1	69,8	71,2	74,9	+12	-1
Районы	55,2	60,7	62,3	61,5	64,0	67,1	58,6	63,7	65,1	69,4	+11	+14
Область	65,1	69,3	71,1	70,5	69,3	70,9	61,8	67,6	69,5	73,1	+11	+8

наименее обеспеченных увеличилась на 13 п.п. (с 43 до 56%), а среди 20% наиболее обеспеченных — снизилась на 2 п.п. (с 87 до 85%). Очевидно существенное влияние нематериальных факторов: роста интенсивности консолидационных процессов, чувства патриотизма и гордости за страну и ее лидера, понимания того, что главным индикатором эффективности государственного управления, как сказал Президент РФ, является мнение самих людей.

Каким является социальное самочувствие россиян сегодня? Ответ на этот вопрос достаточно полно и точно был представлен учеными Института социологии в недавно вышедшем докладе о состоянии российского общества. Мы, со своей стороны, с позиции региональных исследователей, можем лишь подтвердить данную характеристику: «Противоречивые оценки, которые россияне дают происходящим сегодня социальным переменам, свидетельствуют о сложившейся в массовом сознании неопределенности видения тенденций и перспектив развития страны... Социальный контекст происходящих в стране трансформаций отражается в противоречивом социально-психологическом состоянии населения. Немногим более половины наших сограждан позитивно оценивают своё психоэмоциональное состояние, и почти половина россиян к концу 2014 года отличалась негативным социально-психологическим самочувствием (четверть ощущала чувство тревоги, каждый пятый испытывал апатию, раздраженность, реже — озлобленность)» [16, с. 3].

В заключение нашего представления социального настроения как одного из ключевых индикаторов мониторинга общественного мнения хотим обратить внимание на то, что, кроме данного показателя, при анализе динамических изменений социального самочувствия мы

используем и другие индикаторы, такие как запас терпения, потенциал протеста, а также результаты специального исследования, посвященного характеристике общественного психического здоровья. Чтобы «не отнять» значимость, которую мы придаем индикатору социального настроения, в данном контексте мы не будем останавливаться на анализе их динамики. Отметим только, что в целом они подтверждают тенденции социального самочувствия, о которых мы говорили выше и которые отмечаются не только на региональном, но и на российском уровне.

Индекс общественных настроений региона (ИОНР). В 2008 г. в Институте была разработана методика вычисления индекса общественных настроений региона — комплексного показателя, по смыслу «вбирающего» в себя элементы и социального восприятия, и социального самочувствия.

Индекс общественных настроений региона состоит из двух субиндексов — индекса отношения к властям и индекса социального самочувствия, причём сами их названия во многом отражают специфику вопросов, используемых для расчета ИОНР (всего для расчета используется 12 вопросов).

Измерение индекса общественных настроений было апробировано на данных Мониторинга общественного мнения, проведённого ИСЭРТ РАН в 10 регионах Северо-Западного федерального округа в период с 2005 по 2010 г. Судя по расчётам, в среднем по СЗФО показатель интегрального индекса в 2010 г. составил 108,2 пункта, что свидетельствует о перевесе позитивных оценок социального настроения над негативными (табл. 4).

По сравнению с 2005 г. в среднем по Северо-Западу и на всех территориях округа наблюдалась положительная динамика интегрального индекса. Самое существенное увеличение ИОНР произошло

Таблица 4. Индекс общественного настроения региона (ИОНР)

Индексы	Территории	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2010 к 2005, +/-
<i>Индекс социального самочувствия</i>	Архангельская обл.	87,0	107,1	104,8	102,2	113,8	118,1	+31
	Псковская обл.	–	108,1	114,1	107,6	97,8	117,4	–
	г. Санкт-Петербург	99,0	121,2	123,8	110,1	102,6	117,1	+18
	Ленинградская обл.	96,5	111,8	109,8	114,4	102,0	114,9	+18
	Республика Карелия	100,0	107,1	111,8	107,0	105,4	113,0	+13
	Новгородская обл.	–	105,6	100,4	100,9	93,4	107,6	–
	Вологодская обл.	89,5	106,7	111,9	110,7	99,2	104,7	+15
	Мурманская обл.	96,3	111,1	114,4	108,8	112,1	104,5	+8
	Республика Коми	89,1	102,8	108,4	105,8	95,8	103,7	+15
	Калининградская обл.	90,0	108,0	105,8	110,0	86,2	101,8	+12
	Среднее по СЗФО	93,4	108,9	110,5	107,8	100,8	99,8	+6
<i>Индекс отношения к властям</i>	Псковская обл.	–	83,6	102,7	122,8	98,6	118,4	–
	Республика Коми	84,0	95,5	102,3	118,2	97,4	110,4	+26
	Вологодская обл.	105,6	111,9	125,3	136,1	94,0	110,2	+5
	Архангельская обл.	93,2	95,6	97,4	107,7	99,2	109,7	+17
	Республика Карелия	97,3	94,7	99,7	121,4	92,3	107,4	+10
	г. Санкт-Петербург	97,0	111,7	109,6	130,4	109,3	107,0	+10
	Ленинградская обл.	92,5	103,4	101,4	132,9	110,6	103,7	+11
	Мурманская обл.	97,6	107,9	114,9	128,4	98,5	99,9	+2
	Новгородская обл.	–	97,2	94,6	114,7	93,5	97,2	–
	Калининградская обл.	93,6	110,1	111,8	129,7	100,3	96,1	+3
	Среднее по СЗФО	95,1	101,2	105,9	124,2	99,4	106,0	+11
<i>Интегральный индекс общественного настроения региона (ИОНР)</i>	Псковская обл.	–	95,9	108,4	115,3	98,2	117,9	–
	Архангельская обл.	90,1	101,4	101,2	104,7	106,5	113,9	+24
	г. Санкт-Петербург	97,7	116,5	116,7	120,3	106,0	112,1	+14
	Республика Карелия	98,5	100,9	105,8	114,2	98,9	110,2	+12
	Ленинградская обл.	94,5	107,7	105,6	123,7	106,3	109,3	+15
	Вологодская обл.	97,6	109,3	118,6	123,5	96,6	107,5	+10
	Республика Коми	86,6	99,2	105,4	111,0	96,6	107,0	+20
	Новгородская обл.	–	101,5	97,6	108,0	93,5	102,4	–
	Мурманская обл.	96,9	109,5	114,7	118,6	105,3	102,2	+5
	Калининградская обл.	91,6	109,1	108,8	119,9	93,3	99,0	+7
	Среднее по СЗФО	94,2	105,1	108,3	115,9	100,1	108,2	+14

в Архангельской области (на 24 п.п.), Ленинградской области (на 15 п.п.), Санкт-Петербурге (на 14 п.п.) и Республике Коми (на 20 п.п.). При этом в первых трех субъектах отмечается прежде всего рост индекса социального самочувствия, в Республике Коми – индекса отношения к властям.

Измерение индекса общественного настроения региона на территории СЗФО и в разрезе районов Вологодской области позволило дать комплексную оценку эффективности государственного управления,

одновременно отражая динамику общественного мнения о деятельности органов власти и конечную результативность этой деятельности в виде самооценки материального положения и социального настроения.

Таким образом, система индикаторов, которая используется в мониторинговых исследованиях ИСЭРТ РАН, вот уже почти 25 лет позволяет исследовать тенденции социального восприятия и социального самочувствия различных социально-демо-

графических групп населения Вологодской области. Получаемая информация становится не только ощутимым подспорьем органов власти для принятия управленческих решений, но и поводом для дискуссий в средствах массовой информации, на заседаниях Общественной палаты, в научных мероприятиях, которые организуют и в которых принимают участие сотрудники ИСЭРТ РАН.

«Научное понимание индивидуального и коллективного социального поведения, ведущее к их контролю, вероятнее всего, является наиболее насущной задачей, стоящей сегодня перед человечеством. Из этого следует, что в сложившейся ситуации только социальные и гуманитарные науки, объектом исследований которых является человек, его социальные действия и создаваемая им социальная реальность, могут внести научную рациональность в разнонаправленные, стихийные и безответственные действия самого человека, привести их к общему знаменателю, устранив и нейтрализовав глобальные угрозы, подобно дамоклову мечу, нависшие над человечеством» [13, с. 11].

Сегодня от решения проблем социологии во многом зависит качество взаимосвязи между государством и обществом на всех уровнях власти, понимание органами управления реальных проблем, беспокоящих население. Поэтому очень важно использовать те механизмы, которые реально существуют и могут быть использованы для систематизации социологических исследований. Например, многое зависит от статуса Российской академии наук, которая может сыграть роль «независимого института, осуществляющего координацию социологических исследований, усиление поддержки перспективных региональных научных школ и молодых ученых, поиск новых форм включения результатов рос-

сийской социологии в мировую науку» [8, с. 30]. Важным инструментом в деле «встраивания» социологического знания в систему государственного управления может стать Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который был положительно воспринят многими учеными (Е.В. Жирнель, О.С. Сухарев, А. Вассерман, М. Делягин и др.) и, по сути, является «необходимым шагом для формирования единой системы стратегического планирования, охватывающей федеральный, региональный и муниципальный уровень» [22, с. 64].

Современная социологическая наука не претендует на роль сопровождения системы управления. Речь идет о встраивании социологического знания в структуру законотворческого процесса. Как отметил в одном из своих выступлений директор ИС РАН М.К. Горшков, «мы привыкли к такой довольно мягкой формуле «социологическое сопровождение»...но я думаю, что недостаточно, надо более глубоко и серьезно смотреть на пути этого взаимодействия. Речь идет не о сопровождении, а о реальном, содержательном включении. И не тогда, когда надо разбираться с ошибками управленческих решений, а желательно на более ранних стадиях, когда это решение только вызревает...Речь идет о «социологическом соучастии», по крайней мере мы на этом термине в последнее время настаиваем, и я думаю, что в дальнейшем его надо будет даже усилить» [3].

Таким образом, опыт региональных социологических исследований, проводимых Институтом социально-экономического развития территорий, показывает, что система обратной связи между обществом и государством, формой которой является мониторинг общественного мнения, дает широкий срез информации о социальном

самочувствии и экономическом положении, политических настроениях населения. Она позволяет более адекватно оценивать эффективность государственной экономической и социальной политики, полнее учитывать права и интересы различных групп населения при разработке и реализации социально значимых управленческих решений.

Сегодня многолетний опыт проведения мониторинга позволяет оценить стабильность политической и экономической

ситуации в стране, уровень поддержки населением действующих органов власти и их решений, понять характер настроений в обществе. Высокий уровень востребованности результатов мониторинга со стороны органов власти, представителей науки и общественности, их информационная, организационная, методическая и просто психологическая поддержка является для нас предметом особой гордости и, пожалуй, главным показателем проделанной за 25 лет работы.

Литература

1. Барциц, И.Н. Конституционная демократия — это свободные выборы плюс интернетизация всей страны / И.Н. Барциц // Социологические исследования. — 2013. — № 9. — С. 116.
2. В сознании россиян Крым отстает под натиском кризиса [Эл. рес.] // Ведомости. — 2015. — 30 янв. — Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/38844121/krizis-protiv-kryma>
3. Горшков, М.К. Актуальные проблемы современного российского общества: научные подходы и практика: публичная лекция / М.К. Горшков (г. Вологда, 20 июня 2014 г.).
4. Горшков, М.К. Российская социология в постсоветской России: состояние и проблемы развития / М.К. Горшков: доклад на Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России» (г. Вологда, 13–15 ноября 2014 г.) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России», посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации. — Т. 1. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. — С. 10-17.
5. Горшков, М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения [Текст] / М.К. Горшков // Социологические исследования. — 2012. — № 12. — С. 3-11.
6. Жуков, В.И. Социология в современной России: доклад на Учредительном съезде Союза социологов России [Текст] / В.И. Жуков // Социологические исследования. — 2007. — № 12. — С. 1-18.
7. Заславская, Т.И. Вперегонки со временем / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. — 1993. — № 3. — С. 12.
8. Ильин, В.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления [Текст] / В.А. Ильин, А.А. Шабунова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — № 2. — С. 18-35.
9. Малинецкий, Г.Г. Междисциплинарные идеи в социологии и вызовы будущего [Текст] / Г.Г. Малинецкий // Социологические исследования. — 2015. — № 4 (372). — С. 152-161.
10. Морев, М.В. Актуальность социологического знания на современном этапе развития российского общества [Текст] / М.В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — № 4. — С. 179-185.
11. Осипов, Г.В. Возрождение социологии в России / Г.В. Осипов: доклад на Юбилейной научной сессии РАН 26 марта 2008 г. // Официальный сайт Института социологии Российской академии наук. — Режим доступа: http://www.isras.ru/?page_id=699
12. Осипов, Г.В. Историческая миссия российской социологии: проблемы и перспективы / Г.В. Осипов // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России», посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации (г. Вологда, 13–15 ноября 2014 г.) — Т. 1. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. — С. 19.
13. Осипов, Г.В. Не упустить представившийся шанс! [Текст] / Г.В. Осипов // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. — М: ИСПИ РАН, 2014. — С. 6-18.

14. Осипов, Г.В. О роли научного знания в управлении современной социальной реальностью / Г.В. Осипов: доклад «Современная социальная реальность России и государственное управление. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году». – Т. 1. – М.: ИСПИ РАН, 2014. – С. 6-11.
15. Резолюции I–IV Всероссийского социологического конгресса // Официальный сайт Российского общества социологов. – Режим доступа: <http://www.ssa-rss.ru/>
16. Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном): информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / ИС РАН. – М., 2015. – 58 с.
17. Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем?: информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / ИС РАН. – 2015. – 22 с.
18. Стариков, Н.В. Лекция на Всероссийском молодежном форуме «Территория смыслов», Клязьма, 26 июля 2015 г. [Электронный ресурс] / Н.В. Стариков // Блог Н. Старикова. – Режим доступа: <http://nstarikov.ru/blog/53726>
19. Тощенко, Ж.Т. Социальное настроение – феномен социологической теории и практики [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 1998. – № 1. – С. 21-34.
20. Тощенко, Ж.Т. Время Акме – социологическим исследованиям 40 лет [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2014. – № 7 (363). – С. 3-7.
21. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Информационно-правовой портал «Гарант». – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70170942/#ixzz3YDD9ERG3>
22. Ускова, Т.В. Закон о стратегическом планировании в Российской Федерации: достоинства и нерешенные вопросы (экспертная оценка) / Т.В. Ускова, А.Н. Чекавинский // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда, ИСЭРТ РАН, 2014. – № 4 (34). – С. 64.
23. Яценко, И.Н. Социальное настроение и самочувствие населения малого северного города [Электронный ресурс] : дис. на соиск. уч. ст. канд. соц. наук / И.Н. Яценко. – Екатеринбург, 2006. – Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/191625.html>

Сведения об авторе

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, 379post@mail.ru)

Morev M.V.

Regional Sociological Research Experience

Mikhail Vladimirovich Morev – Ph.D. in Economics, Laboratory Head, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, 379post@mail.ru)

Abstract. The article presents the experience of the Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS in conducting sociological research on the territory of the Vologda Oblast and the Northwestern Federal District. It describes the historical aspects of formation of the system for public opinion monitoring and examines its theoretical and methodological foundations. The author of the article analyzes the structure of monitoring indicators and provides a brief interpretation of research findings that reflect social well-being and social perception trends. In addition, the paper analyzes people's attitude toward the activities of federal and regional authorities, trends in social well-being, consumer sentiment and also the complex indicator – the index of public sentiment in the region – developed by ISEDT RAS researchers. The results of sociological studies carried out at ISEDT RAS correlate with the dynamics of the all-Russian public opinion polls conducted by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, the

Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Levada-Center, etc. They indicate that Russian society gradually adapts to new conditions of life after the collapse of the USSR. Besides, opinion polls show the most important features of the post-Soviet Russian history at its present stage; they are associated with the intensification of international political relations, the consequences of the “Crimean spring” and the new challenges Russia’s economy is facing now. The article concludes that as global community, of which Russian society is part, is evolving, sociological knowledge begins to play an increasingly important role in administration and national security; this is associated with the greater importance attached to intangible development factors. Therefore, a necessary prerequisite for administration effectiveness in all its stages is to implement the results of sociological research on social transformation trends and factors in the system of managerial decision-making. Twenty-five years of ISEDT RAS experience clearly show that this principle is relevant, it enjoys great demand and brings actual practical results. It indicates that the system of feedback between society and government, a feedback based on sociological research, provides extensive information on social well-being, economic situation, and political attitudes, helps evaluate the effectiveness of government economic and social policy more adequately, address the rights and interests of various population groups in the development and implementation of socially important managerial decisions.

Key words: society, sociology, public opinion monitoring, experience of regional studies, public administration efficiency.

References

1. Bartsits I.N. Konstitutsionnaya demokratiya – eto svobodnye vybory plus internetizatsiya vsei strany [Constitutional Democracy Means Free Elections Plus the Internetization of the Country]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2013, no. 9, p. 116.
2. V soznanii rossiyan Krym otstupayet pod natskom krizisa [In the Minds of the Russians, Crimea is Retreating under the Pressure of the Crisis]. *Vedomosti* [News], 2015, January 30. Available at: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/38844121/krizis-protiv-kryma>
3. Gorshkov M.K. *Aktual'nye problemy sovremennogo rossiiskogo obshchestva: nauchnye podkhody i praktika: publichnaya lektsiya (g. Vologda, 20 iyunya 2014 g.)* [Burning Issues of Modern Russian Society: Scientific Approaches and Practice: Public Lecture (Vologda, June 20, 2014)].
4. Gorshkov M.K. Rossiiskaya sotsiologiya v postsovetskoj Rossii: sostoyanie i problemy razvitiya: doklad na Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Obshchestvo i sotsiologiya v sovremennoj Rossii” (g. Vologda, 13–15 noyabrya 2014 g.) [Russian Sociology in Post-Soviet Russia: State and Development Issues: Report at the All-Russian Research-to-Practice Conference “Society and Sociology in Modern Russia” (Vologda, November 13–15, 2014)]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Obshchestvo i sotsiologiya v sovremennoj Rossii”, posvyashchennoi XX godovshchine prazdnovaniya Dnya sotsiologa v Rossiiskoi Federatsii* [Proceedings of the All-Russian Research-to-Practice Conference “Society and Sociology in Modern Russia” Dedicated to the 20th Anniversary of the Sociologist’s Day Celebrated in the Russian Federation]. Vol. 1. Vologda: ISERT RAN, 2015. Pp. 10-17.
5. Gorshkov M.K. “Russkaya mehta”: opyt sotsiologicheskogo izmereniya [“Russian Dream”: an Experience of Sociological Assessment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2012, no. 12, pp. 3-11.
6. Zhukov V.I. Sotsiologiya v sovremennoj Rossii: doklad na Uchreditel'nom s"ezde Soyuzsotsiologov Rossii [Sociology in Modern Russia: Report on the Founding Congress of the Union of Sociologists of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2007, no. 12, pp. 1-18.
7. Zaslavskaya T.I. Vperegionki so vremenem [Chasing Time]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 1993, no. 3, p. 12.
8. Ilyin V.A., Shabunova A.A. Sotsiologicheskoe izmerenie effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya [Sociological Assessment of Public Administration Efficiency]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 2, pp. 18-35.
9. Malinetskii G.G. Mezhdistsiplinarnye idei v sotsiologii i vyzovy budushchego [Interdisciplinary Ideas in Sociology and the Challenges of the Future]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2015, no. 4 (372), pp. 152-161.

10. Morev M.V. Aktual'nost' sotsiologicheskogo znaniya na sovremennom etape razvitiya rossiiskogo obshchestva [Importance of Sociological Knowledge at the Present Stage of Development of the Russian Society]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 4, pp. 179-185.
11. Osipov G.V. Vozrozhdenie sotsiologii v Rossii: doklad na Yubileinoi nauchnoi sessii RAN 26 marta 2008 g. [Revival of Sociology in Russia: Report at the Anniversary Scientific Session of RAS, March 26, 2008]. *Ofitsial'nyi sait Instituta sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk* [Official Website of the Russian Academy of Sciences]. Available at: http://www.isras.ru/?page_id=699
12. Osipov G.V. Istoricheskaya missiya rossiiskoi sotsiologii: problemy i perspektivy [Historic Mission of Russian Sociology: Problems and Prospects]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Obshchestvo i sotsiologiya v sovremennoi Rossii", posvyashchennoi XX godovshchine prazdnovaniya Dnya sotsiologa v Rossiiskoi Federatsii (g. Vologda, 13–15 noyabrya 2014 g.)* [Proceedings of the All-Russian Research-to-Practice Conference "Society and Sociology in Modern Russia" Dedicated to the 20th Anniversary of the Sociologist's Day Celebrated in the Russian Federation (Vologda, November 13–15, 2014)]. Vol. 1. Vologda: ISERT RAN, 2015. P. 19.
13. Osipov G.V. Ne upustit' predstavivshiysya shans! [We Must not Miss the Chance We Have!]. *Sotsiologiya i ekonomika sovremennoi sotsial'noi real'nosti. Sotsial'naya i sotsial'no-politicheskaya situatsiya v Rossii v 2013 godu* [Sociology and Economics of Contemporary Social Reality. Social and Socio-Political Situation in Russia in 2013]. Moscow: ISPI RAN, 2014. Pp. 6-18.
14. Osipov G.V. O roli nauchnogo znaniya v upravlenii sovremennoi sotsial'noi real'nost'yu: doklad "Sovremennaya sotsial'naya real'nost' Rossii i gosudarstvennoe upravlenie. Sotsial'naya i sotsial'no-politicheskaya situatsiya v Rossii v 2012 godu" [On the Role of Scientific Knowledge in the Management of Contemporary Social Reality: Report "Contemporary Social Reality of Russia and Public Administration. Social and Socio-Political Situation in Russia in 2012"]. Vol. 1. Moscow: ISPI RAN, 2014. Pp. 6-11.
15. Rezolyutsii I–IV Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa [Resolutions of the 1st–4th All-Russian Sociological Congresses]. *Ofitsial'nyi sait Rossiiskogo obshchestva sotsiologov* [Official Website of the Russian Society of Sociologists]. Available at: <http://www.ssa-rss.ru/>
16. *Rossiiskoe obshchestvo v kontekste novykh realii (tezisy o glavnom): informatsionno-analiticheskoe rezyume po itogam obshchenatsional'nogo issledovaniya* [Russian Society in the Context of New Realities (Theses on the Essentials): Information-Analytical Summary on the Results of a National Survey]. IS RAN [IS RAS]. Moscow, 2015. 58 p.
17. *Rossiiskaya povsednevnost' v usloviyakh krizisa: kak zhivem i chto chuvstvuem?: informatsionno-analiticheskoe rezyume po itogam obshchenatsional'nogo issledovaniya* [Russian Everyday Life under the conditions of the Crisis: How do We Live and How do We Feel?: Information and Analytical Summary on the Results of a National Survey]. IS RAN [IS RAS]. 2015. 22 p.
18. Starikov N.V. Lektsiya na Vserossiiskom molodezhnom forume "Territoriya smyslov", Klyaz'ma, 26 iyulya 2015 g. [Lecture at the All-Russian Youth Forum "Territory of Meanings", Klyazma, July 26, 2015]. *Blog N. Starikova* [N. Starikov's Blog]. Available at: <http://nstarikov.ru/blog/53726>
19. Toshchenko Zh.T. Sotsial'noe nastroyenie – fenomen sotsiologicheskoi teorii i praktiki [Social Sentiment – a Phenomenon of Sociological Theory and Practice]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1998, no. 1, pp. 21-34.
20. Toshchenko Zh.T. Vremya Akme – sotsiologicheskim issledovaniyam 40 let [Time of Acme – Sociological Research Celebrates Its 40th Anniversary]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2014, no. 7 (363), pp. 3-7.
21. Ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2012 g. № 601 "Ob osnovnykh napravleniyakh sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya" [Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 No. 601 "On the Main Directions to Improve Public Administration System"]. *Informatsionno-pravovoi portal "Garant"* [Information-Legal Portal "Garant"]. Available at: <http://base.garant.ru/70170942/#ixzz3YDD9ERG3>
22. Uskova T.V., Chekavinskii A.N. Zakon o strategicheskoy planirovani v Rossiiskoi Federatsii: dostoinstva i nereshennyye voprosy (ekspertnaya otsenka) [Law on Strategic Planning in the Russian Federation: Advantages and Unresolved Issues (Expert Evaluation)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 4 (34), pp. 64.
23. Yatsenko I.N. *Sotsial'noe nastroyenie i samochuvstvie naseleniya malogo severnogo goroda: dis. na soisk. uch. st. kand. sots. nauk* [Social Mood and Well-Being of the Population of a Small Northern Town: Ph.D. in Sociology Thesis]. Yekaterinburg, 2006. Available at: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/191625.html>

Оценка эффективности государственных инвестиций в увеличение продолжительности жизни

**Вадим Николаевич
КАБАНОВ**

доктор экономических наук, профессор
Волгоградский филиал академии труда и социальных отношений
400001, Россия, г. Волгоград, ул. Ким, д. 66, kabanovvn@yandex.ru

Аннотация. Начало XXI века ознаменовано появлением в нашей стране национальных проектов, которые в точности повторяют частные интегральные показатели, применяемые ООН при вычислении индекса развития человеческого капитала с 1996 года. Национальный проект «Здравоохранение» направлен на увеличение ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), «Образование» – на расширение доступности населения к получению знаний, «Удвоение ВВП» – на рост доходов. Придавая одинаковое значение каждому из перечисленных показателей, автор публикации поставил перед собой задачу рассмотреть экономическую эффективность расходования средств бюджетов всех уровней, направляемых на улучшение здоровья нации. В качестве основной гипотезы о характере зависимости между ОПЖ (Н) и расходами бюджета на здравоохранение (G) принято предположение о пропорциональной зависимости; рассчитанные коэффициенты корреляции (коэффициент Пирсона, r) зависимости $N = f(G)$ для всех субъектов РФ за период 2003–2013 годов ($0,49 < r < 0,97$) подтвердили существование связи. В качестве количественного значения, показывающего экономическую эффективность превращения расходов бюджета в увеличение продолжительности жизни, автором предложено применять тангенс угла наклона прямой $N = f(G)$ к оси абсцисс. Физический смысл этого показателя состоит в том, что показывает достигнутый прирост продолжительности жизни (перемещение по оси ординат) в зависимости от изменения расходов бюджета на здравоохранение (заданного перемещения по оси абсцисс). Предлагаемый критерий для оценки социально-экономической эффективности государственных инвестиций в отечественное здравоохранение обеспечивает наиболее объективную и однозначную оценку, которая выполняется стандартными методами математической статистики, обеспечивающими высокую достоверность вычислений. Показатель скорости увеличения ОПЖ в зависимости от

объемов государственных инвестиций в здравоохранение может использоваться для научного обоснования, например, степени участия средств федерального бюджета в региональных программах, направленных на рост эффективности отечественного здравоохранения.

Ключевые слова: ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ), расходы государственного бюджета на здравоохранение, бюджетные инвестиции, зависимость ОПЖ от расходов государственного бюджета на здравоохранение, показатель эффективности бюджетных инвестиций в здравоохранение.

Актуальность. Количественное значение ожидаемой продолжительности жизни, наблюдаемое органами государственной статистики РФ, имеет достаточно широкую область практического применения. Наибольшую известность этот показатель приобрел как частный интегральный показатель, применяемый для вычисления индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). Однако в среде более узких профессионалов (работников здравоохранения и специалистов в области демографии) этот показатель был известен задолго до его включения в формулу вычисления ИРЧП.

Практическое применение значения «ожидаемой продолжительности жизни» приобрело особую актуальность в связи с развернувшейся в нашей стране дискуссии о необходимости увеличения пенсионного возраста. При этом как сторонники [1], так и противники [2] изменения пенсионного возраста используют в качестве доказательной базы количественное значение показателя ожидаемой продолжительности жизни.

Если обойти вниманием дискуссию о пенсионном возрасте в России, то актуальность практического применения показателя «ожидаемая продолжительность жизни» не уменьшится. Значение его предлагается использовать как индикатор, отражающий уровень развития национальной экономики [3], а также глубину социального расслоения (поляризации) общества [4]. Национальные счета

здравоохранения¹ рассматривают величину ожидаемой продолжительности жизни как один из показателей, характеризующих эффективность государственной системы здравоохранения.

Широкая область применения показателя «ожидаемая продолжительность жизни» (ОПЖ – H), а также его тесная связь с государственной системой здравоохранения позволяют предположить, что изучение методов оценки эффективности инвестирования (G) в здравоохранение через приращение расчетного значения ОПЖ (H) следует относить к актуальным научным исследованиям, затрагивающим современные проблемы развития отечественной экономики. Зависимость $\Delta H = f(G)$, предлагаемая автором, сравнивалась с накопленным опытом, опирается на стандартную систему измерений (получения исходной информации), предполагает простую математическую обработку исходной информации, а также несложную оценку достоверности полученной функции.

Для того чтобы исключить дискуссию по поводу определения количественного значения ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ, H), целесообразно привести нормативное определение, используемое органами государственной статистики

¹ Приказ Федеральной службы государственной статистики «Об утверждении Практического инструктивно-методического пособия по статистике здравоохранения» от 22 ноября 2010 г. № 409.

РФ: «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении — число лет, которое в среднем предстояло бы прожить человеку из поколения родившихся при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения повозрастная смертность останется на уровне того года, для которого вычислен показатель²». Принимая во внимание, что именно в такой трактовке приводятся количественные значения в статистических сборниках, в настоящем исследовании официально опубликованные количественные значения ОПЖ принимались за истину без учета возможной статистической ошибки.

Необходимо отметить, что с точки зрения отечественных исследователей на значение ОПЖ оказывает влияние весьма большое число факторов. Если опустить факторы, описание процесса воздействия которых требует как минимум специальных знаний в области медицины и здравоохранения, а сконцентрироваться на вопросах, находящихся в плоскости проблем социально-экономического развития, тогда полезно остановиться на некоторых опубликованных результатах, которые привлекли внимание автора.

К числу таких результатов относится устойчивая точка зрения о необходимости увеличения расходов федерального бюджета на здравоохранение [5], в том числе направляемых на реализацию национального проекта «Здоровье» [6, 7] и федеральных целевых программ [8], в целях увеличения ожидаемой продолжительности жизни. Однако рост бюджетных расходов не находит единогласного одобрения среди исследователей. В качестве альтернативы предлагается учитывать возрастающее влияние страховых фондов государственного и негосударственного медицинского стра-

² Российский статистический ежегодник. 2014: стат. сб. / Росстат. — М., 2014. — 693 с. — С. 98. — Р76.

хования [9], а также, что представляется особенно важным, работать над ростом эффективности государственных расходов [10].

Рост эффективности государственных расходов на здравоохранение в большинстве случаев связывают с модернизацией основных фондов в отрасли [11], что приводит к увеличению объема высокотехнологичных медицинских услуг [12], предоставляемых населению. Ощутимый рост значения ожидаемой продолжительности жизни, хотя не может удовлетворять россиян [13], однако подтверждает выводы Всемирной организации здравоохранения [14] (ВОЗ) о существовании тесной корреляции между объемом финансирования и значением ОПЖ — одним из основных индикаторов качества государственной системы здравоохранения [15]. Необходимо обратить внимание на то, что опыт зарубежных стран, с одной стороны, подтверждает [16], а с другой — опровергает [17] приведенные выше выводы ВОЗ. Не отрицая зависимости ожидаемой продолжительности жизни от объемов государственного финансирования, перечисленные авторы приходят к выводу о необходимости увеличения эффективности использования финансовых ресурсов в здравоохранении.

Научная гипотеза. Приступая к исследованию статистических показателей, описывающих динамику изменения ожидаемой продолжительности жизни и объемов государственных финансовых ресурсов, ежегодно направляемых в здравоохранение, важно было использовать такую систему количественных значений, которая традиционно применяется в отечественной и зарубежной практике. Такая система показателей существует в виде Национальных счетов здравоохранения, рекомендованных Организацией экономического развития и

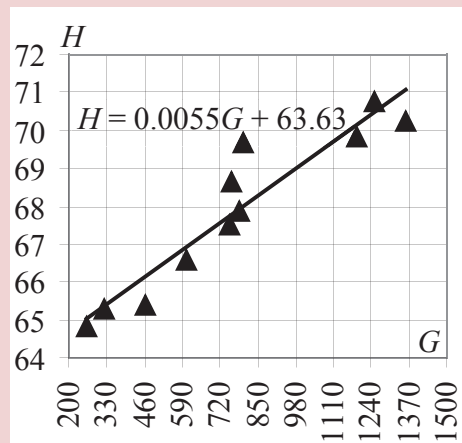
ВОЗ [18]. Для выполнения практических вычислений в качестве исходных данных рассмотрены три показателя, описывающие Российскую Федерацию и её субъекты за период с 2003 по 2013 год. К числу таких показателей относятся:

- ожидаемая продолжительность жизни³ (H);
- расходы консолидированного бюджета на здравоохранение⁴ (G);
- численность населения по субъектам РФ⁵ (N).

В качестве основной гипотезы о характере зависимости между ОПЖ (H) и расходами бюджета на здравоохранение (G) принято предположение о пропорциональной зависимости. Такой подход несколько отличается от математического аппарата, применяемого для проверки гипотез степенных функций [19], однако позволяет сравнить результаты вычислений с данными, полученными в нынешнем [20] и прошлом веке [21]. В этой связи на первом этапе были вычислены коэффициенты корреляции (коэффициент Пирсона, r) для всех субъектов РФ за период 2003–2013 годов ($0,49 < r < 0,97$). Некорректный результат получен только для Тюменской области ($r = -0,01$), а низкие значения коэффициента Пирсона ($r < 0,5$) получены при исследовании Чеченской Республики ($r = 0,34$) и Республики Ингушетия ($r = 0,4$).

Результаты исследования. В целом для Российской Федерации значение коэффициента корреляции ($r = 0,94$) позволяет говорить о высокой достоверности ($R^2 = 0,881$) применения линейной функции ($H = 0,0055G + 63,629$) для описания

Рисунок 1. Зависимость ОПЖ (H , лет) от расходов бюджета на здравоохранение (G , млрд. руб.)

Источник: рассчитано автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с. – Р32. – (с. 54-56 – табл. 2.9.; с. 744-754 – табл. 22.2–22.3.)

зависимости ожидаемой продолжительности жизни (H) от расходов консолидированного бюджета на здравоохранение (G) (рис. 1). Необходимо обратить внимание на тот факт, что в расчетах участвовали фактические значения расходов на здравоохранение консолидированных бюджетов субъектов РФ. Такой подход часто подвергается критике в связи с тем, что в этом случае не учитывается реальная стоимость финансовых ресурсов. Попытка корректировки массива исходных значений стандартными инструментами, применяемыми для определения фактической стоимости денег, сколько-нибудь заметно не изменила характер распределения.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с. – Р32. – (с. 54-55 – табл. 2.9.)

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с. – Р32. – (с. 744-753 – табл. 22.2–22.3.)

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с. – Р32. – (с. 37-38 – табл. 2.1.)

Ряд исследователей [14, 15, 18] обращают внимание на более точную зависимость ОПЖ от расходов бюджета в расчете на одного жителя (G_N). Для проверки этого утверждения были вычислены расходы консолидированного бюджета в расчете на одного жителя РФ и соответствующего субъекта РФ. Замена G на G_N не изменила показателей достоверности применительно к линейной функции, используемой для описания зависимости. При этом не изменились значения показателей, традиционно используемых для оценки динамики изменения совокупности значений (темпы роста). Такое положение объясняется незначительными изменениями численности населения, в том числе в субъектах РФ, за период с 2003 по 2013 год. В этой связи дальнейшее представление результатов приводится относительно показателя общих расходов бюджетов на здравоохранение (G).

В течение последних нескольких лет автор [22, 23] не без успеха применяет значение тангенса угла наклона прямой к оси абсцисс для оценки эффективности инвестиций. Действительно, по значению тангенса можно судить о том, на сколько (или во сколько) увеличение бюджетного финансирования здравоохранения (перемещение по оси абсцисс вправо) увеличит (уменьшит) значение функции (обеспечит перемещение по оси ординат вверх, в данном случае – приведет к росту ОПЖ). Совершенно очевидно, что рост значения тангенса будет соответствовать увеличению эффективности расходов бюджета (инвестиций в качество жизни – увеличение продолжительности жизни). Графическое изображение такой оценки показано на рисунке 1.

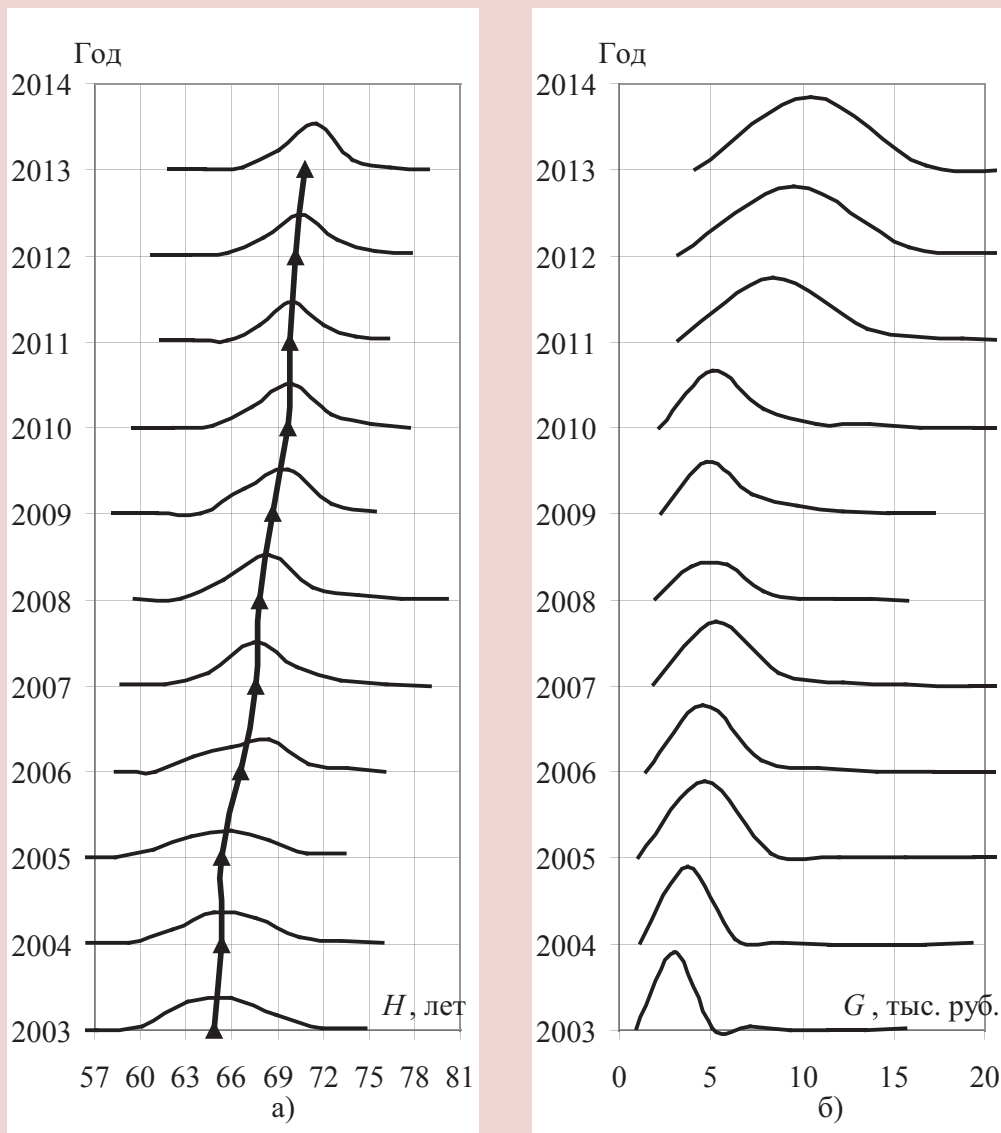
Предлагаемая оценка эффективности государственных инвестиций (расходов бюджета по статье «здравоохранение») по-

зволяет сделать вывод о том, что для приращения ожидаемой продолжительности на 1 год прирост ежегодного объема инвестиций должен составлять не менее 180 млрд. руб. Необходимо отметить, что исследование значения ожидаемой продолжительности жизни в зависимости от бюджетных расходов на здравоохранение показало, что немало субъектов РФ обеспечивают более высокий уровень эффективности, чем в целом по стране. Однако прежде чем привести доказательство этому утверждению, целесообразно рассмотреть характер распределения значения ОПЖ и бюджетных расходов на здравоохранение по субъектам РФ в расчете на 1 жителя. Чтобы не перегружать текст излишним количеством таблиц, результаты исследования приводятся в виде распределений соответствующих исходных значений (рис. 2а, б).

Не останавливаясь на очевидных выводах, формулируемых по результатам не сложного анализа распределений исходных значений (H , G), приведем характеристики, подтверждающие высокий уровень достоверности при использовании линейной функции для описания зависимости $H = f(G)$ применительно к подавляющему большинству субъектов РФ. Для того чтобы увидеть сразу все регионы России, представим коэффициент Пирсона (r), а также среднеквадратичное отклонение (R^2) в виде гистограмм (рис. 3а, б).

Графическое представление значений коэффициента корреляции (см. рис. 3а) показывает, что только по 4-м субъектам РФ коэффициент Пирсона принимает значения менее 0,7. При оценке адекватности линейной аппроксимации статистических значений среднеквадратичное отклонение принимает значения достаточные для утверждения о том, что точность вычислений способна обеспечить требования, предъявляемые к достовер-

Рисунок 2. Распределение значений в массивах исходных данных:
 а) ожидаемая продолжительность жизни (вертикаль – ОПЖ для РФ);
 б) расходы бюджетов РФ на здравоохранение в расчете на 1 жителя

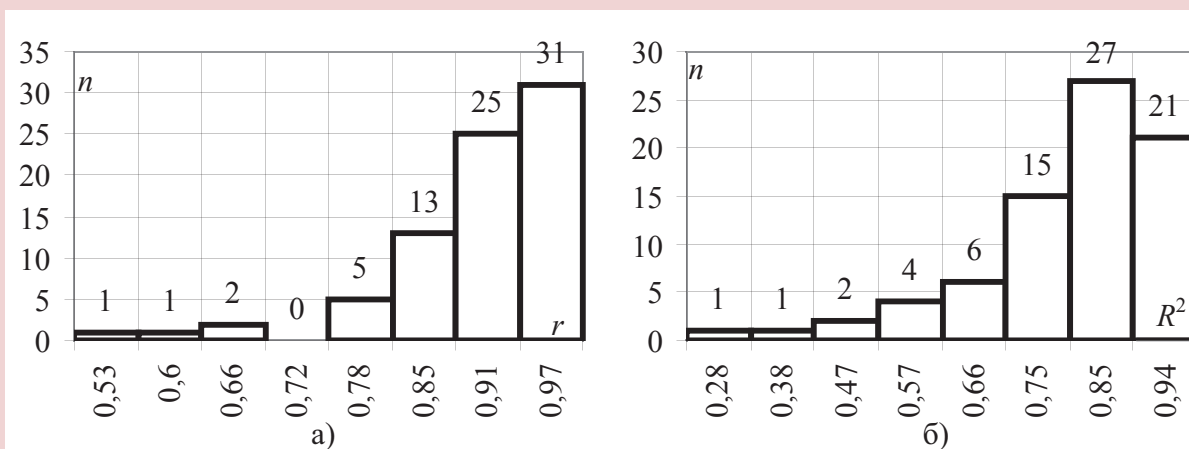
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с. – Р32. – (а) с. 54-56 – табл. 2.9; б) с. 744-754 – табл. 22.2–22.3.)

ности математических вычислений. Таким образом, можно утверждать, что примененный в исследовании аппарат математической статистики может служить для научного обоснования выводов об эффективности государственных инвестиций в здравоохранение.

Важно отметить, что за период с 2003 по 2013 год различный уровень финансирования здравоохранения в субъектах РФ как в абсолютном выражении (см. рис. 2б), так и в расчете на одного жителя обеспечил положительную динамику значения ожидаемой продолжительности жизни.

Рисунок 3. Распределение значений показателей для оценки достоверности: а) коэффициент корреляции (Пирсона, r); б) среднеквадратичное отклонение линейных функций (R^2)

Источник: расчеты автора по стандартному методу парного корреляционного анализа.

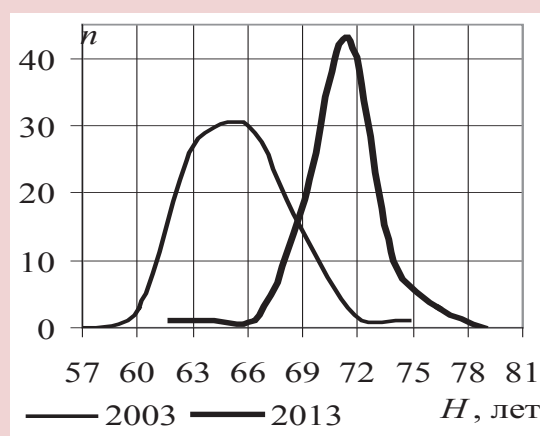
Приращение этого показателя в регионах России проходило по-разному: в одних субъектах отмечается ежегодное приращение этого показателя, в других – колебания относительно достигнутых значений. Не останавливаясь на причинах такого положения, приведем графический результат изменений, достигнутый в нашей стране за 11 лет (рис. 4).

Анализируя характер распределения значений ОПЖ в субъектах РФ, необходимо обратить внимание на следующие, с точки зрения автора, позитивные изменения:

- во-первых, уменьшилось расстояние между минимальным и максимальным значениями ОПЖ (см. рис. 4);
- во-вторых, совершенно очевидно, что большинство регионов по показателю ОПЖ переместились ближе к максимальному значению на отрезке от H_{min} до H_{max} ;
- в-третьих, увеличилось число субъектов РФ с близкими значениями ОПЖ (максимум графика 2013 г. на рис. 4);
- в четвертых, движение распределения значений ОПЖ в субъектах РФ может

применяться для решения задач, связанных с увеличением эффективных государственных инвестиций в здравоохранение (например, обеспечение такого инвестирования здравоохранения в субъектах РФ, которое обеспечит наибольшее перемещение всего распределения по оси абсцисс вправо).

Рисунок 4. Распределение ОПЖ (H) в субъектах РФ в 2003 и 2013 гг.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с. – Р32. – (с. 54-56 – табл. 2.9.)

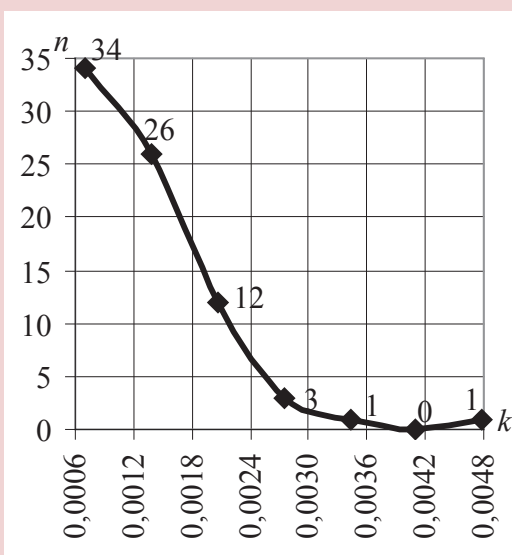
С точки зрения автора каждый субъект РФ можно представить элементарной частью государственной социально-экономической системы Российской Федерации. Каждая элементарная часть обладает скоростью увеличения значения ОПЖ, которое измеряется значением тангенса угла наклона прямой к оси абсцисс. Описанными выше методами математической статистики определяется линейная функция для каждого субъекта РФ. При этом достоверность такой функции весьма велика (см. рис. 3а, б). Для измерения скорости увеличения ОПЖ в зависимости от государственных инвестиций необходимо и достаточно определить тангенс угла наклона каждой прямой, описывающей положение в соответствующем регионе России. Такие вычисления могут выполняться минимум за три года (то есть как минимум по трем точкам). В настоящей работе приводятся значения тангенсов углов наклона (рис. 5),

которые, по мнению автора, характеризуют эффективность использования государственных инвестиций в здравоохранении за 2003–2013 гг.

Интрига, которая возникает при рассмотрении графического представления результатов исследований, очевидно, состоит в определении регионов, которые являются лидерами по эффективности использования государственных инвестиций в здравоохранение (3 + 1 + 1 = 5 субъектов РФ, см. на рис. 5 точки, наиболее удаленные от начала координат по оси абсцисс). Результат, полученный автором, весьма важно сравнить с традиционной рейтинговой оценкой регионов по двум наиболее распространенным критериям: ожидаемой продолжительности жизни (H) и объему бюджетного финансирования в расчете на 1 жителя (G_N). Для обеспечения достоверности рейтинговой оценки относительно некоторого исходного положения (в данном случае состояние субъектов РФ в 2003 году) сравнению подвергаются абсолютные и относительные значения критериев (H и G_N). Поскольку объем публикации не позволяет привести результат рейтинговой оценки в полном объеме, показываются лишь 5 субъектов. Число субъектов определяется количеством субъектов, отнесенных к лидерам по авторскому критерию эффективности государственных инвестиций (тангенсу угла наклона аппроксимирующей прямой).

Выводы. Результаты ранжирования исходных данных (табл. 1) являются основанием для вывода о том, что максимальный прирост расчетного значения ожидаемой продолжительности жизни за последние 10 лет наблюдался в Читинской области (см. табл. 1А). Вместе с тем Читинская область по показателю прироста объема бюджетного финансирования на одного жителя за 2003–2013 годы по абсолютному

Рисунок 5. Распределение тангенса угла наклона (k) линейных функций, построенных для субъектов РФ

Источник: рассчитано автором по результатам парного корреляционного анализа.

Таблица 1. Ранговая оценка прироста исходных данных (ожидаемой продолжительности жизни и объема бюджетных инвестиций в расчете на 1 жителя) в субъектах РФ за период 2003–2013 годов

Субъект РФ	Абсолютный прирост		Относительный прирост	
	значение	ранг	значение, %	ранг
<i>А. Прирост значения ожидаемой продолжительности жизни за 2003–2013 годы</i>				
Читинская область	10,65	1	17,85	1
Пермская область	9,54	2	15,39	2
Калининградская область	9,16	3	14,93	3
Ленинградская область	8,92	4	14,52	4
Иркутская область	8,67	5	14,36	5
Республика Хакасия	8,02	8	13,25	9
Республика Алтай	7,30	17	12,16	14
г. Санкт-Петербург	7,21	18	10,76	25
Сахалинская область	6,41	29	10,46	27
г. Москва	6,39	30	9,13	33
Республика Калмыкия	5,55	40	8,43	43
Приморский край	5,20	50	8,28	46
Красноярский край	4,46	65	7,12	61
Еврейская автономная область	4,30	68	7,09	63
Магаданская область	4,00	72	6,34	69
Чеченская Республика	3,98	73	5,75	73
Чукотский автономный округ	3,08	79	5,22	77
<i>Б. Прирост бюджетных инвестиций в здравоохранение в расчете на одного жителя за период 2003 – 2013 годов</i>				
Красноярский край	24,33	3	9,73	2
Приморский край	19,37	5	12,06	1
г. Москва	14,72	6	5,85	4
Сахалинская область	21,30	4	5,56	6
Еврейская автономная область	14,63	7	6,93	3
Магаданская область	30,45	2	5,29	10
г. Санкт-Петербург	8,71	12	5,15	12
Республика Хакасия	6,85	21	4,74	19
Ленинградская область	6,75	22	4,48	21
Калининградская область	5,93	31	4,59	20
Чеченская Республика	5,15	47	5,82	5
Чукотский автономный округ	32,59	1	2,09	78
Республика Алтай	6,69	23	2,65	66
Иркутская область	5,41	40	2,99	60
Читинская область	5,11	48	2,24	76
Республика Калмыкия	4,63	60	2,57	68
Пермская область	4,68	59	2,56	69
Источник: составлено автором по Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с. – Р32. – (С. 54–56. – Табл. 2.9.)				

показателю (в руб.) заняла 48 место, а относительно базового года (2003) – только 76 место в РФ. Как тут не обратить внимание на весьма любопытные выводы [24] (см. табл. 2), которые могут быть использованы для приведенного феномена.

Вероятно, существует необходимость обратить внимание на рассуждения относительно роста бюджетных расходов на здравоохранение в субъектах РФ (см. табл. 1Б). Лидерами такого роста являются Красноярский и Приморский края, однако

Таблица 2. Ранги субъектов РФ по показателю прироста ожидаемой продолжительности жизни (H) на единичный объем государственных инвестиций в здравоохранение (G)

Субъект РФ	Значение	Ранг	Субъект РФ	Значение	Ранг
Республика Алтай	0,004783	1	Пермская область	0,000895	30
Республика Калмыкия	0,002963	2	Ленинградская область	0,000689	44
Еврейская автономная область	0,002256	3	Сахалинская область	0,000625	46
Республика Хакасия	0,002103	5	Приморский край	0,000535	48
Чукотский автономный округ	0,001664	11	Иркутская область	0,000503	50
Калининградская область	0,001568	12	Красноярский край	0,000189	69
Читинская область	0,001306	17	г. Санкт-Петербург	0,000097	75
Магаданская область	0,000899	29	г. Москва	0,000027	77

Источник: рассчитано автором по результатам парного ($H = f(G)$) корреляционного анализа (вычисление угла наклона прямой к оси абсцисс методом наименьших квадратов).

по показателю роста ОПЖ они находятся, соответственно, по абсолютному приросту на 65 и 50 месте, а по росту относительно 2003 года – на 61 и 46 (см. табл. 1А).

С точки зрения автора наибольший прирост показателя ОПЖ на единицу бюджетных расходов на здравоохранение обеспечивается в Республике Алтай (табл. 2). Заметим, что по приросту ожидаемой продолжительности жизни по абсолютному значению этот субъект РФ занимает 17 место, по относительному – 14 место в РФ (см. табл. 1А). При этом по росту объема финансирования здравоохранения относительно 2003 года республика находится на 23 месте по абсолютным значениям и, что немаловажно, на 66-м – по относительным значениям (см. табл. 1Б).

Критерий, предлагаемый для оценки социально-экономической эффективности государственных инвестиций в отечественное здравоохранение, обеспечивает наиболее объективную и однозначную оценку, которая выполняется стандартными методами математической статистики, обеспечивающими высокую достоверность вычислений. Важно подчеркнуть, что традиционные подходы к оценке

эффективности инвестиций, основанные на ранжировании исходных значений (ожидаемой продолжительности жизни и расходов бюджета на здравоохранение, в том числе в расчете на одного жителя), не могут обеспечить получения однозначного результата (см. табл. 1).

Показатель скорости увеличения ОПЖ в зависимости от объемов государственных инвестиций в здравоохранение может использоваться для научного обоснования, например, степени участия средств федерального бюджета в региональных программах, направленных на рост эффективности отечественного здравоохранения (основой для решения может послужить модель на рис. 4). С точки зрения автора наилучший результат можно получить при применении линейной аппроксимации сложившихся зависимостей применительно к муниципальным образованиям (городским округам и муниципальным районам). Такой вывод основывается на том, что решения, принимаемые региональными органами государственной власти, в меньшей степени подвержены влиянию политической конъюнктуры.

Литература

1. Кудрин, А. Старение население и угроза бюджетного кризиса / А. Кудрин, Е. Гурвич // Вопросы экономики. – 2012. – № 3. – С. 52-79.
2. Соловьев, А.К. Демографические условия повышения пенсионного возраста в России / А.К. Соловьев // Народонаселение. – 2015. – № 2. – С. 39-51.
3. Аганбегян, А.Г. Состояние экономики формирует здоровье нации / А.Г. Аганбегян // Экономика и управление. – 2011. – № 10. – С. 3-8.
4. Римашевская, Н.М. Качество человеческого потенциала в условиях инновационной экономики / Н.М. Римашевская // Народонаселение. – 2009. – № 3. – С. 16-30.
5. Левин, И.А. Региональный индекс здоровья населения как фактор планирования системы медицинского обслуживания / И.А. Левин, Д.А. Петрашенко, Ю.Н. Пономарева // Сервис в России и за рубежом. – 2014. – № 4. – С. 189-198.
6. Самойлова, А.В. Медико-демографическая ситуация в Чувашской Республике за 2010–2013 гг. / А.В. Самойлова // Здравоохранение Чувашии. – 2014. – № 2. – С. 5-14.
7. Быковская, Т.Ю. Роль национального проекта «Здоровье» в улучшении показателей здоровья работающего населения / Т.Ю. Быковская // Медицина труда и промышленная экология. – 2011. – № 3. – С. 19-33.
8. Дальнейшее развитие отрасли здравоохранения / М.А. Степчук, Т.М. Пинкус, С.В. Абрамова, Д.П. Боженко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2012. – № 22. – С. 89-93.
9. Арбитайло, И.Я. Социальные последствия реформы здравоохранения / И.Я. Арбитайло // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – С. 1603.
10. Данишевский, К.Д. Какие приоритеты в области здоровья населения трудоспособного возраста наиболее важны для России / К.Д. Данишевский // Медицина. – 2013. – № 3. – С. 33-45.
11. Попова, Л.А. Оценка эффективности государственных демографических инициатив / Л.А. Попова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 1. – С. 125-137.
12. Рост продолжительности жизни в России 2000-х годов / В.М. Школьников, Е.М. Андреев, М. Макки, Д.А. Леон // Демографическое обозрение. – 2014. – № 2. – С. 5-37.
13. Лепихина, Т.Л. Приоритетные направления инвестирования в человеческий капитал в современной России / Т.Л. Лепихина, Ю.В. Карпович // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. – 2010. – № 6. – С. 21-34.
14. Ласточкина, М.А. Анализ медико-демографических показателей как индикатора социально-экономического развития территории / М.А. Ласточкина // Проблемы развития территории. – 2013. – № 5. – С. 57-62.
15. Ильинская, Е.В. Эффективность расходов на здравоохранение в России и странах мира / Е.В. Ильинская // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2012. – № 1. – С. 18.
16. Экономическая и социальная эффективность организации лечебной помощи в Японии / И.В. Рева, Т.А. Полещук, А.Н. Гульков, Ю.И. Гайнулина, В.В. Усов, Е.А. Сон, А.Р. Ким, Г.В. Рева // Успехи современного естествознания. – 2015. – № 1-3. – С. 373-381.
17. Миллер, М.А. Материальное благополучие и здоровье в жизнедеятельности населения / М.А. Миллер // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2009. – № 3. – С. 125-128.
18. Обухова, О.В. Международные статистические инструменты в оценке эффективности отечественной системы здравоохранения / О.В. Обухова // Социальные аспекты здоровья населения. – 2012. – № 2. – С. 3.
19. Молчанова, Е.В. Математические методы оценки факторов, влияющих на состояние здоровья населения в регионах России (панельный анализ) / Е.В. Молчанова, М.М. Кручек // Социальные аспекты здоровья населения. – 2013. – № 5. – С. 10.
20. Лаврентьева, Е.В. Бюджетная политика муниципальных образований как фактор развития человеческого капитала / Е.В. Лаврентьева, О.К. Комаров, В.Е. Черкасов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2014. – № 4. – С. 53-57.

21. Факторный анализ и моделирование для прогнозирования основных показателей здоровья населения России / В.К. Овчаров, Г.В. Тарасова, Т.А. Королькова, М.В. Токуров // Отчет о НИР/НИОКР, РФФИ № 97-06-80041-а, 1997–1998 гг.
22. Кабанов, В.Н. Оценка эффективности местного самоуправления. Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2012): Материалы Шестой международной конференции (1–3 октября 2012 г., Москва, Россия) / В.Н. Кабанов. – М.: ИПУ РАН, 2012. – 410 с. – С. 168-171.
23. Кабанов В.Н. Показатель качества жизни населения для оценки эффективности местного самоуправления. Стратегическое планирование и развитие предприятий. Материалы XIV всероссийского симпозиума. Москва, 9–10 апреля 2013 г. / В.Н. Кабанов. – М.: ЦЭМИ РАН, 2013. – 286 с. – С. 84-87.
24. Швец, Ю.Ю. Соотношение количественных показателей с качеством оказываемой медицинской помощи. XXII Всероссийское совещание по проблемам управления ВСПУ-2014, Москва, 16–19 июля 2014 года / Ю.Ю. Швец. – М.: ИПУ РАН. – С. 5151-6169.

Сведения об авторе

Вадим Николаевич Кабанов – доктор экономических наук, профессор, научный сотрудник, Волгоградский филиал академии труда и социальных отношений (400001, Россия, г. Волгоград, ул. Ким, д. 6б, kabanovvn@yandex.ru)

Kabanov V.N.

Assessment of the Effectiveness of Public Investment in the Increase in Life Expectancy

Vadim Nikolaevich Kabanov – Doctor of Economics, Professor, Research Associate, Volgograd Branch of the Academy of Labor and Social Relations (6b, Kim Street, Volgograd, 400001, Russian Federation, kabanovvn@yandex.ru)

Abstract. The beginning of the 21st century was marked by the emergence of national projects in our country, which exactly correspond to the private integral indicators used by the UN in calculating the index of human capital development since 1996. The national project “Health care” is aimed at increasing life expectancy, “Education” – expanding the population’s access to knowledge, “Doubling GDP” – raising people’s income. Attaching equal importance to each indicator, the author of the article set a task to consider the economic efficiency of budgetary funds allocated to improve the nation’s health. The author assumed a proportion as the main hypotheses about the nature of correlation between life expectancy (H) and expenditures on health care (G); the calculated coefficients of correlation (Pearson, r) of dependence $H = f(G)$ for all RF subjects for 2003–2013 ($0.49 < r < \text{or} = 0.97$) confirmed the existence of correlation. The author proposed to use the slope of the straight $H = f(G)$ to x-axis as a quantitative value, indicating the economic efficiency of the transformation of budget expenditures to the increase in life expectancy. This indicator means that the achieved increase in life expectancy (Y axis motion) depending on changes in budget expenditures on health (axis motion). The proposed indicator to estimate the socio-economic effectiveness of state investments in domestic health care guarantees the most objective and clear assessment, conducted on the basis of standard methods of mathematical statistics, ensuring a high accuracy of the calculations. The rate of rise in life expectancy, depending on the volume of public investment in health care, can be used for the scientific justification, for example, of the degree of Federal budget participation in the regional programs to promote national health.

Key words: life expectancy, public spending on health care, budget investment, dependence of life expectancy on public expenditure on health care, effectiveness of budget investment in health care.

References

1. Kudrin A., Gurvich E. Starenie naselenie i ugroza byudzhethnogo krizisa [Aging of the Population and the Threat of a Fiscal Crisis]. *Voprosy ekonomiki* [Economical Issues], 2012, no. 3, pp. 52-79.
2. Solov'ev A.K. Demograficheskie usloviya povysheniya pensionnogo vozrasta v Rossii [Demographic Conditions to Raise the Retirement Age in Russia]. *Narodonaselenie* [Population], 2015, no. 2, pp. 39-51.
3. Aganbegyan A.G. Sostoyanie ekonomiki formiruet zdorov'e natsii [The State of the Economy Shapes the Health of the Nation]. *Ekonomika i upravlenie* [Economy and Management], 2011, no. 10, pp. 3-8.
4. Rimashevskaya N.M. Kachestvo chelovecheskogo potentsiala v usloviyakh innovatsionnoi ekonomiki [The Quality of Human Potential in the Innovative Economy]. *Narodonaselenie* [Population], 2009, no. 3, pp. 16-30.
5. Levin I.A., Petrashenko D.A., Ponomareva Yu.N. Regional'nyi indeks zdorov'ya naseleniya kak faktor planirovaniya sistemy meditsinskogo obsluzhivaniya [Regional Index of Population Health as a Factor in Planning of Health Services System]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and Abroad], 2014, no. 4, pp. 189-198.
6. Samoilova A.V. Mediko-demograficheskaya situatsiya v Chuvashskoi Respublike za 2010–2013 gg. [Medico-Demographic Situation in the Chuvash Republic for 2010–2013]. *Zdravookhranenie Chuvashii* [Health Care of Chuvashia], 2014, no. 2, pp. 5-14.
7. Bykovskaya T.Yu. Rol' natsional'nogo proekta "Zdorov'e" v uluchshenii pokazatelei zdorov'ya rabotayushchego naseleniya [Role of the National Project "Health" in Improving the Health of Working Population]. *Meditsina truda i promyshlennaya ekologiya* [Occupational Medicine and Industrial Ecology], 2011, no. 3, pp. 19-33.
8. Stepchuk M.A., Pinkus T.M., Abramova S.V., Bozhenko D.P. Dal'neishee razvitie otrasli zdravookhraneniya [Further Development of Health Care]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Statements of the Belgorod State University], 2012, no. 22, pp. 89-93.
9. Arbitailo I.Ya. Sotsial'nye posledstviya reformy zdravookhraneniya [Social Consequences of the Reform of Health Care]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2014, no. 6, p. 1603.
10. Danishevskii K.D. Kakie priority v oblasti zdorov'ya naseleniya trudosposobnogo vozrasta naibolee vazhny dlya Rossii [What Priorities in the Field of Health of the Working Age Population are Most Important for Russia]. *Meditsina* [Medicine], 2013, no. 3, pp. 33-45.
11. Popova L.A. Otsenka effektivnosti gosudarstvennykh demograficheskikh initsiativ [Evaluation of efficiency of the 2006–2011 public demographic initiatives]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 1, pp. 125-137.
12. Shkol'nikov V.M., Andreev E.M., McKee M., Leon D.A. Rost prodolzhitel'nosti zhizni v Rossii 2000-kh godov [Rising life expectancy in Russia of the 2000s]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 2014, no. 2, pp. 5-37.
13. Lepikhina T.L., Karpovich Yu.V. Prioritetnye napravleniya investirovaniya v chelovecheskii kapital v sovremennoi Rossii [Priority directions of investment in human capital in modern Russia]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta* [PNRPU Bulletin], 2010, no. 6, pp. 21-34.
14. Lastochkina M.A. Analiz mediko-demograficheskikh pokazatelei kak indikatora sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii [Analysis of Demographic and Health Parameters as an Indicator of Socio-Economic Development of the Territory]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 2013, no. 5, pp. 57-62.
15. Il'inskaya E.V. Effektivnost' raskhodov na zdravookhranenie v Rossii i stranakh mira [Efficiency of Spending on Health Care in Russia and World Countries]. *Regional'nye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiya* [Regional Agrosystems: Economics and Sociology], 2012, no. 1, p. 18.
16. Reva I.V., Poleshchuk T.A., Gul'kov A.N., Gainulina Yu.I., Usov V.V., Son E.A., Kim A.R., Reva G.V. Ekonomicheskaya i sotsial'naya effektivnost' organizatsii lechebnoi pomoshchi v Yaponii [Economic and Social Efficiency of the Organization of Medical Care in Japan]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [Advances in Current Natural Sciences], 2015, no. 1-3, pp. 373-381.
17. Miller M.A. Material'noe blagopoluchie i zdorov'e v zhiznedeyatel'nosti naseleniya [Prosperity and Health in Life Activity of the Population]. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii* [Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy], 2009, no. 3, pp. 125-128.

18. Obukhova O.V. Mezhdunarodnye statisticheskie instrumenty v otsenke effektivnosti otechestvennoi sistemy zdavookhraneniya [International Statistical Tools to Assess the Effectiveness of Domestic Public Health Systems]. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya* [Social Aspects of Public Health], 2012, no. 2, pp. 3.
19. Molchanova E.V., Kruchek M.M. Matematicheskie metody otsenki faktorov, vliyayushchikh na sostoyanie zdorov'ya naseleniya v regionakh Rossii (panel'nyi analiz) [Methods of Mathematical Evaluation of Factors Affecting the Health State of the Population in Russian Regions (Panel Analysis)]. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya* [Social Aspects of Public Health], 2013, no. 5, p. 10.
20. Lavrent'eva E.V., Komarov O.K., Cherkasov V.E. Byudzhetnaya politika munitsipal'nykh obrazovaniy kak faktor razvitiya chelovecheskogo kapitala [Budgetary Policy of Municipalities as a Development Factor of Human Capital]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa* [Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute], 2014, no. 4, pp. 53-57.
21. Ovcharov V.K., Tarasova G.V., Korol'kova T.A., Tokurov M.V. Faktornyi analiz i modelirovanie dlya prognozirovaniya osnovnykh pokazatelei zdorov'ya naseleniya Rossii [Factor Analysis and Modeling for Forecasting the Main Indicators of Population Health in Russia]. *Otchet o NIR/NIOKR, RFFI № 97-06-80041-a, 1997–1998 gg* [Reports on Research/R&D, RFBR No. 97-06-80041, 1997–1998].
22. Kabanov V.N. *Otsenka effektivnosti mestnogo samoupravleniya. Upravlenie razvitiem krupnomasshtabnykh sistem (MLSD'2012): materialy Shestoi mezhdunarodnoi konferentsii (1–3 oktyabrya 2012 g., Moskva, Rossiya)* [Evaluation of the Effectiveness of Local Government. Management of the Development of Large-Scale Systems (MLSD'2012): Proceedings of the 6th International Conference (October 1–3, 2012, Moscow, Russia)]. Moscow: IPU RAN, 2012, pp. 168-171.
23. Kabanov V.N. *Pokazatel' kachestva zhizni naseleniya dlya otsenki effektivnosti mestnogo samoupravleniya. Strategicheskoe planirovanie i razvitie predpriyatii: materialy XIY vserossiiskogo simpoziuma. Moskva, 9-10 aprelya 2013 g.* [The Indicator of Living Standard of the Population to Assess the Effectiveness of Local Government. Strategic Planning and Development of Enterprises: Materials of 14th All-Russian Symposium. Moscow, April 9–10, 2013]. Moscow: TsEMI RAN, 2011, pp. 84-87.
24. Shvets Yu.Yu. *Sootnoshenie kolichestvennykh pokazatelei s kachestvom okazyvaemoi meditsinskoi pomoshchi. XXII Vserossiiskoe soveshchanie po problemam upravleniya VSPU-2014, Moskva, 16–19 iyulya 2014 goda* [Relationship of Quantitative Indicators with Quality of Medical Care. 22nd All-Russia Meeting on Management Problems VSPU-2014, Moscow, July 16–19, 2014]. Moscow: IPU RAN, pp. 5151-6169.

Классификация муниципальных образований региона по структуре и уровню доходов и потребительских расходов населения

**Владислав Яковлевич
ФОКИН**

кандидат экономических наук, доцент
Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Чайковский филиал
617760, Россия, Пермский край, г. Чайковский, ул. Ленина, д. 73,
vlad-f62@yandex.ru

Аннотация. В статье предложена классификация муниципальных образований региона, различающихся по двум критериям: структуре и уровню доходов; уровню потребительских расходов населения. Исследована комбинация источников доходов (заработная плата, пенсии и пособия по безработице), образующих в совокупности сумму располагаемых денежных доходов населения административно-территориальных образований Пермского края. Проанализировано влияние доходов населения на оборот розничной торговли в муниципальных образованиях края. Собраны, сгруппированы и проанализированы данные, согласно которым в крупных и средних городах, являющихся промышленными центрами, уровень доходов населения значительно превышает значения этих показателей, характерных для сельских муниципальных районов, монопоселений и депрессивных территорий. Это обусловлено низкой заработной платой работающего населения, большим удельным весом пенсионеров и безработных в сельских территориях, монопоселениях и депрессивных территориях. Выделены девять типов территориальных образований региона, различающихся по структуре и уровню доходов и потребительских расходов населения муниципальных образований. Сделан вывод о том, что территориальная дифференциация муниципальных образований влияет на формирование стратификационных групп населения, различающихся по уровню доходов и потребления. Решение этой проблемы требует объединения усилий руководства региона и органов муниципальной власти, направленных на разработку управленческих воздействий с учетом специфики каждого муниципального образования.

Ключевые слова: муниципальное образование, территориальная дифференциация, крупный город, монопоселение, сельский муниципальный район, доход, заработная плата, безработные, пенсионеры, потребление, социальная стратификация.

Согласно норме, прописанной в ст. 15 Конституции СССР 1977 года, высшей целью общественного производства при социализме было наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей. Известно, что удовлетворение потребностей основано на потреблении материальных и духовных благ. Исходя из этого повышение уровня потребления населения являлось одной из главных задач государства в условиях плановой экономики.

В Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, в наиболее близкой по смыслу правовой норме декларируется реализация государственной политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Понятие «достойная жизнь» можно рассматривать в контексте оценки качества жизни, одним из компонентов которого, наряду со здоровьем, продолжительностью жизни, условиями окружающей среды, выступает уровень потребления материальных и духовных благ, являющийся производным от уровня доходов населения. С учетом того, что в социальном государстве достойная жизнь должна быть доступна для всех граждан, выравнивание уровня доходов и потребления населения страны должно являться одной из приоритетных государственных задач в настоящее время. А для этого необходимо проанализировать различные составляющие проблемы социального неравенства в стране.

В число факторов, влияющих на социальную стратификацию населения России, входит дифференциация мест проживания, отличающихся потенциальными возможностями получения доходов и совершения потребительских расходов группами населения, проживающего в различных типах

муниципальных образований. Поэтому социально-экономическая неоднородность развития сельских и городских поселений, городов с диверсифицированной промышленностью и депрессивных территорий, влияющая на стратификацию населения по уровню доходов и потребления и приводящая к негативным демографическим и миграционным процессам, представляет приоритетную проблему, требующую теоретического изучения и практического решения на государственном, региональном и муниципальном уровне.

С целью выработки решений, направленных на поддержание необходимого баланса в развитии административно-территориальных образований региона, недопущения их чрезмерной дифференциации по уровню социально-экономического развития, как следствие, качества жизни населения, необходима их типизация — разделение различных муниципальных образований на однородные группы посредством проведения межмуниципальных сопоставлений.

Следует отметить, что вопросы углубления социального неравенства населения по уровню жизни и его отдельным составляющим в целом в стране, а также на муниципальном уровне в последнее время все чаще подвергаются научному осмыслению.

Например, на важность исследований этого аспекта социального управления указывает Б.В. Токарский, который пишет о том, что уровень жизни населения, являющийся важнейшей составляющей качества жизни, во многом определяется обеспеченностью благами и услугами, достигнутым уровнем их потребления [10, с. 160-161].

Социальная значимость и актуальность проблемы углубления дифференциации доходов населения в период рыночных преобразований и последствий этой диф-

ференциации позволила И.Ю. Ильиной подготовить докторскую диссертацию, в которой были исследованы особенности формирования потребительских стратегий различными социально-демографическими группами населения [3].

Следует отметить многоаспектность проблемы территориальной дифференциации доходов и соответствующей этому проблемы стратификации населения по уровню потребления. Ряд научных работ посвящен исследованию проблемы континуума «недостаточное – чрезмерное потребление». Например, на повышение значимости потребления, используемого «в качестве инструмента социальной идентификации отдельных индивидов и их интеграции в общество на основе социально-потребительского статуса», указывает В.А. Шамликашвили [13, с. 45].

В погоне за формированием высокого уровня этого статуса потребление различных благ некоторыми группами людей становится чрезмерным. Наиболее широко чрезмерное потребление распространено в столичных и региональных центрах, наиболее крупных городах. Именно в столичных городах и, в значительной мере, региональных центрах сосредоточено большое количество, по выражению А.А. Овсянникова, «ненасытных потребителей». Как он пишет, «ненасытный потребитель является центром любой политики общества потребления, управляемого не дюркгеймовскими ценностями социальных политических идеалов, а системой виртуальных знаков и символов социальной идентичности с властью и успехом» [6, с. 230].

Отдельным направлением научных исследований являются работы, направленные на анализ глубины дифференциации доходов населения, соответствующего этим доходам уровня потребления и связанных с этими факторами тенденций социально-

экономического развития различных типов территориальных образований страны и ее регионов.

По мнению З.И. Калугиной, неравенство в доходах вызывает неравенство в уровне, структуре и качестве потребления. Структура потребительских расходов жителей села характеризуется высокой долей затрат на питание, при низкой по сравнению с жителями города доле расходов на оплату услуг, организацию отдыха и культурные мероприятия, расходов на образование. Из этого следует вывод о наличии в России сочетания неравенства доходов с неравенством возможностей, о недооценке крестьянского труда, что приводит к доминированию в сельской местности социальных слоев экстремально бедного и малообеспеченного населения [4, с. 125-127].

Л.В. Костылева на примере Вологодской области проанализировала влияние уровня доходов на образ жизни и стратификацию городского и сельского населения по таким показателям, как объемы и структура расходов; потребление продуктов питания; благоустроенность жилья; имущественная обеспеченность; потребление услуг; особенности проведения свободного времени и возможности отдыха [5].

В ряде научных работ представлены анализ статистических данных и результаты социологических опросов, подкрепляющих тезисы о том, что отставание социально-экономического развития сельских территорий различных регионов Российской Федерации от городской местности привело к многим негативным последствиям.

С точки зрения Т.В. Усковой одним из таких негативных последствий является деградация и измельчение структуры поселенческой сети в Вологодской области, снижение обеспеченности трудовыми

ресурсами в её периферийных районах без городских поселений по отношению к пригородным районам [12].

Исследуя дифференциацию муниципальных образований Свердловской области, группа уральских ученых в качестве важнейшего социально-экономического индикатора также рассмотрела уровень заработной платы в территориальных образованиях области. И.Д. Тургель и ее единомышленники пишут о том, что уровень заработной платы оказывает влияние «на привлекательность территориальной единицы как перспективного места проживания, определяет направленность миграционных потоков; ёмкость потребительского рынка, а следовательно, темпы роста и структуру отраслей, обеспечивающих этот рынок, таких как сфера розничной торговли и сфера услуг...» [7, с. 31-32].

В малых городах и сельской местности, наоборот, высока доля бедного населения — социального слоя, испытывающего лишения в связи с отсутствием возможности нормального потребления. Согласно результатам исследований Н.Е. Тихоновой и Е.Д. Слободенюк бедность как социальное явление концентрируется в сельской местности и небольших городах. В областных центрах удельный вес населения, имеющего опыт пребывания в бедности, в несколько раз ниже [9, с. 45].

Обзор научной литературы, охватывающей вопросы влияния уровня доходов населения на объемы конечного потребления, дает основание сделать вывод о важности выделения территориального признака — места жизнедеятельности в определении предметной области исследования, посвященного этой теме.

В одной из ранее опубликованных статей автора уже было проведено исследование проблемы влияния доходов на различие в уровне потребления сельского и городского населения [14]. Данная работа

коренным образом отличается от упомянутой выше статьи автора и научных работ по данной тематике, опубликованных другими учеными. Отличие заключается в том, что автором проведен многофакторный анализ условий, в которых развиваются территории, а также того, как эти условия влияют на структуру и уровень доходов и потребительских расходов населения, проживающего в административно-территориальных образованиях Пермского края. На этой основе выделены однотипные административно-территориальные образования и предложена их классификация с учетом общих для каждого типа муниципальных образований закономерностей формирования их социально-экономического потенциала и его влияния на стратификацию населения региона, проживающего в разных типах территориальных образований.

Известно, что денежные доходы населения формируют такие составляющие, как оплата труда, пенсии, пособия и другие социальные трансферты. Кроме того, в структуру денежных доходов входят доходы от предпринимательской деятельности, проценты от вкладов, ценных бумаг и т.д. Согласно данным Пермьстата, в 2013 году суммарные доходы населения в Пермском крае достигли суммы 823 932,8 млн. руб. Наибольший удельный вес в структуре доходов занимала оплата труда. Она была равной 273 192,1 млн. руб., что составляло 33,2%. Вторыми по удельному весу в структуре доходов в 2013 году были социальные выплаты (пенсии, пособия) — 145 122,3 млн. руб. или 17,6%. Затем, в порядке убывания следуют доходы от предпринимательской деятельности — 86 916,8 млн. руб. или 10,5% и доходы от собственности (34 278,2 млн. руб. или 4,2%). Все другие доходы в совокупности составили 34,5% от суммарного объема доходов населения Пермского края [8, с. 90].

Доходы от предпринимательской деятельности и от собственности занимают незначительное место в структуре доходов в связи с тем, что предпринимательство как явление в настоящее время все еще находится на этапе развития, а собственность — в стадии накопления, а также формирования механизма получения дохода от владения ею. Причем сельское население в связи с выделением земельных паев потенциально может иметь доходы от предпринимательской деятельности на земле или от сдачи земли в аренду. Но для большинства сельских жителей, как пишут П.П. Великий и С.Т. Дакирова, «возделывание земли своими силами — задача неподъемная с учетом своих ресурсов (исключая относительно небольшую группу конструктивной ориентации)» [1, с. 14].

Следует отметить, что арендная плата, которую согласны платить сельхозпредприятия собственникам земли, по причине избыточного предложения сельхозугодий и незначительного спроса на них ничтожно мала. Например, в Пермском крае — от 100 руб. в год за гектар сельхозугодий плюс оплата налога на землю.

Для оценки масштабов проблемы территориальной диспропорции доходов и потребления населения Пермского края, проживающего в различных типах муниципальных образований, автором разработан алгоритм исследования, определены индикаторы, подлежащие изучению, собрана, структурирована и проанализирована релевантная теме статистическая информация. Анализ и дальнейшее агрегирование данных позволили автору данной статьи выделить девять типов муниципальных образований Пермского края, дифференцированных по уровню доходов и, соответственно, покупательской способности населения, проанализи-

ровать влияние этих факторов на уровень потребления населения исследованных территорий (табл. 1).

На первом этапе научного исследования проведен анализ влияния среднемесячной номинальной начисленной заработной платы, что обусловлено ее наибольшим удельным весом в структуре доходов, на оборот розничной торговли в расчете на душу населения, проживающего в 9 типах территорий Пермского края, с учетом значимости этого индикатора потребления. Значимость обусловлена тем, что расходы населения на покупку продуктов питания, алкогольных напитков, непродовольственных товаров в структуре всех потребительских расходов занимают около 60%.

Автор заостряет внимание на том, что размещение муниципальных районов в таблице 1 структурировано таким образом, что в каждой группе территорий административно-территориальные образования занимают места в порядке снижения значений оборота розничной торговли на душу населения и, соответственно, рейтинговых значений этого показателя в масштабах всего региона.

Приведённые данные наглядно показывают, что в 2013 году в 13 административно-территориальных образованиях, занимающих места в начале рейтингового списка таблицы, уровень среднемесячной заработной платы находился в интервале от 32 801,1 до 22 869,0 руб., что соответствует первому—шестнадцатому месту в порядке убывания. Эти муниципальные образования относятся к пяти наиболее благополучным группам территорий, выделенных автором. Во всех этих территориях, характеризующихся высоким уровнем урбанизации, в том числе в формально считающихся сельскими Пермском и Соликамском районах, в 2013 году зафиксиро-

Таблица 1. Влияние размера заработной платы на оборот розничной торговли в различных типах муниципальных образований Пермского края в 2013 году

Место в рейтинге	Административно-территориальные образования	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.	Место в рейтинге	Оборот розничной торговли на душу населения, руб. в год	Место в рейтинге	Несоответствие значений 4-й и 6-й колонок, пунктов	Соотношение городского/сельского населения, %
<i>1. Городские округа, представленные крупными и средними городами, являющиеся индустриальными центрами</i>							
1	г. Пермь	32801,1	2	298887	1	1	100/0
2	г. Березники	29005,4	4	151582	3	1	100/0
3	г. Кунгур	24195,4	12	131047	4	8	100/0
4	г. Соликамск	25301,1	8	121077	7	1	100/0
5	г. Кудымкар	22869,0	16	100361	11	4	100/0
<i>2. Муниципальные районы, населенные пункты которых входят в Пермскую агломерацию</i>							
6	Краснокамский	25209,9	10	156282	2	8	80,7/19,3
7	Добрянский	30337,0	3	107441	10	7	81,6/18,4
<i>3. Муниципальные районы, непосредственно примыкающие к крупным городам, разместившим на землях этих районов промышленные предприятия</i>							
8	Пермский	25236,6	9	83971	13	4	0/100
9	Усольский	33151,2	1	54795	27	26	40,2/59,8
10	Соликамский	22911,2	15	15336	47	32	0/100
<i>4. Муниципальные районы, имеющие диверсифицированную промышленность</i>							
11	Чайковский	26556,3	6	116280	9	3	79,8/20,2
<i>5. Муниципальные районы с высокой долей предприятий, специализирующихся на добыче нефти</i>							
12	Чернушинский	24242,8	11	130842	5	6	65,5/34,58
13	Осинский	26879,0	5	68916	18	13	71,7/28,3
<i>6. Муниципальные районы и городские округа, являющиеся старопромышленными территориями с высокой долей населения, проживающего в монопоселениях</i>							
14	Лысьвенский г.о.	20139,9	29	116586	8	21	84,4/15,6
15	Чусовской	21950,8	20	84569	12	8	77,8/22,2
16	Очерский	22152,2	18	78694	14	4	76,2/23,8
17	Кизеловский	19492,6	33	73929	15	18	77,6/22,4
18	Нытвенский	19809,7	30	71638	16	14	70,4/29,6
19	Губахинский г.о.	23048,4	14	65920	20	6	94,4/5,6
20	Александровский	20645,2	25	63868	21	4	88,2/11,8
21	Горнозаводский	23586,0	13	51707	30	17	94,5/5,5
22	Красновишерский	19783,8	31	50932	31	-	72,7/17,3
23	Гремячинский	22079,9	19	47135	37	18	81,4/18,6
<i>7. Муниципальные районы, административными центрами которых являются малые города, значительная часть населения проживает в сельских поселениях</i>							
24	Верещагинский	20248,7	28	121852	6	22	53,7/46,3
25	Суксунский	18251,4	38	59598	23	15	39,9/60,1
26	Ильинский	18515,3	37	56044	25	12	19,4/80,6
27	Оханский	16306,9	44	51891	28	16	44,2/65,8
28	Октябрьский	20292,9	27	49425	35	8	50/50
<i>8. Сельские муниципальные районы, специализирующиеся на производстве сельскохозяйственной продукции</i>							
29	Березовский	21599,7	22	71328	17	5	0/100
30	Кудединский	17408,2	41	66088	19	22	0/100
31	Большесосновский	18661,4	36	60382	22	14	0/100
32	Сивинский	16199,9	45	57437	24	21	0/100
33	Частинский	21132,3	23	56032	26	3	0/100
34	Еловский	18960,9	35	51738	29	6	0/100
35	Карагайский	19287,5	34	50671	32	2	0/100
36	Кочевский	25373,4	7	50079	33	26	0/100
37	Уинский	18050,4	39	49702	34	5	0/100
38	Чердынский	20415,1	26	48424	36	10	0/100
39	Бардымский	21610,1	21	46596	38	17	0/100
40	Юсьвинский	15059,9	46	41944	39	7	0/100
41	Ординский	19751,8	32	41666	40	8	0/100
42	Гайнский	22680,0	17	40342	41	24	0/100
43	Юрлинский	17161,3	42	39315	42	-	0/100
44	Косинский	20986,5	24	38339	43	19	0/100
45	Кишертский	17772,1	40	37767	44	4	0/100
<i>9. Сельские муниципальные районы без промышленной составляющей, территориально охватывающие экономически обособленные от них города</i>							
46	Кудымкарский	14462,2	47	32792	45	2	0/100
47	Кунгурский	17023,5	43	28490	46	3	0/100

Источник: данные собраны, структурированы и рассчитаны самостоятельно с привлечением [8].

рованы наивысшие по отношению к показателям других муниципальных образований значения заработной платы. Высокое рейтинговое место по уровню заработной платы Пермского района объясняется тем, что на его землях, расположенных вокруг города Пермь, являющегося краевым центром, размещены крупные производственные мощности. Значительная часть проживающего в районе населения осуществляет трудовую деятельность на этих промышленных предприятиях, обеспечивающих высокий уровень заработной платы. Первое место в рейтинге Усольского муниципального района и пятнадцатое Соликамского района обусловлено схожими обстоятельствами — тем, что значительная часть трудоспособного населения, проживающего на их территориях, задействована на месторождениях калийных солей, разрабатываемых ОАО «Уралкалий», которое выплачивает своим работникам достойную заработную плату.

Шестая группа территориальных образований включает муниципальные районы, являющиеся старопромышленными территориями. В них сосредоточена значительная доля городского населения. Но проживает это население в моногородах, проблема которых, как пишет В.В. Гусев, «представляется неким белым пятном, архаикой современной экономики, так как моногорода в настоящее время... это центры стагнации, удаленные пространственно и экономически, во многом не способные к самостоятельному хозяйственному развитию, не вписывающиеся в современные социально-урбанистические стандарты» [2, с. 23].

Уровень среднемесячной заработной платы в муниципальных образованиях, относящихся к шестой группе территорий, — это интервал от 23 586,0 до 19 492,6 руб. Во всех 11 муниципальных образованиях,

относящихся к этой группе территорий, уровень среднемесячной заработной платы гораздо ниже, чем в пяти группах территорий, находящихся на более высоких строках рассматриваемого списка. Относительно высокий уровень зарплаты лидеров списка среди муниципальных образований, отнесенных к этой группе, обусловлен рядом обстоятельств. На территории Горнозаводского района функционирует крупный завод по производству цемента, пользующегося стабильным спросом на рынке стройматериалов. В Очерском районе расположен машиностроительный завод, поставляющий свою продукцию нефтедобывающим предприятиям. В городе Губаха существенный вклад в повышение средней заработной платы населения вносит ОАО «Метафракс», относящееся к химической промышленности, являющееся ведущим промышленным предприятием этого городского округа.

Последний в группе по уровню заработной платы Кизеловский муниципальный район — территория закрытого в девяностых годах прошлого века Кизеловского угольного бассейна. На этой депрессивной территории, как пишет А.И. Трейвиш, в результате «скоропостижности и рукотворности смерти бассейна за угледобычей и шахтерскими заработками рухнули все отрасли, не подумав превращаться из вспомогательных в градообразующие... Люди оказались заперты в депрессивной “ржавой чаше”» [11, с. 271-272].

Еще хуже обстоят дела с заработной платой в большинстве муниципальных районов, административными центрами которых являются малые города, а значительная часть населения проживает в сельских поселениях (седьмая группа) и полностью сельских муниципальных районах (восьмая группа). Исключение составляет Кочевский муниципальный

район, имеющий седьмое место в рейтинге по уровню заработной платы. Это обусловлено его расположением в лесной зоне на севере Пермского края и тем, что на его территории функционируют 17 предприятий по заготовке и переработке леса, поддерживающие достаточно высокий уровень заработной платы. В этом районе практически полностью отсутствует сельскохозяйственная составляющая. К девятой группе отнесены сельские муниципальные районы, территориально охватывающие города Кудымкар и Кунгур, являющиеся самостоятельными муниципальными образованиями – городскими округами, экономически искусственно отрезанными от окружающих их районов. Поэтому в Кунгурском и Кудымкарском районах низкая наполняемость бюджетов, большая часть населения занята низкооплачиваемым сельским трудом. Отсюда и глубина проблемы территориальной дифференциации заработной платы, характеризующейся существенными различиями ее значений в этих территориальных образованиях и краевом центре. В Кудымкарском муниципальном районе, занимающем последнее место в рейтинге, уровень заработной платы в 2013 году составлял всего 44% по отношению к уровню Перми.

Анализ влияния среднего уровня заработной платы в муниципальном образовании на оборот розничной торговли, приходящийся на душу населения, проживающего на его территории, в определенной мере подтверждает зависимость этих индикаторов. Из данных таблицы 1 видно, что все административно-территориальные образования, отнесенные к первым пяти группам, за исключением Усольского и Соликамского муниципальных районов, и по уровню потребления находятся на высоких рейтинговых местах. Низкие места в рейтинговом списке по уровню розничного

товарооборота этих территорий объясняются их компактностью и поэтому тем, что население, проживающее в этих районах, основную массу покупок совершает в близлежащих крупных городах – Березниках и Соликамске.

Почти во всех территориальных образованиях, относящихся к группе старопромышленных территорий, в муниципальных районах, административными центрами которых являются малые города, и сельских муниципальных районах рейтинговые значения показателя оборота розничной торговли на душу населения ниже, чем в рассмотренных выше пяти группах территорий. Исключения составляют Лысьвенский городской округ и Верещагинский муниципальный район, административные центры которых – города Лысьва и Верещагино, расположенные на пересечении транспортных железнодорожных и автомобильных путей, являются местными логистическими центрами с развитой торговлей и сферой услуг.

Из данных табл. 1 видно, что между рассматриваемыми территориями Пермского края наблюдается гигантский разрыв в уровне потребления продуктов питания и непродовольственных товаров. В большинстве муниципальных районов, где преобладает сельское население, оборот розничной торговли на душу населения в 5 и более раз ниже, чем в Перми. В 12 районах, аутсайдерах по показателю оборота розничной торговли на душу населения, значения этого показателя в 2013 году составляли менее 50 тыс. руб. – почти в 6 раз ниже, чем в краевом центре. Даже с учетом того, что часть покупок жители периферийных территорий совершают в краевом центре и близлежащих городах, можно уверенно говорить о межмуниципальной стратификации населения Пермского края по уровню потребления.

В 27 муниципальных образованиях из 47 несоответствие значений четвертой и шестой колонок не превышает 10 пунктов. Большее несоответствие в других территориях объясняется их различиями по удельному весу пенсионеров и безработных – социальных групп населения, имеющих пониженные доходы.

Автор заостряет внимание на том, что в настоящее время по причине демографических проблем, связанных с дрящимся с конца 80-х годов прошлого века до настоящего времени низким уровнем рождаемости в стране и большинстве ее регионов, увеличивается количество пенсионеров, приходящихся на одного работающего. При этом в сельской местности, депрессивных территориях, населенных пунктах, в которых размещены предприятия с высокой удельной долей рабочих мест, характеризующихся вредными и тяжелыми условиями труда (горнодобывающая, химическая промышленность и т.д.), процентное соотношение пенсионеров по отношению к работающему населению еще выше. Это обусловлено, во-первых, миграционным оттоком трудоспособного населения из депрессивных территориальных образований, а во-вторых, тем, что согласно трудовому законодательству Российской Федерации работники предприятий с вредными условиями труда выходят на пенсию раньше на 5 или 10 лет с учетом списка профессий, дающих право более раннего выхода на пенсию. Поэтому средний доход и соответственно потребление на душу населения в границах таких территорий, где значительная часть населения живет на пенсии, ниже, чем в других муниципальных образованиях.

Еще одним фактором, влияющим на снижение среднедушевого уровня доходов населения и, следовательно, уровня потребления на территории, является высокий

удельный вес безработных, так как они живут на пособие по безработице в случае успешного прохождения регистрации в этом качестве в службе занятости. В ситуации когда процедура признания в качестве безработного до конца не была доведена или гражданин, обратившийся в службу занятости, не получил статус безработного, но фактически таковым является, он вообще живет на случайные заработки, доход от личного подсобного хозяйства, иногда от собирательства. В Пермском крае наблюдается ярко выраженная территориальная неоднородность распределения количества пенсионеров, приходящихся на 1000 чел. населения, и численности безработных в девяти рассматриваемых группах территорий (табл. 2).

Из сгруппированных в таблице данных видно, что меньше всего, за редким исключением, пенсионеров, приходящихся на 1000 чел. населения, и зарегистрированных безработных статистика зафиксировала в типах территорий Пермского края, формируемых крупными и средними городами, муниципальными районами, являющимися пригородными территориями этих городов, и Чайковском муниципальном районе, в котором размещено диверсифицированное производство. Незначительное количество населения, имеющего низкий доход, оказывает положительное воздействие на формирование потребительского спроса, следовательно, на уровень розничного товарооборота в этих территориальных образованиях. Рассмотрим обратный пример. Осинский муниципальный район – центр нефтедобычи Пермского края. Хотя он занимает высокое 5 место по уровню заработной платы, в нем проживает значительное количество низкодоходных групп населения. По количеству пенсионеров, приходящихся на 1000 чел. населения, район занимает двадцать второе, а по уровню

Таблица 2. Сопоставительная таблица рейтинговых значений показателей удельного веса пенсионеров и безработных и уровня потребления в различных типах территорий Пермского края в 2013 году

Место в рейтинге	Территориальные образования	Количество пенсионеров, приходящихся на 1000 чел. населения	Место в рейтинге	Уровень безработицы, %	Место в рейтинге	Место в рейтинге по уровню заработной платы*	Среднеарифметическое значение в рейтинге по трем значениям	Место в рейтинге по обороту розничной торговли на душу населения, руб. в год
<i>1. Городские округа, представленные крупными и средними городами, являющиеся индустриальными центрами</i>								
1	г. Пермь	275	5	0,50	2	2	3	1
2	г. Березники	329	33	0,46	1	4	13	3
3	г. Кунгур	286	11	1,27	6	12	10	4
4	г. Соликамск	282	8	1,43	12	8	10	7
5	г. Кудымкар	278	6	2,39	19	16	14	11
<i>2. Муниципальные районы, населенные пункты которых входят в Пермскую агломерацию</i>								
6	Краснокамский	288	13	1,19	8	10	10	2
7	Добрянский	296	16	1,86	16	3	12	10
<i>3. Муниципальные районы, непосредственно примыкающие к крупным городам, разместившим на землях этих районов промышленные предприятия</i>								
8	Пермский	236	1	0,84	1	9	5	13
9	Усольский	258	2	1,48	14	1	6	27
10	Соликамский	286	12	1,46	13	15	13	47
<i>4. Муниципальные районы, имеющие диверсифицированную промышленность</i>								
11	Чайковский	289	14	0,92	5	6	8	9
<i>5. Муниципальные районы с высокой долей предприятий, специализирующихся на добыче нефти</i>								
12	Чернушинский	272	4	0,78	3	11	6	5
13	Осинский	309	20	3,21	31	5	19	18
<i>6. Муниципальные районы и городские округа, являющиеся старопромышленными территориями с высокой долей населения, проживающего в монопоселениях</i>								
14	Лысьвенский г.о.	349	39	1,36	9	29	26	8
15	Чусовской	313	27	1,64	15	20	21	12
16	Очерский	310	22	3,80	36	18	25	14
17	Кизеловский	466	46	3,18	29	33	36	15
18	Нытвенский	318	28	2,92	24	30	27	16
19	Губахинский г.о.	373	43	1,05	7	14	21	20
20	Александровский	346	37	2,33	18	25	27	21
21	Горнозаводский	347	35	1,96	17	13	22	30
22	Красновишерский	350	40	8,25	47	31	39	31
23	Гремячинский	502	47	3,71	35	19	34	37
<i>7. Муниципальные районы, административными центрами которых являются малые города, значительная часть населения проживает в сельских поселениях</i>								
24	Верещагинский	266	3	0,99	6	28	12	6
25	Суксунский	316	30	3,05	26	38	31	23
26	Ильинский	316	31	3,17	28	37	32	25
27	Оханский	297	17	2,70	22	44	28	28
28	Октябрьский	312	24	3,38	32	27	28	35
<i>8. Сельские муниципальные районы, специализирующиеся на производстве сельскохозяйственной продукции</i>								
29	Березовский	314	21	3,94	37	22	27	17
30	Кудинский	303	19	2,56	21	41	27	19
31	Большесосновский	312	23	4,99	42	36	34	22
32	Сивинский	290	15	3,00	25	45	28	24
33	Частинский	280	7	3,21	30	23	20	26
34	Еловский	372	42	4,78	39	35	38	29
35	Карагайский	297	18	2,74	23	34	25	32
36	Кочевский	333	34	6,10	43	7	28	33
37	Уинский	390	38	3,15	27	39	35	34
38	Чердынский	285	10	4,87	41	36	29	36
39	Бардымский	316	32	3,48	33	21	29	38
40	Юсьвинский	342	36	5,18	43	46	42	39
41	Ординский	319	29	4,29	38	32	33	40
42	Гайнский	376	44	5,19	44	17	35	41
43	Юрлинский	319	26	4,79	40	42	36	42
44	Косинский	407	45	6,24	46	24	38	43
45	Кишертский	365	41	3,64	34	40	38	44
<i>9. Сельские муниципальные районы без промышленной составляющей, территориально охватывающие экономически обособленные от них города</i>								
46	Кудымкарский	309	21	2,46	20	47	29	45
47	Кунгурский	284	9	1,39	11	43	21	46

Источник: данные собраны, структурированы и рассчитаны самостоятельно с привлечением [8].

* Место в рейтинге по показателю «среднемесячная номинальная начисленная заработная плата» перенесено из таблицы 1.

безработицы – тридцать третье место в Пермском крае. Соответственно, с учетом влияния этих факторов, и в рейтинге значений оборота розничной торговли на душу населения в год у Осинского района достаточно низкое – пятнадцатое место.

Из данных табл. 2 также видно, что во всех муниципальных районах, являющихся старопромышленными территориями с высокой долей городского населения, проживающего в монопоселениях и большинстве сельских районов края, удельный вес пенсионеров и безработных в общей структуре населения гораздо больше, чем в пяти первых группах территорий. Что касается масштабов дифференциации, то о них можно судить по размаху вариации значений исследуемых факторов. В девяти муниципальных районах, аутсайдерах рейтинга, превышена отметка в 350 числа, получающих пенсию лиц на 1000 человек населения, проживающего в этих территориальных образованиях, что в 1,5 раза больше, чем в Пермском муниципальном районе. Показатели уровня безработицы в Красновишерском районе из-за ликвидации местного градообразующего предприятия – целлюлозно-бумажного комбината – в 16,5 раза выше, чем в краевом центре. При сопоставлении среднеарифметического значения рейтинговых мест муниципальных образований Пермского края по трём рассмотренным показателям с их местом в рейтинге по показателю оборота розничной торговли на душу населения видно, что в 38 случаях из 47 (выделено жирным шрифтом) расхождение этих значений не превышает 10 пунктов. Большой интервал между сравниваемыми значениями в остальных случаях обусловлен наличием дополнительных факторов, оказывающих влияние на специфику расходов, осуществляемых населением некоторых муниципальных образований. Например,

развитая транспортная инфраструктура позволяет населению некоторых сельских муниципальных районов совершать покупки в близлежащих городах, что влияет на снижение товарооборота в этих районах, но увеличивает его в городах (Кунгурский и Кудымкарский муниципальные районы и города – Кунгур и Кудымкар соответственно).

На основании вышеизложенного материала можно сделать ряд выводов и предложений.

Комбинация всех трёх дифференцированных по величине источников доходов (заработная плата, пенсии и пособия по безработице), образующих в совокупности сумму располагаемых денежных доходов населения административно-территориального образования, формирует потенциал его расходов, в том числе потенциал оборота розничной торговли этой территории.

С учетом специфики Пермского края однотипными группами территорий, в порядке убывания социально-экономического потенциала, и связанной с этим проблемы уменьшения доходов, как следствие, покупательской способности, а также уровня потребления являются:

1. Городские округа, представленные крупными и средними городами, являющиеся индустриальными центрами.
2. Муниципальные районы, населенные пункты которых входят в Пермскую агломерацию.
3. Муниципальные районы, непосредственно примыкающие к крупным городам, промышленная зона которых частично размещена на территории этих районов.
4. Чайковский муниципальный район, имеющий диверсифицированную промышленность.
5. Муниципальные районы с высокой долей предприятий, специализирующихся на добыче нефти.

6. Муниципальные районы, являющиеся старопромышленными территориями с высокой долей населения, проживающего в монопоселениях.

7. Муниципальные районы, административными центрами которых являются малые города, значительная часть населения этих районов проживает в сельских поселениях.

8. Сельские муниципальные районы, специализирующиеся на производстве сельскохозяйственной продукции, административными центрами которых являются сельские населенные пункты.

9. Сельские муниципальные районы без промышленной составляющей, территориально охватывающие экономически обособленные от них городские округа.

Наиболее «проблемными» с точки зрения социальной справедливости в отношении доходов и потребительских расходов населения являются пять последних групп территорий. Краевые власти предпринимают меры для снижения степени дифференциации доходов и потребительских расходов населения. Для этого в крае разрабатываются программы развития «проблемных» территорий – моногородов, сельских территорий, депрессивных территорий Кизеловского угольного бассейна и прикладываются усилия для реализации этих программ, направленных на увеличение защищенности занятости, создание рабочих мест, повышение заработной платы в бюджетной сфере и т.д. Несмотря на это, положение со стратификацией населения, проживающего в различающихся по уровню социально-экономического развития, соответственно, доходов и потребления, типах территорий, остается крайне серьезным, особенно в сельских муниципальных районах. Стратификация населения по уровню доходов и потребления приводит к оттоку всех слоев, но в первую очередь

населения трудоспособного возраста из городских депрессивных территорий и сельских муниципальных районов и, как следствие, к их прогрессирующему упадку, характеризующемуся сокращением объемов производства, потерей производственных мощностей на периферийных по отношению к крупным городам территориях. Например, о состоянии упадка сельских территорий Пермского края можно сделать выводы на основе только одного обобщающего факта. С 1990 по 2013 год посевные площади в Пермском крае уменьшились с 1850,3 до 736,0 тыс. гектаров или на 60%. Так как сельскохозяйственные угодья Пермского края расположены в лесной природной зоне и характеризуются мелкоконтурностью полей, выведенные из оборота земли мгновенно заросли лесом. С учетом нереальности проведения на бывших полях агролесомелиоративных мероприятий можно констатировать факт потери 60% главного средства производства сельскохозяйственной продукции – земельных угодий сельскохозяйственного назначения. Это повлияло на снижение потенциала региона в целом, привело к усилению противоречий во внутрирегиональном развитии.

Сложившиеся условия требуют повышения эффективности реализации программ социального развития края, разработки дополнительных управленческих решений, направленных на повышение эффективности регулирования территориальной дифференциации. Исходя из этого возникла необходимость решения этой проблемы посредством объединения усилий руководства региона и органов муниципальной власти, выработки адекватных программ управленческих воздействий, с учетом специфики каждого муниципального образования, на основе применения методов социального управления.

Литература

1. Великий, П.П. Социальный потенциал постсоветской деревни / П.П. Великий, С.Т. Дакирова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2012. – Т. 12. – № 3. – С. 13-17.
2. Гусев, В.В. Российские моногорода: проекты будущего или архаичное наследие прошлого? / В.В. Гусев // Власть. – 2012. – № 10. – С. 23-27.
3. Ильина, И.Ю. Социально-демографическая дифференциация потребления населения: автореф. дис. ... д.э.н. / И.Ю. Ильина. – М., 2009. – 53 с.
4. Калугина, З.И. Социальные риски модернизации российской аграрной экономики / З.И. Калугина // Отечественные записки. – 2012. – № 6. – С. 117-129.
5. Костылева, Л.В. Пространственные аспекты социально-экономической дифференциации населения региона / Л.В. Костылева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2009. – № 3. – С. 82-92.
6. Овсянников, А.А. Общество потребления в России: системность и тотальность кризиса / А.А. Овсянников // Вестник МГИМО. – 2011. – № 3. – С. 222-235.
7. Оценка потенциала саморазвития муниципальных образований: теория и практика: монография / И.Д. Тургель, А.А. Победин, О.М. Трофимова, А.В. Ручкин, Н.К. Шеметова. – Екатеринбург: УрИ РАНХиГС, 2012. – 212 с.
8. Статистический ежегодник Пермского края – 2014: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат). – Пермь, 2014. – 444 с.
9. Тихонова, Н.Е. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов / Н.Е. Тихонова, Е.Д. Слободенюк // Общество и современность. – 2014. – № 1. – С. 36-49.
10. Токарский, Б.В. Воздействие демографической политики на формирование качества жизни населения в условиях рынка / Б.В. Токарский // Известия ЭГЭА. – 2012. – № 3. – С. 158-162.
11. Трейвиш, А.И. Парадоксы депрессивных территорий России на примере Кизела и Ивановской области / А.И. Трейвиш // Местное самоуправление в современной России. – М.: ИСРМО «Малые города», Владимир, 2007. – С. 269-286.
12. Ускова, Т.В. Актуальные проблемы пространственного развития / Т.В. Ускова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 5. – С. 170-174.
13. Шамликашвили, В.А. Социальный потенциал элитного потребления / В.А. Шамликашвили // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2010. – № 1. – С. 45-53.
14. Фокин, В.Я. Территориальная дифференциация доходов как фактор стратификации населения по уровню потребления / В.Я. Фокин // Дискуссия. – 2014. – № 5. – С. 76-82.

Сведения об авторе

Владислав Яковлевич Фокин – кандидат экономических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Чайковский филиал (617760, Россия, Пермский край, г. Чайковский, ул. Ленина, д. 73, vlad-f62@yandex.ru)

Fokin V.Ya.

Classification of Region's Municipalities by Structure and Level of Incomes and Consumer Spending

Vladislav Yakovlevich Fokin – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Perm National Research Polytechnic University”, Chaykovsky Branch (73, Lenin Street, Chaykovsky, Perm Krai, 617760, Russian Federation, vlad-f62@yandex.ru)

Abstract. The paper presents a classification of region's municipalities that differ according to two criteria – the structure and level of incomes, and the level of consumer spending. The author investigated the combination of income sources (wages, pensions and unemployment benefits) that form in the aggregate the amount of disposable money income of the people who live in the administrative-territorial units of Perm Krai. The author also analyzed the influence of people's incomes on retail trade turnover in the region's municipalities. The data were collected, grouped and analyzed; they show that the level of people's income in large and medium cities, which are industrial centers, exceeds considerably the values of these indicators registered in rural municipalities, single-industry settlements and depressed areas. The reason for this lies in low wages of working population, a large proportion of retirees and the unemployed in the rural areas, single-industry settlements and depressed areas. The article defines nine types of territorial entities in the region that differ in level and structure of income and consumer spending in the municipalities. The author concludes that the territorial differentiation of municipal formations influences the formation of stratified population groups distinguished by the level of income and consumption. The solution to this problem requires joint efforts by the regional administration and municipal authorities to develop management actions with regard to specific features of each municipality.

Key words: municipality, territorial differentiation, city, single-industry settlement, rural municipal district, income, wage, the unemployed, pensioners, consumption, social stratification.

References

1. Velikii P.P., Dakirova S.T. Sotsial'nyi potentsial postsovetsoi derevni [Social Potential of the Post-Soviet Village]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [Herald of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science], 2012, vol. 12, no. 3, pp. 13-17.
2. Gusev V.V. Rossiiskie monogoroda: proekty budushchego ili arkhainoe nasledie proshlogo? [Russia's Single-Industry Towns: the Projects of the Future, or Archaic Legacy of the Past?]. *Vlast'* [Power], 2012, no. 10, pp. 23-27.
3. Il'ina I.Yu. *Sotsial'no-demograficheskaya differentsiatsiya potrebleniya naseleniya: avtoref. dis. ... d.e.n.* [Socio-Demographic Differentiation of People's Consumption: Doctor of Economics Dissertation Abstract]. Moscow, 2009. 53 p.
4. Kalugina Z.I. Sotsial'nye riski modernizatsii rossiiskoi agrarnoi ekonomiki [Social Risks in the Modernization of Russia's Agrarian Economy]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 2012, no. 6, pp. 117-129.
5. Kostyleva L.V. Prostranstvennye aspekty sotsial'no-ekonomicheskoi differentsiatsii naseleniya regiona [Spatial Aspects of the Region's of Population Socio-Economic Differentiation]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2009, no. 3, pp. 82-92.
6. Ovsyannikov A.A. Obshchestvo potrebleniya v Rossii: sistemnost' i total'nost' krizisa [Consumer Society in Russia: Consistency and Totality of the Crisis]. *Vestnik MGIMO* [MGIMO Herald], 2011, no. 3, pp. 222-235.
7. Turgel' I.D., Pobedin A.A., Trofimova O.M., Ruchkin A.V., Shemetova N.K. *Otsenka potentsiala samorazvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy: teoriya i praktika: monografiya* [Assessment of Potential for Self-Development of Municipal Formations: Theory and Practice: Monograph]. Yekaterinburg: UrI RANKhiGS, 2012. 212 p.
8. Statisticheskii ezhegodnik Permskogo kraia – 2014: stat. sb. [Statistical Yearbook of Perm Krai – 2014: Statistics Collection]. *Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Permskomu krayu (Perm'stat)* [Regional Office of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation in Perm Krai (Permstat)]. Perm, 2014. 444 p.
9. Tikhonova N.E., Slobodenyuk E.D. Geterogenost' rossiiskoi bednosti cherez prizmu deprivatsionnogo i absolyutnogo podkhodov [Heterogeneity of Poverty in Russia Through the Prism of Deprivation and Absolute Approaches]. *Obshchestvo i sovremennost'* [Society and Modernity], 2014, no. 1, pp. 36-49.
10. Tokarskiy B.V. Vozdeistvie demograficheskoi politiki na formirovanie kachestva zhizni naseleniya v usloviyakh rynka [Influence of Population Policy on Formation of Life Quality in Market Conditions]. *Izvestiya EGEA* [Izvestiya of Irkutsk State Economic Academy], 2012, no. 3, pp. 158-162.

11. Treivish A.I. Paradoksy depressivnykh territorii Rossii na primere Kizela i Ivanovskoi oblasti [Paradoxes of Depressed Territories of Russia on the Example of the Town of Kizel and the Ivanovo Oblast]. *Mestnoe samoupravlenie v sovremennoi Rossii* [Local Government in Modern Russia]. Moscow: ISRMO "Malye goroda", Vladimir, 2007. Pp. 269-286.
12. Uskova T.V. Aktual'nye problemy prostranstvennogo razvitiya [Actual Problems of Spatial Development]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2011, no. 5, pp. 170-174.
13. Shamlikashvili V.A. Sotsial'nyi potentsial elitnogo potrebleniya [Social Potential of Elite Consumption]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov* [Herald of Saint-Petersburg State University of Economics], 2010, no. 1, pp. 45-53.
14. Fokin V.Ya. Territorial'naya differentsiatsiya dokhodov kak faktor stratifikatsii naseleniya po urovnyu potrebleniya [Territorial Differentiation of Incomes as a Factor in Population Stratification by Level of Consumption]. *Diskussiya* [Discussion], 2014, no. 5, pp. 76-82.

Потенциал техногенного минерального сырья в России и проблемы его рационального использования

Лариса Ивановна

ГОНЧАРОВА

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН

184209, Россия, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а, goncharova@iep.kolasc.net.ru

Федор Дмитриевич

ЛАРИЧКИН

доктор экономических наук, профессор

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

184209, Россия, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а, lfd@iep.kolasc.net.ru

Владимир Николаевич

ПЕРЕИН

ОАО «Мурманская геологоразведочная экспедиция»

184209, Россия, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 26, mgrexp@com.mels.ru

Аннотация. Нарастающее негативное воздействие горнопромышленных отходов (ГПО) на природные экосистемы зачастую приводит к их необратимому разрушению, которое постепенно принимает глобальный характер, обуславливая особую актуальность исследования, с одной стороны, возможностей минимизации удельных объемов образования ГПО во всех видах производств, с другой стороны, максимизации комплексного использования их ценных составляющих в качестве вторичных материальных ресурсов (ВМР) на экономически рациональной основе и реабилитации нарушенной природной среды. Рациональное использование природного и техногенного минерального сырья во многом обеспечивается при геологическом изучении и

геолого-экономической оценке выявленных ресурсов, что обуславливает необходимость разработки специфических методических подходов к экономическому обоснованию параметров кондиций для оконтуривания и подсчета промышленных запасов многокомпонентного сырья и отдельных ценных компонентов в нем. Анализ показывает, что точки зрения исследователей по целому ряду методологических положений рационального недропользования, комплексной переработки многокомпонентного сырья зачастую являются противоречивыми. Проблемы стоимостной оценки ГПО как ВМР практически не рассматриваются в публикациях. Переработка ГПО должна рассматриваться как важная составная часть общей социо-эколого-экономической системы рационального природопользования. Анализ существующей практики использования ГПО должен основываться на системном подходе и учитывать геологические, технологические, экономические, природоохранные и социальные характеристики по всему циклу добычи, комбинированной переработки и обращения с вторичными отходами по принципу «от земли до земли». В статье выявлены основные барьеры на пути утилизации горнопромышленных отходов, предложен ряд методологических положений рационального недропользования и комплексной переработки многокомпонентного сырья, обоснована методика оценки экономической эффективности комплексного использования техногенного сырья. Данная методика была использована в практических расчетах для оценки различных вариантов повышения эффективности переработки отходов АО «Ковдорский ГОК» и других объектов.

Ключевые слова: горнопромышленные отходы, организационно-экономический механизм обращения с отходами, методы стоимостной оценки, оценка экономической эффективности, рациональное природопользование, комплексное использование сырья.

Мировой объем добычи полезных ископаемых в последнее столетие возрастает почти на 10% в год, составляя в настоящее время около 500 млрд. т, при этом из недр ежегодно извлекается и более 800 млрд. т вмещающих пород. В связи с первоочередной отработкой наиболее доступных и богатых месторождений и необходимостью вовлечения в эксплуатацию все более бедного сырья наблюдается тенденция превышения темпов накопления горнопромышленных отходов (ГПО) над темпами роста промышленного производства.

Нарастающее негативное воздействие ГПО на природные экосистемы зачастую приводит к их необратимому разрушению, которое постепенно принимает глобальный характер, обуславливая особую актуальность исследования возможностей, с одной стороны, минимизации удельных объемов образования ГПО во всех видах производств, с другой стороны, макси-

мизации комплексного использования их ценных составляющих в качестве вторичных материальных ресурсов (ВМР) на экономически рациональной основе и реабилитации нарушенной природной среды.

Развитые страны мира и Европы добились высоких уровней использования горнопромышленных отходов в качестве ВМР и планируют в ближайшей перспективе полное прекращение практики захоронения отходов. При этом происходил переход от концепции безопасного обращения с ГПО к концепции так называемого «промышленного метаболизма». Эта концепция основана на комплексной оценке экономической эффективности мер по защите окружающей среды на всех стадиях производства и потребления продукции, начиная с добычи полезных ископаемых и заканчивая ликвидацией производимых материалов и изделий после истечения срока эксплуатации.

Использование любых видов ВМР представляет собой многоплановую проблему, охватывающую все отрасли материального производства, сферу услуг, экспорт и импорт, ресурсопотребление, ресурсосбережение, охрану и реабилитацию окружающей среды.

В России низкий уровень использования ГПО в качестве вторичных материальных ресурсов обусловлен не отсутствием технологических разработок, а несовершенством организационно-экономического механизма обращения с отходами, методов их стоимостной оценки, методологии оценки экономической эффективности комплексной утилизации их ценных составляющих, отсутствием у предприятий реальных экономических стимулов переработки ГПО.

Научные основы разведки, технологии, экономики рационального комплексного освоения и использования природных и техногенных ресурсов разработали отечественные ученые и специалисты: М.И. Агошков, А.С. Астахов, Н.П. Банный, А.Х. Бенуни, С.Н. Бобылев, А.М. Быбочкин, В.И. Вернадский, А.Д. Верхотуров, В.Н. Виноградов, Т.А. Гатов, Э.В. Гирусов, И.М. Грацерштейн, В.Т. Калинин, Ю.А. Киперман, М.А. Комаров, Г.Д. Кузнецов, В.Н. Лексин, Н.В. Мельников, Б.К. Михайлов, С.А. Первушин, В.А. Резниченко, А.М. Сечевица, К.Н. Трубецкой, В.А. Федосеев, А.Е. Ферсман, В.А. Чантурия и др. [1].

Зарубежные исследователи К. Друри, Хан Дитгер, С. Fontain, Н. Court, Н. Culmann, М. De Narbonn, L. Lawrence, С. Schlatter, К. Slater, С. Wootton и др. [2] терминологию и понятие комплексного использования сырья практически не используют и исследуют главным образом только распределение совокупных затрат комплексного производства между основ-

ным (целевым) продуктом и так называемыми попутными (побочными, сопутствующими) продуктами (компонентами).

Ключевое значение для социо-эколого-экономической эффективности рационального природопользования имеет основополагающая теория ноосферы акад. В.И. Вернадского [3], направленная на рациональное научное преобразование биосферы в «ноосферу» – сферу разума – в соответствии с законами сохранения и поддержания жизни для гармоничного сосуществования общества и природы. Основой большинства конкретных проектов в области недропользования является теория комплексного использования всей совокупности ценных составляющих минерального сырья на принципах эколого-экономической эффективности акад. А.Е. Ферсмана [4].

Разнообразные виды ГПО, как и природное минеральное сырье, имеют сложный многокомпонентный состав; проблемы рационального их использования рассматриваются как составная часть проблемы комплексного природо-, недропользования (М.И. Агошков, А.Х. Бенуни, В.И. Вернадский, И.М. Грацерштейн, В.Т. Калинин, Ю.А. Киперман, М.А. Комаров, Г.Д. Кузнецов, В.Н. Лексин, Н.В. Мельников, Б.К. Михайлов, В.А. Резниченко, В.А. Федосеев, А.Е. Ферсман [1, 5]).

В современной концепции рационального природопользования особое место занимают экологические проблемы, что требует учета экологических эффектов, достигаемых в результате повышения полноты комплексного использования природного и техногенного сырья.

Рациональное использование природного и техногенного минерального сырья во многом обеспечивается при геологическом изучении и геолого-экономической

оценке выявленных ресурсов, что обуславливает необходимость разработки специфических методических подходов к экономическому обоснованию параметров кондиций для оконтуривания и подсчета промышленных запасов многокомпонентного сырья и отдельных ценных компонентов в нем [6, 7].

Анализ показывает, что точки зрения исследователей в отношении целого ряда методологических положений рационального недропользования, комплексной переработки многокомпонентного сырья зачастую являются противоречивыми. Важнейшие теоретические вопросы оценки экономической эффективности получения каждого из ценных компонентов техногенного сырья остаются недостаточно исследованными. Поэтому они нуждаются в дальнейшем развитии применительно к современным условиям хозяйствования. Проблемы стоимостной оценки горнопромышленных отходов как ВМР не разработаны и практически не рассматриваются в публикациях.

Проблема переработки ГПО рассматривается как важная составная часть общей социо-эколого-экономической системы рационального природопользования. Анализ существующей практики использования ГПО должен основываться на системном подходе и учитывать геологические, технологические, экономические, природоохранные и социальные характеристики по всему циклу добычи, комбинированной переработки и обращения с вторичными отходами по принципу «от земли до земли».

В последние десятилетия в развитых странах, в частности в государствах-членах ЕС, за счет систематического наращивания НИОКР удалось значительно увеличить рентабельное вовлечение отходов в хозяйственный оборот для получения минерально-сырьевой продукции, выработки тепло-

вой и электрической энергии, сократить объемы захоронения отходов на полигонах, соответственно снизить негативное их воздействие на природную среду и здоровье людей.

Целесообразность вовлечения отходов производства и потребления в хозяйственный оборот в качестве вторичного сырья доказана многолетней практикой во многих странах мира. Например, в сырьевом балансе США и Японии доля отходов составляет до 26%, у большинства экономически развитых стран этот показатель колеблется в пределах 16–20%, в СССР он составлял 15%, в современной России – около 10%.

Заслуживает пристального внимания развитие законодательства, практических достижений и положительного опыта по обращению с отходами в странах Европейского союза (ЕС). В ЕС осуществляются комплексные меры по стимулированию трех взаимосвязанных направлений: а) предотвращение или сокращение образования отходов и снижение их опасных свойств; б) вовлечение отходов в хозяйственный оборот; в) сокращение отходов, направляемых на окончательное захоронение.

С 1973 г. в ЕС принято шесть среднесрочных программ по охране окружающей среды, каждая из которых представляет собой политико-правовой документ, определяющий конкретные цели, задачи и приоритетные мероприятия на ближайшую перспективу. Например, основные целевые показатели Шестой программы предусматривают сокращение по сравнению с 2000 г. уровня захоронения отходов на 20% к 2010 г. и на 50% к 2050 г., в те же сроки и примерно в тех же пределах – объемов образования опасных отходов [5].

Директивой 96/61/ЕС введено в нормы европейского права понятие «наилучшие доступные технологии» (НДТ). Начиная с

1996 г. подготовлены 33 европейских справочника по НДТ для различных отраслей промышленности, через каждые 5–7 лет проводится их переработка. Авторские права на справочники по НДТ допускают свободный перевод на другие языки и использование [5].

Ежегодный общемировой объем добычи полезных ископаемых приближается к 500 млрд. т, а объем одновременно извлекаемых из недр вмещающих пород составляет более 800 млрд. т. Таким образом, годовой объем образуемых в мире ГПО уже превышает 1000 млрд. т.

В России к настоящему времени накоплено ГПО по разным оценкам от 40 млрд. т до 100 и более.

Для рационализации сферы обращения с отходами производства и потребления в России необходимо выявить основные барьеры на пути масштабной комплексной утилизации ГПО. Основными из них являются: несовершенство нормативно-правовой базы; отсутствие экономических механизмов стимулирования деятельности по сбору, переработке и утилизации отходов; ограниченность традиционной методики оценки экономической эффективности и обоснования рационального уровня цен на различные (особенно многокомпонентные) отходы, отсутствие у предприятий экономических стимулов. Требуется уточнения также сфера полномочий субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области обращения с отходами.

Проблема обращения с отходами производства и потребления является одной из наиболее актуальных экологических и экономических проблем в регионах Севера и Арктики, в частности Мурманской области. Интенсивное недропользование на протяжении более 80 лет значительно изменило рельеф региона: появились тех-

ногенные горы из ГПО высотой до 60 м, в которых по подсчетам специалистов и статистическим данным по состоянию на 01.01. 2011 г. накоплено более 8 млрд. т; карьеры глубиной свыше 500 м; хвостовые и шламохранилища площадью несколько тыс. га и высотой до 50 м, при этом несколько гор, озер и рек исчезло с лица земли. Среднегодовой объем образования отходов производства и потребления в области составляет около 100 млн. т.

Одно из эффективных направлений разрешения проблем с горнопромышленными отходами представляет снижение их выхода и объема на всех стадиях и операциях производства. В этом направлении в содружестве с учеными институтов КНЦ РАН и ВНИМИ разработана методика опережающих инженерно-геологических и геомеханических исследований массива горных пород при эксплуатации глубоких карьеров с максимальными углами устойчивых бортов [8], позволяющая минимизировать риски их обрушения и сократить объемы вскрышных пород и выхода ГПО (рис. 1).

В частности, в условиях карьера ОАО «Ковдорский ГОК» увеличение наклона конечного борта с 40 до 50° (зависит от параметров конкретных пород) сокращает объем вскрышных пород и выхода ГПО на 40% (примерно 4% на 1° увеличения угла) при сохранении его прежних размеров по поверхности и глубине.

Особенность освоения многокомпонентного горнопромышленного сырья заключается в том, что экономическая эффективность использования природного и техногенного сырья в целом еще не гарантирует эффективности производства каждого из содержащихся в нем ценных компонентов и наоборот.

Существующий методологический подход к оценке эффективности освоения

Рисунок 1. Схема освоения глубоких горизонтов:
D – вариант глубокого карьера с максимальными углами устойчивых бортов

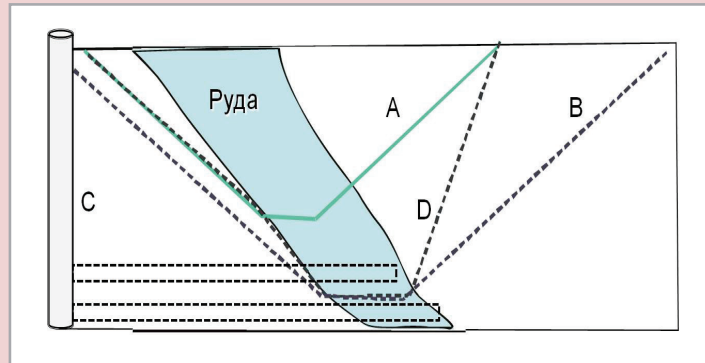
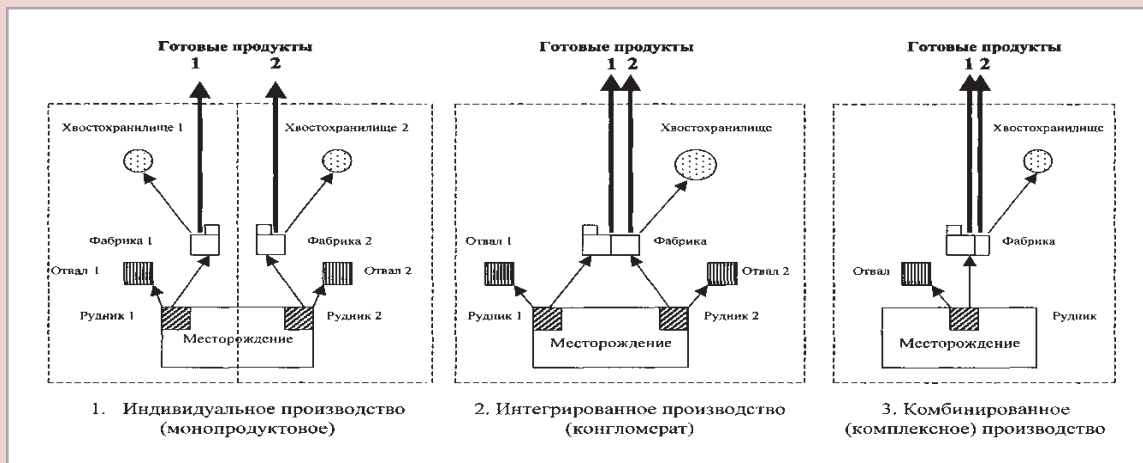

Рисунок 2. Разновидности моделей производств при использовании месторождения многокомпонентных ГПО [1]

многокомпонентного сырья основывается на возмещении полных затрат на производство оцениваемого компонента в условиях монопродуктовых предприятий. На практике это приводит к завышению затрат на производство каждого отдельного компонента, а следовательно, к необоснованному сужению экономически эффективных границ комплексного использования ГПО.

Эколого-экономические достоинства комплексного использования сырья и возникновение синергетического эффекта наглядно представлены при сравнительном анализе моделей индивидуального

(монопродуктового), интегрированного и комплексного производств, организуемых на базе одного и того же техногенного месторождения многокомпонентных ГПО (рис. 2).

Следует отметить важную особенность использования ГПО: в сравнении с использованием природного минерального сырья относительная величина совокупных косвенных затрат на добычу и подготовку к комплексной утилизации техногенного сырья – ГПО (особенно отходов обогащения) существенно ниже.

В связи с этим обоснована методика оценки экономической эффективности

комплексного использования техногенного сырья – ГПО, включающая два этапа:

1) предварительная оценка экономической эффективности извлечения каждого из ценных компонентов сырья в отдельности, которая определяется из условия возмещения только прямых производственных затрат, связанных с организацией извлечения оцениваемого компонента, без учета косвенных расходов;

2) окончательная оценка экономической эффективности комплексной утилизации техногенного сырья в целом, которая выявляется из условия возмещения общей суммы прямых и косвенных затрат на добычу и комплексную переработку сырья при учете только тех компонентов, извлечение которых экономически оправданно в соответствии с принципом этапа 1.

Перечисленные принципы рекомендуемой методики применительно к многокомпонентным ГПО с учетом основных положений действующих методических рекомендаций по оценке эффективности инвестиционных проектов представлены следующей системой неравенств [9]:

$$\left\{ \begin{array}{l} \sum_{t=0}^T (C_{it} - Z_{nit} - K_{nit} \pm \Theta_{it})(1+E)^{-t} \geq 0 \quad (1) \end{array} \right.$$

$$\left\{ \begin{array}{l} ЧДД = \sum_{t=0}^T (C_t - Z_t - K_t \pm \Theta_t)(1+E)^{-t} \geq 0 \quad (2) \end{array} \right.$$

где C_{it} – цена i -го компонента в готовой продукции в году t ;

Z_{nit}, K_{nit} – прямые, соответственно, текущие и единовременные затраты на производство i -го компонента в готовой продукции в году t ;

Θ_{it} – экологическая составляющая (учитываемая и выгоды и затраты) извлечения i -го компонента из ГПО в году t (может быть положительной и отрицательной);

C_t – экономический результат (общая стоимость реализованной продукции с учетом всех ценных компонентов, извлечение которых удовлетворяет условию (1) в t -ом году;

Z_t – общие эксплуатационные затраты на добычу и комплексную переработку ГПО в t -ом году (без учета амортизационных отчислений);

K_t – капитальные вложения в t -ом году;

Θ_t – общий экологический результат комплексной переработки ГПО в году t ;

E – коэффициент дисконтирования, значение которого рекомендуется принимать на основе процента банковской ставки (применительно к разработке месторождений ГКЗ РФ рекомендует на уровне 10–15% [11]);

$t = 0$ – год начала эксплуатации (реализации проекта);

T – год завершения инвестиционного проекта (эксплуатации месторождения, общий горизонт расчета не более 20 лет).

Предлагаемый метод оценки экономической эффективности использования техногенного сырья по сравнению с традиционным существенно расширяет экономически эффективные границы комплексного использования ГПО.

В качестве практического примера выполнено обобщение и систематизация работ по изучению и промышленному использованию отходов (хвостов) обогащения в ОАО «Ковдорский ГОК», проанализированы работа предприятия, научно-исследовательских и проектных организаций по исследованию, разработке, проектированию и освоению технологии добычи и переработки наиболее богатой части накопленных хвостов обогащения 1-го поля хвостохранилища; работы по разведке, технологической и геолого-экономической оценке более бедных хвостов обогащения 2-го поля хвостохранилища, разработаны методологические подходы к обоснованию параметров кондиций для оконтуривания и подсчета промышленных запасов многокомпонентного техногенного сырья.

Отходы переработки магнетитовых и апатитовых руд Ковдорского месторожде-

ния складываются в хвостохранилище: в период 1962–1981 гг. в 1-е поле, в период с 1982 г. по настоящее время – во 2-е поле хвостохранилища. Основной объем 1-го поля хвостохранилища сформирован до ввода в 1975 г. в эксплуатацию апатит-бадделейтовой обогатительной фабрики (АБОФ) и представлен хвостами мокрой магнитной сепарации (ММС), обогащенных апатитом и бадделейтом.

Добыча и транспортировка сырья техногенного месторождения осуществляется с 1995 г. штатным оборудованием предприятия. Результаты переработки лежалых хвостов приведены в *таблице*. Как следует из таблицы, содержание ценных компонентов в хвостах выше, чем в первичной руде из основного карьера (в 2007–2008 гг.: P_2O_5 – 7,12–7,19%; ZrO_2 – 0,15–0,16%).

Качественные показатели обогащения лежалых хвостов, за исключением извлечения P_2O_5 , в начальный период практически находились на уровне показателей при переработке руд коренного месторождения, а с вовлечением в переработку всё в больших объемах тонкозернистых хвостов нижних горизонтов извлечение P_2O_5 в апатитовый концентрат существенно снижается.

С вводом в 2007 г. в ОАО «Ковдорский ГОК» новой фабрики по переработке хвостов возникла задача обеспечения ее сырьем. Поэтому было принято решение о геологическом изучении запасов хвостов 2-го поля хвостохранилища для технико-экономического обоснования эффективности их промышленного освоения.

Показатели переработки лежалых хвостов 1-го поля хвостохранилища ОАО «Ковдорский ГОК»

Показатели	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Переработка хвостов, млн. т	0,364	3,06	3,21	3,96	3,41	3,83	3,28	2,99	1,19	1,09	5,00	5,45	5,70	4,68	4,56	3,44
Содержание в хвостах:																
P_2O_5 , %	10,43	10,37	10,40	10,62	11,36	10,90	11,03	11,16	11,20	12,14	10,75	10,95	9,98	10,88	11,3	11,3
ZrO_2 , %	0,258	0,38	0,36	0,36	0,36	0,35	0,32	0,33	0,29	0,30	0,26	0,30	0,27	0,28	0,286	0,277
Кл. – 0,071 мм, %	13,5	14,0	19,2	17,0	21,0	25,9	29,8									
Влаги, %	7,2	7,2	7,5	7,6	8,4	9,4	9,7	10,25	10,12	8,88	11,34	14,71	14,48	16,43	17,1	19,0
Произведено апатитового кон-та, тыс. т	29,0	489,6	491,3	644,1	579,3	598,8	524,6	467,3	179,6	168,5	552,6	577,6	598,2	516,5	461,8	236,4
Содержание P_2O_5 в кон-те, %	38,3	38,2	38,0	38,1	38,1	38,2	38,2	38,2	38,1	38,0	37,88	37,74	37,79	37,72	37,26	37,27
Извлечение P_2O_5 в кон-т, %	56,3	62,7	60,1	62,5	61,6	60,0	60,7	58,9	56,6	50,7	49,0	48,5	48,5	45,2	39,9	27,68
Произведено бадделейтового кон-та, тыс. т	0,148	2,236	2,528	3,265	2,612	2,779	2,233	2,095	0,786	0,81	1,114	0,296	1,321	1,881	2,07	1,29
Содержание ZrO_2 в кон-те, %	98,3	98,1	98,0	98,3	98,2	98,4	98,5	98,6	98,53	98,58	98,56	98,41	98,58	98,54	98,55	98,46
Извлечение ZrO_2 в кон-т, %	18,0	20,2	23,4	24,4	25,3	25,5	25,4	25,6	24,8	26,3	25,76	23,71	26,39	16,82	18,9	16,42

Выполненный комплекс работ по разведке и технологическому изучению этого объекта позволил произвести подсчет ресурсов, перспективных для повторной переработки, а также разработать все необходимые технические и технологические решения, обеспечивающие возможность получения из бедного сырья, содержащего в среднем 4,6% P_2O_5 , 4,26% $Fe_{вал.}$ и 0,21% ZrO_2 , кондиционных апатитового, железорудного и бадделеитового концентратов при извлечении соответственно 27, 30 и 19%.

Для обоснованного оконтуривания (в рамках выявленных ресурсов), подсчета промышленных запасов техногенного месторождения и ценных компонентов в них критически рассмотрены действующие Методические рекомендации Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых (ГКЗ) РФ [10, 11], имеющиеся в литературе методические подходы к определению основных параметров кондиций для условий многокомпонентного сырья природного и техногенного происхождения с точки зрения комплексного использования для производства не одного, а нескольких ценных компонентов на экономически рациональной основе.

При этом выявлены существенные недостатки действующих Методических указаний по обоснованию параметров кондиций на многокомпонентное минеральное как природное, так и техногенное сырье, на практике существенно ограничивающие, сужающие, а в ряде случаев исключающие полностью возможность его комплексного использования.

В связи с этим доказано, что оконтуривание и подсчет промышленных запасов многокомпонентного техногенного сырья необходимо осуществлять на основе предельных (браковочных) содержаний каждого как «основного», так и всех «по-

путных» компонентов, соответствующих их бортовым содержаниям, и минимально-промышленного содержания условного компонента (в пересчете всех ценных компонентов в основной целевой компонент) [6, 7].

Для повышения обоснованности оконтуривания и подсчета промышленных запасов многокомпонентного техногенного сырья предложена методика аналитического определения предельного (браковочного, бортового) содержания каждого ценного составляющего ГПО.

Предельные (браковочные, бортовые) содержания рекомендовано определять из условия возмещения только прямых производственных затрат, возникающих при организации производства компонента, а при определении минимально-промышленного содержания условного компонента учитывать только те ценные составляющие, содержание которых выше соответствующего предельного (бортового).

Таким образом, впервые предложена научно обоснованная методика количественного расчета основных параметров кондиций для оконтуривания и подсчета промышленных запасов техногенного минерального сырья. Разработанная методика дает возможность обеспечить максимальную экономическую эффективность комплексного использования горнопромышленных отходов.

Обобщены современные методические подходы к стоимостной оценке ГПО как вторичных материальных ресурсов, разработана методика и процедура обоснования и согласования рационального взаимоприемлемого уровня договорных цен на ГПО [12], обеспечивающего экономическую эффективность операций приема-передачи как для потенциальных переработчиков, так и предприятий-владельцев ГПО.

Обоснована методика определения перспективных цен на продукцию, получаемую из сырья техногенного месторождения [13, 14], и прямых затрат на производство каждого ценного компонента из промышленных отходов для предприятия ОАО «Ковдорский ГОК». Определены параметры кондиций и подсчитаны промышленные запасы ГПО во 2-м поле хвостохранилища, выполнен технико-экономический расчет эффективности их промышленного освоения.

Среди значительного количества барьеров на пути утилизации ГПО особенно сложные проблемы и острые, порой непримиримые, споры между контрагентами – производителями и переработчиками – возникают при стоимостной оценке и согласовании цен на разного рода полуфабрикаты, промежуточные продукты (шламы, шлаки, стоки, пыли, возгоны, хвосты обогащения и другие текущие и накопленные отходы разных стадий производства). Наиболее ярко такая ситуация проявляется при организации переработки (утилизации) накопленных (лежалых) ГПО.

Анализ опыта обращения с отходами показывает, что по мере развития технологии использования ГПО и совершенствования процесса переработки повышается качество получаемой на их основе продукции: от суррогатного неполноценного заменителя до высококачественной высококонкурентной продукции. В результате первоначально бросовые, не имеющие стоимости отходы становятся ценным сырьем и должны получать адекватную стоимостную оценку.

С точки зрения экономической теории безвозвратные потери и неиспользуемые отходы не подлежат стоимостной оценке, поскольку в момент образования они не имеют потребительной стоимости, следовательно, не могут иметь и меновой стоимости.

Однако с начала промышленной переработки ГПО переходят в категорию используемых, включаются в номенклатуру минерального сырья, пригодного для комплексной переработки, и должны оцениваться на основе общих принципов ценообразования. Следовательно, меновая стоимость (цена) определенного объема ГПО должна соответствовать его потребительной стоимости.

Такой качественный переход ГПО из категории бросовых, неиспользуемых отходов в момент их образования в категорию полезной продукции после разработки эффективной технологии утилизации ГПО на практике осложняет их производительное использование. Проблема заключается в том, что предприятия-владельцы ГПО стараются получить ощутимую прибыль от их реализации, а для потребителей любая, даже чисто символическая, цена вчера еще никому не нужных отходов является психологически отталкивающим фактором.

Поэтому основой экономических стимулов и заинтересованности потенциальных переработчиков и предприятий-владельцев ГПО является научно обоснованный взаимоприемлемый уровень цен на ГПО, обеспечивающий рентабельность операций приема-передачи ГПО для каждого из контрагентов.

Решение этой проблемы заключается, с одной стороны, в разработке научно обоснованной методологии оценки экономической эффективности утилизации ГПО в направлении более полного учета всех дополнительных эффектов и затрат предприятий-владельцев отходов и потенциальных их потребителей, с другой – в разработке методики стоимостной оценки отходов и формирования взаимовыгодной цены на договорной основе с использованием процедур сближения и согласования позиций.

В частности, окончательная договорная цена ГПО должна определяться из согласованного распределения между участниками общего экономического эффекта конкретного проекта утилизации на основе оценки вклада каждого участника в реализацию совместного проекта [12, 13, 14].

Перспективные цены на продукцию, вырабатываемую из техногенного сырья, предложено определять на основе анализа тенденций изменения мировой конъюнктуры, в частности, применительно к техногенному объекту ОАО «Ковдорский ГОК» по фосфатному сырью и удобрениям, цены на которые, в свою очередь, во многом обуславливаются конъюнктурой мирового сельскохозяйственного рынка.

С учетом обоснованных таким образом цен и прямых затрат на производство каждого из концентратов определены предельные (браковочные, бортовые) содержания каждого из ценных компонентов и минимально-промышленное содержание условного компонента (в пересчете на P_2O_5) и выполнен подсчет промышленных запасов и прогнозных ресурсов (на участке в районе прудка-отстойника действующего хвостохранилища, не доступного для проведения геологоразведочных работ).

На основе выполненных расчетов рекомендуется в качестве основного варианта переработки предварительно оцененных и подсчитанных запасов отходов (хвостов) 2-го поля хвостохранилища совместная

отработка 1-го и 2-го сортов, обеспечивающая рентабельность производства [9]: положительный ЧДД, приемлемый индекс доходности, но характеризующаяся большим сроком окупаемости капиталовложений и небольшим запасом прочности (ВНД чуть больше принятой минимальной нормы ставки дисконтирования).

Поэтому рекомендуется дополнительно оценить следующие варианты возможного повышения эффективности переработки отходов (хвостов) 2-го поля хвостохранилища:

1. Исходя из обоснованных параметров кондиций бортовых (браковочных) содержаний полезных компонентов выделить из общих запасов отходов более богатую часть.

2. Определить эффективность использования земснарядов для переработки рыхлых отходов 2-го поля хвостохранилища, учитывая сложности гидрогеологических условий отработки отходов как 1-го, так и, особенно, 2-го поля, а также большие затраты на осушение действующего карьера на 1-м поле. Если использовать земснаряд, то не потребуются работы по осушению залежи, значительную часть шламов можно будет сбрасывать на месте и не транспортировать на обогатительную установку.

В целом горнопромышленные отходы 2-го поля хвостохранилища являются дополнительной сырьевой базой, которая учитывается в стратегии долгосрочного развития ОАО «Ковдорский ГОК».

Литература

1. Ларичкин, Ф.Д. Научные основы оценки экономической эффективности комплексного использования минерального сырья / Ф.Д. Ларичкин. – Апатиты: КНЦ РАН, 2004. – 252 с.
2. Специфика учета и управления ресурсами и затратами в комбинированных горнопромышленных производствах / Ф.Д. Ларичкин, А.Г. Воробьев, Ю.Г. Глущенко, Т.А. Блошенко, Т.А. Ковырзина; под ред. Ф.Д. Ларичкина, А.Г. Воробьева. – Апатиты: КНЦ РАН, 2012. – 285 с.
3. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1969. – 262 с.
4. Ферсман, А.Е. Комплексное использование ископаемого сырья / А.Е. Ферсман. – Л.: АН СССР, 1932. – 20 с.

5. Техногенные минерально-сырьевые ресурсы / Б.К. Михайлов, Ю.А. Киперман, М.А. Комаров, В.А. Коткин, Е.А. Каменев, А.Б. Аширматов; под ред. Б.К. Михайлова. – М.: Научный мир, 2012. – 236 с.
6. О методологии обоснования параметров кондиций на месторождениях многокомпонентных руд: анализ нормативно-методической документации / Ф.Д. Ларичкин, Азим Иброхим, Ю.Г. Глушенко, В.Н. Переин, Б.С. Хамзин // Горный журнал. – 2011. – № 7. – С. 36-39.
7. О методологии обоснования параметров кондиций на месторождениях многокомпонентных руд: учет специфики комплексного использования сырья при обосновании параметров кондиций / Ф.Д. Ларичкин, Азим Иброхим, Ю.Г. Глушенко, В.Н. Переин, Б.С. Хамзин // Горный журнал. – 2011. – № 8. – С. 69-72.
8. Melikhova, G.S. New Structural Engineering Survey Method for Design and Operation of Deep Open Pit Mines / G.S. Melikhova, D.V. Zhirov, V.N. Perein // World Finance Review. – March 2012. – P. 10-11.
9. Экономическая эффективность утилизации отходов обогащения и подготовки резервной сырьевой базы предприятия / И.В. Мелик-Гайказов, Т.А. Ковырзина, Ф.Д. Ларичкин, В.И. Белобородов, В.Н. Переин // Труды Карельского научного центра РАН. – 2012. – № 6. – С. 172-181.
10. Методические рекомендации по комплексному изучению месторождений и подсчету запасов попутных полезных ископаемых и компонентов: рекомендованы к использованию протоколом МПР России от 03.04.2007 г. № 11-17/0044-пр. – М.: ФГУ ГКЗ, 2007. – 16 с.
11. Методические рекомендации по технико-экономическому обоснованию кондиций для подсчета запасов месторождений твердых полезных ископаемых (кроме углей и горючих сланцев): утверждены распоряжением МПР России от 05.06.2007 г. № 37-р. – М.: НП НАЭН, 2007. – 60 с.
12. Ганина, Л.И. Эффективность использования отходов горнопромышленного комплекса Мурманской области в строительной отрасли / Л.И. Ганина, О.Н. Крашенинников, Ф.Д. Ларичкин // Строительные материалы. – 2006. – № 11 (623).
13. Теория и практика ценообразования на продукцию комплексной переработки минерального сырья / Ф.Д. Ларичкин, А.Г. Воробьев, Ю.Г. Глушенко, Азим Иброхим, В.Н. Переин, М.А. Иванов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2010. – № 32 (89). – С. 24-30.
14. Ларичкин, Ф.Д. Теория и практика стоимостной оценки полезных компонентов в минеральном сырье и продуктах его комплексной переработки / Ф.Д. Ларичкин. – М.: НП НАЭН, 2008. – 88 с.

Сведения об авторах

Лариса Ивановна Гончарова – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (184209, Россия, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а, goncharova@iep.kolasc.net.ru)

Федор Дмитриевич Ларичкин – доктор экономических наук, профессор, директор, Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (184209, Россия, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а, lfid@iep.kolasc.net.ru)

Владимир Николаевич Переин – генеральный директор ОАО «Мурманская геологоразведочная экспедиция» (184209, Россия, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 26, mgrexp@com.mels.ru)

Goncharova L.I., Larichkin F.D., Perein V.N.

Potential of Technogenic Mineral Raw Materials in Russia and the Issues of its Rational Use

Larisa Ivanovna Goncharova – Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (24A, Fersman Street, Apatity, 184209, Russian Federation, goncharova@iep.kolasc.net.ru)

Fedor Dmitrievich Larichkin – Doctor of Economics, Professor, Director, G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (24A, Fersman Street, Apatity, 184209, Russian Federation, lfd@iep.kolasc.net.ru)

Vladimir Nikolaevich Perein – Director General JSC Murmansk Geological Exploration Expedition (26, Fersman Street, Apatity, 184209, Russian Federation, mgrexp@com.mels.ru)

Abstract. The increasing negative impact of mining waste on natural ecosystems often leads to their irreversible destruction, a trend that is gradually becoming global. The particular relevance of the research is explained, on the one hand, by the possibilities of minimization of specific volumes of formation of mining waste in all types of industries; on the other hand, by the possibilities of maximization of comprehensive use of their valuable components as secondary material resources on an economically rational basis and the possibilities of restoring the disturbed natural environment. The rational use of natural and technogenic mineral raw materials is greatly facilitated by the geological exploration and geological-economic evaluation of the resources, which requires the development of specific methodological approaches to the economic justification of resource estimation parameters for outlining and calculating the multicomponent commercial reserves of raw materials and separate valuable components in them. Analysis shows that researchers' opinions on a number of methodological principles of sustainable mining, complex processing of multicomponent materials are often contradictory. Scientific publications do not consider the issue of the price valuation of mining waste as secondary material resources. Mining waste processing should be considered as an important part of the overall socio-ecological-economic system for rational nature management. The analysis of the existing practice of using the mining waste should be based on the system approach and take into consideration geological, technological, economic, environmental and social characteristics throughout the cycle of production, combined processing and treatment of secondary waste according to the principle "from the earth to the earth". The article identifies the main barriers to the recycling of mining wastes, proposes several methodological guidelines for the sustainable mining and comprehensive processing of multicomponent raw materials. The authors also substantiate the methodology for economic efficiency assessment of complex utilization of technogenic raw materials. This technique has been used in practical calculations to assess various options to improve the efficiency of waste recycling at JSC Kovdorsky GOK and other facilities.

Key words: mining waste, organizational and economic mechanism for waste management, price valuation methods, evaluation of economic effectiveness, rational nature management, integrated use of raw materials.

References

1. Larichkin F.D. *Nauchnye osnovy otsenki ekonomicheskoi effektivnosti kompleksnogo ispol'zovaniya mineral'nogo syr'ya* [Scientific Basis for Economic Evaluation of Integrated Utilization of Mineral Raw Materials]. Apatity: KNTs RAN, 2004. 252 p.
2. Larichkin F.D., Vorob'ev A.G., Glushchenko Yu.G., Bloshenko T.A., Kovyrzina T.A. *Spetsifika ucheta i upravleniya resursami i zatratami v kombinirovannykh gornopromyshlennykh proizvodstvakh* [Specifics of Accounting and Management of Resources and Costs at Combined Mining Productions]. Ed. by F.D. Larichkin, A.G. Vorob'ev. Apatity: KNTs RAN, 2012. 285 p.
3. Vernadskii V.I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and Noosphere]. Moscow: Nauka, 1969. 262 p.
4. Fersman A.E. *Kompleksnoe ispol'zovanie iskopaemogo syr'ya* [Complex Use of Mineral Raw Materials]. Leningrad: AN SSSR, 1932. 20 p.
5. Mikhailov B.K., Kiperman Yu.A., Komarov M.A., Kotkin V.A., Kamenev E.A., Ashirmatov A.B. *Tekhnogennyye mineral'no-syr'evyye resursy* [Technogenic Mineral Resources]. Ed. by B.K. Mikhailov. Moscow: Nauchnyi mir, 2012. 236 p.

6. Larichkin F.D., Ibrokhim Azim, Glushchenko Yu.G., Perein V.N., Khamzin B.S. O metodologii obosnovaniya parametrov konditsii na mestorozhdeniyakh mnogokomponentnykh rud: analiz normativno-metodicheskoi dokumentatsii [About the Substantiation Methodology for Standards' Parameters at the Polycomponent Ores Deposits and the Ways of their Overcoming. Analysis of Normative-Methodical Documentation]. *Gornyi zhurnal* [Mining Journal], 2011, no. 7, pp. 36-39.
7. Larichkin F.D., Ibrokhim Azim, Glushchenko Yu.G., Perein V.N., Khamzin B.S. O metodologii obosnovaniya parametrov konditsii na mestorozhdeniyakh mnogokomponentnykh rud: uchet spetsifiki kompleksnogo ispol'zovaniya syr'ya pri obosnovanii parametrov konditsii [Complications and Contradictions of Methodology of Substantiation of Conditions Parameters at Deposits of Polycomponent Ores and Ways of Negotiation]. *Gornyi zhurnal* [Mining Journal], 2011, no. 8, pp. 69-72.
8. Melikhova G.S., Zhirov D.V., Perein V.N. New Structural Engineering Survey Method for Design and Operation of Deep Open Pit Mines. *World Finance Review*, 2012, March, pp. 10-11.
9. Melik-Gaikazov I.V., Kovyrzina T.A., Larichkin F.D., Beloborodov V.I., Perein V.N. Ekonomicheskaya effektivnost' utilizatsii otkhodov obogashcheniya i podgotovki rezervnoi syr'evoi bazy predpriyatiya [Economic Effectiveness of Utilization of Rock Refuse and Preparation of the Backup Resource Base of an Enterprise]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of Karelian Research Center of RAS], 2012, no. 6, pp. 172-181.
10. *Metodicheskie rekomendatsii po kompleksnomu izucheniyu mestorozhdenii i podschetu zapasov poputnykh poleznykh iskopaemykh i komponentov: rekomendovany k ispol'zovaniyu protokolom MPR Rossii ot 03.04.2007 g. № 11-17/0044-pr.* [Methodological Recommendations on the Integrated Study of Deposits and Assessment of Reserves of Associated Minerals and Components: Recommended by the Protocol of Russia's Ministry of Natural Resources of April 03, 2007 No. 11-17/0044-pr]. Moscow: FGU GKZ, 2007. 16 p.
11. *Metodicheskie rekomendatsii po tekhniko-ekonomicheskomu obosnovaniyu konditsii dlya podscheta zapasov mestorozhdenii tverdykh poleznykh iskopaemykh (krome uglei i goryuchikh slantsev): utverzhdeny rasporyazheniem MPR Rossii ot 05.06.2007 g. № 37-r.* [Methodological Recommendations on the Feasibility Study of Standards for Calculating the Stocks of Deposits of Firm Minerals (Except Coals and Combustible Shales): Approved by the Order of Russia's Ministry of Natural Resources of June 05, 2007 No. 37-R]. Moscow: NP NAEN, 2007. 60 p.
12. Ganina L.I., Krashennnikov O.N., Larichkin F.D. Effektivnost' ispol'zovaniya otkhodov gornopromyshlennogo kompleksa Murmanskoi oblasti v stroitel'noi otrasli [Effectiveness of Use of the Mining Waste of the Murmansk Oblast Mining Complex in the Construction Industry]. *Stroitel'nye materialy* [Construction Materials], 2006, no. 11 (623).
13. Larichkin F.D., Vorob'ev A.G., Glushchenko Yu.G., Ibrokhim Azim, Perein V.N., Ivanov M.A. Teoriya i praktika tsenoobrazovaniya na produktsiyu kompleksnoi pererabotki mineral'nogo syr'ya [The Theory and Pricing Practice on Production of Complex Processing of Mineral Raw Materials]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2010, no. 32 (89), pp. 24-30.
14. Larichkin F.D. *Teoriya i praktika stoimostnoi otsenki poleznykh komponentov v mineral'nom syr'e i produktakh ego kompleksnoi pererabotki* [The Theory and Practice of the Valuation of Useful Components in Mineral Raw Materials and Products of Their Complex Processing]. Moscow: NP NAEN, 2008. 88 p.

Государственное регулирование развития агропромышленного комплекса региона: проблемы оценки и совершенствования

**Наталья Викторовна
МИРОНЕНКО**

Вологодский государственный университет
160002, Россия, г. Вологда, ул. Гагарина, д. 81а, mironenkon@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние и выявляются основные тенденции в развитии сельского хозяйства (на примере сельскохозяйственных предприятий Вологодской области). В настоящее время наблюдается тенденция спада объемов производства основных видов сельскохозяйственной продукции. Одной из ключевых причин сложившейся ситуации является недостаточный объем средств для финансирования текущей деятельности предприятий сельского хозяйства. Такими средствами могут выступать внутренние и внешние источники финансирования. Как показывает мировая практика, наибольший удельный вес в объеме средств, находящихся в распоряжении сельскохозяйственных предприятий, приходится на прямое бюджетное финансирование. Однако в Российской Федерации наблюдается иная картина: за последние десятилетия происходит заметное сокращение объема прямой государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей. Кроме того, в рамках вступления России в ВТО планируется дальнейшее снижение объемов такой поддержки и одновременное переложение финансового бремени на плечи самих сельскохозяйственных предприятий. Следовательно, перед органами государственной власти остро стоит проблема планирования и прогнозирования объемов государственной поддержки и величины выручки сельскохозяйственных предприятий. В связи с этим, в работе произведен прогнозный расчет объема государственной помощи и размера выручки сельхозпредприятий. В качестве прогнозных методов использованы методы эконометрического моделирования и прогнозирования (в частности, метод корреляционно-регрессионного анализа). Прогнозы представлены в трёх сценариях: наиболее вероятном, оптимистическом и пессимистическом. Приведены рекомендации по определению фактической потребности сельскохозяйственных предприятий области в объеме государственной поддержки.

Ключевые слова: Вологодская область, отрасль сельского хозяйства, государственное регулирование, моделирование и прогнозирование, финансовая поддержка, выручка сельскохозяйственных предприятий, определение их потребности в государственной помощи.

Переход к рыночной экономике привел к заметному ухудшению обстановки в сельском хозяйстве России. Типичная картина падения производственных и финансовых показателей деятельности сельхозтоваропроизводителей наблюдается и в сельском хозяйстве Вологодской области. Как показали результаты проведенных исследований [12, 19, 21], основными производителями сельскохозяйственной продукции в области являются сельскохозяйственные предприятия и хозяйства населения. Структура стоимостных объемов производства продукции за последние 13 лет претерпела существенные изменения: удельный вес продукции, произведенной сельскохозяйственными предприятиями, увеличился с 50% в 2000 году до 69% в 2013 году. Соответственно, доля продукции личных подсобных хозяйств снизилась на указанную величину. Кроме того, в течение данного промежутка времени наблюдались заметные колебания в структуре стоимостных объемов производства: линейный коэффициент абсолютных структурных сдвигов составил около 1% в год. Это свидетельствует о наличии кризисных явлений в сельском хозяйстве Вологодской области.

В настоящее время предприятия являются основными производителями зерна (94%), яиц (97% в 2013 г.), молока (91%), мяса (80%) и льноволокна (77%). За период с 2000 по 2013 год количество сельскохозяйственных предприятий региона уменьшилось с 467 до 214, то есть на 253 единицы или на 54%. Снижение характерно и для других показателей, характеризующих масштабы сельскохозяйственного производства в регионе (табл. 1).

Приведённые показатели позволяют оценить масштабы сокращения производственного процесса в сельском хозяйстве региона за 13 анализируемых лет. Сокращение коснулось всех факторов производства: земли, средств и предметов труда, человеческого фактора. Если количество сельскохозяйственных предприятий снизилось на 54%, то численность работников, занятых в них, — в 2,6 раза. Значительно уменьшились за последние 13 лет площади сельскохозяйственных угодий, используемые сельскохозяйственными предприятиями, — на 540,8 тыс. га, что составляет 53,6%. Соответственно сократились и посевные площади, что обусловлено уменьшением поголовья крупного рогатого скота и прекращением деятельности ряда сельхозорганизаций. Приблизительно одинаковым образом изменилось поголовье скота в сельскохозяйственных предприятиях: в 2013 г. поголовье крупного рогатого скота составляло 56,5% от численности поголовья в 2000 году, коров — 60,2%, свиней — 57,4%. Однако, несмотря на сокращение всех используемых в процессе производства сельскохозяйственной продукции факторов, снижение коснулось далеко не всех видов производимой сельскохозяйственными предприятиями продукции: уменьшились объемы производства зерновых (на 28,5%), картофеля (на 21%) и овощей (на 7,5%), мяса (на 11,9%). Объемы производства молока и льноволокна, напротив, увеличились: надой молока вырос на 43,2 тыс. тонн, что составило 12,8%, а прирост объемов производства льноволокна составил 1,5 тыс. тонн или 41,7%. Также наметилась тенденция увеличения объемов производства яиц: в период с 2000 по 2013 год рост составил 88,4 млн. шт. или 18,4%.

Таблица 1. Показатели масштабов сельскохозяйственного производства в сельскохозяйственных предприятиях Вологодской области в 2000–2013 годах

Показатели	Значение показателей по годам									Темп роста 2013 г. к 2000 г., %
	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2011	2012	2013	
Число сельскохозяйственных предприятий, ед.	467	465	365	348	291	250	239	233	214	45,8
Среднегодовая численность работников с.-х. предприятий, тыс. чел.	47	41	35	30	24	22	21	20	18	38,3
Площадь сельскохозяйственных угодий, тыс. га	1009,8	993,6	972,7	923,3	738,2	603,8	578,4	554,2	469,0	46,4
Посевная площадь, тыс. га	628,5	590,1	531	476,4	444,2	382,1	386,6	370,5	323,8	51,5
Поголовье КРС на конец года, тыс. гол.	253,6	232,5	198	193,8	186,8	165,3	158,3	156,6	143,3	56,5
в т.ч. коровы	110,5	103,3	92,2	89,3	87,4	78,0	74,8	74,1	66,6	60,2
Поголовье свиней, тыс. гол.	150	144,3	118,1	106,5	113,5	122,1	78,8	81,1	86,1	57,4
Производство продуктов сельского хозяйства, тыс. тонн:										
зерновые	212,5	199,5	173,7	186,8	230,8	145,7	234,2	198,3	151,9	71,5
льноволокно	3,6	0,9	2,4	0,7	1,5	2,6	2,1	5,5	5,1	141,7
картофель	40,5	32,5	29,3	35,3	36,3	27,0	44,0	36,5	32,0	79,0
овощи	16,0	15	15	12,3	12,8	11,9	16,2	14,2	14,8	92,5
мясо (в живом весе)	55,3	58,5	65,2	61,9	64,3	66,8	64,2	57,6	48,7	88,1
молоко	338,8	410,7	390,7	401,3	420,8	380,7	398,7	418,4	382,0	112,8
яйцо, млн. штук	480,2	494,3	546,5	599,8	490,2	569,7	583,2	670,5	568,6	118,4
Стоимость валовой продукции в сопоставимых ценах 1994 года, млн. руб.	317,2	329,0	345,3	351,7	353,0	343,3	362,7	356	307	96,8
Произведено валовой продукции в сопоставимых ценах 1994 года на 100 га с.-х. угодий, тыс. руб.	34	37	42	47	53	57	63	64	68	2 раза

Источник: составлено по данным Департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области.

В качестве положительного момента, характеризующего деятельность сельскохозяйственных предприятий области, можно отметить повышение показателей продуктивности скота и урожайности сельскохозяйственных культур [12, с. 58]. Особенно значительно увеличился надой в расчете на 1 корову – более чем в 1,8 раза за 13 лет. Увеличение характерно и для других показателей продуктивности скота. Урожайность зерновых культур возросла на 2,3 ц/га или в 1,2 раза.

В отношении обеспеченности сельскохозяйственных предприятий области основными средствами и рабочей силой можно отметить, что за указанный период

в 7 раз выросла фондооснащенность, в 8 раз – фондовооруженность труда, а также в 2,5 раза увеличилась производительность труда в сопоставимых ценах на одного работника. Однако данные показатели по существу являются «мнимыми»: их рост обусловлен снижением численности работников, занятых в сельхозпроизводстве, и сокращением площади сельхозугодий более чем в 2 раза. Вместе с тем в исследованиях, проведенных Вологдастатом, на период с 2014 по 2016 год прогнозируется ежегодное снижение поголовья коров в хозяйствах всех категорий на 7379 голов или 4,9% и, как следствие, снижение валового надоя молока [22, с. 14].

Аналогичная картина по ряду основных показателей, характеризующих состояние отрасли, сложилась и в целом по России. Так, за исследуемый период доля сельского хозяйства в валовой добавленной стоимости сократилась с 6,6 до 3,9% (на 2,7 п.п.), в численности занятого населения сокращение составило 4,5 п.п. (с 13,9 до 9,4%), в стоимости основных фондов – 4,7 п.п. (с 7,1 до 2,4%). При этом посевные площади сократились на 6613 млн. га или 7,8%, количество энергетических мощностей уменьшилось в 2,4 раза (с 240 до 98,9 млн. л.с.) [2, 5, 20].

Рассматривая вопрос об эффективности сельскохозяйственного производства, следует отметить, что эффективность оценивается совокупностью показателей и повышение урожайности сельскохозяйственных культур, удоев и среднесуточных привесов еще не свидетельствует об эффективной работе в отрасли. Несмотря на присутствие некоторых положительных тенденций в сельском хозяйстве области, необходимо указать на значительный удельный вес убыточных сельскохозяйственных предприятий (табл. 2).

Таблица 2. Показатели результатов деятельности сельскохозяйственных предприятий Вологодской области в 2000–2013 гг.

Показатели	Значение показателей по годам										Темп прироста 2013 г. к 2000 г., п.п.
	2000	2002	2004	2006	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
1. Финансовый результат по всей деятельности, млн. руб.	516,9	167,7	372,7	196,3	1111	328,2	780,4	653,9	-30,4	-3517	-
2. Удельный вес убыточных предприятий, %	47	53	35	42	23	45	35	33	37	38	-9
3. Уровень рентабельности (убыточности) по всей деятельности (без субсидий), %	0,84	-3,1	-2,5	-6,0	-3,5	-8,1	-5,2	-2,8	-5,7	-34,7	-35,5
4. Уровень рентабельности по всей деятельности (с учетом субсидий), %	23	3,5	5,8	2,5	9,9	3,0	6,5	4,5	-0,2	-24,4	-47,4
5. Рентабельность (убыточность) отрасли растениеводства (без учета субсидий) в целом, %	32	20	12	15	11,2	4,7	5,9	10,0	-1,9	4,6	-27,4
в т. ч.:											
зерновые и зернобобовые	42	2	4	1	11,7	1,2	-4,9	4,8	7,7	18,9	-23,1
картофель	95	60	41	76	52,5	47,7	51,1	97,8	5,6	21,2	-73,8
льнотреста	-39	-61	-59	-68	-80,1	-86,7	-89,0	-88,8	-88,6	-87,7	-48,7
6. Рентабельность (убыточность) отрасли животноводства (без учета субсидий, дотаций) в целом, %	-1	4	0	6	7,5	5,1	10,2	5,0	6,2	-2,1	-1,1
в т. ч.:											
молоко	23	17	17	18	26,9	11,2	21,5	20,1	15,5	15,3	-7,7
мясо КРС	-31	-23	-34	-27	-33,1	-32,6	-32,5	-29,6	-30,2	-36,7	-5,7
мясо свиней	-9	11	1	5	-6,4	8,4	13,0	-8,1	16,5	-5,4	3,6
мясо птицы	-23	-21	-10	9	2,6	13,4	18,2	4,8	1,4	-24,6	-1,6
яйцо	20	28	16	24	9,6	35,1	20,6	21,1	25,6	3,0	-17,0

Источник: составлено по данным Департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области.

По сравнению с 2000 г. их доля сократилась, но все же по итогам 2013 г. 38% сельскохозяйственных предприятий функционировали, получая убыток от своей деятельности. Напомним, что в 1990 г. удельный вес убыточных сельхозпредприятий региона составлял лишь 2%, а их рентабельность без учета субсидий находилась на уровне 38%. Последствия мирового финансового кризиса, пик которого пришёлся на 2009 год, отразились на функционировании сельскохозяйственных предприятий области. Так, удельный вес убыточных предприятий в 2009 году по сравнению с 2008 годом увеличился на 22 п.п., прибыль (с учётом субсидий) уменьшилась в 3,4 раза, уровень рентабельности (без учёта субсидий) снизился на 4,6 п.п. соответственно. Как отмечается в исследованиях, проведенных ИСЭРТ РАН, «несмотря на реализацию большого количества федеральных и региональных программ в 2007–2010 гг., стабилизировать ситуацию в сельском хозяйстве Вологодской области не удалось... только на возврат к докризисным позициям уйдёт не менее 2–3 лет, при этом ситуация усугубляется рядом проблем, большая часть из которых имеет системный характер...» [16]. Среди видов сельскохозяйственной продукции на протяжении последнего десятилетия наиболее убыточно производство льнотресты, мяса КРС. Напротив, наиболее прибыльно производство картофеля, молока, яиц.

Возвращаясь к вопросу о рентабельности сельскохозяйственного производства в области (см. табл. 2), можно отметить значительное снижение рентабельности производства по всей деятельности: с 2000 по 2013 г. данный показатель снизился с 0,84 до -34,7% (то есть на 35,5 п.п.). При этом в качестве конечного результата нами рассматривается рентабельность без учета субсидий из бюджета. В этом мы разделяем

точку зрения, высказанную специалистами ВГМХА о том, что сложение субсидий с прибылью (убытком) не дает достоверной оценки в отношении ситуации в отрасли в целом, так как данные субсидии фактически используются на увеличение (сохранение) уровня интенсификации производства и объемов производства. То есть деятельность сельскохозяйственных предприятий области за исследуемый период характеризуется как убыточная. Это является отрицательным моментом и оценивает деятельность сельскохозяйственных предприятий области как неэффективную.

Показатели финансового состояния сельскохозяйственных предприятий Вологодской области свидетельствуют о невозможности своевременных расчетов по долгам и о закредитованности аграрного сектора [8]. Как отмечается в исследованиях, проведенных учеными ИСЭРТ РАН, «результаты финансовой деятельности сельскохозяйственных предприятий области в целом весьма далеки от тех, которые требуются для организации расширенного воспроизводства за счет собственных источников. А во многих хозяйствах недостает источников даже для простого воспроизводства...» [19, с. 72].

В этой связи встает вопрос о соотношении объемов внутренних и внешних источников финансирования. Главным внешним источником для сельхозтоваропроизводителей Вологодской области и Российской Федерации в целом в настоящее время по-прежнему выступает прямое бюджетное финансирование. С одной стороны, предприятия остро нуждаются в финансовой поддержке государства, а с другой стороны, после вступления России в ВТО Правительством РФ принят курс на снижение объемов прямой государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей. В условиях столь

противоречивых интересов особо остро встает вопрос моделирования и прогнозирования как внутренних источников финансирования хозяйственной деятельности предприятий, так и внешних – объемов государственной помощи, оказываемой из бюджетов всех уровней в отношении сельскохозяйственных предприятий. Данная информация является базой для принятия решения сельскохозяйственными производителями при оценке своих перспективных возможностей функционирования и развития, а также Правительством РФ при анализе своих бюджетных обязательств.

Главным внутренним источником финансирования деятельности сельхозорганизаций является выручка от реализации сельскохозяйственной продукции. В современной экономической науке существует множество методов моделирования и прогнозирования экономических показателей функционирования объектов на мезо- и макроуровне (такими объектами являются и сельскохозяйственные предприятия Вологодской области, СЗФО и России в целом). Из них наиболее распространены методы статистического и эконометрического моделирования и прогнозирования.

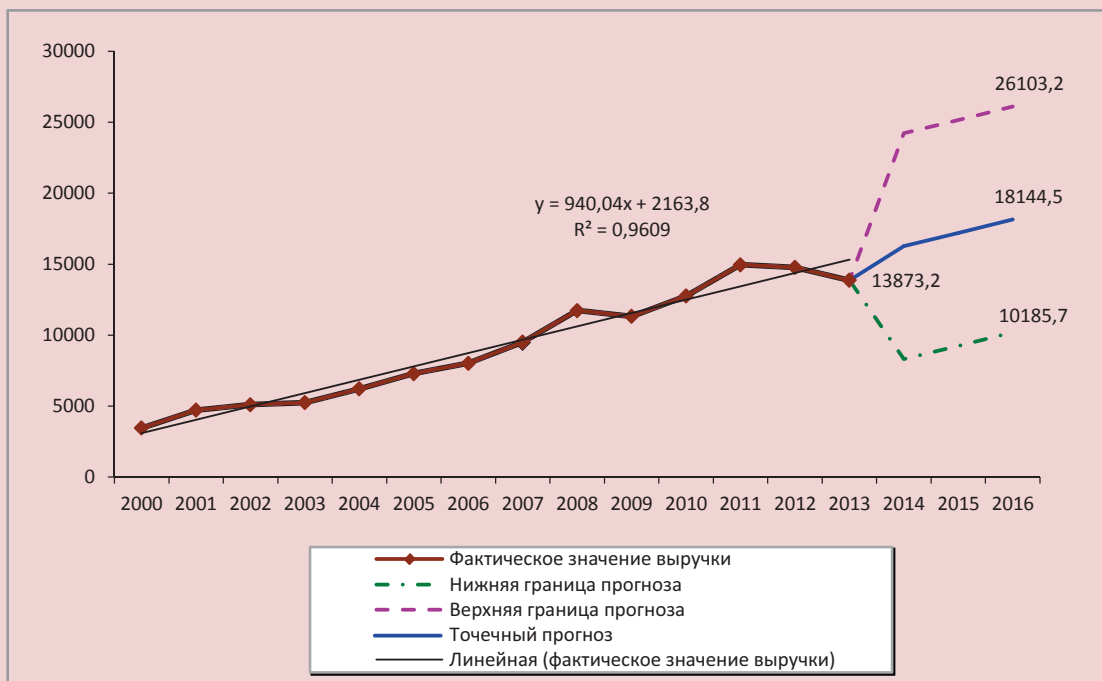
Статистические методы прогнозирования позволяют выявлять тенденции изучаемого показателя в прошлом и продлевать их на будущее. Базовым методом статистического моделирования является метод аналитического выравнивания уровней ряда динамики по уравнению выбранной кривой. Для его применения были использованы данные Департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области о размере выручки сельхозпредприятий за период с 2000 по 2013 г. В ходе моделирования было выбрано одно уравнение тренда, с математической точки зрения наиболее адекватно описывающее изменение выручки сельхозор-

ганизаций в ретроспективном периоде: $y_t = 2163,80 + 940,04 \cdot t$. Точность данного уравнения составляет 96,1%. Согласно ему, в среднем за каждый год из тринадцати лет выручка возрастала на 940,04 млн. руб. Следовательно, начиная с уровня 2013 года (13 873,2 млн. руб.), к концу 2016 года её прогнозное значение достигнет 18 144,5 млрд. руб.

Прогнозирование статистическими методами предполагает, что в построенное уравнение линейного тренда $y_t = 2163,80 + 940,04 \cdot t$ исследователь подставляет перспективные периоды времени t и оценивает размер выручки сельхозпредприятий за каждый год из этих лет (y_t). Однако в данном случае он получает лишь точечное, конкретное, значение изучаемого показателя [29]. Прогнозирование экономических показателей функционирования мезо- и макрообъектов предполагает обязательное построение и интервальных прогнозов – таких, которые учитывают ту ли иную вероятность их исполнения. Наиболее распространенной является вероятность достоверности прогнозов 95%. С учетом её получают вероятную ошибку прогноза, а следовательно, нижнюю и верхнюю границы прогноза изучаемого показателя. Зачастую в экономической литературе такие границы называют «вилкой» прогноза или оптимистическим и пессимистическим вариантами прогноза. В нашем случае нижняя граница размера выручки, прогнозируемая к получению сельхозорганизациями в 2016 году, составила 10 185,7 млн. руб., а верхняя – 26 103,2 млн. руб. (рис. 1).

Аналогично строились точечные и интервальные прогнозы размера внешнего источника финансирования деятельности сельхозорганизаций – объемов государственной помощи сельскохозяйственным предприятиям области. В качестве исходных

Рисунок 1. Точечный и интервальный прогнозы размера выручки сельскохозяйственных предприятий Вологодской области на 2014–2016 гг., построенные методом аналитического выравнивания ряда динамики по линейному уравнению тренда

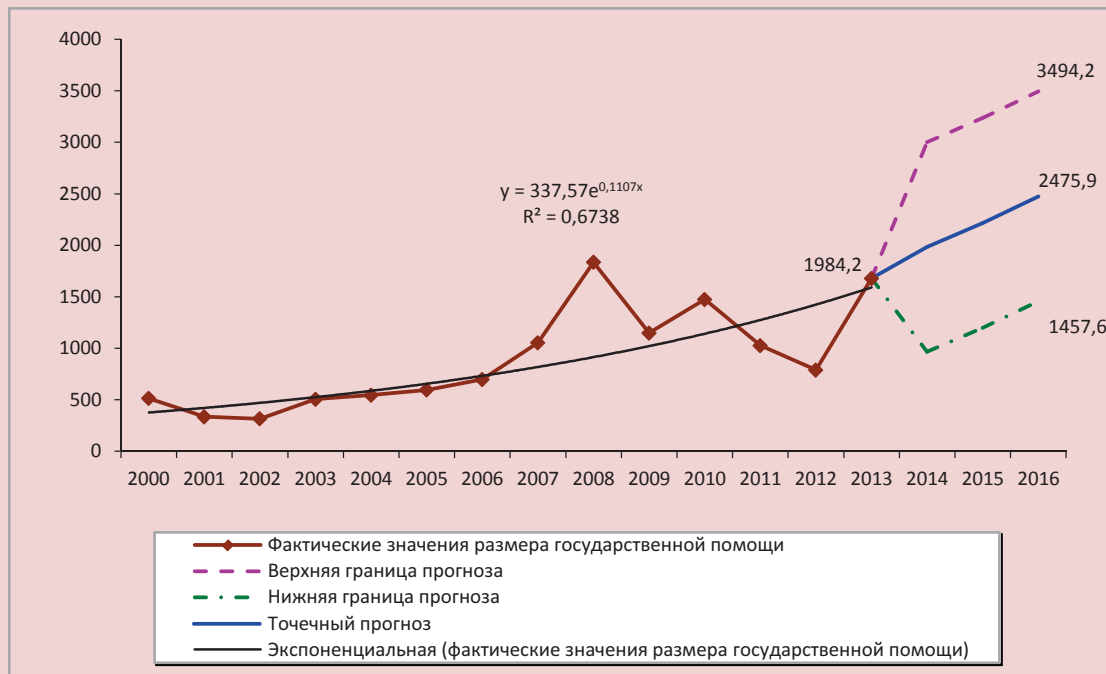
данных был принят размер финансовой помощи, оказанной сельскохозяйственным предприятиям региона за период с 2000 по 2013 год. В качестве уравнений тренда были первоначально выбраны такие, как уравнение прямой линии, параболы, гиперболы и экспоненциальное уравнение тренда. Анализ показателей качества каждого из этих уравнений позволил выявить кривую, наиболее адекватно описывающую динамику размера государственной помощи в ретроспективном периоде. Такой кривой выступило уравнение экспоненциального тренда: $y_t = 337,57 \cdot e^{0,1107t}$ (рис. 2).

Коэффициент детерминации данного уравнения составил 67,4%. Это означает, что в ходе статистического моделирования удалось математически описать около 70% динамики размера помощи сельхозорганизациям. Качество уравнения можно

оценивать как удовлетворительное и пригодное для использования в эконометрических прогнозах. Согласно ему, точечное прогнозное значение размера государственной помощи в 2016 году должно составить 2 475,9 млн. руб., нижняя граница размера государственной помощи, прогнозируемая к получению сельхозорганизациями в 2016 году, составила 1 457,6 млн. руб., а верхняя – 3 494,2 млн. руб.

Как видим, границы интервальных прогнозов обоих экономических показателей – выручки сельхозпредприятий и размера государственной помощи – оказались широкими: численные значения оптимистических и пессимистических прогнозов различаются практически в 2,5 раза. Данное расхождение объясняется несовершенством применяемой методологии прогнозирования. Метод аналитического

Рисунок 2. Точечный и интервальный прогнозы размера государственной помощи сельскохозяйственным предприятиям Вологодской области на 2014–2016 гг., построенные методом аналитического выравнивания ряда динамики по экспоненциальному уравнению тренда

выравнивания ряда динамики по уравнению выбранной кривой предполагает, что оба финансовых показателя не связаны между собой логически и развиваются в ретроспективном периоде независимо друг от друга. Это предположение в корне неверно, поскольку размер государственной помощи влияет на размер выручки сельхозпредприятий. Данный метод не может являться самостоятельным инструментом прогнозирования, но может выступать в качестве отдельного этапа в более совершенных прогнозных методах.

Устранить недостатки указанного выше статистического метода моделирования и прогнозирования дают возможность методы эконометрического анализа. Данный класс методов, помимо прочего, позволяет осуществлять отбор и оценку факторных признаков, оказывающих существенное

влияние на экономические показатели деятельности объекта, прогнозировать поведение факторных признаков на будущее и оценивать соответствующее изменение экономических показателей функционирования объекта в перспективном периоде времени [28, 29].

Так, на первом этапе корреляционно-регрессионного анализа было установлено наличие прямой сильной связи между обоими экономическими показателями. На втором этапе исследования построено уравнение зависимости размера выручки сельскохозяйственных предприятий Вологодской области от размера оказываемой им прямой государственной помощи. Среди набора исходных уравнений регрессии наиболее адекватным оказалось уравнение линейной связи: $y_x = 3724,711 + 6,138 \cdot x$. Согласно коэффициенту регрессии, каж-

дый рубль вложенных бюджетных средств приводит к увеличению выручки сельскохозяйственных производителей области на 6 рублей и 14 копеек (или однопроцентное увеличение объемов государственного финансирования, при прочих равных условиях, приводит к увеличению выручки сельхозпредприятий на 0,6%). Индекс корреляции данного уравнения составил 0,752 ($R = 0,752$), что свидетельствует о наличии сильной связи между размером государственной помощи и выручкой сельскохозяйственных предприятий. Следовательно, прямое государственное регулирование служит эффективным инструментом стимулирования развития отрасли.

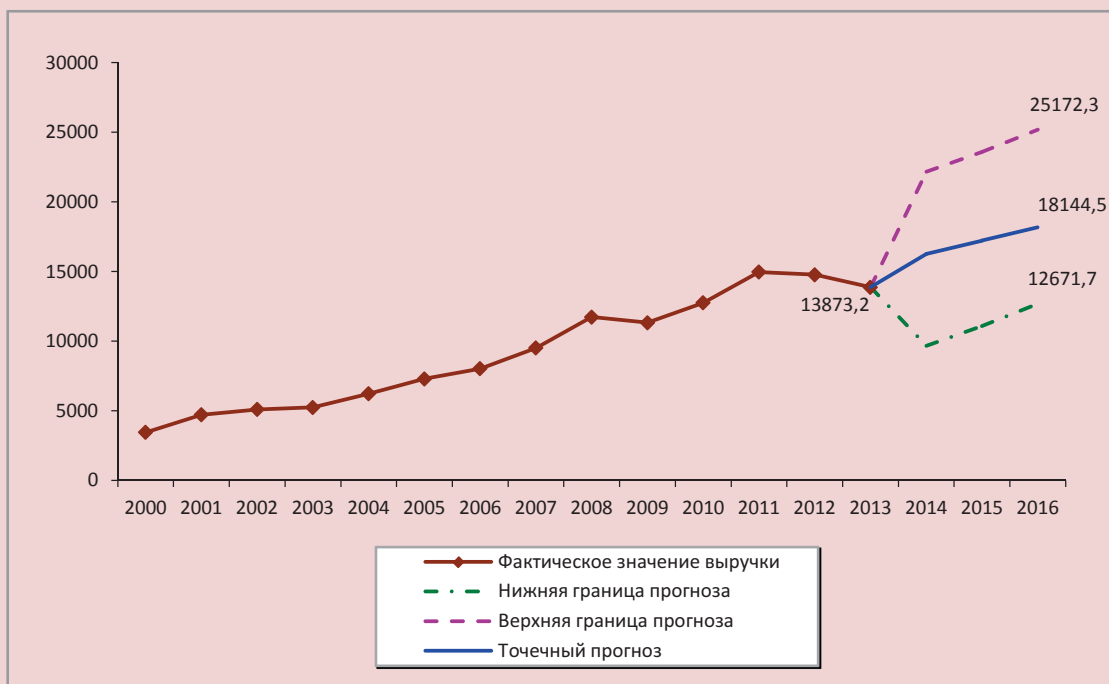
Следующим этапом корреляционно-регрессионного анализа выступает построение независимого прогноза выявленного факторного признака — размера государственной помощи — на 2014–2016 гг. В этом

случае может использоваться прогноз, построенный ранее посредством применения статистических методов, в частности метода аналитического выравнивания размера государственной помощи по уравнению экспоненциальной кривой.

Подставив в уравнение регрессии прогнозные значения размера прямой государственной помощи, можно определить ожидаемый размер выручки сельхозпредприятий (рис. 3).

Судя по данным рисунка, с вероятностью 95% можно утверждать, что к концу 2016 года размер выручки сельхозпредприятий составит величину от 12 671,7 до 25 172,3 млн. руб. Следует особо отметить, что эти показатели будут достижимы только при условии выделения финансовой помощи от государства в размере от 1 457,6 до 3 494,2 млн. руб. соответственно. Однако наиболее вероятно ожидать к концу ука-

Рисунок 3. Точечный и интервальный прогнозы выручки сельскохозяйственных предприятий Вологодской области на 2014–2016 гг., построенные по линейному уравнению регрессии

занного периода реализацию пессимистического сценария выделения бюджетных средств – снижение размера государственной помощи до нижней границы прогноза (в связи со вступлением России в ВТО), что является отрицательным фактором и оценивается отечественными специалистами как крайне негативный момент [3, 7, 10, 26, 27].

Как можно подчеркнуть, результаты исследования ученых свидетельствуют о том, что и при инерционном варианте развития АПК области не будет обеспечено его устойчивое развитие в долгосрочной перспективе [25, с. 109]. Результаты опросов, проводимых специалистами ИСЭРТ РАН среди руководителей сельскохозяйственных предприятий, показывают, что в числе факторов, препятствующих их стабильному функционированию, чаще всего отмечалась недостаточность бюджетной поддержки. Так, если в 2005 году данный фактор называли 72% опрошенных, то в 2011-м – уже 98% [4, с. 125].

В связи с этим руководству страны необходимо выработать меры, позволяющие свести до минимума негативные последствия от вступления России в ВТО и максимально использовать возможные выгоды. По мнению министра сельского хозяйства, выходом из сложившейся ситуации является внесение изменений в закон «О сельском хозяйстве» с целью определения критериев отнесения регионов к неблагоприятным для ведения сельского хозяйства, так как поддержка таких регионов будет относиться к «зеленой корзине» и выплаты сельхозпроизводителям не будут подлежать ограничениям. В России таких регионов немало [9, 24].

На территориях с неблагоприятными природными и экономическими условиями объемы субсидий могут быть увеличены многократно. По предварительным оцен-

кам, таких территорий в стране насчитывается около половины. В странах ЕС на долю подобных территорий приходится 57% сельхозугодий. Подавляющее большинство фермерских и других хозяйств, расположенных на них, получают по условиям ВТО дополнительные бюджетные субсидии. Таким образом, и для отечественных сельхозтоваропроизводителей существуют способы увеличения поддержки отрасли без нарушения правил ВТО [1, 6].

В феврале 2015 года вступило в действие Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил отнесения территорий к неблагоприятным для производства сельскохозяйственной продукции территориям» от 27.01.2015 № 51 [13]. В документе установлены следующие критерии отнесения территорий к неблагоприятным: состояние почв сельскохозяйственных угодий; природные и климатические условия; интегральный показатель социально-экономического развития сельских территорий субъекта РФ. Формирование перечня субъектов РФ, территории которых относятся к неблагоприятным для производства сельскохозяйственной продукции, осуществляется Министерством сельского хозяйства РФ, перечень уточняется Правительством РФ по мере необходимости, но не реже одного раза в 3 года. Данные для расчета показателей в целях формирования перечня в срок до 1 августа соответствующего года предоставляют: Федеральное агентство научных организаций; Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды; Федеральная служба государственной статистики. Автору не предоставляется возможность самостоятельно определить, относится ли Вологодская область к таким территориям или нет. Однако мы сослались на исследования ученых, ранее проводившиеся по данному вопросу.

Как отмечается в исследовании [1, с. 19], из 10 критериев предварительного перечня, включенного в проект регионов с правом получения дополнительных субсидий, Вологодская область удовлетворяет шести таким критериям, как: 1) бонитет сельхозугодий; 2) кадастровая стоимость сельхозугодий; 3) биоклиматический потенциал; 4) нормативная урожайность зерновых; 5) дифференцированный рентный доход; 6) наличие риска оголения территорий.

Специалистами [6] была проведена интегральная оценка дифференциации субъектов РФ по уровню социально-экономического развития сельских территорий, сложившемуся в 2013 году. Данная система включала 10 индикаторов за последние 5 лет исследования (2009–2013 гг.). В число частных индикаторов вошли следующие: 1) среднегодовой индекс производства продукции сельского хозяйства, %; 2) доля неубыточных организаций в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве в среднем за исследуемый период; 3) среднегодовой индекс численности сельского населения; 4) уровень занятости сельского населения в экономически активном возрасте; 5) соотношение располагаемых ресурсов, в среднем на одного члена сельского домохозяйства, и региональной величины прожиточного минимума за последний отчетный год; 6) обеспеченность сельского населения общей площадью полностью благоустроенного жилища за последний отчетный год, кв. м на одного жителя; 7) уровень газификации домов (квартир) сетевым газом в сельской местности за последний отчетный год; 8) доля сельского населения, обеспеченного доброкачественной питьевой водой из всех источников, за последний отчетный год; 9) число фельдшерско-акушерских пунктов на 100 сельских населенных пунктов

за последний отчетный год; 10) охват детей в возрасте 1–6 лет в сельской местности детскими дошкольными учреждениями за последний отчетный год. Интегральный коэффициент определялся как сумма отклонений частных индикаторов от среднероссийского уровня. Отклонение частного индикатора вверх от среднего значения по РФ – положительная величина, и чем она больше, тем лучше ситуация в регионе, отклонение вниз – отрицательная величина, и чем она больше, тем ситуация хуже. Для субъектов РФ с интегральным показателем ниже среднего уровня дополнительно было определено число отрицательных отклонений, регионы с большим числом таких отклонений частных индикаторов (7–8) отнесены к **критическим**, в частности **Вологодская область**.

Согласно документу [13], территория относится к неблагоприятным, если интегральный показатель социально-экономического развития сельских территорий ниже среднероссийского. На основании проведенных исследований [6] можно утверждать, что имеется большая вероятность вхождения Вологодской области в перечень таких территорий. Следовательно, существует необходимость в разработке методики дополнительного предоставления субсидий данным территориям. Вариант такой методики, предложенной автором [см. 11], включает гарантированные цены на продукцию животноводства, страхование сельскохозяйственных животных. Минимальная сумма дополнительных средств из бюджета при нормативном уровне рентабельности, обеспечивающем простое воспроизводство, составила в ценах 2013 года порядка 2,0 млрд. руб. в год, расширенное воспроизводство – около 3,0 млрд. руб. Как утверждает в исследованиях, проводимых специалистами ИСЭРТ РАН [19, с. 86], если ориентироваться на раз-

мер государственной поддержки села в развитых странах мира, то оказывается, что Вологодской области необходимо выделять ежегодно порядка 4–5 млрд. рублей бюджетных ресурсов против 1,5 млрд. руб., выделяемых в настоящее время. Наши расчеты также приближаются к указанной цифре.

В заключение хотелось бы отметить роль макроэкономического окружения в развитии сельскохозяйственной отрасли. Положительным моментом поддержки сельскохозяйственных производителей в Вологодской области и России в целом стало введение в 2014 году продуктового эмбарго на отдельные виды сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия и продление его до середины 2016 года [14, 15]. В 2014 году, по словам начальника Департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области Н.И. Анищенко, значительная часть региональных производителей успешно наращивает выпуск товаров, попавших под санкции; прогнозируемый размер прибыли до налогообложения сельскохозяйственных предприятий составляет около 1,5 млрд. руб. в 2014 году против 3,5 млрд. руб. убытка в 2013 году. Возросла и бюджетная поддержка отрасли. Если в 2013 году она составила 1,7 млрд. руб., то в 2014 и 2015 годах общий размер субсидий превысил 2,5 млрд. руб. [17, 18].

Таким образом, проведенные исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. За анализируемый период (2000–2013 годы) произошло снижение объемов производства сельскохозяйственной продукции, производимой предприятиями области, сокращение коснулось всех факторов производства: земли, средств и предметов труда, человеческого фактора; деятельность сельскохозяйственных пред-

приятий области за исследуемый период характеризуется как убыточная. Это является отрицательным моментом и оценивает деятельность сельскохозяйственных предприятий области как неэффективную.

2. Основным источником финансирования деятельности сельхозпредприятий области остается государственная помощь. В условиях рыночной экономики особо остро встает вопрос определения и прогнозирования её объемов.

В современной науке существует множество методов оценки и прогнозирования экономических показателей. Базовыми методами являются методы статистического прогнозирования (в частности, метод аналитического выравнивания ряда динамики по уравнению выбранной кривой). Однако данные методы обладают значительными недостатками:

— они рассчитаны на продление ретроспективной тенденции изучаемого показателя на будущее, предполагая либо отсутствие его заметной вариации в прошлом (что особенно не характерно для показателей финансовой группы), либо наличие четкой тенденции к росту или снижению большинства численных значений изучаемого показателя в ретроспективном периоде;

— не учитывают взаимосвязь изучаемого показателя с другими экономическими показателями функционирования объектов на мезо- и макроуровне.

Устранить подобные недостатки позволяет группа эконометрических методов моделирования и прогнозирования экономических показателей (в частности, метод корреляционно-регрессионного анализа). Помимо прочего, они позволяют с определенной степенью вероятности строить оптимистические и пессимистические и наиболее вероятные варианты прогнозов экономических показателей функциони-

рования и развития региона, отрасли и страны в целом (при этом статистические методы прогнозирования могут выступать отдельными этапами корреляционно-регрессионного анализа).

3. В проведенном исследовании посредством экономических методов моделирования и прогнозирования был получен прогноз размера государственной помощи сельскохозяйственным предприятиям Вологодской области и размера их предполагаемой к получению выручки. Согласно ему, к концу 2016 года прогнозируемое значение объема государственной помощи будет варьироваться в пределах от 1,5 до 3,5 млрд. руб. (при наиболее вероятном значении 2,5 млрд. руб.), а размер выручки сельскохозяйственных предприятий области (при сохраняющихся тенденциях в финансировании) составит от 10,2 до 26,1 млрд. руб. (при среднем значении 18,1 млрд. руб.).

4. Прогноз объема государственной помощи сельскохозяйственным предприятиям Вологодской области является «растущим»: с 0,5 млрд. руб. в 2000 году до 2,5 млрд. руб. в 2016 году. Данная тенденция соответствует фактической потребности отрасли в финансовой поддержке государства. Однако, в связи с вступлением России в ВТО, Правительством Российской Федерации был принят курс на снижение объемов прямой финансовой помощи предприятиям отрасли. Подобное противоречие между ростом потребностей сельского хозяйства в ресурсах, необходимых для его функционирования и развития,

и стремлением государства к снижению бюджетных обязательств является основной проблемой при достижении наиболее вероятного значения построенного прогноза (2,5 млрд. руб.). В случае снижения объема государственной помощи до пессимистического сценария (1,5 млрд. руб.) кризисные явления в экономике отрасли усугубятся.

Выходом из сложившейся ситуации нам представляется отнесение Вологодской области к депрессивным территориям (согласно [13]). Это дает возможность увеличения размеров государственной помощи до пределов, соответствующих фактической потребности отрасли в финансовых средствах. Механизм дополнительного распределения средств может быть разработан по методике, ранее предложенной автором [см. 11]. Цель этой методики также заключается еще и в устранении территориальной дифференциации, имеющей место в области. Выплаты могут быть произведены по статьям несвязанной поддержки в сфере растениеводства и как доплата на 1 литр (кг) реализованного молока.

5. Введенные санкции по ввозу в Россию отдельных видов продовольственных товаров положительным образом отразились на функционировании сельскохозяйственных предприятий области и вызвали рост производственных и финансовых показателей. Кроме того, возрос и размер бюджетной поддержки отрасли — с 1,7 млрд. руб. в 2013 году до 2,5 млрд. руб. в целом в 2014 и 2015 годах.

Литература

1. Регионы с правом дополнительного субсидирования сельского хозяйства в условиях ВТО [Текст] / Р.Х. Адуков, А.Н. Адукова, А.Н. Простенко, А.М. Белякова // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. — 2013. — № 3. — С. 16-20.
2. Алтухов, А.И. Итоги работы научных организаций Отделения экономики и земельных отношений Россельхозакадемии за 2013 год [Текст] / А.И. Алтухов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. — 2014. — № 5. — С. 31-37.

3. Алферьев, В. Рынок ресурсов для села в условиях членства России в ВТО [Текст] / В. Алферьев // АПК: Экономика и управление. – 2013. – № 1. – С. 48-54.
4. Анищенко, А.Н. Оценка функционирования агропромышленного комплекса региона – Вологодской области [Текст] / А.Н. Анищенко, Р.Ю. Селименков // Проблемы развития территорий. – 2012. – № 6 (62). – С. 123-134.
5. Боговиз, А. Особенности формирования и направления аграрной политики России [Текст] / А. Боговиз // АПК: Экономика и управление. – 2014. – № 5. – С. 21-27.
6. Бондаренко, Л. Региональная политика государственной поддержки сельских территорий [Текст] / Л. Бондаренко // АПК: Экономика и управление. – 2015. – № 3. – С. 71-81.
7. Воротникова, И. Совершенствовать механизмы импортозамещения аграрной продукции [Текст] / И. Воротникова, И. Суханова // АПК: экономика и управление. – 2015. – № 4. – С. 16-26.
8. Годовой отчет о реализации Государственной программы развития агропромышленного комплекса и потребительского рынка Вологодской области на 2013–2020 годы за 2013 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vologda-agro.ru/>
9. Горбунов, Г. Другого пути нет [Текст] / Г. Горбунов // Экономика сельского хозяйства России. – 2012. – № 7. – С. 39-43.
10. Иванов, В.А. Возможности и барьеры для модернизации аграрной сферы северных и приарктических территорий в условиях членства России в ВТО [Текст] / В.А. Иванов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 2 (26). – С. 60-73.
11. Мироненко, Н.В. Инструменты государственного регулирования сельского хозяйства региона [Текст] / Н.В. Мироненко // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 1 (25). – С. 176-186.
12. Мироненко, Н.В. Современное состояние отрасли сельского хозяйства Вологодской области [Текст] / Н.В. Мироненко // Актуальные вопросы региональной экономики, управления и финансов: материалы науч.-практ. конф., г. Вологда, 26 декабря 2014 г. – Вологда: Филиал СПбГЭУ в г. Вологде, 2015. – С. 54-64.
13. Об утверждении Правил отнесения территорий к неблагоприятным для производства сельскохозяйственной продукции территориям [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 27.01.2015 № 51 // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
14. О продлении действия отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 24.06.2015 № 320 // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
15. О мерах по реализации указов Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 и от 24 июня 2015 г. № 320 [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 07.08.2014 № 778 // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
16. Основные тенденции социально-экономического развития региона в 2008–2010 гг. и задачи на 2011–2013 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vssc.ac.ru/>
17. Официальный портал Правительства Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vologda-agro.ru/news/36-newsall/3989---1-----г>
18. Сайт Департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области. – Режим доступа: <http://www.vologda-agro.ru/economy>
19. Проблемы регионального развития: 2009–2012 [Текст] / В.А. Ильин, К.А. Гулин, М.Ф. Сычев [и др.]; под ред. В.А. Ильина. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2009. – 216 с.
20. Российский статистический ежегодник 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>
21. Сычев, М.Ф. Проблемы развития аграрного сектора региона [Текст] / М.Ф. Сычев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2009. – № 3 (7). – С. 55-65.
22. Состояние агропромышленного комплекса Вологодской области [Текст]: информ. записка / Вологдастат. – Вологда, 2014. – 27 с.
23. Трошин, А. Инвестирование аграрного сектора России в условиях членства в ВТО [Текст] / А. Трошин // АПК: экономика и управление. – 2014. – № 5. – С. 65-70.
24. Трудный период адаптации [Текст] // Экономика сельского хозяйства России. – 2012. – № 7. – С. 44-56.
25. Ускова, Т.В. Агропромышленный комплекс региона: состояние, тенденции, перспективы [Текст]: монография / Т.В. Ускова, Р.Ю. Селименков, А.Н. Чекавинский. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 136 с.

26. Конкурентоспособность сельскохозяйственной продукции и продовольствия России в условиях присоединения к ВТО [Текст] / И. Ушачев, А. Серков, С. Сиптиц, В. Чекалин, В. Тарасов // АПК: экономика и управление. – 2012. – № 6. – С. 3-14.
27. Ушачев, И.Г. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.: научное обеспечение [Текст] / И.Г. Ушачев // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2013. – № 4. – С. 5-11.
28. Perova M., Perov E. Economic stratification of the Russian population and its subjective assessment. Proceedings of the 14th International Academic Conference, La Valletta, Malta, 28–31 October 2014. All papers/abstracts have been peer-reviewed ISBN: 978-80-87927-06-9 ISSN 2336-5617 Published by International Institute of Social and Economic Sciences (IISES) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.iises.net. – 521 p. (377-392 pp.).
29. An Economic Interpretation of Parameter Constraints in a Simultaneous- Equations Model with Limited Dependent Variables Author(s): Donald M. Waldman Source: International Economic Review, Vol. 22, No. 3, (Oct., 1981), pp. 731-739 Published by: Blackwell Publishing for the Economics Department of the University of Pennsylvania and Institute of Social and Economic Research. – Osaka University Stable. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2526172>

Сведения об авторе

Наталья Викторовна Мироненко – старший преподаватель, Вологодский государственный университет (160002, Россия, г. Вологда, ул. Гагарина, д. 81а, mironenkon@mail.ru)

Mironenko N.V.

State regulation of the regional agricultural complex development: assessment and rationalization issues

Natal'ya Viktorovna Mironenko – Senior Lecturer, Vologda State University (81A, Gagarin Street, Vologda, 160002, Russian Federation, mironenkon@mail.ru)

Abstract. The article discusses the current state and the main trends in the development of agriculture (on the example of agricultural enterprises in the Vologda Oblast). Nowadays there is a trend of decline in the production of basic agricultural products. The insufficient financing of agricultural enterprises is one of the key reasons for this situation. Internal and external sources of funding can be such tools. As world practice shows, the largest share in the funds, which are at the disposal of agricultural enterprises, accounts for direct budgetary financing. However, in the Russian Federation there is another trend: over the last decades there is noticeable reduction in direct state support of agricultural producers. In addition, in the framework of Russia's accession to the WTO there will be further decline in such support and simultaneous transfer of financial burden onto agricultural enterprises. Therefore, the government faces an acute problem of planning and forecasting volumes of state support and earnings of agricultural enterprises. In this regard, this work makes a forecast calculation of the amount of public support and the revenue size of agricultural enterprises. To make forecasts the author uses methods of econometric modeling and forecasting (in particular, the method of correlation and regression analysis). The forecasts are presented in 3 scenarios: most realistic, optimistic and pessimistic. The article offers recommendations on determining the actual needs of regional agricultural enterprises in the amount of state support.

Key words: Vologda Oblast, an agriculture branch, state regulation, modeling and forecasting, financial support, revenues of agricultural enterprises, identification of agricultural enterprises' needs in public assistance.

References

1. Adukov R.Kh., Adukova A.N., Prostenko A.N., Belyakova A.M. Regiony s pravom dopolnitel'nogo subsidirovaniya sel'skogo khozyaistva v usloviyakh VTO [Regions with the Right to Additional Agricultural Subsidies in the Conditions of WTO]. *Ekonomika sel'skokhozyaistvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatii* [Economics of Agricultural and Processing Enterprises], 2013, no. 3, pp. 16-20.
2. Altukhov A.I. Itogi raboty nauchnykh organizatsii Otdeleniya ekonomiki i zemel'nykh otnoshenii Rossel'khozakademii za 2013 god [Results of Work of Scientific Organizations of the Department of Economy and Land Relations of the Russian Academy of Agricultural Sciences in 2013]. *Ekonomika sel'skokhozyaistvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatii* [Economics of Agricultural and Processing Enterprises], 2014, no. 5, pp. 31-37.
3. Alfer'ev V. Rynok resursov dlya sela v usloviyakh chlenstva Rossii v VTO [Resource Market for the Village in Terms of Russia's Membership in WTO]. *APK: Ekonomika i upravlenie* [AIC: Economics and Management], 2013, no. 1, pp. 48-54.
4. Anishchenko A.N., Selimenkov R.Yu. Otsenka funktsionirovaniya agropromyshlennogo kompleksa regiona – Vologodskoi oblasti [Evaluation of the Agro-Industrial Complex of the Region – the Vologda Oblast]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 2012, no. 6 (62), pp. 123-134.
5. Bogoviz A. Osobennosti formirovaniya i napravleniya agrarnoi politiki Rossii [Peculiarities of Formation and Directions of Agricultural Policy in Russia]. *APK: Ekonomika i upravlenie* [AIC: Economics and Management], 2014, no. 5, pp. 21-27.
6. Bondarenko L. Regional'naya politika gosudarstvennoi podderzhki sel'skikh territorii [Regional Policy of State Support of Rural Areas]. *APK: Ekonomika i upravlenie* [AIC: Economics and Management], 2015, no. 3, pp. 71-81.
7. Vorotnikova I., Sukhanova I. Sovershenstvovat' mekhanizmy importozameshcheniya agrarnoi produktsii [Improve the Mechanisms of Import Substitution of Agricultural Products]. *APK: ekonomika i upravlenie* [AIC: Economics and Management], 2015, no. 4, pp. 16-26.
8. *Godovoi otchet o realizatsii Gosudarstvennoi programmy razvitiya agropromyshlennogo kompleksa i potrebitel'skogo rynka Vologodskoi oblasti na 2013–2020 gody za 2013 god* [Annual Report on the Implementation of the State Program of Development of the Agro-Industrial Complex and Consumer Market of the Vologda Oblast for 2013–2020 for 2013]. Available at: <http://www.vologda-agro.ru/>
9. Gorbunov G. Drugogo puti net [There is No Other Way]. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii* [Economics of Agriculture of Russia], 2012, no. 7, pp. 39-43.
10. Ivanov V.A. Vozmozhnosti i bar'ery dlya modernizatsii agrarnoi sfery severnykh i priarkticheskikh territorii v usloviyakh chlenstva Rossii v VTO [Opportunities and Barriers to the Agrarian Sector Modernization in the Northern and Subarctic Territories in the Conditions of Russia's WTO Membership]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 2 (26), pp. 60-73.
11. Mironenko N.V. Instrumenty gosudarstvennogo regulirovaniya sel'skogo khozyaistva regiona [Tools for State Regulation of the Region's Agriculture]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 1 (25), pp. 176-186.
12. Mironenko N.V. Sovremennoe sostoyanie otrasli sel'skogo khozyaistva Vologodskoi oblasti [The Current State of Agriculture in the Vologda Oblast]. *Aktual'nye voprosy regional'noi ekonomiki, upravleniya i finansov: materialy nauch.-prakt. konf., g. Vologda, 26 dekabrya 2014 g* [Actual Problems of Regional Economy, Management and Finance: Materials of the Research-to-Practice Conference, Vologda, December 26, 2014]. Vologda: Filial SPbGGEU v g. Vologde, 2015, pp. 54-64.
13. Ob utverzhdenii Pravil otneseniya territorii k neblagopriyatnym dlya proizvodstva sel'skokhozyaistvennoi produktsii territoriyam: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27.01.2015 № 51 [On Approval of the Rules to Assign a Territory to Areas Unfit for Agricultural Production: Decree of the Russian Federation Government of January 27, 2015 No. 51]. *Spravochno-poiskovaya sistema "Konsul'tantPlyus"* [Reference Search System "Consultant Plus"].
14. O prodlenii deistviya otdel'nykh spetsial'nykh ekonomicheskikh mer v tselyakh obespecheniya bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 24.06.2015 № 320 [On the Prolongation of Certain Special Economic Measures to Ensure Security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of June 24, 2015 No. 320]. *Spravochno-poiskovaya sistema "Konsul'tantPlyus"* [Reference Search System "Consultant Plus"].

15. O merakh po realizatsii ukazov Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 6 avgusta 2014 g. № 560 i ot 24 iyunya 2015 g. № 320 : postanovlenie Pravitel'stva RF ot 07.08.2014 № 778 [On Measures to Implement Decrees of the RF President of August 6, 2014 No. 560 and of June 24, 2015 No. 320 : Decree of the Government of the Russian Federation of August 7, 2014 No. 778]. *Spravочно-poiskovaya sistema "Konsul'tantPlyus"* [Reference Search System "Consultant Plus"].
16. *Osnovnye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona v 2008–2010 gg. i zadachi na 2011–2013 gg.* [Major Trends of Socio-Economic Development of the Region in 2008–2010 and Tasks for 2011–2013]. Available at: <http://www.vscs.ac.ru/>
17. *Ofitsial'nyi portal Pravitel'stva Vologodskoi oblasti* [Official Portal of the Government of the Vologda Oblast]. Available at: <http://www.vologda-agro.ru/news/36-newsall/3989---l-----r>
18. *Sait Departamenta sel'skogo khozyaistva i prodovol'stvennykh resursov Vologodskoi oblasti* [Website of the Department of Agriculture and Food Resources of the Vologda Oblast]. Available at: <http://www.vologda-agro.ru/economy>
19. Ilyin V.A., Gulin K.A., Sychev M.F. *Problemy regional'nogo razvitiya: 2009–2012* [Problems of Regional Development: 2009–2012]. Under editorship of V.A. Ilyin. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2009. 216 p.
20. *Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik 2014* [Russian Statistical Yearbook 2014]. Available at: <http://www.gks.ru>
21. Sychev M.F. Problemy razvitiya agrarnogo sektora regiona [Problems of Agrarian Sector Development in the Region]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2009, no. 3 (7), pp. 55-65.
22. Sostoyanie agropromyshlennogo kompleksa Vologodskoi oblasti: inform. zapiska [State of the Agro Industrial Complex in the Vologda Oblast: Informational Note]. *Vologdastat* [Territorial Body of the Federal State Statistics Service in the Vologda Oblast], Vologda, 2014. 27 p.
23. Troshin A. Investirovanie agrarnogo sektora Rossii v usloviyakh chlenstva v VTO [Investing in Russia's Agricultural Sector in terms of the WTO Membership]. *APK: ekonomika i upravlenie* [AIC: Economics and Management], 2014, no. 5, pp. 65-70.
24. Naryshkin S. E. Trudnyi period adaptatsii [Difficult Period of Adaptation]. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii* [Economics of Agriculture of Russia], 2012, no. 7, pp. 44-56.
25. Uskova T.V., Selimenkov R.Yu., Chekavinskii A.N. *Agropromyshlennyy kompleks regiona: sostoyanie, tendentsii, perspektivy : monografiya* [Agro-Industrial Complex of the Region: State, Trends and Prospects : Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2013. 136 p.
26. Ushachev I., Serkov A., Siptits S., Chekalin V., Tarasov V. Konkurentosposobnost' sel'skokhozyaistvennoi produktsii i prodovol'stviya Rossii v usloviyakh prisoedineniya k VTO [Competitiveness of Agricultural Products and Food of Russia in the Conditions of Accession to the WTO]. *APK: ekonomika i upravlenie* [AIC: Economics and Management], 2012, no. 6, pp. 3-14.
27. Ushachev I.G. Gosudarstvennaya programma razvitiya sel'skogo khozyaistva i regulirovaniya rynkov sel'skokhozyaistvennoi produktsii, syr'ya i prodovol'stviya na 2013–2020 gg.: nauchnoe obespechenie [State Program of Development of Agriculture and Regulation of Markets of Agricultural Products, Raw Materials and Food for 2013–2020: Scientific Support]. *Ekonomika sel'skokhozyaistvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatii* [Economics of Agricultural and Processing Enterprises], 2013, no. 4, pp. 5-11.
28. Perova M., Perov E. *Economic Stratification of the Russian Population and its Subjective Assessment. Proceedings of the 14th International Academic Conference, La Valletta, Malta, 28–31 October 2014*. International Institute of Social and Economic Sciences (IISES), pp. 377-392. Available at: www.iises.net.
29. Waldman D. An Economic Interpretation of Parameter Constraints in a Simultaneous- Equations Model with Limited Dependent Variables. *International Economic Review*, vol. 22, no. 3, pp. 731-739. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2526172>

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

DOI: 10.15838/esc/2015.5.41.9

УДК 65.011, ББК 65.290-2

© Верба Ю.С., Иванов И.Н.

Устойчивое развитие и управление проектами: задачи и результаты интеграции

Юлия Сергеевна

ВЕРБА

аспирант

Государственный университет управления

109542, Россия, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99, verbaulia@yandex.ru

Игорь Николаевич

ИВАНОВ

доктор экономических наук, профессор

Государственный университет управления

109542, Россия, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99, ivanov-igor-nik@mail.ru

Аннотация. Внедрение принципов устойчивого развития в практику проектного управления служит инструментом для реализации ценностно-ориентированной стратегии. Целью статьи является определение ключевых задач для формирования единой прозрачной методологической базы, включающей инструменты и методы проектного управления, учитывающие принципы концепции устойчивого развития. В статье рассмотрены ключевые аспекты, в которых может рассматриваться соприкосновение концепции устойчивого развития и теории проектного управления. Такими аспектами являются, во-первых, реализация проектов, направленных непосредственно на достижение целей в области устойчивого развития, и, во-вторых, реализация любых проектов, но с учетом подходов, заложенных в устойчивом развитии. Авторами рассмотрены противоречия между управлением проектами и концепцией устойчивого развития. Наиболее веские противоречия, требующие научной проработки, лежат в области целей, приоритетов проекта, периода и географии его оценки, анализа зон его влияния. Выявлены задачи, решение которых необходимо для разрешения выявленных противоречий и внедрения принципов социально-ответственного бизнеса. Кроме того, статья обобщает существующие наработки в области интеграции концепции

и управления проектами. Для решения этой задачи проанализированы существующие стандарты по управлению проектами на предмет интеграции в них задач устойчивого развития. Авторами сделан вывод о слабой проработке данной задачи в существующих методологиях, в том числе таких наиболее распространенных стандартах, как ICB, PMBook, P2M и другие. Наиболее интересной представляется методология PRiSM, направленная непосредственно на решение задачи интеграции. Решая задачу обобщения существующей методологической базы, авторы также привели в статье результаты научных исследований, посвященных данной теме. На основе проведенного анализа определены направления дальнейших научных исследований для создания инструментов и методов проектного управления с учетом эколого-социальных аспектов. Данные направления включают как разработку методических инструментов, в том числе разработку методологии приоритизации задач, ресурсов и сроков проекта, так и формирование общих подходов к базовым элементам в проектном управлении, в том числе к оценке ресурсов, участвующих в проекте.

Ключевые слова: устойчивое развитие, управление проектами, проектный менеджмент, социально-экологические принципы управления, стратегия, социальная ответственность бизнеса.

Введение

Устойчивое развитие — одна из наиболее важных концепций современности, осуществление задач которой стоит на всех уровнях управления. Достижение благосостояния без ущерба для будущих поколений, сохранение ресурсного потенциала, состояния экологии, поддержка и развитие социального и культурного потенциала в рамках территории, на которой осуществляется управление, — это важнейшие задачи, стоящие перед управленцами всего мира.

В управлении предприятием внедрение концепции устойчивого развития (КУР) в настоящее время осуществляется на всех уровнях управления: при разработке стратегии и постановке стратегических целей, при разработке системы показателей по функциям или бизнес-процессам, при реализации задач оперативного управления.

В последнее время появился интерес к внедрению соответствующих принципов и задач в управление проектами (УП). Переход к проектно-ориентированному подходу управления является всеобщей тенденцией среди промышленных предприятий. УП

как часть реализации стратегии не может игнорировать общие ценности и цели компании. Учитывая автономный характер задач проектной деятельности, необходимо формировать отдельную методологию, предоставляющую четкие, измеримые требования к проектному управлению для достижения целей УР.

Целью исследования, проведенного в статье, выступает выявление областей, требующих научной проработки для создания инструментов и методов управления проектом с учетом положений концепции устойчивого развития. Задачи исследования отражены в структуре статьи следующими логическими блоками:

1. Сопоставление КУР и теории УП с целью выявления противоречий между ними.
2. Формулирование задач, требующих решения для создания инструментов и методов проектного управления с учетом принципов УР.
3. Анализ существующих методологий (стандартов) по УП с точки зрения включения в них положений КУР и решения поставленных задач.

4. Обзор научных взглядов на решение поставленных задач.

Пересечение теорий УР и управления проектами может быть рассмотрено с двух позиций. Первая, наиболее часто встречаемая в литературе, – управление УР в рамках проекта. В зарубежных исследованиях это направление получило значительное развитие в последние годы. Более того, рассматривается вопрос внедрения принципов УР в стандарты управления проектом на уровне методологии.

Вторая позиция заключается в управлении УР через проекты, то есть проекты рассматриваются как субъект УР [3]. Для целей компании важна реализация программы в обеих плоскостях. В рамках статьи будет рассмотрена только первая из них – учет социального, экологического и экономического аспекта в УП.

Несмотря на то, что данное научное направление стало разрабатываться лишь в конце 2010 года, к настоящему моменту оно раскрыто рядом западных исследователей. Гилберт Сильвиус в проводимом им ежегодном обзоре литературы [2], посвященной интеграции УР в УП, в 2014 году насчитывал около 200 публикаций, среди которых 16 книг, 72 статьи, 13 диссертаций, а также разделы в книгах, «белые бумаги», эссе и прочие публикации по данному направлению. Среди публикаций, в первую очередь, нужно отметить труды А. Сильвиуса [16, 17], Р. Гарейса [10, 11, 12, 13] и А. Брента. В российских исследованиях также появился интерес к данной теме. Основные труды принадлежат В.М. Аньшину [4, 5, 6], Е.Ю. Перцевой [3], Е.С. Манайкиной [2] и др.

В целом в России экспертами в области проектного менеджмента принципы УР практически не применяются. По результатам опроса [5] лишь 10% экспертов подтвердили знакомство с термином УР

в контексте УП, при этом с КУР знакомо большинство опрошенных экспертов (53%). Основные причины недостаточного использования КУР при управлении проектами – это низкий уровень осведомленности и отсутствие запроса от заинтересованных сторон. Тем не менее анализ результатов опроса свидетельствует о благоприятном климате и об актуальности внедрения стандартов УР в практику УП: 95% считают, что внедрение УР позволяет повысить ценность управления проектами для бизнеса и общества, и более 80% респондентов считают, что умение применять принципы УР в УП является обязательной компетенцией современного менеджера. Таким образом, очевидно отсутствие и необходимость создания прозрачной и применимой методологии и инструментов для проектного управления с учетом принципов УР.

Сопоставление КУР и теории УП с целью выявления задач интеграции

Эксперты в области управления [8] проектами отмечают следующие противоречия для включения принципов КУР в УП (табл. 1).

Задачи в области интеграции КУР в проектное управление

На основе проведенного анализа противоречий, а также анализа существующих методологий можно сформулировать следующие задачи, решение которых позволит создать инструменты и методы для интеграции:

1. *Расширение и уточнение показателей эффективности проекта.*

Изменение целей проекта и переоценка критериев его успеха в двух аспектах. С одной стороны, необходимо увеличение периода оценки показателей проекта и включение долгосрочных показателей эффективности проекта. Второй аспект направлен на включение дополнительных

Таблица 1. Основные противоречия между КУР и УП

Аспект	Устойчивое развитие	Проектный менеджмент
Период целеполагания	Долгосрочная ориентация целей	Краткосрочная ориентация целей
Заинтересованные стороны	В интересах настоящего и будущих поколений, что предполагает обеспечение постоянного диалога с широким рядом стейкхолдеров для принятия решения.	В интересах заказчика и стейкхолдеров (к заинтересованным сторонам – стейкхолдерам – могут относиться: спонсор проекта, заказчики и пользователи, агенты, поставщики и подрядчики, деловые партнеры, организационные группы внутри компании, функциональные руководители и др. [1]).
Ориентация задач	Ориентация на жизненный цикл продукта	Ориентация на получение результатов/продукта
Базовые ценности/приоритеты	People, Planet, Profit. Концепция тройного критерия [15], согласно которой бизнес строится на «трех столпах устойчивого развития»: люди, планета и прибыль.	Scope, Time, Budget. Формула тройственной ограниченности, которая описывает три аспекта управления проектом, между которыми должен быть достигнут баланс: содержание проекта, стоимость и время*.
Последствия для инициатора и участников	Создает барьеры для принятия иницируемых проектов; повышает сложность деятельности; приносит выгоды в долгосрочной перспективе.	Создает барьеры для принятия иницируемых проектов; снижает сложность деятельности; приносит выгоды по окончании проекта.
Географические ориентиры управления	Нацелен о как на локальные, региональные эффекты, так и на эффекты в рамках страны и мира.	Нацелено на эффект в рамках территории проведения проекта.
* Классическая формула состоит из трех компонентов. В настоящее время в формулу включается четвертый компонент – «качество».		

показателей оценки эффективности проекта, таких как экологические и социальные факторы.

2. *Включение положений УР в стадии и области знаний управления проектом.*

Необходимо формирование методики постановки задач и мониторинга их выполнения на различных фазах жизненного цикла проекта, а также в различных областях знания проекта.

3. *Определение взаимосвязи между жизненным циклом продукта, проекта и ресурсов для формирования задач УР.*

Поскольку с точки зрения УР компания несет ответственность за весь цикл своей деятельности вплоть до качества и устойчивости выпускаемых продуктов и создаваемых активов, необходимо решение задачи переоценки жизненного цикла проекта.

4. *Регламентация и организация работ с заинтересованными сторонами.*

На различных стадиях управления проектом необходимо привлечение стейкхолдеров из различных областей влияния

проекта, организация дополнительных методов разработки и принятия решений (например, методы форсайта или Дельфи).

5. *Уточнение и расширение требований к проектному менеджеру и дополнительным ролям в проектном управлении.*

С одной стороны, очевидно возрастание важности поведенческих компетенций (ценности, этика) проектного менеджера и ключевых участников. С другой стороны, необходима постановка конкретных целевых показателей в области УР для членов проектной команды.

6. *Разработка методологии приоритизации задач проекта, в т.ч. задач УР, в соответствии с тройственной ограниченностью при разработке сценариев проекта.*

При управлении ограничениями проекта возможно возрастание важности ресурсов проекта (в рамках задач повышения энергоэффективности, использования возобновляемых материалов и источников энергии, развития человеческого потенциала).

7. *Определение требований к отчетным материалам на всех стадиях проекта.*

8. *Разработка системы оценки влияния проекта на региональный, страновой, глобальный уровень.*

При реализации целей УР необходимо отслеживать их результативность на уровне региона, страны, мира не только в виде бюджетной эффективности проекта для региона, но и других нефинансовых показателей.

Включение принципов УР в существующие стандарты УП

В настоящее время управление проектами в мире осуществляется на основе стандартов Международной ассоциации управления проектами (IPMA) и Института управления проектами (PMI) PMBok. Более полный список и сравнительная характеристика представлены в *таблице 2*.

На текущий момент существующие стандарты УП не освещают либо освещают

частично вопросы включения дополнительных индикаторов успеха проекта, связанных с их долгосрочной эффективностью, с экологическим и социальным воздействием, рекомендации по оценке регионального и странового влияния. В существующих руководствах не рассмотрен также вопрос организации постановки задач УР, их выполнения, организации мониторинга, представления отчетности. К положительным моментам относятся значительный уровень проработки вопроса отношений с заинтересованными сторонами, наличие отдельной методологии по включению принципов «зеленого» управления.

Обзор научных точек зрения по задачам интеграции КУР в проектное управление

Научные исследователи к настоящему моменту представили разработки по аспектам, в которых возникают противоречия между КУР и УП. Ниже приведены резуль-

Таблица 2. Методологии и стандарты, применяемые в мире для УП

Название методологии по УП	Тип (стандарт/сертификация)	Организация, страна	Включение принципов КУР
ICB	Система сертификации	Международная Ассоциация управления проектами, IPMA (Швейцария)	На уровне компетенций проектного менеджера. Создана международная группа экспертов для разработки перечня аспектов устойчивости для включения в следующую версию стандарта [2].
PMBok	Свод знаний Американский национальный стандарт (PMP, CAPM и др.)	Институт управления проектами, PMI (международная организация, офис в США)	Ряд показателей устойчивости включен в процессы инициации и планирования.
P2M	Стандарт Руководство	Ассоциация проектных менеджеров Японии (Япония)	Проект как создание ценности конечного продукта, которая определяется социальной и корпоративной этикой, а также устойчивым ростом, способствующим заботе об окружающей среде [5].
PRINCE2	Методология Стандарт в Великобритании по УП в социальной сфере	AXELOS Limited (Великобритания)	Описывает процессы и этапы работы над проектом, не включая критерии, на основе которых принимаются управленческие решения.
PRISM	Методология Стандарт GPM	Глобальная организация зеленого управления проектами, GPM Global (головной офис в США)	Принципы «зеленого» управления являются ключевыми при принятии решений.

таты научных работ по задачам, решение которых необходимо для снятия противоречий.

Задача 1. Расширение и уточнение показателей эффективности проекта

Разработка критериев и показателей в области устойчивого развития – это одна из основных задач, решаемых исследователями. Российские ученые в статье [4] предложили для отбора проектов в портфель использовать методику количественного сравнения проектов согласно величине их предполагаемого вклада в преодоление разрыва между целевым и фактическим уровнями устойчивости компании методом «скоринга».

Скоринг используется на этапе отбора проектов в портфель и предполагает систему оценки как классических факторов, отражающих инвестиционную привлекательность проекта, так и экономико- и эколого-социологических показателей проекта. Последние представлены в виде индикаторов, таких как доля закупок у местных поставщиков, использование материалов из повторной переработки, доля возвращаемой продукции, повышение социально-экономического уровня развития территории, создание новых рабочих мест, уровень затрат на обучение и другие. По итогу оценки индикаторов проводится оценка итогового уровня проекта с учетом весов и баллов каждого аспекта, при этом сравниваются целевые (нормативные) значения.

Задача 2. Включение положений УР в стадии и области знаний управления проектом.

Вторая задача посвящена определению того, на каких стадиях, фазах, в каких областях знаний проекта необходимо внедрение компонентов, связанных с УР.

В целом существующие методологии управления проектами предлагают разбивать планируемые работы на стадии: инициация, планирование, исполнение, мониторинг, завершение. Очевидно, что основная постановка задач, целевых показателей проекта происходит на начальных стадиях реализации проекта. Исполнение показателей обязательно должно контролироваться, то есть необходима регламентация процесса мониторинга выполнения задач в области УР. Неочевидным остается вопрос, какие меры должны выполняться на основных этапах реализации проекта, для того чтобы цели в области УР не были проигнорированы.

Для выявления мнений экспертов по данной теме британскими исследователями был проведен опрос [9]. Часть вопросов была посвящена определению места УР в различных аспектах УП. Таким образом, были поставлены вопросы о том, на каких стадиях должны быть учтены принципы УР, в каких компонентах процессов (на основе списка компонент, перечисленного в РМВок) и в каких областях знаний управления проектом.

По аспекту включения принципов УР на конкретных стадиях проекта большинство респондентов считает, что на стадии инициации проекта должно прорабатываться содержание проекта, на стадии планирования следует видоизменять цели, на стадии выполнения – прорабатывать основные процессы проекта. По мнению респондентов, на стадиях контроля и закрытия интеграция принципов УР не имеет существенного значения.

Результаты второй секции опроса, направленной на выявление наиболее важных компонент для интеграции УР в УП, представлены в *таблице 3*.

Таблица 3. Компоненты УП, требующие адаптации к задачам УР

Стадия управления проектом	Компоненты
Инициация	Инициация
Планирование	Разработка плана проекта Разработка структурного плана Описание задач Планирование ресурсов Планирование качества План управления рисками Описание рисков
Исполнение	Выполнение плана проекта Страхование качества Формирование и развитие команды
Контроль	Интегрированный контроль изменений
Закрытие	-

Для определения третьего вопроса ответы на второй вопрос были представлены в разрезе областей знаний проектного управления. Наиболее значимыми с точки зрения интеграции принципов УР являются следующие области: управление внедрением проекта, управление содержанием, управление ресурсами, управление качеством, управление рисками. Таким образом, респонденты и автор исследовательского опроса пришли к выводу о том, что чем раньше будут внедрены принципы УР в проект, тем большую отдачу это будет иметь впоследствии. Изменение процесса инициации и планирования содержания проекта к более устойчивому виду приведет к изменению всех последующих процессов.

Российские ученые в статье [4] считают, что внедрение принципов КУР в УП должно охватывать все этапы УП, включая инициацию, планирование, исполнение, контроль и закрытие. Для включения этих принципов на стадиях проекта предлагают использовать Sustainable Stage-Gate Process, разработанный Робертом Купером [7], заключающийся в разделении каждого проекта на этапы (stages) с четко установленными результатами, по завершении каждого из которых проект должен пройти через контрольную точку (gate) – официальное

совещание для оценки ситуации и принятия решений по переходу на следующий этап. К концу каждого этапа проект должен соответствовать целевым значениям, в том числе по показателям устойчивого развития. В противном случае на совещании принимается решение о приостановлении проекта или его возвращении к началу соответствующего этапа.

Задача 3. Определение взаимосвязи между жизненным циклом продукта, проекта и ресурсов для формирования задач УР.

Поскольку ответственность производителя распространяется не только на показатели жизненного цикла проекта, но и на устойчивость выпускаемого продукта, используемых в проекте ресурсов, а также используемых и формируемых активов, необходимо пересмотреть длительность жизненного цикла проекта. В частности, предлагается [13] использовать подход по учету полного жизненного цикла, при котором по мере реализации проекта внутри его жизненного цикла начинается создание актива, т.е. внутри одного цикла берет свое начало другой. На стадии эксплуатации активов появляется продукт и начинается его жизненный цикл. В работе [17] предложены подходы по повышению экономической устойчивости используемых в проекте

активов и производимых на них продуктов. Дополнительной исследовательской задачей представляется формирование подходов к экологической и социальной ответственности по отношению к активам, включаемым в жизненный цикл проекта, а также разработка методик повышения устойчивости используемых ресурсов и производимых в проекте продуктов с точки зрения экологии, экономики и социального воздействия.

4. *Регламентация и организация работ с заинтересованными сторонами.*

В большинстве исследований предлагается привлекать стейкхолдеров на разных этапах работы над проектом. Например, в исследовании [10] участие заинтересованных лиц позволяет наиболее правильно сформировать структурный план проекта, план-график, план ресурсов, бюджет, провести анализ рисков, обеспечить объективность закладываемых в проект допущений и прозрачность отчетности. Включение принципов КУР в УП при идентификации рисков предполагает разбивку экономических, экологических и социальных рисков, а также местных, региональных и глобальных рисков, что позволит определить меры минимизации.

5. *Уточнение и расширение требований к проектному менеджеру и дополнительным ролям в проектном управлении.*

В исследовании [10] рассматривается роль проектного менеджера в вопросе интеграции принципов УР в УП. При включении соответствующих ценностей в разные аспекты проекта необходимо понимать границы проекта и существующего контекста в соответствии со сроками, содержанием и количеством человеческих ресурсов в проекте. В зону ответственности проектного менеджера входит соответствующая компетенция по разумному отсечению того, что уже не является областью влияния проекта.

Ключевым элементом разработки организационной структуры является также определение ролей, ответственных за устойчивость проекта. Исполнение принципов КУР возможно только при интеграции задач УР непосредственно в определенные роли проекта. В проект может быть включена и специальная роль, ответственная за УР, подобно тому, как часто в проекте назначается эксперт по качеству.

6. *Разработка методологии приоритизации задач проекта, в т.ч. задач УР, в соответствии с тройственной ограниченностью при разработке сценариев проекта.*

При включении дополнительных критериев успешности проекта, не связанных с экономической эффективностью, необходимо понимать меру их значимости при принятии решений. Учитывая тройственную ограниченность в проектном управлении, можно заключить, что задача нахождения баланса между содержанием, сроками и стоимостью является ключевой при принятии решений. При этом очевидно, что задачи УР увеличивают значимость ресурсного аспекта проекта, то есть в большей мере влияют на его стоимость. Меры, включаемые в содержание проекта в рамках задач УР, могут как увеличивать, так и уменьшать стоимость проекта, аналогичное влияние они могут иметь на сроки проекта. Таким образом, изолированная постановка целевых индикаторов УР проекта нецелесообразна. Необходима модель, позволяющая проводить комплексную разработку целевых индикаторов в соответствии с ограничениями проекта и значимостью данных ограничений.

7. *Определение требований к отчетным материалам на всех стадиях проекта.*

Дополнительной исследовательской задачей является определение требований к отчетным материалам на всех стадиях проекта. При разработке исходного пакета проектных документов, в том числе

структурного, ресурсного плана, анализа рисков, оценки экологического и социального воздействия, необходима четкая регламентация требований к включению задач УР. На стадии выполнения проекта необходим контроль задач каждой фазы проекта. Итоговая отчетность по проекту также должна иметь четкую корреляцию с разделами бизнес-плана проекта в части поставленных критериев и показателей.

8. *Разработка системы оценки влияния проекта на региональный, страновой, глобальный уровень.*

Наиболее глобальная исследовательская задача представляется в части отслеживания влияния проекта на уровень региональной, страновой и мировой устойчивости. Решение задач УР имеет четкую привязку к Целям Развития Тысячелетия (до 2015 года), а также к Целям Устойчивого Развития после 2015 года, поставленным в ходе 68 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2014 году. Очевидно, что решение крупных инфраструктурных проектов имеет непосредственное влияние на устойчивое развитие региона и всей страны. Менее сложные проекты, реализуемые в рамках промышленного предприятия, также влияют на достижение общего уровня УР на территории присутствия. Оценка влияния таких проектов на достижение стратегических задач компании в области УР позволит отслеживать их эффективность в реализации региональной стратегии УР. Разработка системы учета и мониторинга соответствующих взаимосвязей является одним из наиболее перспективных мировых вызовов.

Заключение

Таким образом, перед исследователями стоит ряд открытых задач для возможности интеграции принципов УР в проектное управление. В статье выявлены основные противоречия между КУР и УП и на ос-

нове этих противоречий сформулированы задачи для разрешения данных противоречий и создания методологической базы проектного управления, направленного на учет целей УР компании. На основе проведенного анализа существующих методологий УП на включение в них положений УР можно сделать вывод об их низкой проработке в исследуемой области. Анализ и обобщение научных подходов по исследуемым задачам показал, что наименее исследованными и наиболее приоритетными для научной проработки на текущий момент являются:

— задача расширения временного горизонта и географии в целевых показателях эффективности проекта, а также создание возможности отслеживания влияния проекта на существующие показатели региональной, страновой и мировой устойчивости;

— формирование подходов к экологической и социальной ответственности по отношению к активам, включаемым в жизненный цикл проекта, а также разработка методики повышения устойчивости используемых ресурсов и производимых в проекте продуктов с точки зрения экологии, экономики и социального воздействия;

— разработка методологии приоритизации задач, ресурсов и сроков проекта, в т.ч. задач УР, в соответствии с тройственной ограниченностью при разработке сценариев проекта;

— определение требований к отчетным материалам на всех стадиях проекта.

Решение этих задач позволит полноценно реализовать ценностно-ориентированную стратегию предприятия, а также повысить общий уровень социально-экономического благосостояния региона, без ущерба для окружающей среды и жизни последующих поколений.

Литература

1. Руководство к своду знаний по управлению проектами (Руководство РМВОК). – 5-е изд. – Project Management Institute, Inc, 2013.
2. Манайкина, Е.С. Управление проектами в компании с учетом концепции устойчивого развития: дис. ... канд. экон. наук / Е.С. Манайкина. – М., 2015. – 50 с.
3. Перцева, Е.Ю. Реализация концепции устойчивого развития компании на основе проектно-портфельной методологии: дис. ... канд. экон. наук / Е.Ю. Перцева. – М., 2013. – 52 с.
4. Аньшин, В.М. Формирование портфеля проектов компании на основе принципов устойчивого развития / В.М. Аньшин, Е.С. Манайкина // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2015. – № 1. – 126 с.
5. Исследование методологии управления проектами с учетом концепции устойчивого развития [Электронный ресурс] / В.М. Аньшин, О.Н. Ильина, Е.Ю. Перцева, К.С. Колчина, В.А. Скоркина, Ю.А. Савченко. – Режим доступа: hse.ru/data/2012/02/171263247205/Презентация_%20Аньшин%20В.М..pdf
6. Аньшин, В.М. Управление проектами с учетом концепции устойчивого развития / В.М. Аньшин // Российский журнал управления проектами. – 2013. – № 2 (3). – С. 10-13.
7. Дружина, В. Крупные проекты и капиталовложения: ключевые факторы успеха [Электронный ресурс] / В. Дружина, Г. Кивиже // Вестник McKinsey. – 2013. – № 28. – Режим доступа: www.vestnikmckinsey.ru; Silvius, G. Literature on Sustainability in Projects and Project Management [Электронный ресурс] / G. Silvius. – Режим доступа: <http://www.slideshare.net/GilbertSilvius/spm-literature-overview-2008>
8. Полковников, А.В. Аналитика и перспективы, современные тренды проектного управления [Электронный ресурс] / А.В. Полковников. – Режим доступа: [sovnet.ru/docs/events/Полковников%20Инфор%20Медиа%20Презентация2%20\(1\).pdf](http://sovnet.ru/docs/events/Полковников%20Инфор%20Медиа%20Презентация2%20(1).pdf)
9. Eid, M. Integrating sustainable development into project management processes. Result of the questionnaire [Электронный ресурс] / М. Eid. – Режим доступа: www.pmi.org/~media/PDF/Surveys/pp_eid.ashx
10. Gareis, R. Project management and sustainable development principles / R. Gareis, M. Huemann and R-A. Martinuzzi. – Newtown Square: Project Management Institute, Inc., 2013.
11. Gareis, R. Relating sustainable development and project management [Электронный ресурс] / R. Gareis, M. Huemann and R-A. Martinuzzi. – Berlin: IRNOP IX, 2009. – Режим доступа: www.werkenstudie.hu.nl
12. Gareis, R. Relating sustainable development and project management: a conceptual model [Электронный ресурс] / R. Gareis, M. Huemann and R-A. Martinuzzi. – 2010. – Режим доступа: <http://www.pmi.org/learning/>
13. Gareis, R. What can project management learn from considering sustainability principles? [Электронный ресурс] / R. Gareis, M. Huemann and R-A. Martinuzzi. – Papeles de Economia Espanola 33, 2011. – Режим доступа: ipma.ch/assets/re-perspectives_2011.pdf
14. Labuschagne, C. Sustainable Project Life Cycle Management: the need to integrate life cycles in the manufacturing sector / C. Labuschagne, A.C. Brent // International Journal of Project Management. – 2005. – Vol. 23. – P. 159-168.
15. Slaper, T. The Triple Bottom Line: What Is It and How Does It Work? [Электронный ресурс] / T. Slaper, T. Hall. – Режим доступа: <http://www.ibrc.indiana.edu/ibr/2011/spring/article2.html>
16. Sustainability in Project Management / A.J.G. Silvius, R. Schipper, J. Planko, J. van den Brink and A. Kohler. – Gower Publishing, 2012.
17. Sustainability Integration for Effective Project Management / A.J.G. Silvius and J. Tharp, (Eds.). – IGI Global Publishing, 2013.

Сведения об авторах

Юлия Сергеевна Верба – аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Государственный университет управления (109542, Россия, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99, verbaulia@yandex.ru)

Игорь Николаевич Иванов – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Государственный университет управления (109542, Россия, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99, ivanov-igor-nik@mail.ru)

Verba Y.S., Ivanov I.N.

Sustainable Development and Project Management: Objectives and Integration Results

Yuliya Sergeevna Verba – Graduate Student, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “State University of Management” (99, Ryazansky Avenue, Moscow, 109542, Russian Federation, verbaulia@yandex.ru)

Igor’ Nikolaevich Ivanov – Doctor of Economics, Professor, Department Head, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “State University of Management” (99, Ryazansky Avenue, Moscow, 109542, Russian Federation, ivanov-igor-nik@mail.ru)

Abstract. Integration of sustainable development principles in project management is a tool to implement a values-based strategy. The main goal of this paper is to determine key issues for creating a consistent methodological basis that includes tools and techniques of project management taking into account sustainable development approaches. This paper analyses key aspects in which the conception and project management theory have interconnections. This aspect is, firstly, realization of projects initiated to reach goals in sustainable development area. And the second aspect is realization of various projects taking into consideration sustainable development approaches. The authors analyze contradictions between project management and a concept for sustainable development. The most critical contradictions deal with goals and priorities of the project, period and geography of its valuation, analysis of its impact zones. The authors define the tasks that need to be settled in order to resolve contradictions and integrate the principles of corporate social responsibility. Besides, the paper summarizes academic results in the area of integration of the concept and project management. In order to solve this problem, the authors analyze current project management standards and the integration of sustainable development principles in them. The authors conclude that this task has not been elaborated thoroughly in current methodologies and in widespread standards such as ICB, PMBook, P2M and others. The most interesting one is PRiSM methodology, which was created for resolving integration problems. Furthermore, in making an overview of the current methodological framework, the authors present research findings on the subject. On the basis of the analysis carried out, the article defines prospective directions for further research oriented toward creating the tools and techniques of project management taking into account social and environmental aspects. These directions include the development of methodological tools (methodology of scope, resources and terms of the project) and the formation of main approaches to basic elements in project management including project resources valuation.

Key words: sustainable development, project management, social and environmental principles of management, strategy, corporate social responsibility.

References

1. *Rukovodstvo k svodu znaniy po upravleniyu proektami (Rukovodstvo PMBOK), pyatoe izdanie* [Guide to Project Management Body of Knowledge (PMBOK Guide), Fifth Edition]. Project Management Institute, Inc, 2013.
2. Manaikina E.S. *Upravlenie proektami v kompanii s uchetom kontseptsii ustoichivogo razvitiya: dis. ... kand. ekon. nauk* [Project Management a Company with Regard to the Concept of Sustainable Development: Ph.D. in Economics Thesis]. Moscow, 2015. 50 p.
3. Pertseva E.Yu. *Realizatsiya kontseptsii ustoichivogo razvitiya kompanii na osnove proektno-portfel'noi metodologii: dis. ... kand. ekon. nauk* [Implementation of the Concept of Sustainable Development of a Company on the Basis of the Project and Portfolio Methodology: Ph.D. in Economics Thesis]. Moscow, 2013. 52 p.
4. An'shin V.M., Manaikina E.S. Formirovanie portfelya proektov kompanii na osnove printsipov ustoichivogo razvitiya [Formation of Portfolio of Projects of Companies on the Basis of Sustainable Development Principles]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 1, 126 p.
5. An'shin V.M., Il'ina O.N., Pertseva E.Yu., Kolchina K.S., Skorkina V.A., Savchenko Yu.A. *Issledovanie metodologii upravleniya proektami s uchetom kontseptsii ustoichivogo razvitiya* [Research into Project Management Methodology with Regard to the Concept of Sustainable Development]. Available at: hse.ru/data/2012/02/17/1263247205/Prezentatsiya_%20An'shin%20V.M..pdf
6. An'shin V.M. Upravlenie proektami s uchetom kontseptsii ustoichivogo razvitiya [Management of Projects with Regard to the Concept of Sustainable Development]. *Rossiiskii zhurnal upravleniya proektami* [Russian Journal of Project Management], 2013, no. 2 (3), pp. 10-13.
7. Druzhina V., Kivizhe G. Krupnye proekty i kapitalovlozheniya: klyuchevye faktory uspekha [Major Projects and Investment: Key Success Factors]. *Vestnik McKinsey*, 2013, no. 28. Available at: www.vestnikmckinsey.ru; Silvius G. *Literature on Sustainability in Projects and Project Management*. Available at: <http://www.slideshare.net/GilbertSilvius/spm-literature-overview-2008>
8. Polkovnikov A.V. *Analitika i perspektivy, sovremennye trendy proektnogo upravleniya* [Analytics and Prospects, Contemporary Trends in Project Management]. Available at: [sovnet.ru/docs/events/Polkovnikov%20Infor%20Media%20Prezentatsiya2%20\(1\).pdf](http://sovnet.ru/docs/events/Polkovnikov%20Infor%20Media%20Prezentatsiya2%20(1).pdf)
9. Eid M. *Integrating Sustainable Development into Project Management Processes. Result of the Questionnaire*. Available at: www.pmi.org/~media/PDF/Surveys/pp_eid.ashx
10. Gareis R., Huemann M., Martinuzzi R-A. *Project Management and Sustainable Development Principles*. Newtown Square: Project Management Institute, Inc., 2013.
11. Gareis R., Huemann M., Martinuzzi R-A. *Relating Sustainable Development and Project Management*. Berlin: IRNOP IX, 2009. Available at: www.werkenstudie.hu.nl
12. Gareis R., Huemann M., Martinuzzi R-A. *Relating Sustainable Development and Project Management: a Conceptual Model*. Available at: <http://www.pmi.org/learning/>
13. Gareis R., Huemann M., Martinuzzi R-A. What Can Project Management Learn from Considering Sustainability Principles? *Pabeles de Economia Espanola*, 2011, no. 33. Available at: ipma.ch/assets/re-perspectives_2011.pdf
14. Labuschagne C., Brent A.C. Sustainable Project Life Cycle Management: the Need to Integrate Life Cycles in the Manufacturing Sector. *International Journal of Project Management*, 2005, vol. 23, pp. 159-168.
15. Slaper T., Hall T. *The Triple Bottom Line: What Is It and How Does It Work?* Available at: <http://www.ibrc.indiana.edu/ibr/2011/spring/article2.html>
16. Silvius A.J.G., Schipper R., Planko J., van den Brink J, Kohler A. *Sustainability in Project Management*. Gower Publishing, 2012.
17. *Sustainability Integration for Effective Project Management*. Ed.by A.J.G. Silvius, J. Tharp. IGI Global Publishing, 2013.

Исследования функционирования бюджетной системы региона

**Мария Александровна
ПЕЧЕНСКАЯ**

кандидат экономических наук

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, marileen@bk.ru

Аннотация. Ведущую роль в формировании и развитии экономической структуры современного общества играет государственное регулирование, осуществляемое в рамках избранной экономической политики. Господствующее положение в рыночной экономике занимает финансовая система, оказывающая на неё управляющее воздействие через финансовые механизмы с помощью финансовых рычагов и стимулов и в финансовых целях. Региональные общественные финансы, являясь важнейшей составляющей финансовой системы Российской Федерации, имеют огромное значение для воспроизводственного процесса в ходе движения к эффективной рыночной организации экономики. При этом главным звеном финансовой системы выступает государственный бюджет — ни с чем не сравнимый по объёму фонд денежных ресурсов, обладающий огромным инвестиционным потенциалом и способный количественно и качественно влиять на эффективность общественного производства. И то, как будет использован этот потенциал, в решающей степени предопределяет направления развития, обусловит устойчивость региональной экономики. Устойчивость бюджетной системы рассматривается в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года в качестве важнейшего условия решения стратегических экономических и социальных задач, финансового обеспечения инновационного развития экономики. Несмотря на то, что в последние годы в стране были проведены реформы, негативные тенденции в сфере общественных финансов сохраняются. Пропорция в распределении налоговых доходов между Федерацией и её субъектами изменилась с 44 к 56 в 1997 году на 54 к 46 в 2014 году, что привело к серьёзному дефициту и долгу региональных бюджетов. Наиболее критична ситуация с муниципальными финансами. Бюджеты даже крупных российских городов на 25–35% зависят от региональных дотаций. Районный и поселенческий уровни были сформированы в ходе реформы местного самоуправления 2003 года в отрыве от финансово-экономической базы их функцио-

нирования. Так, вследствие этого доходная база муниципальных районов Вологодской области снизилась в 3,3 раза и почти в 5 раз увеличилась их трансфертная зависимость от вышестоящего уровня. Порядка 95% поселений региона существует на 90–98% благодаря дотационным вливаниям из бюджетов других уровней. Кроме того, моноструктурный характер экономики региона ставит его бюджетный потенциал в сильную зависимость от финансового состояния ключевого металлургического предприятия – ПАО «Северсталь». Доля его налоговых платежей в общей сумме налоговых доходов консолидированного бюджета Вологодской области, составлявшая до кризисного 2009 года порядка 40%, в 2014 году снизилась до 10,8%. Всё это свидетельствует о необходимости тщательной научно обоснованной проработки управленческих решений и постановки приоритетов при осуществлении бюджетной политики. Поэтому исследование данного базового аспекта государственного управления занимает ключевое место в работах Института социально-экономического развития территорий РАН.

Ключевые слова: общественные финансы региона, бюджетная политика, бюджет, межбюджетные отношения, бюджетная обеспеченность, проблемы эффективности государственного управления, тенденции рыночных трансформаций, кризис бюджетной системы, роль частного капитала.

Данная публикация входит в серию статей, посвящённых 25-летию со дня основания Института социально-экономического развития территорий РАН.

С принятием в 1998 году Бюджетного и Налогового кодексов Российской Федерации и законодательным закреплением многоуровневой бюджетной и налоговой систем потребовалось научное сопровождение решения такой ключевой задачи, как **перераспределение полномочий между уровнями управления**. В связи с этим в 1999–2001 гг. в Институте социально-экономического развития территорий РАН выполнены исследования по проблемам формирования региональных и местных бюджетов и распределения расходных и доходных полномочий между уровнями бюджетной системы (А.Е. Прокофьев, С.Н. Дубов). На основе данных за 1999–2000 годы проведена оценка налогового потенциала муниципальных образований и рассмотрены варианты распределения финансовой помощи районам Вологодской области, нацеленные как на выравнивание бюджетной обеспеченности населения региона, так и на стимулирование местных

органов управления к повышению эффективности использования располагаемой доходной базы. Результаты исследования, направленные в Департамент финансов Вологодской области, были учтены при формировании проекта областного бюджета на 2002 год.

Большая научная работа проведена Институтом совместно с Некоммерческим фондом реструктуризации предприятий и развития финансовых институтов (г. Москва) по проекту Международного банка реконструкции и развития «Техническое содействие реформе бюджетной системы на региональном уровне». Часть материалов данного исследования положена в основу вышедшей в 2001 году монографии «Общественные финансы региона: состояние, факторы, перспективы» (В.А. Ильин, М.Ф. Сычев, С.Н. Дубов, Е.А. Дурнова, Л.В. Костылева). В книге представлены результаты оценки состояния общественных финансов Вологодской области за период 1997–2000 гг., дан анализ влияния различных факторов и предложены варианты перспективного развития системы бюджетных ресурсов и

внебюджетных фондов региона. Основное внимание исследовательского коллектива сосредоточено на диагностике состояния общественных финансов региона.

В 2003 году начался новый этап реформирования муниципального уровня управления, что закреплено в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ от 06.10.2003. В связи с этим в ИСЭРТ РАН было инициировано выполнение научно-исследовательской работы, посвящённой **системе местного самоуправления** в свете реализации нового закона (Т.В. Ускова, Д.Е. Амелин, А.А. Кольев, С.Н. Дубов). В исследовании проведён детальный анализ глубоких потрясений местного самоуправления страны с 1991 года. Во-первых, это радикальные изменения в системе местной власти, произошедшие после принятия в 1991 году Закона РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР», а именно изменения компетенции местных советов и замена коллегиального органа управления, каковым являлся исполнительный комитет, на главу местной администрации, действующего по принципу единоначалия. Во-вторых, коренной перестройке подверглись местные органы власти и осенью 1993 года: в результате «президентской реформы» местного самоуправления деятельность прежних местных советов прекратилась и началось строительство новой системы местного самоуправления на основе указов Президента Российской Федерации, многие положения которых не соответствовали её Конституции. В-третьих, с принятием и вступлением в силу в 1995 году Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» начался новый этап реорганизации местной власти.

Как известно, с 1 января 2006 года ряд регионов РФ, в том числе и Вологодская область, приступили в пилотном режиме к созданию двухуровневой модели местного самоуправления. В регионе было создано 372 муниципальных образования, два из которых – городские округа, 26 – муниципальные районы и 344 – городские и сельские поселения. Сущность реформирования муниципалитетов состояла в преобразовании их пространственных границ, упорядочении бюджетного устройства, изменении принципов осуществления полномочий и условий формирования доходов и расходов местных бюджетов, в развитии новых методов бюджетного процесса. В соответствии с логикой реформ местные органы власти должны были получить чёткие границы и независимую доходную базу. В этой связи весьма актуальными оказались вопросы комплексной оценки процессов реформирования на местном уровне и текущего состояния муниципальных финансов. Целью исследований ИСЭРТ РАН стал анализ изменения фискальной автономии органов местного самоуправления по доходам и расходам в результате муниципальной реформы и реформы межбюджетных отношений, а также оценка соответствия результатов реформ заявленным принципам (М.А. Печенская). Результаты оценки состояния муниципальных финансов Вологодской области в условиях реформирования в 2003–2010 гг. выявили чётко выраженную тенденцию к снижению фискальной автономии муниципальных образований по доходам и расходам. Ухудшение финансового состояния муниципалитетов проявилось в следующем:

- в снижении доли собственных доходов местных бюджетов в валовом региональном продукте (до 3% в 2006 году против 6% в 2004 году);

- перераспределении значительного объёма налоговых поступлений от местного бюджета в пользу областного (71% в 2010 году против 34% в 2004 году);

- закреплении за органами местного самоуправления всего 4% собственных налогов в доходах местных бюджетов;

- существенном повышении значимости системы межбюджетных трансфертов (с 25,9% в доходах в 2003 году до 64,2% в 2010 году);

- усилении дифференциации по степени фискальной автономии трёх типов муниципальных образований: городских округов, муниципальных районов и поселений;

- росте зависимости выполнения собственных полномочий органов местного самоуправления от размера финансовой помощи, а не от качества управленческой деятельности (свыше 95% муниципалитетов получают дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности и сбалансированность бюджетов).

С целью усиления исследований по финансово-бюджетному направлению в 2009 году в ИСЭРТ РАН создан **сектор общественных финансов** в структуре отдела проблем социально-экономического

развития и управления в территориальных системах и в аспирантуре открыта новая **специальность – 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит»**.

В связи с кризисными явлениями в экономике с конца 2008 года пристальное внимание сектора было направлено на выявление угроз наполняемости территориальных бюджетов и разработку методов **повышения уровня бюджетной обеспеченности территорий**. Именно вопрос устойчивого развития российских регионов в контексте их бюджетной обеспеченности приобрёл особую остроту в тот период, когда формирование и исполнение субфедеральных бюджетов происходило в условиях жёсткой несбалансированности.

Для оценки уровня бюджетной обеспеченности региона сотрудниками сектора разработана методика, которая включила в себя 4 направления оценки (состояние бюджета, долговую нагрузку, межбюджетные отношения и качество управления бюджетом). На её основе проведена оценка уровня бюджетной обеспеченности субъектов, входящих в состав Северо-Западного федерального округа. Результаты расчётов представлены в *таблице 1*.

Таблица 1. Интегральная оценка уровня бюджетной обеспеченности субъектов Северо-Западного федерального округа в 2006–2010 гг., рассчитанная по методике ИСЭРТ РАН

Субъект	2006 г.		2007 г.		2008 г.		2009 г.		2010 г.	
	Балл	Оценка уровня	Балл	Оценка уровня	Балл	Оценка уровня	Балл	Оценка уровня	Балл	Оценка уровня
г. Санкт-Петербург	35,2	выс.	35,5	выс.	36,0	выс.	28,0	сред.	33,1	выс.
Мурманская область	26,5	сред.	27,3	сред.	25,7	сред.	23,5	сред.	30,0	сред.
Ленинградская область	30,2	выс.	31,2	выс.	30,5	выс.	26,9	сред.	30,0	сред.
Республика Коми	31,1	выс.	27,4	сред.	30,2	выс.	24,1	сред.	27,0	сред.
Псковская область	30,1	выс.	29,7	сред.	30,8	выс.	26,7	сред.	26,7	сред.
Архангельская область	29,2	сред.	27,6	сред.	26,4	сред.	16,6	низ.	26,3	сред.
Вологодская область	32,7	выс.	31,0	выс.	32,6	выс.	14,9	низ.	26,0	сред.
Новгородская область	28,4	сред.	31,7	выс.	29,6	сред.	27,8	сред.	24,8	сред.
Калининградская область	33,2	выс.	31,3	выс.	33,3	выс.	24,4	сред.	24,5	сред.
Республика Карелия	23,3	сред.	26,5	сред.	27,8	сред.	15,6	низ.	24,2	сред.

Источники: Методы повышения бюджетной обеспеченности региона: заключительный отчет о НИР / исполн. А.И. Поварова, М.А. Печенская. – Вологда, 2010. – 130 с.; Поварова А.И. Методы повышения бюджетной обеспеченности региона. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. – 39 с.

Согласно полученной оценке, на протяжении исследуемого периода лидирующее положение по уровню бюджетной обеспеченности занимал г. Санкт-Петербург. До кризиса устойчиво высокий уровень демонстрировали Калининградская (в 2006–2008 гг. второй лидер в округе), Вологодская и Ленинградская области. Самодостаточным регионом следует считать и Республику Коми. Такие результаты были обусловлены высокими темпами роста доходов консолидированных бюджетов, взвешенной долговой политикой региональных властей, минимизацией кредиторской задолженности и процентных затрат, повышением качества управления отдельными стадиями бюджетного процесса.

Однако снижение интегральной оценки уровня бюджетообеспечения в 2009 году вызвано падением собственных доходов консолидированных бюджетов со всеми отягчающими последствиями, к которым относятся: высокий бюджетный дефицит, снижение обеспеченности населения регионов бюджетными ресурсами, наращивание объёмов дебиторской задолженности по платежам в бюджет и долговым обязательствам, усиление зависимости от помощи из федерального центра. В этих условиях даже Санкт-Петербургу не удалось сохранить статус высокообеспеченного региона. Тогда как Вологодская, Архангельская области и Республика Карелия, наиболее пострадавшие от последствий кризиса, перешли в разряд регионов с низким уровнем бюджетной обеспеченности.

Неожиданно высоким оказался уровень бюджетной обеспеченности таких трансфертозависимых регионов, как Новгородская и Псковская области. Однако это нельзя оценивать однозначно. Именно благодаря значительному вливанию финансовой помощи и происходило пози-

тивное развитие отдельных составляющих бюджетных систем этих субъектов. Вместе с тем обе области мало зависят от ограниченного круга налогоплательщиков, характеризуются низким уровнем процентных расходов и кредиторской задолженности. Несомненным достоинством данных регионов является более высокая реалистичность бюджетного планирования по сравнению, например, с таким развитым субъектом, как Вологодская область.

Следует отметить, что с 2010 года Институт ежегодно готовит экспертные заключения на проекты законов Вологодской области «Об областном бюджете» и направляет их в Правительство и Законодательное Собрание области вместе с подробным анализом проекта и предложениями по совершенствованию бюджетного процесса.

В том же году по результатам мониторинга состояния региональных бюджетных систем сектором общественных финансов подготовлена монография «Общественные финансы регионов: приоритеты модернизации» (Т.В. Ускова, А.И. Поварова, В.С. Орлова), в которой читателю предлагается анализ эффективности применяемых субъектами СЗФО мер по адаптации региональных финансов к проявлениям кризиса.

Наиболее сильно финансово-экономический кризис затронул экспортно-ресурсные регионы и регионы чёрнометаллургической и машиностроительной специализации – Вологодскую, Мурманскую, Калининградскую области и Республику Карелия. Это послужило толчком к инициированию исследования на тему **влияния интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие регионов и исследования причин их бюджетного кризиса**. Работа выполняется под руководством директора ИСЭРТ РАН

доктора экономических наук, профессора В.А. Ильина. На базе комплексного анализа деятельности ведущих российских корпораций чёрной металлургии, являющихся основными налогоплательщиками Вологодской, Липецкой и Челябинской областей, авторы пришли к выводу о неэффективности проводимой в стране бюджетно-налоговой политики и предложили варианты изменения её парадигмы. Один из основных постулатов исследования гласит: фактические проблемы, связанные с уменьшением вклада металлургических корпораций в социально-экономическое развитие Российской Федерации и её регионов, лежат в плоскости принципов и логики современной налоговой политики.

В опубликованном в 2012 году препринте «Влияние интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие» (В.А. Ильин, А.И. Поварова, М.Ф. Сычев) сделана попытка поиска ответов на ряд насущных вопросов. Почему использование крупнейших производственных мощностей чёрной металлургии страны не сопровождается существенным ускорением социально-экономического развития российских регионов, в которых находятся эти мощности? Почему бюджеты регионов не растут так же, как доходы собственников металлур-

гических корпораций? В чём расходятся интересы собственников корпораций и территориальных сообществ? Как обеспечить согласование интересов общества и собственников?

Результаты дальнейшего исследования опубликованы в 2013 году в монографии «Бюджетный кризис регионов» (В.А. Ильин, А.И. Поварова). Расчёты авторов, основанные на результатах аналитических разработок известных отечественных экспертов, а также исследований ИСЭРТ РАН, показали, что есть потенциальная возможность увеличить доходы консолидированного бюджета страны в ближайшие два-три года на 14–18 трлн. рублей, или на 45–70% (табл. 2).

Следующая книга, продолжившая исследование по данной проблеме, – «Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия-2020: проблемы реализации» (2014; В.А. Ильин, А.И. Поварова) вызвала интерес не только у учёных, но и у практиков. В письме, которое пришло на имя директора ИСЭРТ РАН В.А. Ильина от депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, члена Комитета Государственной Думы по обороне, члена

Государственного Совета председателя либерально-демократической партии России В.В. Жириновского, – выражена благодарность за чёткую гражданскую позицию, опирающуюся на серьёзный экономический анализ. «Тема Вашего исследования постоянно находится в поле зрения ЛДПР... Идея укрепления государства и усиления его роли в управлении экономикой в период объявленных нам санкций приобретает особую актуальность», – отметил Владимир Вольфович.

Особое место в работах ИСЭРТ РАН заняло исследование **регулирования межбюджетных взаимоотношений территорий** как составной части бюджетной политики федеративного государства. Это такие научно-исследовательские работы, как: «Субъект Федерации и федеральный центр: проблемы и пути совершенствования бюджетных взаимоотношений» (2012), «Совершенствование методов формирования региональных бюджетов» (2013; М.А. Печенская).

Таблица 2. Расчёты ИСЭРТ РАН возможного увеличения поступлений в бюджетную систему Российской Федерации, трлн. руб. в год

Источник	Фактическое значение	Предлагаемый вариант	Консолидированный бюджет РФ	Бюджеты гос. внебюджетных фондов	Федеральный бюджет	Бюджеты субъектов РФ
Отмена возмещения НДС экспортёрам	18%	0 ¹⁾	1,1		1,1	
Отмена освобождений по уплате НДС для финансового сектора экономики	0%	18% ²⁾	3,0–5,0		3,0–5,0	
Отмена льгот по налогу на имущество для субъектов естественных монополий	0%	2,2% ²⁾	0,2			0,2
Повышение ставки налога на дивиденды	5–9%	13–15% ¹⁾	0,2–0,5			0,2–0,5
Введение прогрессивной шкалы подоходного налога	13% ²⁾	13–50% ³⁾	2,0–4,5			2,0–4,5
Введение налога на вывоз валюты	нет	20% ⁴⁾	0,5		0,5	
Отмена предельной величины годового дохода, выше которой не берутся страховые взносы	568 тыс. руб.	0 ⁵⁾	0,6	0,6		
Введение налога на предметы роскоши с последующим перераспределением между субъектами РФ	нет		0,2 ⁶⁾			0,2
Отмена бюджетного правила, использование всех нефтегазовых доходов на развитие экономики	25%	0 ⁷⁾	5,7		5,7	
Итого			13,5–18,3	0,6	10,3–12,3	2,6–5,4

¹⁾ Академик С.Ю. Глазьев, д.э.н. Н.А. Кричевский, ИСЭРТ РАН.
²⁾ ИСЭРТ РАН.
³⁾ Академик РАН Р.И. Нигматулин, д.э.н. В.Л. Иноземцев, д.э.н. Н.А. Кричевский, А.В. Багаряков, политические партии «Справедливая Россия», КПРФ.
⁴⁾ Партия «Справедливая Россия», председатель Палаты налоговых консультантов Д. Черник.
⁵⁾ Д.э.н. В.Л. Иноземцев, Экономическая экспертная группа.
⁶⁾ Оценка д.э.н. О.Г. Дмитриевой.
⁷⁾ Партия «Справедливая Россия», многие российские эксперты и ученые.
Источники: Ильин В.А., Поварова А.И. Бюджетный кризис регионов: монография. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 128 с. (Проблемы эффективности государственного управления).

Оценка результативности регулирования межбюджетных отношений положена в основу диссертационного исследования автора настоящей статьи, одной из первых выпускниц Научно-образовательного центра ИСЭРТ РАН. Данная кандидатская диссертация, впервые в ИСЭРТ РАН выполненная по специальности «Финансы, денежное обращение и кредит», была защищена в 2014 году в диссертационном совете при Институте экономики РАН (г. Москва). Гипотеза диссертационного исследования состоит в том, что результативное регулирование межбюджетных отношений региона может быть достигнуто путём расширения организационно-экономических инструментов его реализации и усиления стимулирующей функции межбюджетных отношений.

В условиях ориентирования бюджетной политики на результат и проведения широкомасштабных административных реформ особенно актуальной становится проблема

оценки государственного и муниципального регулирования. В диссертации разработана методика оценки степени соответствия задач, поставленных государством в сфере межбюджетного регулирования региона, фактическим результатам. На основе этой методики проведён первый этап мониторинга оценки результативности межбюджетного регулирования на примере Вологодской области (*рисунк*).

Оценка финансовой автономии местных бюджетов области показала, что в период с 2006 г. самостоятельность муниципальных властей в решении собственных бюджетных вопросов выросла на 15%, тем не менее в 2012 году она составила лишь 52%. В первую очередь это вызвано централизацией доходов, особенно налоговых, на вышестоящих уровнях.

Оценка достаточности бюджетных ресурсов свидетельствует о том, что муниципалитетам не хватает средств на финансирование текущих расходов, не говоря уже о

Оценка степени результативности межбюджетного регулирования Вологодской области (рассчитано по авторской методике)

Источники: Печенская М.А. Оценка результативности регулирования межбюджетных отношений (на примере Вологодской области): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10. – М., 2014. – 168 с. – Инв. № 04201459000.

формировании бюджетов инновационного развития. Собственные местные доходы покрывают лишь 40% текущих расходов. Более того, полномочия между уровнями бюджетной системы в регионе распределяются в ущерб местным бюджетам, что проявляется в передаче на нижестоящий уровень до 5% расходных обязательств, не обеспеченных соответствующими доходными источниками.

Качество и оперативность планирования в регионе в исследуемом периоде оставались недостаточно высокими, поэтому были оценены в 2012 году на 66%, что во многом связано со сложившейся практикой недофинансирования утверждённых бюджетных ассигнований местным бюджетам.

Оценка выявила проблемы и в региональной системе бюджетного выравнивания муниципалитетов. Так, разрыв по уровню их бюджетной обеспеченности составил 4,2 раза. После выделения дотаций он незначительно снизился – до 3,4 раза. Однако осуществление субсидиарной поддержки вновь увеличило локальную дифференциацию муниципалитетов – до 4,3 раза, что свидетельствует о предпочтении софинансирования инвестиционных проектов развитых, а не развивающихся муниципальных образований. Таким образом, в 2006–2012 гг. оценка межбюджетного регулирования в Вологодской области свидетельствовала о низкой и средней степени его результативности. В 2012 году результаты регулирования соответствовали поставленным задачам лишь на 69%.

Потеря равновесия между централизацией финансовых ресурсов и федерализацией бюджетных отношений в России указывает на недостаточно результативное межбюджетное регулирование, не способствующее оседанию на территории региона

объёма собственных бюджетных ресурсов, необходимого для выполнения полномочий, и приумножению бюджетного потенциала. Это делает субнациональные органы власти более уязвимыми с позиций финансовой автономии и остро нуждающимися в дополнительных бюджетных ресурсах на выполнение возложенных полномочий, не говоря уже о бюджетах развития, которые способны создать и развить точки экономического роста.

Широкий спектр проблем, связанных с различными аспектами повышения эффективности и результативности государственного регулирования межбюджетных отношений органами власти и местного самоуправления, затронут в монографии «Межбюджетные отношения: состояние, регулирование, оценка результативности» (2015; М.А. Печенская).

Бюджетный кризис регионов актуализировал исследование проблематики управления бюджетными рисками. Сотрудниками сектора общественных финансов в научно-исследовательской работе «Совершенствование системы управления бюджетными рисками территориальных бюджетных систем» (2014; А.И. Поварова, А.В. Галухин, А.А. Торопилов) классифицированы факторы, оказывающие влияние на формирование рисков общественных финансов территорий. По уточнённой авторами методике выявления бюджетных рисков проведён анализ рисков формирования и исполнения федерального бюджета и бюджета Вологодской области в 2014–2017 гг.,

изучены управленческие решения по минимизации рисков общественных финансов в РФ и регионе и сформулирован комплекс мер по совершенствованию управления бюджетными рисками регионов.

Направление изучения общественных финансов продолжает развиваться. Так, завершается диссертационное исследование по проблемам финансовой устойчивости доходной части региональных бюджетов (соискатель А.В. Галухин). Развитие вопроса регулирования межбюджетных отношений продолжится в докторском исследовании автора настоящей статьи (уже составлен план работы на 2015–2017 гг. и разработана соответствующая «дорожная» карта).

В продолжение исследования эффективности государственного управления подготовлена монография «Системные проблемы региональных бюджетов» (М.А. Печенская, А.И. Поварова), которая затронет вопросы трансформационных процессов налоговой компетенции территориальных органов власти и системы

межбюджетных трансфертов и их влияния на системный кризис территориальных бюджетов.

Кроме того, научные изыскания влияния секторов экономики на бюджет перешли от металлургической отрасли к нефтегазовым корпорациям. В настоящее время под руководством В.А. Ильина выполняется анализ влияния крупнейших российских нефтегазовых предприятий на социально-экономическое развитие территорий. При этом исследуется роль проводимой государством денежно-кредитной политики в экономике.

В заключение отметим, что поиск резервов усиления экономической динамики страны всегда остаётся актуальным и приоритетным. К числу наиболее важных резервов такого рода следует отнести не до конца используемый бюджетный потенциал российских территорий, исследованию которого уже на протяжении 17 лет посвящается немалая часть работ Института социально-экономического развития территорий РАН.

Литература

1. Ильин, В.А. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие [Текст]: препринт / В.А. Ильин, А.И. Поварова, М.Ф. Сычев. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 104 с.
2. Ильин, В.А. Бюджетный кризис регионов [Текст]: монография / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 128 с. (Проблемы эффективности государственного управления).
3. Ильин, В.А. Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия-2020: проблемы реализации [Текст]: монография / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 188 с.
4. Методы повышения бюджетной обеспеченности региона [Текст]: заключительный отчет о НИР / исполн. А.И. Поварова, М.А. Печенская. – Вологда, 2010. – 130 с.
5. О реформировании системы управления Вологодской области в свете реализации нового закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Текст]: отчет о НИР / исполн. Т.В. Ускова, Д.Е. Амелин, А.А. Кольев, С.Н. Дубов. – Вологда, 2004. – 210 с.
6. Общественные финансы региона: состояние, факторы, перспективы [Текст] / кол. авт.; рук. авт. коллектива В.А. Ильин и М.Ф. Сычев. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2000. – 156 с.
7. Печенская, М.А. Межбюджетные отношения: состояние, регулирование, оценка результативности [Текст]: монография / М.А. Печенская. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 164 с. (Проблемы эффективности государственного управления).

8. Печенская, М.А. Оценка результативности регулирования межбюджетных отношений (на примере Вологодской области) : диссертация на соискание уч. ст. канд. экон. наук: 08.00.10 / М.А. Печенская. – Москва, 2014. – 168 с. – Инв. № 04201459000.
9. Поварова, А.И. Методы повышения бюджетной обеспеченности региона / А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. – 39 с.
10. Проблемы формирования местных бюджетов и распределения расходных и доходных полномочий между уровнями бюджетной системы [Текст]: отчет о НИР / исполн. А.Е. Прокофьев. – Вологда, 1999. – 84 с.
11. Проблемы формирования региональных и местных бюджетов и распределения расходных и доходных полномочий между уровнями бюджетной системы [Текст]: заключительный отчет о НИР / исполн. С.Н. Дубов. – Вологда, 2001. – 79 с.
12. Ускова, Т.В. Общественные финансы регионов: приоритеты модернизации / Т.В. Ускова, А.И. Поварова, В.С. Орлова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 168 с.

Сведения об авторе

Мария Александровна Печенская – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, marileen@bk.ru)

Pechenskaya M.A.

Research in the functioning of the regional budgetary system

Mariya Aleksandrovna Pechenskaya – Ph.D. of Economics, Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, marileen@bk.ru)

Abstract. The state regulation conducted in accordance with the current economic policy plays a leading role in the formation and development of the economic structure of modern society. The financial system carries out control activities in the market economy through financial mechanisms by means of financial levers and incentives to achieve financial objectives. Regional public finance, as a major part of the RF financial system, is of great importance for the reproductive process during the transfer to effective market organization of the economy. The state budget is the main link of the financial system. It is an incomparable by its amount monetary fund, which has huge investment potential and can quantitatively and qualitatively affect the efficiency of social production. The use of this potential to a great extent will determine a development direction and regional economy sustainability. The stability of the budget system is seen in the concept of long term socio-economic development of Russia until 2020 as a vital condition for the solution of strategic economic and social objectives of financial provision of innovative development of the economy. Despite recent reforms, the negative trends persist in the sphere of public finance. The proportion in the distribution of tax revenues between the Federation and its subjects changed from 44–56 in 1997 to 54–46 in 2014 that led to the serious deficit and the debt of regional budgets. The most critical situation is observed in the field of municipal finance. The budgets of even large Russian cities depend on regional subsidies by 25–35%. The regional and district levels were formed during the 2003 local government reform in isolation from the financial-economic base of their functioning. So, as a result, the revenue base of the Vologda Oblast municipal districts decreased by 3.3 times and their transfer dependence from higher levels increased by almost 5 times. About 95% of the settlements in the region function by 90–98% due to subsidized investments from budgets of other levels. In addition, the monostructural nature of the regional

economy leads to the dependence of its budget potential on the financial situation of the key metallurgical enterprise – PAO Severstal. The share of its tax payments in the total tax revenues of the Vologda Oblast consolidated budget amounted to about 40%, before the 2009 pre-crisis year; in 2014 it fell to 10.8%. All this indicates the need for careful consideration of science-based management decisions and prioritization in the implementation of budgetary policy. Therefore, the research in this basic aspect of public administration occupies a key place in the work of the Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS.

Key words: public finance in the region, budget policy, budget, inter-budgetary relations, budgetary security, problems of public administration efficiency, market reforms trends, budgetary system crisis, role of private capital.

References

1. Ilyin V.A., Povarova A.I., Sychev M.F. *Vliyaniye interesov sobstvennikov metallurgicheskikh korporatsii na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye: preprint* [Influence of Metallurgical Corporation Owners' Interests on Socio-Economic Development: Preprint]. Vologda: ISERT RAN, 2012. 104 p.
2. Ilyin V.A., Povarova A.I. *Byudzhetnyi krizis regionov: monografiya* [Budgetary Crisis of the Regions" Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2013. 128 p.
3. Ilyin V.A., Povarova A.I. *Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya. Tendentsii rynochnykh transformatsii. Krizis byudzhetnoi sistemy. Rol' chastnogo kapitala. Strategiya-2020: problemy realizatsii: monografiya* [Problems of Public Administration Efficiency. Trend of Market Transformation. Crisis of the Budgetary System. Role of Private Capital. Strategy 2020: Problems of Realization: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2014. 188 p.
4. Povarova A.I., Pechenskaya M.A. *Metody povysheniya byudzhetnoi obespechennosti regiona: zaklyuchitel'nyi otchet o NIR* [Methods to Improve Budget Sufficiency of the Region: Final Research Report]. Vologda, 2010. 130 p.
5. Uskova T.V., Amelin D.E., Kol'ev A.A., Dubov S.N. *O reformirovaniy sistemy upravleniya Vologodskoi oblasti v svete realizatsii novogo zakona "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii": otchet o NIR* [On Reforming the Management System of the Vologda Region in the Light of the New Law Implementation "On General Principles of Local Self-Government Organization in the Russian Federation": Research Report]. Vologda, 2004. 210 p.
6. *Obshchestvennyye finansy regiona: sostoyaniye, faktory, perspektivy* [Regional Public Finance: Conditions, Factors and Prospects]. Team of author under the supervision of V.A. Ilyin and M.F. Sychev. Vologda : VNKTs TsEMI RAN, 2000. 156 p.
7. Pechenskaya M.A. *Mezhbyudzhetnyye otnosheniya: sostoyaniye, regulirovaniye, otsenka rezul'tativnosti : monografiya* [Inter-Budgetary Relations: State, Regulation, Performance Assessment: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2015. 164 p.
8. Pechenskaya M.A. *Otsenka rezul'tativnosti regulirovaniya mezhbyudzhetnykh otnoshenii (na primere Vologodskoi oblasti): dissertatsiya na soiskaniye uch. st. kand. ekon. nauk* [Assessment of the Inter-Budgetary Relations Regulation Efficiency (Case Study of the Vologda Oblast) : Ph.D. in Economics Dissertation]. Moscow, 2014. 168 p.
9. Povarova A.I. *Metody povysheniya byudzhetnoi obespechennosti regiona* [Methods to Improve Budget Sufficiency of the Region]. Vologda: ISERT RAN, 2011. 39 p.
10. Prokof'ev A.E. *Problemy formirovaniya mestnykh byudzhetov i raspredeleniya raskhodnykh i dokhodnykh polnomochii mezhdru urovnyami byudzhetnoi sistemy : otchet o NIR* [Problems of Formation of Local Budgets and Allocation of Expenditure and Revenue Powers between Levels of the Budgetary System: Research Report]. Vologda, 1999. 84 p.
11. Dubov S.N. *Problemy formirovaniya regional'nykh i mestnykh byudzhetov i raspredeleniya raskhodnykh i dokhodnykh polnomochii mezhdru urovnyami byudzhetnoi sistemy: zaklyuchitel'nyi otchet o NIR* [Problems of Formation of Regional and Local Budgets and Allocation of Expenditure and Revenue Powers between Levels of Budgetary System: Final Research Reports]. Vologda, 2001. 79 p.
12. Uskova T.V., Povarova A.I., Orlova V.S. *Obshchestvennyye finansy regionov: priority modernizatsii* [Public Finance of the regions: Modernization Priorities]. Vologda: ISERT RAN, 2010. 168 p.

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

DOI: 10.15838/esc/2015.5.41.11

УДК 001.92, ББК 72

© Третьякова О.В.

Рейтинг научных журналов экономических институтов РАН

**Ольга Валентиновна
ТРЕТЬЯКОВА**

кандидат филологических наук

Институт социально-экономического развития территорий РАН

160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, olga.tretyakova@yandex.ru

Аннотация. В настоящей работе представлены результаты сравнительной рейтинговой оценки журналов по экономике и смежным дисциплинам экономических институтов РАН, построенной на анализе библиометрических данных Российского индекса научного цитирования. Обоснован состав показателей, которые, по мнению автора, позволяют максимально объективно подойти к оценке значимости издания в научных кругах и являются максимально прозрачными и доступными для проверки полученных результатов. В основе ранжирования лежит интегральный показатель, выведенный методом многомерного сравнительного анализа. Для его расчёта использованы стандартизированные коэффициенты, выведенные путем нормирования библиометрических показателей относительно максимальных значений сравниваемых индикаторов. Полученные данные позволили выделить среди издаваемых экономическими институтами РАН ядро из десяти ведущих журналов по экономике и смежным дисциплинам. В их число вошли издания, имеющие значительные показатели цитирования, а также широкий круг авторов и читателей. Степень корреляции итогового списка с другими рейтингами экономических журналов подтверждает то, что предложенный нами состав критериев и способ их агрегирования позволяет получить достаточно объективные данные, пригодные для ранжирования научных журналов.

Ключевые слова: рейтинг научных журналов, экономический журнал, экономические институты РАН, библиометрический показатель, импакт-фактор журнала, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Сегодня в России издаётся несколько сотен экономических журналов. Более ста из них включены в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК. Около 300 из-

даний индексируются в РИНЦ в категории «Экономика. Экономические науки», где их можно ранжировать по значению импакт-фактора и другим параметрам. Тем

не менее ученые считают, что ни список ВАК, ни импакт-фактор РИНЦ [2, 8] не могут являться мерилем качества научных журналов.

Вопрос о дифференциации журналов и выборе среди них ведущих эксперты пытаются решить путем их ранжирования по различным параметрам. Так, составлены несколько рейтингов российских журналов по экономике, из которых наибольшую известность получили рейтинг Муравьева (2013) [7, 8], рейтинг Управления академической экспертизы НИУ ВШЭ (2015) [11] и рейтинг Балацкого—Екимовой (2015) [2]. В основе формирования перечисленных выше классификаций изданий лежат разные методологические подходы — использование библиометрических показателей, экспертных оценок или их комбинация. Тем не менее ни один из этих подходов не лишен недостатков.

Наиболее основательным, на наш взгляд, является рейтинг журналов по экономике и смежным дисциплинам, составленный А.А. Муравьевым [7, 8], основанный на анализе библиометрической информации. Особенностью данной классификации является то, что помимо стандартных критериев, в частности импакт-фактора, применены показатели, специально рассчитанные автором на базе списков литературы, опубликованных в журналах статей. Всего использовано 14 показателей, которые путем стандартизации и агрегирования были сведены в пять обобщенных рангов. Результатом работы стало выделение 24 ведущих журналов по экономике и смежным дисциплинам, из которых 10 были отнесены к условной категории «А» (наиболее значимые), а остальные — к категории «В» (журналы хорошего уровня). Слабые стороны предложенного метода, по мнению самого автора, проявляются в

несовершенстве использованных библиометрических показателей для отражения научной значимости журналов, а также в том, что неотфильтрованными оказались мультидисциплинарные журналы. На наш взгляд, к недостаткам этого подхода относится и тот факт, что большая часть анализируемой статистической информации недоступна в РИНЦ, требуются значительные ресурсы по ее генерированию, что представляет сложность для постоянного обновления рейтинга и затрудняет возможность проверки результатов ранжирования широкой аудиторией.

К рейтингам, базирующимся на экспертных оценках, относится проект, реализованный Управлением академической экспертизы НИУ ВШЭ [11]. Путем заполнения анкет 630 экспертов оценили научный уровень журналов по 13 направлениям науки, включая экономику. По результатам анкетирования экспертов с помощью агрегирования индивидуальных оценок выделены три условные группы журналов: А1 — высокий уровень, «широкий профиль», А2 — высокий уровень, «узкий профиль», В — средний уровень. Всего было идентифицировано 2 журнала группы А2 по экономике и 17 журналов группы В. Интересно отметить, что журналами, вошедшими в категорию А2, стали «Форсайт» и «Экономический журнал Высшей школы экономики», т.е. лучшими по экономике стали издания, аффилированные с организацией, составляющей рейтинг. Примечательно, что в других списках журналов, а также в рейтинге РИНЦ данные издания не занимают первые позиции. Таким образом, в случае применения экспертного анализа к ранжированию журналов возникает прежде всего вопрос об исключении субъективных факторов оценки, селекции экспертов. Очевидно, что для объективности

конечных данных составлением таких рейтингов должны заниматься независимые организации, не аффилированные с оцениваемыми журналами.

Учитывая то, что методы, основанные исключительно на библиометрической информации либо на экспертных оценках, имеют определенные недостатки, эксперты предпринимают попытки совместить оба подхода, чтобы исключить возможные выбросы в итоговых рейтингах. Примером сочетания моделей оценки, использованных в двух предыдущих рейтингах, является рейтинг Балацкого—Екимовой (2015) [2]. Сформированный по четырем параметрам РИНЦ список из 50 журналов подвергнут оценке по пяти качественным параметрам тремя экспертами. Результатом стал список журналов, упорядоченный по интегральному показателю. К недостаткам предложенной методики относится, по нашему мнению, выбор библиометрических показателей для отбора изданий. В итоге в списке оказались низкоцитируемые журналы. В частности, в рейтинг вошли несколько изданий, у которых 5-летний импакт-фактор без самоцитирований равен 0,1 и ниже.

Таким образом, сформировавшиеся к настоящему моменту рейтинги научных экономических журналов имеют определенные недостатки, преодолеть которые возможно путем дальнейшего изучения вопроса о выборе критериев для ранжирования изданий и совершенствования методики их анализа.

Цель представленного исследования состоит в попытке классифицировать журналы экономических институтов РАН на основе ранжирования интегрального показателя, полученного методом многомерного сравнительного анализа библиометрических данных.

Принадлежность журнала к Российской академии наук является своеобразным показателем качества издания. Недаром эксперты считают, что сегодня успех научного журнала во многом зависит от его связей с РАН и от следования академическим традициям и стандартам, которые имеют важное значение в формировании ведущих научных изданий страны [2, с. 111-112]. Ученые отмечают, что деятельность журналов Российской академии наук, на которую проецируется основная миссия РАН, заключающаяся в публикации фундаментальных научных результатов, играет возрастающую роль как в развитии Академии в целом, так и в выстраивании основных научных приоритетов на российском пространстве, подготовке кадров высшей квалификации, преемственности поколений РАН [13, с. 182; 6, с.172]. Как справедливо заметил член-корреспондент РАН Г.Б. Клейнер, на страницах этих изданий «должны найти место, прежде всего, фундаментальные знания — результат фундаментальных академических исследований, а сам факт публикации должен быть шагом на пути от информации как исходного сырья для науки до знаний как ее конечного общественно признанного результата» [6, с.172]. По мнению экспертов, академические журналы «выполняют некую эталонобразующую функцию», «научные публикации в таких журналах должны по структуре, ясности изложения и четкости мысли служить своеобразным образцом для авторов и издателей» [6, с.173].

Приведенные выше тезисы позволяют нам выделить журналы институтов РАН в отдельную группу периодических научных изданий.

Для исследования отобраны все журналы экономического профиля, которые издаются экономическими институтами

РАН, подведомственными ФАНО России. До реформы Российской академии наук эти институты входили в Секцию экономики ООН РАН, т.е. представляли единую референтную группу. Для анализа использованы только издания по экономическим и смежным наукам, исключены мультидисциплинарные журналы и журналы, по которым отсутствуют необходимые показатели в РИНЦ. Таким образом, всего анализируется 18 изданий.

В основе ранжирования журналов лежит интегральный индикатор, полученный путем нормирования нескольких библиометрических показателей журналов (данные Российского индекса научного цитирования). Поскольку в РИНЦ журналы характеризуются целым рядом различных показателей, в том числе и второстепенных, с методологической точки зрения важно выбрать такие индикаторы, которые, во-первых, позволят максимально объективно подойти к оценке значимости издания в научных кругах, а во-вторых, что немаловажно, будут максимально прозрачными и доступными для проверки полученных результатов. На данном этапе мы не используем экспертные оценки, поскольку, как это было указано выше, они вносят определенную долю субъективизма в итоговые результаты. Не отрицая значимости экспертного мнения, мы полагаем, что этот вопрос применительно к оценке российских научных журналов на современном этапе требует отдельного методического осмысления.

Главными библиометрическими показателями, характеризующими значимость научных журналов, являются, на наш взгляд, показатели цитирования. Здесь важно подчеркнуть, что количественные данные о цитировании публикаций отражают «воздействие научного издания на научное сообщество, его полезность

для других ученых» [5, с. 43]. Мы не ведем речь о том, что эти данные прямо измеряют качество публикаций журнала. Тем не менее, если говорить о библиометрических параметрах изданий, то именно показатели цитирования следует рассматривать как индикаторы, доказывающие, что данная работа с высокой степенью вероятности может оказаться весьма значимой.

В число базовых наукометрических показателей входит импакт-фактор научного журнала. Введенный Ю. Гарфилдом и впервые употребленный им в качестве термина в статье, которая была опубликована в журнале *Science* в 1955 году [18, 1955], импакт-фактор сегодня является наиболее распространенным среди показателей цитируемости. К. Хоффел, резюмируя множество мнений о целесообразности применения факторов влияния, отметил, что, хотя импакт-фактор и не стал идеальным индикатором для измерения качества статей, в настоящее время нет более объективного инструмента для научной оценки. Опыт показывает, что в каждой специальности лучшими считаются те журналы, в которых труднее всего опубликоваться, и эти издания, как правило, имеют более высокий импакт-фактор. Его широкое распространение как показателя качества и влияния обусловлено, по мнению Хоффела, тем, что он хорошо коррелирует с мнением, которое сложилось у ученых о лучших журналах в их дисциплинах [20, с. 1225].

Являясь по своей сути индикатором влияния статей, данный показатель оценивает число ссылок, полученных в среднем одной статьей, входящей в некоторое заданное множество публикаций за определенный фиксированный промежуток времени [17]. Интервал, в течение которого выходят оцениваемые статьи, называется «публикационным окном», а проме-

жуток времени, в течение которого выходят те статьи, ссылки из которых учитываются для определения импакт-индикатора, – «окном цитирования» [10, с. 82]. При подсчете импакт-фактора журнала традиционно используется двухлетнее публикационное окно и однолетнее окно цитирования, т.е. импакт-фактор характеризует среднее число ссылок, полученных в отчетном году статьями из журнала, опубликованными в течение двух предыдущих лет [10, с. 83]. Двухлетний период, используемый при определении импакт-фактора журнала, предназначается для того, чтобы сделать статистический показатель современным. Как отмечал Гарфилд, высокоцитируемые статьи, которые достигают наибольшего «влияния», как правило, цитируются в течение нескольких месяцев с момента публикации и, конечно, в течение года после выхода в свет. И двух лет достаточно, чтобы выявить так называемые «горячие публикации» (*hot papers*), оказавшие наибольшее влияние в той или иной сфере научного знания [16, 2005]. Соответственно, использование двухлетнего окна цитирования в подсчете импакт-фактора обусловлено стремлением в процессе ранжирования научных журналов относительно друг друга выявить издания, публикующие высокоцитируемые с момента выхода в свет статьи, которые оказывают наибольшее влияние в своей области.

Как отмечают эксперты, именно двухлетний импакт-фактор в наше время чаще всего фигурирует при сравнении уровня журналов [9, с. 131]. Тем не менее в ряде научных дисциплин, в частности в гуманитарных и социальных науках, профессиональное сообщество не успевает за короткий двухлетний промежуток времени воспринять новое знание. В этом случае для расчета импакт-фактора целесообразно использовать более широкое публика-

ционное окно. Поэтому в дополнение к двухлетнему рассчитывается пятилетний импакт-фактор, который характеризует среднее число ссылок, сделанных в отчетном году на статьи журнала, опубликованные в течение пяти последующих лет. Следовательно, в областях, где влияние опубликованных исследований необходимо учитывать на протяжении долгого периода времени, пятилетнее публикационное окно позволяет более качественно проводить измерение импакт-фактора журналов. Имея такое преимущество перед двухлетним импакт-фактором, как возможность сглаживать «выбросы» от отдельных статей с аномальной цитируемостью, по мнению экспертов, пятилетний импакт-фактор является недостаточно оперативным [19], поскольку существенно запаздывает при отражении в рейтинге новых журналов, какое бы признание за это время они ни завоевали [3, с.23]. Таким образом, на наш взгляд, при ранжировании журналов по импакт-фактору целесообразно учитывать значения как двухлетнего, так и пятилетнего показателей, чтобы нивелировать недостатки каждого из них и получить более объективный результат.

Значение импакт-фактора может быть достаточным для ранжирования журналов, входящих в авторитетные базы данных, наполнение которых осуществляется по жестким критериям, позволяющим отсеять низкокачественные издания. Так, авторитетными во всем мире признаны данные индекса научного цитирования *Science Citation Index*, использующегося в качестве инструмента для измерения уровня научной продуктивности, благодаря побочному продукту – базе данных *Journal Citation Report (JCR)* и ранжированию научных журналов по импакт-фактору [19, с. 63-64]. Использование данного инструмента применительно к российским научным журна-

лам, в частности изданиям по экономике, затруднительно по причине их слабой представленности в ведущей международной базе данных Web of Science. Поэтому ранжирование российских экономических журналов ограничено использованием данных Российского индекса научного цитирования. Поскольку в РИНЦ не существует отбора журналов, импакт-фактор журнала является в российских реалиях малопоказательным для построения рейтинга научных изданий. Эксперты отмечают, что данные РИНЦ уязвимы перед потенциальным манипулированием импакт-фактором со стороны редколлегий журнала. В результате его высокое значение еще не служит гарантией качества журнала, так как этот показатель может искусственно завышаться путем стимулирования самоцитирования или перекрестного цитирования группами журналов [8, с. 133]. Таким образом, при ранжировании российских журналов по импакт-фактору РИНЦ целесообразно применять дополнительные количественные характеристики журналов, в частности индикаторы, учитывающие самоцитирование, а также показатели индексов Херфиндаля, которые рассчитываются по цитирующим журналам и организациям авторов.

Как уже было отмечено выше, цитирования, полученные журналом из его же статей, оказывают определенное влияние на показатель импакт-фактора, потому что в своем стандартном определении он включает самоцитирование. По заключению экспертов, например Р. Руссо, высокий уровень самоцитирования свидетельствует о малой известности журнала [21, с. 425]. Чтобы нивелировать эффект от самоцитирования при ранжировании журналов, необходимо учитывать индикаторы, характеризующие самоцитирование, в частности коэффициент самоцитирования, который

показывает долю во всех цитированиях, сделанных журналом, ссылок, ведущих из него самого. В РИНЦ проблема отделения самоцитирований решается также за счет расчета показателей импакт-факторов, учитывающих только ссылки из других журналов.

Индекс Херфиндаля по цитирующим журналам определяется как сумма квадратов процентных долей журналов, цитирующих данный, по отношению к общему количеству цитирований. Чем больше количество цитирующих журналов и чем равномернее распределены по ним ссылки на данный журнал, тем меньше величина этого показателя. Индекс Херфиндаля по организациям авторов рассчитывается как сумма квадратов процентных долей количества статей, опубликованных различными организациями, по отношению к общему количеству статей в журнале в текущем году, в которых организация идентифицирована. Чем больше различных организаций, авторы из которых публикуются в журнале, и чем равномернее распределены между ними публикации, тем меньше величина этого показателя. Максимальные значения индексов равны 10000 и достигаются, когда все ссылки сделаны из одного журнала либо когда в журнале публикуются авторы только из одной организации. Нормировка с учетом индекса Херфиндаля увеличивает показатели журналов, широко известных в научном сообществе, и, наоборот, понижает рейтинг журналов с высоким уровнем самоцитирования или журналов, использующих взаимное цитирование для искусственного повышения своих показателей. Как отмечает А.А. Муравьев, индексы Херфиндаля «характеризуют узость круга авторов и круга читателей журнала, выступая своеобразной мерой его “местечковости”». Высокие значения этих показателей указывают на то, что журнал

востребован и оценен только небольшим числом организаций и журналов, что вряд ли совместимо с общероссийским статусом издания» [8, с. 137-138].

Таким образом, чтобы преодолеть недостатки импакт-фактора как традиционного индикатора научной значимости журналов, для их ранжирования мы использовали четыре библиометрических показателя:

1. Двухлетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования (IF_2).
2. Пятилетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования (IF_5).

3. Индекс Херфиндаля по цитирующим журналам (HI_j).

4. Индекс Херфиндаля по организациям авторов (HI_o).

Коэффициент самоцитирования для нормирования не учитывался, так как мы использовали значения импакт-фактора без самоцитирования. Матрица исходных показателей представлена в *таблице 1*. Журналы в списке расположены в алфавитном порядке их названий. Для каждого издания указан институт РАН, с которым оно аффилировано.

Таблица 1. Матрица исходных данных: библиометрические показатели научных журналов экономических институтов РАН в РИНЦ (данные НЭБ на 01.09.2015)

№ п/п	Журнал	Институт РАН	IF_2	IF_5	HI_j	HI_o
1.	Вестник Института экономики РАН	Институт экономики РАН	0,479	0,243	531	3390
2.	Вопросы экономики	Институт экономики РАН	1,957	1,508	125	1375
3.	Журнал Новой экономической ассоциации	Ряд институтов, в т.ч. Центральный экономико-математический институт РАН, Институт экономики РАН.	0,746	0,707	251	1198
4.	Журнал экономической теории	Институт экономики УрО РАН	0,574	0,440	703	414
5.	Народонаселение	Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН	0,387	0,302	514	3309
6.	Прикладная эконометрика	Центральный экономико-математический институт РАН	0,429	0,625	810	3333
7.	Проблемы прогнозирования	Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	1,341	1,308	187	1700
8.	Проблемы развития территории	Институт социально-экономического развития территорий РАН	0,533	0,348	1099	5652
9.	Пространственная экономика	Институт экономических исследований ДВО РАН	0,886	0,688	490	3495
10.	Региональные агросистемы: экономика и социология (сетевой журнал)	Институт аграрных проблем РАН	0,067	0,064	1936	5838
11.	Региональные проблемы преобразования экономики	Институт социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН	0,264	0,234	3048	1071
12.	Регион: экономика и социология	Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН	0,432	0,385	276	2196
13.	Север и рынок	Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН	0,130	0,131	2402	3675
14.	ЭКО	Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН	0,431	0,374	420	1318
15.	Экономика и математические методы	Центральный экономико-математический институт РАН	0,483	0,670	319	1598
16.	Экономика региона	Институт экономики УрО РАН	0,800	0,548	230	879
17.	Экономическая наука современной России	Центральный экономико-математический институт РАН	1,036*	0,707	208	1243
18.	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	Институт социально-экономического развития территорий РАН	0,915	0,592	545	2165

* В связи с тем, что значение показателя за 2014 г. не рассчитано в РИНЦ, учитывается показатель за предыдущий год.

В основе классификации журналов лежит методика многомерного сравнительного анализа, который широко применяется в экономических исследованиях, в частности, для комплексной обобщающей сравнительной оценки результатов хозяйствования предприятий [12, с. 74-76]. Метод многомерного сравнительного анализа, построенный на методе евклидовых расстояний, позволяет учитывать не только абсолютные величины показателей каждого журнала, но и степень их близости к показателям эталона, для чего сравниваемые показатели журналов выражены в долях соответствующих показателей-эталонов, взятых за единицу.

Таким образом, в таблице исходных данных для каждого показателя определен максимальный, который принят за единицу. Коэффициенты остальных журналов рассчитаны путем деления их исходных показателей на максимальное значение

эталона. Полученные стандартизированные коэффициенты представлены в *таблице 2*.

Интегральный показатель по каждому журналу получен путем возведения стандартизированных коэффициентов в квадрат, последующего сложения полученных результатов и извлечения квадратного корня из этой суммы. Итоговый рейтинг журналов составлен на основе ранжирования интегральных показателей (*табл. 3*).

Полученные данные позволяют выделить ядро из десяти ведущих журналов по экономике и смежным дисциплинам экономических институтов РАН (выделены цветом в таблице 2). В число этих журналов вошли издания, имеющие значительные показатели цитирования (импакт-фактор), низкий уровень самоцитирования (учитывались значения импакт-фактора без самоцитирования). Кроме того, эти журналы могут претендовать на статус общероссий-

Таблица 2. Матрица стандартизированных коэффициентов научных журналов экономических институтов РАН

№ п/п	Журнал	Номер показателя			
		1	2	3	4
1.	Вестник Института экономики РАН	0,245	0,161	0,235	0,122
2.	Вопросы экономики	1,000	1,000	1,000	0,301
3.	Журнал Новой экономической ассоциации	0,381	0,469	0,498	0,346
4.	Журнал экономической теории	0,293	0,292	0,178	1,000
5.	Народонаселение	0,198	0,200	0,243	0,125
6.	Прикладная эконометрика	0,219	0,414	0,154	0,124
7.	Проблемы прогнозирования	0,685	0,867	0,668	0,244
8.	Проблемы развития территории	0,272	0,231	0,114	0,073
9.	Пространственная экономика	0,453	0,456	0,255	0,118
10.	Региональные агросистемы: экономика и социология (сетевой журнал)	0,034	0,042	0,065	0,071
11.	Региональные проблемы преобразования экономики	0,135	0,155	0,041	0,387
12.	Регион: экономика и социология	0,221	0,255	0,453	0,189
13.	Север и рынок	0,066	0,087	0,052	0,113
14.	ЭКО	0,220	0,248	0,298	0,314
15.	Экономика и математические методы	0,247	0,444	0,392	0,259
16.	Экономика региона	0,409	0,363	0,543	0,471
17.	Экономическая наука современной России	0,529	0,469	0,601	0,333
18.	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	0,468	0,393	0,229	0,191

Таблица 3. Результаты сравнительной рейтинговой оценки научных журналов экономических институтов РАН

Журнал	Номер показателя				Суммарный коэффициент	Интегральный показатель, R	Ранг
	1	2	3	4			
Вопросы экономики	1,000	1,000	1,000	0,091	3,091	1,758	1
Проблемы прогнозирования	0,470	0,752	0,447	0,059	1,728	1,315	2
Журнал экономической теории	0,086	0,085	0,032	1,000	1,203	1,097	3
Экономическая наука современной России	0,280	0,220	0,361	0,111	0,972	0,986	4
Экономика региона	0,167	0,132	0,295	0,222	0,816	0,904	5
Журнал Новой экономической ассоциации	0,145	0,220	0,248	0,119	0,733	0,856	6
Пространственная экономика	0,205	0,208	0,065	0,014	0,492	0,702	7
Экономика и математические методы	0,061	0,197	0,154	0,067	0,479	0,692	8
Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	0,219	0,154	0,053	0,037	0,462	0,680	9
Регион: экономика и социология	0,049	0,065	0,205	0,036	0,355	0,595	10
ЭКО	0,049	0,062	0,089	0,099	0,297	0,545	11
Прикладная эконометрика	0,048	0,172	0,024	0,015	0,259	0,509	12
Региональные проблемы преобразования экономики	0,018	0,024	0,002	0,149	0,193	0,440	13
Вестник Института экономики РАН	0,060	0,026	0,055	0,015	0,156	0,395	14
Народонаселение	0,039	0,040	0,059	0,016	0,154	0,392	15
Проблемы развития территории	0,074	0,053	0,013	0,005	0,146	0,382	16
Север и рынок	0,004	0,008	0,003	0,013	0,027	0,165	17
Региональные агросистемы: экономика и социология (сетевой журнал)	0,001	0,002	0,004	0,005	0,012	0,110	18

ских изданий, поскольку основное цитирование в них обеспечивается за счет ссылок в значительном количестве научных изданий и в них представлен достаточно широкий круг авторов, аффилированных с разными организациями.

Следует особо отметить, что итоговый рейтинг отражает принятую в данном исследовании систему параметров измерения, т.е. набор используемых показателей и метод их агрегирования, а также напрямую зависит от качества данных, полученных из РИНЦ.

Недостаток предложенного способа ранжирования журналов видится во влиянии на конечный результат высоких значений отдельных показателей. Так, «Журнал экономической теории» получает ранг 3 исключительно за счет самого высокого

в референтной группе коэффициента последнего показателя, т.е. лучшего значения индекса Херфиндаля по организациям авторов. При этом остальные значения, характеризующие цитирование, являются средними. Хотя данный выброс единичен, его наличие говорит о том, что предложенный способ ранжирования журналов в перспективе может быть усовершенствован.

Поскольку в международной практике отсутствуют признанные методы проверки рейтинговых данных, с целью верификации итоговых результатов сравним их со списками экономических журналов, для построения которых были использованы в том числе библиометрические показатели РИНЦ (рейтинги Муравьева [7, 8] и Балацкого—Екимовой [2]).

Из десяти первых журналов нашего списка четыре издания представлены в рейтинге Муравьева (2013) в категории А. Это «Вопросы экономики», «Журнал Новой экономической ассоциации», «Экономика и математические методы», «Экономическая наука современной России». К этой категории отнесен и журнал «Прикладная эконометрика» (в нашем списке – 12 позиция). Еще два журнала – «Пространственная экономика» и «Проблемы прогнозирования» – представлены в категории В, куда входят 14 изданий, также имеющие достаточно высокие частные ранги. Журналы «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» и «Экономика региона» представлены в категории С (включает 24 издания). Всего в трех категориях – 55 журналов, которые автор характеризует как наиболее влиятельные российские издания по экономике и смежным дисциплинам. При этом журналы из категорий А и В определяются как наиболее значимые издания, а издания, отнесенные к категории А, – как ведущие национальные журналы по экономике.

В рейтинге Балацкого – Екимовой (2015) семь изданий из нашего списка входят в группу лучших национальных журналов по экономике, названную авторами рейтинга по аналогии с зарубежной традицией «Алмазным» списком журналов (АСЖ). Это журналы «Вопросы экономики», «Экономика и математические методы», «Прикладная эконометрика», «Журнал Новой экономической ассоциации», «Проблемы прогнозирования», «Пространственная экономика», «Экономическая наука современной России». Е.В. Балацкий отмечает, что из 13 изданий АСЖ половина так или иначе связаны с РАН, что, по его мнению, свидетельствует о важной роли академических стандартов и традиций в формировании ведущих научных изданий страны [2, с.112].

Учитывая существенное количество совпадений с другими списками, можно сделать вывод о том, что представленный нами рейтинг кардинально не противоречит предыдущим исследованиям. Следовательно, предложенный нами состав критериев и способ их агрегирования могут быть использованы для ранжирования научных журналов.

Следует отметить слабую корреляцию полученного нами интегрального рейтинга с ранжированием журналов по импакт-фактору РИНЦ и рейтингом Science Index, который рассчитывается в РИНЦ по специальной методике, учитывающей несколько критериев (табл. 4). Судя по итогам сопоставления рангов, совпадающие ранги во всех классификациях имеют только журналы с довольно высокими показателями. Таким образом, полученные нами результаты также свидетельствуют о том, что рейтинг РИНЦ не может быть использован в качестве однозначного мерил для ранжирования научных журналов.

Подводя итоги, следует отметить, что представленные в настоящей работе результаты позволили нам подойти к вопросу о выборе критериев, в частности библиометрических, для оценки научных журналов. Предложенный нами состав критериев и способ их агрегирования вполне пригодны для ранжирования научных журналов, что подтверждается достаточной корреляцией с другими рейтингами. Выявленные уже на данном этапе слабые стороны предложенной методики определяют перспективы исследования в плане уточнения числа таких критериев, а также способов их агрегирования.

В целом можно сказать, что интегральные значения, полученные методом многомерного сравнительного анализа нескольких значимых библиометрических показателей изданий в РИНЦ, позволили ранжировать научные журналы по эконо-

Таблица 4. Рейтинг научных экономических журналов, издаваемых институтами РАН

Журнал	R	Ранг 1	ИФ ₂ *	Ранг 2	SI _r	Ранг 3
Вопросы экономики	1,758	1	2,068	1	5,261	1
Проблемы прогнозирования	1,315	2	1,450	2	3,211	2
Журнал экономической теории	1,097	3	0,830	7	0,342	10
Экономическая наука современной России	0,986	4	1,036**	4	1,522	3
Экономика региона	0,904	5	0,933	6	1,103	5
Журнал Новой экономической ассоциации	0,856	6	0,781	8	1,231	4
Пространственная экономика	0,702	7	0,986	5	0,651	7
Экономика и математические методы	0,692	8	0,540	13	0,896	6
Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	0,680	9	1,090	3	0,556	9
Регион: экономика и социология	0,595	10	0,446	15-16	0,594	8
ЭКО	0,545	11	0,560	12	0,294	13
Прикладная эконометрика	0,509	12	0,446	15-16	0,307	11
Региональные проблемы преобразования экономики	0,440	13	0,579	10	0,069	16
Вестник Института экономики РАН	0,395	14	0,577	11	0,219	14
Народонаселение	0,392	15	0,509	14	0,297	12
Проблемы развития территории	0,382	16	0,715	9	0,175	15
Север и рынок	0,165	17	0,320	17	0,044	17
Сетевой журнал «Региональные агросистемы: экономика и социология»	0,110	18	0,152	18	0,023	18

* Указаны значения двухлетнего импакт-фактора (включая самоцитирование).
 ** В связи с тем, что в РИНЦ не рассчитано значение показателя за 2014 г., учитывается показатель за предыдущий год.

мике и смежным дисциплинам экономических институтов РАН и выделить среди них ядро из десяти ведущих изданий. Результаты сравнительной рейтинговой оценки научных журналов могут учитываться этими учреждениями для разработки стратегий продвижения своих изданий. Улучшение

показателей по ряду позиций напрямую связано с деятельностью редколлегий, усилия которых могут быть направлены на повышение требований к уровню публикаций и качеству их рецензирования, контроль самоцитирования, расширение географии авторов.

Литература

1. Балацкий, Е.В. Роль академических журналов: период неопределенности / Е.В. Балацкий // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – №12. – С. 164-166.
2. Балацкий, Е.В. Опыт составления рейтинга российских экономических журналов / Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова // Вопросы экономики. – 2015. – №8. – С. 99-115.
3. Бедный, Б.И. О показателях научного цитирования и их применении / Б.И. Бедный, Ю.М. Сорокин // Высшее образование в России. – 2012. – №3. – С.23.
4. Гальперин, В.М. Микроэкономика: в 2-х т. / В.М. Гальперин, С.М. Игнатьев, В.И. Моргунов; общ. ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1999. – Т. 2. – С. 168-169, 171.
5. Гарфилд, Ю. Можно ли выявлять и оценивать научные достижения и научную продуктивность? / Ю. Гарфилд // Вестник АН СССР. – 1982. – №6. – С. 42-50.
6. Клейнер, Г.Б. Миссия академического журнала: между фундаментальностью и актуальностью / Г.Б. Клейнер // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – №12. – С. 171-173.

7. Муравьев, А.А. К вопросу о классификации российских журналов по экономике и смежным дисциплинам / А.А. Муравьев // Научные доклады. – 2012. – №14 (R). – СПб.: ВШМ СПбГУ, 2012. – 60 с.
8. Муравьев, А.А. О научной значимости российских журналов по экономике и смежным дисциплинам / А.А. Муравьев // Вопросы экономики. – 2013. – №4. – С. 130-151.
9. Писляков, В.В. Методы оценки научного знания по показателям цитирования / В.В. Писляков // Социологический журнал. – 2007. – №1. – С. 128-140.
10. Писляков, В.В. Библиометрические индикаторы в ресурсах Tomson Reuters / В.В. Писляков // Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии: [монография] / М.А. Акоев, В.А. Макрусова, О.В. Москалева, В.В. Писляков. – Екатеринбург, 2014. – С. 75-163.
11. Проект НИУ ВШЭ по экспертному ранжированию российских научных журналов. – М.: Управление академической экспертизы НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/academexpert/journals>
12. Савицкая, Г.В. Теория анализа хозяйственной деятельности. – М., 2007. – 288 с.
13. Татаркин, А.И. Академический журнал: каким он видится из регионов / А.И. Татаркин // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – №12. – С. 182-185.
14. Третьякова, О.В. К вопросу об импакт-факторе научного журнала и методиках его формирования [Электронный ресурс] / О.В. Третьякова // Вопросы территориального развития. – 2014. – №5 (15). – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=3817>
15. Третьякова, О.В. Экономический журнал: проблемы и перспективы продвижения на национальном и международном уровне / О.В. Третьякова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – №3 (33). – С.209-222. DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.16
16. Garfield, E. The Agony and the Ecstasy – the History and the Meaning of the Journal Impact Factor. Report at the Fifth International Congress on Peer Review in Biomedical Publication [Electronic resource] / E. Garfield. – Chicago, 2005. – Available at: <http://garfield.library.upenn.edu/papers/jifchicago2005.pdf>.
17. Garfield, E. New Factors in the Evaluation of Scientific Literature Through Citation Indexing / E. Garfield, I. H. Sher // American Documentation. – 1963. – Vol. 14. – No. 3. – P. 195-201.
18. Garfield, E. Citation Indexes to Science: a New Dimension in Documentation Through Association of Ideas / E. Garfield // Science. – 1955. – Vol. 122. – No. 3159. – P. 108-111.
19. Garfield, E. The Evolution of the Science Citation Index/ E. Garfield // Contribution to Science. – 2009. – №5(1). – P. 63-70.
20. Hoeffel, C. Journal Impact Factors (letter) / C. Hoeffel // Allergy. – Vol. 53. – Iss. 12. – P. 1225.
21. Rousseau, R.L. Journal Evaluation: Technical and Practical Issues / R.L. Rousseau // Library Trends. – 2002. – Vol. 50. – No. 3. – P. 418-439.

Сведения об авторе

Ольга Валентиновна Третьякова – кандидат филологических наук, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, olga.tretyackova@yandex.ru)

Tret'yakova O.V.

Ranking of Scholarly Journals of Economic Institutes of the Russian Academy of Sciences

Ol'ga Valentinovna Tret'yakova - Ph.D. in Philology, Department Head, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, olga.tretyackova@yandex.ru)

Abstract. The paper presents the results of comparative ranking of the journals in economics and related disciplines issued by economic institutes of the Russian Academy of Sciences. The ranking is based on the analysis of the bibliometric data of the Russian Science Citation Index. The author substantiated the composition of indicators that, in the author's opinion, provide the most objective approach to evaluating the importance of the title in the scientific community, are the most transparent and make it easy to verify the results obtained. The ranking is based on an integral index calculated by the method of multidimensional comparative analysis. The index was calculated with the use of standardized coefficients, by normalizing the bibliometric indicators relative to the maximum values of the indicators under comparison. The data thus obtained helped distinguish the core consisting of ten leading journals in economics and related disciplines among those published by economic institutes of the Russian Academy of Sciences. These journals include publications with significant citation metrics and a wide range of contributors and readers. The degree of correlation between the final list and other rankings of economics journals proves that the composition of criteria proposed by the author and the method of aggregation makes it possible to obtain sufficiently accurate data suitable for ranking scientific journals.

Key words: scientific journals ranking, economic journal, economic institutions of RAS, bibliometric indicator, journal's impact factor, Russian Science Citation Index (RSCI).

References

1. Balatsky E.V. Rol' akademicheskikh zhurnalov: period neopredelennosti [The Role of Academic Journals: A Period of Uncertainty]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], 2011, no. 12, pp 164-166.
2. Balatsky E.V., Ekimova N.A. Opyt sostavleniya reitinga rossiiskikh ekonomicheskikh zhurnalov [The Experience of Ranking Russian Economic Journals]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2015, no. 8, pp. 99-115.
3. Bednyi B.I., Sorokin Yu.M. O pokazatelyakh nauchnogo tsitirovaniya i ikh primenenii [About Science Citation Indices and Their Applications]. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2012, no. 3, p. 23.
4. Gal'perin V.M., Ignat'ev S.M., Morgunov V.I. *Mikroekonomika: v 2-kh t.* [Microeconomics: in 2 Volumes]. Under general editorship of V. M. Gal'perin. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya shkola, 1999. Vol. 2. Pp. 168-169, 171.
5. Garfield E. Mozhno li vyyavlyat' i otsenivat' nauchnye dostizheniya i nauchnyuyu produktivnost'? [Can We Identify and Evaluate Scientific Achievements and Scientific Performance?]. *Vestnik AN SSSR* [Herald of the Academy of Sciences of the USSR], 1982, no. 6, pp. 42-50.
6. Kleiner G.B. Missiya akademicheskogo zhurnala: mezhdru fundamental'nost'yu i aktual'nost'yu [The Mission of an Academic Journal: Between Fundamental Approach and Topicality]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], 2011, no. 12, pp. 171-173.
7. Murav'ev A. A. K voprosu o klassifikatsii rossiiskikh zhurnalov po ekonomike i smezhnym distsiplinam [On the Issue of Classification of Russian Journals in Economics and Related Disciplines]. *Nauchnye doklady* [Scientific Reports]. Saint Petersburg: VShM SPbGU, 2012. No. 14 (R). 60 p.
8. Murav'ev A.A. O nauchnoi znachimosti rossiiskikh zhurnalov po ekonomike i smezhnym distsiplinam [On Scientific Value of Russian Journals in Economics and Related Fields]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2013, no. 4, pp. 130-151.
9. Pislyakov V.V. Metody otsenki nauchnogo znaniya po pokazatelyam tsitirovaniya [Methods for Assessing of Scientific Knowledge by Citation Indicators]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2007, no. 1, pp. 128-140.
10. Pislyakov V.V. Bibliometricheskie indikatory v resursakh Tomson Reuters [Bibliometric Indicators in the Thomson Reuters Information Resources]. In: Akoev M.A., Makrusova V.A., Moskaleva O.V., Pislyakov V.V. *Rukovodstvo po naukometrii: indikatory razvitiya nauki i tekhnologii: monografiya* [Guide to Scientometrics: Indicators of Development of Science and Technology: Monograph]. Yekaterinburg, 2014. Pp. 75-163.

11. *Proekt NIU VShE po ekspertnomu ranzhirovaniyu rossiiskikh nauchnykh zhurnalov* [NRU HSE Project on Expert Ranking of Russian Scientific Journals]. Moscow: Upravlenie akademicheskoi ekspertizy NIU VShE. Available at: <http://www.hse.ru/academexpert/journals>
12. Savitskaya G.V. *Teoriya analiza khozyaistvennoi deyatel'nosti* [Theory of Analysis of Economic Activity]. Moscow, 2007. 288 p.
13. Tatarkin A.I. Akademicheskii zhurnal: kakim on viditsya iz regionov [An Academic Journal as Seen From the Country Regions]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], 2011, no. 12, pp. 182-185.
14. Tret'yakova O.V. K voprosu ob impakt-faktore nauchnogo zhurnala i metodikakh ego formirovaniya [On the Issue of the Impact Factor of a Scientific Journal and Methods of Its Formation]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial Development Issues], 2014, no. 5 (15). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=3817>
15. Tret'yakova O.V. Ekonomicheskii zhurnal: problemy i perspektivy prodvizheniya na natsional'nom i mezhdunarodnom urovne [Economic Journal: Problems and Prospects of Promotion at the National and International Level]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 3 (33), pp. 209-222. DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.16
16. Garfield E. *The Agony and the Ecstasy – the History and the Meaning of the Journal Impact Factor. Report at the Fifth International Congress on Peer Review in Biomedical Publication*. Chicago, 2005. Available at: <http://garfield.library.upenn.edu/papers/jifchicago2005.pdf>.
17. Garfield E., Sher I. H. New Factors in the Evaluation of Scientific Literature Through Citation Indexing. *American Documentation*, 1963, vol. 14, no. 3, pp. 195–201.
18. Garfield E. Citation Indexes to Science: a New Dimension in Documentation through Association of Ideas. *Science*, 1955, vol. 122, no. 3159, pp. 108-111.
19. Garfield E. The Evolution of the Science Citation Index. *Contribution to Science*, 2009, no. 5 (1), pp. 63-70.
20. Hoeffel C. Journal Impact Factors (Letter). *Allergy*, vol. 53, no. 12, p. 1225.
21. Rousseau R.L. Journal Evaluation: Technical and Practical Issues. *Library Trends*, 2002, vol. 50, no. 3, pp. 418–439.

Изучение интеграции экономики и экологии в провинции Цзянси: подход к устойчивому развитию региона

Чжан Ихун

научный ассистент, магистр
Институт промышленной экономики Академии общественных наук
провинции Цзянси
г. Наньчан, Китай

I. Введение в проблему: теоретические основы и фактическое положение дел

На этапе быстрой индустриализации и урбанизации Китай неизбежно сталкивается с серьезной проблемой в достижении устойчивого развития — с тем, как скоординировать экономическое развитие и защиту окружающей среды, противоречия между которыми становятся все более заметными.

(1) Теоретические основы

Экономическая и экологическая системы являются самостоятельными и в то же время взаимозависимыми друг от друга, поскольку экономическое развитие основывается на природных ресурсах, а охрана окружающей среды и экологическое строительство в значительной степени зависят от экономического развития. Одностороннее экономическое развитие нарушит экологическое равновесие и приведет к ответной реакции со стороны природы, например, такой как последствия «очистки

после загрязнения» в западных странах или дымка, возникающая в некоторых более развитых провинциях Китая. Сами по себе экологическое строительство или охрана окружающей среды не смогут обеспечить развитие экономики или непрерывное улучшение уровня жизни людей, а будут порождать порочный круг «бедность — развитие за счет окружающей среды — бедность». Таким образом, необходимо обеспечить согласованное объединение экономической и экологической систем в целях интеграции экономики и экологии и достижения устойчивого развития.

(2) Приемлемый выбор

Развитые страны Запада в целом осознают, что интеграция экономики и экологии становится общемировой тенденцией и что ценности индустриальной цивилизации больше не отвечают современному экономическому и социальному развитию. Китай также четко осознает, что простое

экономическое развитие уже неприемлемо, поэтому начинает переходить на путь устойчивого развития, постепенно развивая экологическую экономику, низкоуглеродную экономику, экономику замкнутого цикла и т.д. Экономическое развитие провинции Цзянси в значительной степени основано на экстенсивном потреблении природных ресурсов. С исчезновением сравнительных преимуществ традиционных производств и появлением явных противоречий между устойчивым развитием экономики, экологическим и ресурсным потенциалом провинция сталкивается с двойной проблемой недостаточного развития и необходимостью экономической трансформации. Следовательно, необходимо ускорить интеграцию экономики и экологии и обеспечить долгосрочное и качественное развитие при минимальных затратах ресурсов и уменьшении негативного воздействия на окружающую среду, что является приемлемым выбором для провинции Цзянси в целях достижения ее устойчивого развития.

II. Основные преимущества и ограничения для интеграции экономического развития и охраны окружающей среды в провинции Цзянси

Устойчивость является важным показателем, который используется для измерения интегрированного развития региональной экономики и экологии. Основные преимущества и ограничения интегрированного развития региональной экономики и экологии можно определить исходя из пяти систем устойчивости (*табл. 1*).

Таблица показывает, что основное преимущество интегрированного экономического и экологического развития в провинции Цзянси — это хорошие условия жизнедеятельности, в то время как сдерживающим фактором является недостаточное развитие. Это можно определить следующим образом.

(1) Основные преимущества

1. Основное экологическое преимущество

В 2013 году площадь лесного покрова в провинции Цзянси достигала 63,1%, что вывело провинцию на первое место в Китае по данному показателю. В провинции были проведены мероприятия по экологической оценке воды и земли. Качество воды в провинции Цзянси соответствует стандартам для поверхностных вод на 80,8%, что почти на 10% выше, чем в среднем по стране. Оценка качества воды в реках Ухэ и Дунцзян показала, что вода в них соответствует II классу качества. Централизованная проверка качества городской питьевой воды показала её соответствие нормативам на 100%. Следовательно, качество окружающей среды провинции Цзянси остается одним из лучших в Китае. Из научных докладов «Прекрасный Китай: стандарт строительства провинции (2013)» и «Прекрасный Китай: стандарт строительства столиц провинций и городов субпровинциального значения (2013)» следует, что по показателям качества воздуха, водных ресурсов, водно-болотных угодий, биоразнообразия и др. провинция Цзянси и г. Наньчан входят в пятерку лучших регионов Китая.

2. Хорошая основа для экологической промышленности

Во-первых, провинция Цзянси занимает одно из первых мест в Китае по уровню экологичности сельского хозяйства. К концу 2013 года, в совокупности по показателям производства экологически чистых продуктов (1115), «зеленых» продуктов (480), органических продуктов (445) и показателю географического распространения сельскохозяйственной продукции (60), провинция Цзянси занимала 10 место в Китае (общий показатель, складывающийся из данных четырех показателей, равен 2100). Во-вторых, провинция ускоряет

Таблица 1. Рейтинг устойчивости 31 провинции Китая

Регион	1. Система поддержки жизнедеятельности		2. Система поддержки развития		3. Система защиты окружающей среды		4. Система социальной защиты		5. Система информационной поддержки		6. Потенциал устойчивого развития	
	Показатель	Место	Показатель	Место	Показатель	Место	Показатель	Место	Показатель	Место	Показатель	Место
Китай	106		116,3		102,2		111,3		111,8		109,5	
Пекин	106,6	14	126,1	3	104,1	6	117,6	1	116,8	1	114,3	1
Тяньцзинь	104,3	25	129,2	1	102,9	12	115,5	3	115,3	3	113,4	3
Хэбэй	103,9	26	117,1	11	101,2	21	111,8	13	107,8	27	108,4	22
Шаньси	102,1	29	114	23	99,4	27	111,4	16	109,6	17	107,3	24
Внутренняя Монголия	107,2	11	114,6	19	100,7	25	113,1	9	109,2	20	108,9	18
Ляонин	107,7	9	119,9	9	101,9	18	113,9	6	111,5	10	111,0	8
Цзилинь	107,8	6	116,2	12	101,1	22	112,8	10	110,4	14	109,6	12
Хэйлунцзян	109,5	2	115	16	102	17	113,5	7	111,6	9	110,3	11
Шанхай	102,6	28	127,6	2	105,8	3	116,3	2	115,5	2	113,5	2
Цзянсу	106,4	15	123,2	5	105,3	4	114,7	4	112,7	5	112,4	4
Чжэцзян	106,8	12	123,2	6	106	2	114,5	5	111,3	11	112,4	5
Аньхой	105,2	23	114,2	22	103,8	9	109,3	27	110,9	13	108,7	20
Фуцзянь	107,8	7	121,6	7	103,5	11	111,4	17	112,2	7	111,3	7
Цзянси	108,2	4	114,6	20	105,3	5	110,2	24	108,2	23	109,3	16
Шаньдун	106	17	121,2	8	102,5	14	113,3	8	110,4	15	110,7	10
Хэньань	105,4	20	115,3	15	101,6	20	111,5	14	108,2	24	108,4	21
Хубэй	106,1	16	115	17	104,1	7	111,2	19	111,3	12	109,6	13
Хунань	108,4	3	114,5	21	103,7	10	110,3	22	109,5	18	109,3	17
Гуандун	105,4	21	124	4	104	8	112	12	112,2	8	111,5	6
Гуанси	107,5	10	113,4	24	102,5	15	108,7	28	108	25	108,0	23
Хайнань	110,3	1	117,9	10	106,3	1	110,3	23	110,1	16	111,0	9
Чунцин	105,9	18	116,2	13	102,4	16	110	25	112,6	6	109,4	15
Сычуань	107,8	8	114,9	18	101,9	19	110,5	20	109,3	19	108,9	19
Гуйчжоу	102,7	27	109,9	28	101,1	23	108,7	29	107,9	26	106,1	28
Юньнань	105,1	24	110,6	26	102,6	13	108,3	30	107,3	28	106,8	26
Тибетский автономный район	108	5	97,8	31	97,2	31	105,2	31	98,7	31	101,4	31
Шаньси	105,3	22	116,1	14	100,9	24	112,3	11	113,2	4	109,5	14
Ганьсу	102	30	107,8	29	99,6	26	109,4	26	109,2	21	105,6	29
Цинхай	105,7	19	106,9	30	98,9	29	110,4	21	105,6	30	105,5	30
Нинся	102,0	31	110,5	27	99,1	28	111,3	18	109,1	22	106,4	27
Синьцзян	106,8	13	111,1	25	98,8	30	111,5	15	106,9	29	107,0	25

Составлено по: Отчет об устойчивом развитии Китая за 2014 год.

темпы новой индустриализации. В 2013 году основная производственная прибыль десяти новых стратегических отраслей достигла 81,9 млрд. долларов США, с ежегодным ростом 17%, а также наблюдался 6,2%-ный рост доходов промышленности в провинции со ставкой взноса в размере 37,5%. В-третьих, быстро развивается современная сфера услуг. Сфера услуг в провинции получила дополнительный доход 37,1 млрд. долларов США, и ее доля в ВВП провинции выросла на 0,69% – с 15,34% в 2012 году до 16,03% в 2013 году.

3. Богатый опыт в практике охраны окружающей среды

Провинциальный комитет Коммунистической партии КНР и Правительство провинции всегда уделяли большое внимание защите окружающей среды и экологическому строительству. В 1980-х годах провинция Цзянси начала реализацию проекта «Гора–река–озеро». С началом нового века провинция разрабатывает концепцию развития, которая говорит о том, что чистая вода и зеленые горы гораздо более важны, чем «золотые горы» и «серебряные горы». После 17-го Национального съезда Коммунистической партии КНР на первый план была выдвинута стратегия экологического и «зеленого» развития провинции. На 13-м Провинциальном съезде членов партии была поставлена масштабная задача построения «богатой, гармоничной и красивой провинции Цзянси». И на первом заседании 12-го Съезда Всекитайского собрания народных представителей правительство провинции Цзянси также поставило важную цель, согласно которой строительство экологической цивилизации в провинции должно выйти на лидирующие позиции в стране в ближайшие пять лет. Благодаря реализации данных стратегических мер удалось достичь интеграции углубленного

экологического и экономического развития и приобрести богатый практический опыт в сфере охраны окружающей среды.

(2) Ограничения

1. Недостаточный уровень экономического развития – экономическое ограничение интегрированного экономического и экологического развития провинции Цзянси.

В 2013 году ВВП на душу населения в провинции Цзянси составлял 5119,69 доллара США, что эквивалентно 75,8% от среднего показателя по стране, и по большинству экономических индикаторов провинция оказалась в конце рейтинга центральных регионов и страны в целом. Поэтому необходимо понимать, что фундаментальных изменений в провинции Цзянси не произошло, она по-прежнему является слаборазвитым регионом, и ее слабый экономический фундамент не может обеспечить финансовую поддержку экологического строительства путем преобразования больших объемов средств.

2. Низкий уровень урбанизации – социальное ограничение экономической и экологической интеграции в провинции Цзянси.

Уровень урбанизации является важным показателем системы социальной поддержки, он также оказывает значительное влияние на интеграцию экономического и экологического развития провинции Цзянси. В 2013 году темпы урбанизации в провинции составляли 48,87% (19-е место в Китае) что почти на 5% ниже, чем в целом по стране. Детальная информация представлена в *таблице 3*.

3. Недостаточный потенциал для самостоятельной инновационной деятельности – информационное ограничение интегрированного экономического и экологического развития провинции Цзянси.

Таблица 2. Рейтинг провинций, городов центрального подчинения и автономных районов по показателю ВВП на душу населения в 2013 г.

Территория	ВВП на душу населения (долл. США)	Позиция	Территория	ВВП на душу населения (долл. США)	Позиция
Тяньцзинь	15760,74	1	Хэйлунцзян	6057,3	17
Пекин	14888,93	2	Синьцзян	6003,48	18
Шанхай	14442,33	3	Хунань	5913,11	19
Цзянсу	12031,87	4	Цинхай	5871,43	20
Чжэцзян	11033,26	5	Хайнань	5674,77	21
Нэймэнгу	10881,93	6	Шаньси	5605,63	22
Ляонин	9959,38	7	Хэнань	5515,91	23
Гуандун	9430,15	8	Сычуань	5230,37	24
Фуцзянь	9309,68	9	Цзянси	5119,69	25
Шаньдун	9071,59	10	Аньхой	5098,28	26
Цзилинь	7618,57	11	Гуанси	4919,64	27
Шаньси	6883,59	12	Тибетский автономный район	4234,33	28
Чунцин	6880,95	13	Юньнань	4062,13	29
Хубэй	6868,7	14	Ганьсу	3919,47	30
Нинся	6331,19	15	Гуйчжоу	3691,47	31
Хэбэй	6232,1	16	Китай	6750,1	–

Таблица 3. Рейтинг провинций, городов центрального подчинения и автономных районов по темпам урбанизации в 2013 г.

Регион	Коэффициент урбанизации, %	Место	Регион	Коэффициент урбанизации, %	Место
Шанхай	88,02%	1	Шаньси	51,31%	17
Пекин	86,30%	2	Хайнань	51,10%	18
Тяньцзинь	78,28%	3	Цзянси	48,87%	19
Гуандун	67,76%	4	Цинхай	48,51%	20
Ляонин	66,45%	5	Хунань	47,96%	21
Чжэцзян	62,96%	6	Аньхой	47,86%	22
Цзянсу	62,85%	7	Хэбэй	46,51%	23
Фуцзянь	60,76%	8	Сычуань	44,90%	24
Нэймэнгу	58,71%	9	Гуанси	44,82%	25
Чунцин	58,34%	10	Синьцзян	44,47%	26
Хэйлунцзян	56,90%	11	Хэнань	42,40%	27
Хубэй	54,51%	12	Ганьсу	40,13%	28
Цзилинь	54,20%	13	Юньнань	39,31%	29
Шаньси	52,56%	14	Гуйчжоу	37,83%	30
Шаньдун	52,17%	15	Тибетский автономный район	22,75%	31
Нинся	52,02%	16	Китай	53,70%	–

Таблица 4. Рейтинг провинций, городов центрального подчинения и автономных районов по показателю регионального инновационного потенциала в 2013 г.

Регион	Сводный показатель регионального инновационного потенциала	Место	Регион	Сводный показатель регионального инновационного потенциала	Место
Цзянсу	57,58	1	Хайнань	24,10	17
Гуандун	53,00	2	Нэймэнгу	23,73	18
Пекин	50,73	3	Хэйлуцзян	23,55	19
Шанхай	47,18	4	Цзянси	23,53	20
Чжэцзян	42,40	5	Гуанси	23,06	21
Шаньдун	37,73	6	Хэбэй	23,02	22
Тяньцзинь	36,13	7	Цзилинь	22,64	23
Чунцин	33,88	8	Гуйчжоу	22,60	24
Аньхой	29,75	9	Ганьсу	22,20	25
Фуцзянь	29,33	10	Шаньси	21,68	26
Ляонин	28,85	11	Юньнань	21,32	27
Хубэй	28,71	12	Синьцзян	20,39	28
Хунань	28,25	13	Нинся	20,32	29
Шаньси	27,68	14	Цинхай	17,65	30
Сычуань	27,16	15	Тибетский автономный район	17,39	31
Хэнань	26,21	16	–	–	–

После проведения реформ и принятия политики открытости, способность к самостоятельному производству инноваций в провинции Цзянси развивается, но остается на низком уровне. Как показано в «Докладе о состоянии региональной инновационной энергетики Китая в 2013 году», по уровню регионального инновационного потенциала провинция Цзянси занимает 20-е место из 35. Более подробная информация представлена в *таблице 4*.

4. Правительственная оценка эффективности развития с акцентом на показателях ВВП – самое значительное ограничение интегрированного экономического и экологического развития провинции Цзянси.

За более чем 30 лет проведения реформ и политики открытости провинция Цзянси добилась значительных успехов в экономическом развитии. Тем не менее органы

охраны окружающей среды провинции в основном просто применяют санкции к предприятиям, серьезно загрязняющим окружающую среду, что не будет непосредственно сдерживать экономический рост. Проблема заключается в стремлении обеспечить экономический рост любыми способами, в частности, в оценке роста ВВП.

III. Пути достижения интегрированного экономического и экологического развития провинции Цзянси

Для достижения интегрированного экономического и экологического развития провинция Цзянси должна сосредоточить усилия на улучшении экономических выгод и создать национальную экологическую цивилизацию, превратив экологические преимущества ресурсов в рыночные конкурентные преимущества, осваивая и развивая новые рынки, и за счет этого достичь устойчивого развития.

(1) Акцент на приоритете защиты окружающей среды и создании гармоничной экологической системы

Во-первых, необходимо активно выполнять инженерные работы в рамках проектов «Лес в городских и сельских районах» и «Зеленый коридор», постоянно повышать уровень озеленения городских и сельских районов и таким образом создать зеленый экологический барьер в провинции Цзянси. Во-вторых, следует ускорить процесс восстановления экологии, уделять больше внимания созданию районов сохранения экологии истоков рек в природном заповеднике озера Поянху и реки Дунцзян, сосредоточиться на строительстве и защите экологически уязвимых областей, таких как экологические резервы истоков рек Чжан и Гун, район реки Ганьцзян, горы Уишань и Лосяо и т.д. Необходимо также восстанавливать и защищать водно-болотные экосистемы — озеро Поянху и ботанический сад «Озеро фей». В-третьих, — предотвращать загрязнение окружающей среды и осуществлять контроль над ее состоянием в ключевых областях, обеспечить строительство очистных сооружений в пяти шахтах, в том числе в районе добыче редкоземельных металлов Ганьнань, в районе добычи вольфрама Ганьнань, в районе добычи меди и золота в северо-восточной части провинции Цзянси, в районе добычи меди и золота Цзюжуй, в районе добычи железной руды в центральном районе провинции Цзянси. Требуется усилить контроль над загрязнением воздуха, неточечными источниками загрязнения и промышленными точечными источниками загрязнения и обеспечить контроль над загрязнением воды в реках Ухэ и Дунцзян и т.д.

(2) Необходимость «зеленого» развития и построения эффективной эколого-экономической системы с низким потреблением ресурсов

Экологическая экономика — это лучшее связующее звено для продвижения экономической и экологической интеграции. Во-первых, она требует развития стратегически новых отраслей промышленности масштаба и формирования нескольких новых ключевых отраслей промышленности для обеспечения будущего развития. Во-вторых, — перестройки и модернизации традиционных конкурентоспособных отраслей, активного развития круговой экономики и преобразования традиционных конкурентоспособных отраслей в современные отрасли, уделяющие внимание охране окружающей среды и развитию высокотехнологичной передовой обрабатывающей промышленности. В-третьих, необходимо активно развивать различные виды туризма. В-четвертых, — повысить эффективность экологического сельского хозяйства, содействовать развитию стандартизированного производства и управления в сельском хозяйстве, формировать производственную базу для экологически чистой сельскохозяйственной продукции, «зеленых» и органических продуктов питания и создать серию «зеленых» экологических брендов, известных в стране и за рубежом.

(3) Необходимость урбанизации и расширения пространства для развития интеграции экономики и экологии

Необходимо взять за основу урбанизацию, ориентированную на человека, как ядро для развития нового типа городского строительства, которое предоставляет новые возможности для фермеров переезжать в города и жить лучшей жизнью. Во-первых, требуется совершенствовать тренинги по занятости и предпринимательству для перемещения рабочей силы. Следует разработать систему обучения целенаправленно перемещенной сельской рабочей силы для того, чтобы рабочие

могли получить новые знания, навыки и опыт, освоить новые технологии, а также для повышения оплаты их труда. Во-вторых, требуется усовершенствовать реформу системы регистрации жителей: смягчить условия получения регистрации в качестве городского жителя, закрепить статус городских жителей за сельским населением, легально проживающим в городах и имеющим там постоянную работу, и постепенно отказаться от двойной системы регистрации домашних хозяйств. В-третьих, необходимо усовершенствовать систему социального обеспечения. Должна быть реализована политика предоставления равных возможностей для всех групп граждан, например для того, чтобы фермеры, переезжающие в город, могли наравне с городскими жителями работать, получать медицинскую помощь, иметь жилье и пенсионное обеспечение. Таким образом, это станет гарантией того, что дети трудящихся сельских мигрантов, переехавших в города, смогут пользоваться правом на обязательное образование и иметь такие же права, как местные городские студенты (например, относительно требований для поступающих в учебные заведения). В-четвертых, необходимо усовершенствовать политику передачи сельских земель, благодаря чему фермеры станут полноправными гражданами. Правительство должно предоставить им информацию, правовую базу и юридические услуги и довести до их сведения, что передача права землепользо-

вания должна происходить исключительно на добровольной основе и сопровождаться компенсацией в соответствии с законодательством, с тем чтобы освободить их от беспокойства по этому поводу после переезда в город.

(4) Внедрение инновационных решений в систему оценки деятельности органов власти и повышение результативности работы органов власти

В соответствии с решением 3-го Пленума 18-го Съезда ЦК КПК, необходимо совершенствовать и продвигать систему оценки эффективности экономической деятельности, отказаться от простой оценки деятельности органов власти на основе темпов экономического роста и ориентации только на показатели ВВП и его объем. Целесообразно акцентировать внимание на некоторых показателях, таких как: потребление ресурсов, экологический ущерб, экологические преимущества, избыток производственных мощностей, технологические инновации, безопасность производства, долги и т.д. В то же время необходимо установить разные оценки целей, касающихся строительства экологической цивилизации, т.е. способствовать развитию в различных областях, ограничивать или запрещать развитие в некоторых районах, совершенствовать региональные стандарты и формировать систему оценки целей и задач, а также способствовать разработке и реализации конкретных политических мер поддержки.

Литература

1. Unswervingly Advance Along the Road of Socialism with Chinese Characteristics for Building a Moderately Prosperous Society in All Respects // *People's Daily*. – 2012. – No. 11. – P. 18.
2. A Report on Jiangxi Provincial People's Government Work in 2013 // *Jiangxi Daily*. – 2013. – No. 2. – P. 6.
3. Biaohong Tao, Gengying Jiao. An Analysis on Construction of Ecological Economic System of Jiangxi Province // *Truth Seeking*. – 2010. – No. 1.
4. Yancheng Wu. Promoting the Synchronized Development of Eco-Building and Economy // *Farmers Daily*. – 2012. – No. 8. – P. 29.

Сведения об авторе

Чжан Ихун – научный ассистент, магистр, Институт промышленной экономики Академии общественных наук провинции Цзянси (г. Наньчан, Китай)

Zhang Yihong

Case Study of Integration of Economy and Ecology in Jiangxi: an Approach to Regional Sustainable Development

Zhang Yihong – Assistant Researcher, Master, Institute of Industrial Economics, Jiangxi Academy of Social Sciences (Nanchang, China)

References

1. Unswervingly Advance Along the Road of Socialism with Chinese Characteristics for Building a Moderately Prosperous Society in All Respects. *People's Daily*, 2012, no. 11, p. 18.
2. A Report on Jiangxi Provincial People's Government Work in 2013. *Jiangxi Daily*, 2013, no. 2, p. 6.
3. Biaohong Tao, Gengying Jiao. An Analysis on Construction of Ecological Economic System of Jiangxi Province. *Truth Seeking*, 2010, no. 1.
4. Yancheng Wu. Promoting the Synchronized Development of Eco-Building and Economy. *Farmers Daily*, 2012, no. 8, p. 29.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

DOI: 10.15838/esc/2015.5.41.13

УДК 314.3:314.6, ББК 60.723

© Шишкина М.А.

Влияние особенностей репродуктивного поведения населения Республики Коми на функционирование института родительства*

**Мария Александровна
ШИШКИНА**

аспирант

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26,
shishkina@iespn.komisc.ru

Аннотация. В статье исследованы особенности репродуктивного поведения населения Республики Коми. Описана динамика количественных показателей рождаемости. Проанализированы качественные характеристики репродуктивного поведения населения Республики Коми и определен характер их влияния на состояние института родительства. Даются определения понятий «репродуктивное поведение», «родительство», устанавливается их взаимосвязь. Цель исследования – выявление процессов и явлений, которые характеризуют качественный аспект репродуктивного поведения населения, наличие которых может оказывать неблагоприятное воздействие на функционирование института родительства, для выработки рекомендаций по их минимизации. Для достижения цели исследования на основе статистических данных был проанализирован ряд демографических процессов и явлений, характерных для Республики Коми и оказывающих неблагоприятное влияние на функционирование института родительства, осуществлена попытка установить причинно-следственные связи этих явлений. По итогам исследования установлено, что число детей, родившихся у несовершеннолетних матерей, уменьшается, однако уровень несовершеннолетнего материнства остается выше общероссийского. Представлены гипотетические причины деторождения девушками в несовершеннолетнем возрасте. Неблагоприятное воздействие на функционирование института родительства оказывает наличие значительного числа неполных, преимущественно материнских, семей с несовершеннолетними детьми. Их доля увеличивается вследствие высокого уровня внебрачной рождаемости, разводимости семей на ранних этапах

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-02-00355 «Влияние федеральных и региональных мер демографической политики на репродуктивные установки населения и перспективы рождаемости»).

становления брака, существенных показателей смертности мужчин в трудоспособных возрастах. Подняты проблемы патеральной депривации, разделения биологического и фактического родительства, описан феномен распространения официально не зарегистрированных браков. Проанализирован родительский потенциал внебрачного материнства на основе данных о доле рождений, зарегистрированных по заявлению обоих родителей либо одной матери. Результаты исследования показали, что, несмотря на улучшение количественных показателей рождаемости в последние годы, некоторые качественные характеристики репродуктивного поведения населения Республики Коми требуют оптимизации. С учетом региональной специфики автором статьи предложены меры, необходимые для сокращения уровня и распространенности демографических процессов и явлений, несущих в себе риск негативно отразиться на функционировании института родительства.

Ключевые слова: репродуктивное поведение; несовершеннолетнее материнство; внебрачная рождаемость; разводимость; гендерный дисбаланс; институт родительства; задачи демографической политики.

С начала 2000-х годов процессы рождаемости приобрели в Республике Коми стойкую динамику роста. Благоприятную роль в формировании позитивных перемен сыграло, с одной стороны, улучшение возрастной структуры репродуктивных контингентов. В активный репродуктивный возраст в этот период вошли многочисленные поколения, рожденные в 1980–1986 гг., обладающие к тому же довольно высокими репродуктивными стандартами. С другой стороны, – стабилизация социально-экономической ситуации в стране, сильно контрастировавшая с кризисом, который продлился практически все 1990-е годы. С середины 2000-х годов к этим факторам добавился еще один, имеющий важнейшее значение в улучшении демографической ситуации в стране и в Республике Коми, в том числе государственная демографическая политика, а именно введение материального стимулирования рождений второй очередности в рамках материнского (семейного) капитала на федеральном уровне, а с 2011 г. – третьих рождений – на региональном уровне.

Активизация политических инициатив привела к значительным изменениям в

календаре рождений: произошла реализация рождений, отложенных когортами женщин старших репродуктивных возрастов, а также уплотнение графика рождений среди молодых поколений. В итоге в 2011 г. естественная убыль населения сменилась в республике естественным приростом. Уже в 2012 г. было зарегистрировано 14 родившихся на 1000 человек населения, тогда как в рамках Концепции демографического развития Республики Коми планируется повышение уровня рождаемости не менее чем 13,2 родившихся на 1000 населения к 2015 г. [10]. При этом основные показатели уровня рождаемости в Коми выше общероссийского уровня. Так, в 2013 г. общий коэффициент рождаемости составил в республике 14,2‰, что на 7,6% выше, чем в целом по стране. Дифференциация суммарного коэффициента рождаемости между республиканским и общероссийским уровнем также растет с 2011 г. с увеличивающимися темпами в пользу республики. В 2013 г. в среднем по России на одну женщину репродуктивного возраста в течение всего периода деторождения приходилось 1,71 ребенка, в Коми – 1,97, т.е. разница составила 15,2%. Безусловно, увеличение количественных показателей рождаемости, ее

интенсивности, реализация населением отложенных рождений занимают важнейшее место в решении проблемы самосохранения северных территорий.

Однако более глубокий взгляд на рождаемость как на процесс воспроизводства новых поколений подразумевает и обращение к анализу качественных аспектов рождаемости. И если в узком смысле под репродуктивным поведением подразумевается «система действий и отношений и психических состояний личности, связанных с рождением или отказом от рождения детей любой очередности, в браке или вне брака» [14, с. 384–386], то в широком смысле это понятие включает «уход за детьми, их воспитание и обучение, а также приобретение взрослыми индивидами новых социальных и психологических свойств» [5, с. 369]. Иными словами, в последнем из приведенных определений понятия «репродуктивное поведение» уделяется внимание и родительству как таковому. Тем самым признается значимость не только воспроизводства новых поколений, выражающегося в количественных аспектах рождаемости, но и вовлеченности родителей в процесс воспитания и развития детей, выступающей их закономерной обязанностью после рождения ребенка.

В широком смысле родительство «представляет собой сложное социальное образование, являющееся структурным элементом общества, выполняющее в нем специфические функции и взаимодействующее как с обществом в целом, так и с отдельными его элементами. Родительство можно охарактеризовать как совокупность субъектов, многоплановых, разнохарактерных отношений, событий, процессов, социальной практики, которая формируется и поддерживается обществом, а также постоянно возобновляется в процессе жизнедеятельности людей, осваивающих социальность

и интегрирующихся в социум. В рамках института родительства реализуются роли отца, матери, родителя, ребенка, сына, дочери и т.д., каждая из которых обладает своим социальным, правовым, экономическим статусом» [15, с. 43].

Как пишут Э.М. Лушенко и С.И. Некрасов, «родительство – сложное социальное явление, уникальное как для отдельного человека, так и для общества в целом. Выступая, с одной стороны, необходимым условием обеспечения воспроизводства будущих поколений, а с другой – элементом личностной сферы человека, родительство является одной из наиболее значимых ценностей культуры. В общении с родителями, в процессе совместной деятельности с ними ребенок усваивает первые понятия о мире, об обществе, приобщается к человеческой культуре, приобретает индивидуальные черты, которые постепенно образуют неповторимые личные качества. И социальность для него представлена первоначально, главным образом, родителями» [12, с. 124]. С появлением в семье ребенка, становясь родителями, супруги приобретают ряд обязанностей по отношению к нему. Так, в главном документе страны, регулирующем семейные отношения, – Семейном кодексе Российской Федерации – установлено, что «родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей» [18].

С позиции понимания репродуктивного поведения в широком смысле цель настоящей статьи заключается в определении процессов и явлений, характеризующих качественный аспект репродуктивного поведения населения (их наличие может оказывать неблагоприятное воздействие

на функционирование института родительства в Республике Коми), для выработки практических рекомендаций по их разрешению. Для достижения поставленной цели необходима реализация таких задач, как: анализ динамики ряда процессов и явлений, характеризующих качественный аспект реализации репродуктивного поведения населения; определение характера влияния данных демографических процессов на функционирование института родительства; изучение имеющихся взглядов и мнений исследователей в данной области на поставленную в статье проблематику.

Актуальность изучения репродуктивного поведения населения с этих позиций сложно переоценить, поскольку в рамках действующих федеральных законодательных актов, направленных на совершенствование просемейной и демографической политики, акцент сделан именно на реализации комплекса мер, направленных на «создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе, поддержание социальной устойчивости каждой семьи» [9], «укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений» [11].

Концепция государственной семейной политики Российской Федерации до 2025 года провозглашает следующие традиционные семейные ценности: «ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся

добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению» [9].

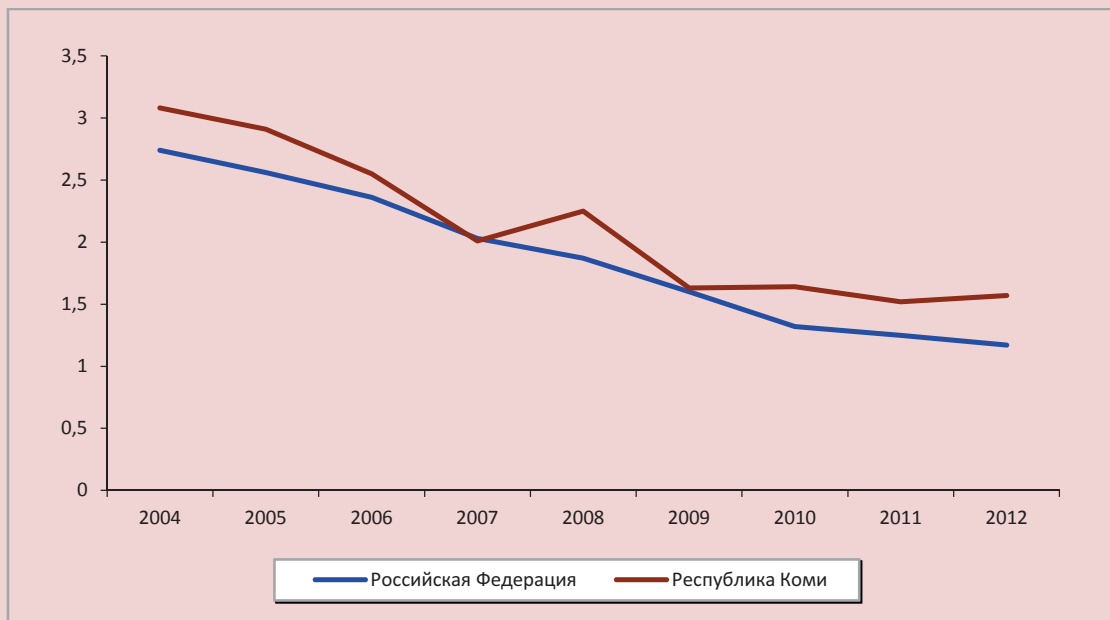
Анализ статистических данных, касающихся качественных аспектов репродуктивного поведения, свидетельствует о наличии ряда проблемных процессов и явлений в этой области.

Так, судя по доступным данным, несмотря на положительную динамику несовершеннолетнего материнства, наблюдающуюся в последние годы, вклад рождений девушками в возрасте до 17 лет в общую структуру рождаемости по-прежнему выше общероссийского уровня (*рис. 1*).

Можно выделить несколько гипотетических причин деторождения девушками в несовершеннолетнем возрасте. Во-первых, рождение детей девочками в младшем и старшем подростковом возрасте — это результат безответственного отношения к родительству части взрослого населения. Восприятие рождения ребенка как шага, требующего всей полноты ответственности и осознанности, формируют у детей подросткового возраста их родители, и прежде всего собственным примером, а также беседами со взрослеющим подростком по данной тематике.

Если в семье оба этих компонента выполняются, риск юного материнства практически отсутствует. Во-вторых, раннее начало половой жизни у подростков может быть вызвано стремлением к испытанию чувства любви. Желание быть взрослой и любимой в сознании девочки-подростка может быть сведено до максимума, в таких условиях отказ в сексуальных отношениях становится сложным и даже нежелательным, поскольку несовершеннолетняя девушка сама начинает проявлять интерес к данной стороне человеческих отношений. В

Рисунок 1. Доля родившихся живыми у матерей в возрасте 17 лет и моложе в общей структуре рождений в Российской Федерации и Республике Коми, 2004–2012 гг., в % от общего числа родившихся

Рассчитано по: Демографический ежегодник России, 2005–2013 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312

результате в условиях регулярной сексуальной активности у несовершеннолетней девочки наступает желанная либо нежеланная, незапланированная беременность.

В-третьих, в условиях пропаганды в средствах массовой информации сексуальной вседозволенности и раскрепощенности ранние сексуальные отношения часто воспринимаются как некий идеал, норма в подростковой и молодежной среде, а транслируемый лозунг «попробовать все и как можно раньше» часто не предполагает несения ответственности за последствия. Ряд авторов в своих трудах также выражают значимость воздействия средств массовой информации на формирование норм репродуктивного поведения молодого поколения. Так, Е.И. Зритнева отмечает, что в современных условиях «продукция средств

массовой информации целенаправленно сексуализируется, формируется легкомысленное отношение к сексуальным связям. В результате тысячи несовершеннолетних девочек ежегодно рожают детей вне брака и пополняют ряды неполных, чаще неблагополучных семей» [7, с. 150]. Е.С. Сметанина в рамках социологического анализа проблемы рождаемости в России пишет, что «дети, особенно подростки, впитывают демонстрируемые современными СМИ ценности на подсознательном уровне и воспринимают их как норму жизни. Вот почему родители, а в определенной степени и общественность, должны оградить подрастающее поколение от пагубного влияния» [20, с. 111]. Следует подчеркнуть, что, несмотря на представленный перечень гипотетических причин, вносящих свой вклад в динамику несовершеннолетнего

материнства, необходимо более глубоко, социологическими методами исследовать этот феномен для формирования более полных знаний о причинно-следственных связях в этой области.

Анализируя феномен несовершеннолетнего материнства с позиции его влияния на институт родительства, стоит отметить, что юные матери, особенно те из них, которые забеременели в раннем подростковом возрасте, в процессе своего становления в материнской роли часто вынуждены сталкиваться с многими разноплановыми проблемами. Во-первых, после рождения ребенка перед юной матерью остро встают вопросы его материального обеспечения всем необходимым для жизни и развития. Теперь не только юная мать, но и ее ребенок находится на иждивении либо своих родителей — если ребенок родился в семье, либо государства — если ребенок родился у подростка, оставшегося без попечения родителей. Во-вторых, девочка-подросток, ожидающая ребенка, может испытывать психологическое давление и дискомфорт из-за непонимания и осуждения ее родителями, сверстниками и учителями, в связи с чем беременность может утаиваться девочкой и тяжело переноситься.

В-третьих, социализирующий аспект юного материнства также находится на низком уровне. Являясь еще ребенком, не прошедшим все этапы собственной социализации, несовершеннолетняя мать зачастую не обладает необходимым социальным и внутриличностным опытом, знаниями, умениями и навыками, которые она могла бы передать растущему ребенку. Часто несовершеннолетняя мать вынуждена растить ребенка без мужа. Проблема здесь состоит не столько в том, что около 80% рождений несовершеннолетними матерями осуществляется вне брака — это можно изменить в будущем, если отец при-

знает ребенка, а в том, что у юных матерей преобладают рождения, зарегистрированные по заявлению одной матери. Так, в 2013 г. такие рождения составили 60% рождений из тех, что были произведены вне брака, или 46,4% из общего числа рождений юными матерями [6, с. 18]. Однако, несмотря на вышеперечисленные причины, которые приводят юную мать к беременности, и факторы, негативно воздействующие на несовершеннолетнее материнство, безусловно, самоценным остается решение юной матери сохранить беременность, поскольку при внешней помощи родительской семьи, близкого окружения, а также государственных служб помощи, особенно на первых этапах после рождения ребенка, она может вполне успешно реализовать себя в родительской роли.

Значительная доля неполных, преимущественно материнских, семей в общей структуре семей Республики Коми влечет за собой распространение патеральной депривации среди детей, проблему разделения биологического и фактического отцовства. Причин распространения неполных семей в Республике Коми — несколько. Первая кроется в достаточно высоком уровне внебрачной рождаемости. Оценивая динамику внебрачной рождаемости, следует сказать, что ее рост наметился еще с первой половины 1980-х годов и что только со второй половины 2000-х годов ее уровень начал плавно снижаться. В сравнении с максимальным значением внебрачной рождаемости, наблюдавшимся в Коми в 2005 г., к 2013 г. доля внебрачных рождений снизилась по республике в целом с 42,3 до 31,9%, среди городского населения — с 38,7 до 27,6%, среди сельского — с 53,5 до 42,9%. Тот факт, что пик внебрачной рождаемости пришелся на первую половину 2000-х годов, можно связать с

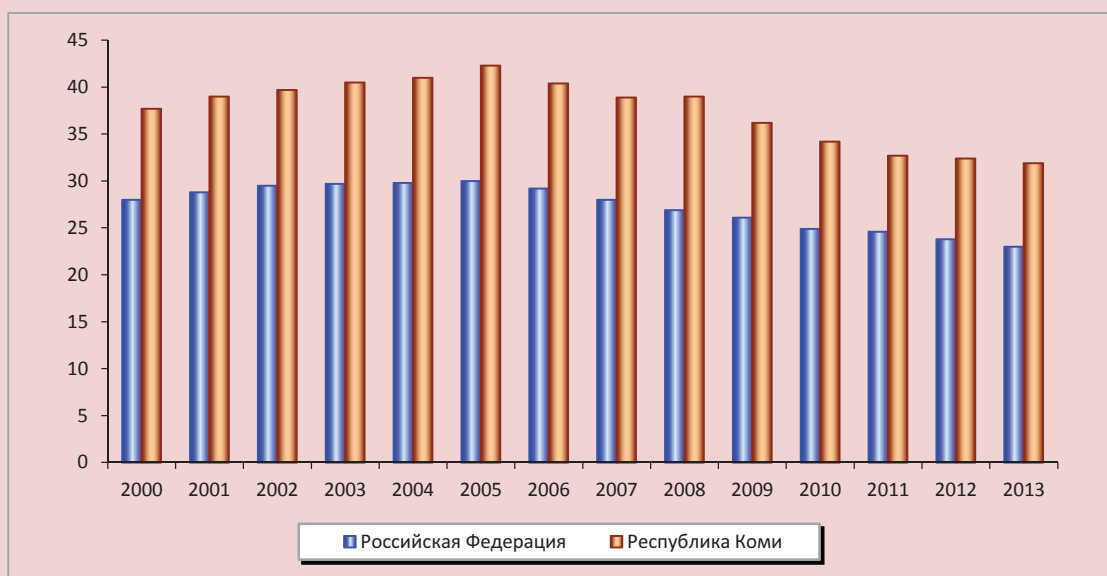
началом роста уровня рождаемости как такового. Население, сдерживавшее воплощение своих репродуктивных планов в тяжелые для жизни 1990-е годы, приступило к активной реализации отложенных рождений, в том числе и вне брака.

Тем не менее позитивные подвижки данного показателя не свидетельствуют пока об устранении актуальности проблемы внебрачных рождений в республике, особенно если сравнивать ее уровень с общероссийским. Безусловно, проблема внебрачной рождаемости крайне актуальна не только для Республики Коми, но и для России в целом, если посмотреть темпы ее распространения в долгосрочной динамике. Доля внебрачных рождений в общей структуре рождаемости как в России, так и в Республике Коми достигла своего максимума в 2005 г., увеличившись по сравнению с 1990 г.: на общероссийском уровне – в 2,05 раза (с 14,6 до 30,0%), а в Республике

Коми – в 2,55 раза (с 16,6 до 42,3%) [16, с. 12; 4; 17, с. 7; 2, с. 46]. С 2005 г. этот показатель постепенно снижается, и в 2013 г. процент внебрачных рождений в Российской Федерации составил 23,0, в Коми – 31,9. Как видим, несмотря на общую тенденцию к снижению, проблема внебрачной рождаемости в Республике Коми остро строит и в двадцать первом столетии: с начала 2000-х годов уровень внебрачной рождаемости в республике ежегодно превышает общероссийский в среднем в 1,4 раза (рис. 2).

Данные Всероссийской переписи населения за 2002 и 2010 гг. также свидетельствуют о значительном увеличении доли незарегистрированных брачных союзов за межпереписной период. Так, если в 2002 г. из всего населения, состоявшего в браке, только 14,1% находились в незарегистрированном союзе, то уже в 2010 г. данный показатель вырос до 19,8%, иными словами, почти каждая пятая семья в

Рисунок 2. Динамика удельного веса внебрачных рождений в общей структуре рождений в Российской Федерации и в Республике Коми, 2000–2013 гг., в %

Источники: Демографический ежегодник России, 2002–2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312; Демографический ежегодник Республики Коми. 2014: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2014. – С. 46.

республике не была оформлена юридически [8, с. 49]. Распространение внебрачных союзов в Республике Коми стало еще одним фактором, препятствующим сближению показателей внебрачной рождаемости с общероссийским уровнем.

Анализ структуры внебрачной рождаемости по очередности рождения показал, что в республике в 2013 г. из 3972 детей, рожденных вне брака, подавляющую часть составляют первые (52%) и вторые (34%) рождения. Возрастная структура внебрачной рождаемости такова, что основной вклад в нее вносят женщины, находящиеся в активных брачных и репродуктивных возрастах. Так, в 2013 г. из всех детей, рожденных вне брака, 27,0% были произведены женщинами в возрасте 20–24 лет, 29,2% – 25–29 лет, 19,1% – 30–34 года. Тот факт, что в структуре внебрачной рождаемости преобладают рождения низкой очередности, которые в основном реализуют женщины в возрастах максимальной брачности и репродуктивной активности, Е.С. Митрофанова объясняет следующим образом: «Начиная с последнего десятилетия XX века, случайная беременность перестает служить достаточным поводом для регистрации брака, а, значит, меняется и само отношение к добрачному сексуальному поведению» [13, с. 522]. С.И. Голод также считает, что «постоянство, с которым в относительно большей мере воспроизводится материнская модель, несомненно, указывает на либерализацию общественного мнения по отношению к родительнице, имеющей ребенка от юридически неоформленного отца» [1, с. 118].

В условиях широкого распространения внебрачной рождаемости выявление социализирующего потенциала семей, в которых рождаются данные дети, с помощью анализа доли рождений, зарегистрированных обоими родителями либо одной

матерью, становится крайне важной задачей. Благоприятным с этой точки зрения является тот факт, что в Республике Коми на протяжении периода с 1995 по 2013 г. преобладают внебрачные рождения, зарегистрированные по заявлению обоих родителей. Их доля даже выше, чем в России, где с 1970-х годов преобладают рождения по заявлению матери. Так, на общероссийском уровне из всех родившихся вне брака в 2012 г. 47,5% были зарегистрированы по заявлению обоих родителей, в 2013 г. – 50,2%. В то время как в Республике Коми доля совместно зарегистрированных внебрачных рождений составила 56,7% в 2012 г. и 59,2% в 2013 г.

Преобладание рождений, зарегистрированных обоими родителями, безусловно, является положительной характеристикой внебрачной рождаемости в Республике Коми, поскольку в этом случае «отец официально признает ребенка и берет на себя определенные родительские обязанности. Большинство подобных рождений можно трактовать либо как рождения в фактических брачных союзах с обоими родителями, часть из которых впоследствии будет зарегистрирована официально, либо как рождения в визитных семьях, где ребенок в процессе своей социализации также в той или иной степени будет испытывать отцовское влияние» [17, с. 57]. Наиболее неблагоприятными с позиции социализирующего потенциала родительства являются рождения детей вне брака по заявлению одной матери, уровень которых в Республике Коми принял динамику роста с 2003 г. и начал убывать в 2008 г., составив в 2013 г. 1621 рождение, или 13% из числа всех рождений. Проблема состоит в том, что в результате таких рождений ребенок отцом не признается или отец вообще не знает о его появлении. При этом отсутствие в жизни ребенка родителя мужского пола

может быть либо устранено, если женщина выйдет замуж, либо продлено на весь период становления личности ребенка в условиях неполной, материнской, семьи.

Структура моделей семьи в Республике Коми трансформируется также в связи с гендерной диспропорцией состава населения, которая формируется ввиду высоких показателей смертности мужчин в трудоспособных возрастах. На начало 2014 г. в целом по населению Республики Коми на 47,3% мужчин приходится 52,8% женщин. Вплоть до 2009 г. перевес числа женщин над мужчинами начинался с возрастной группы 40–44 года, с 2010 г. порогом начала женского гендерного преобладания стал возраст 35–39 лет. До определенного возраста в общей структуре населения преобладают мужчины, и это объясняется превалированием мальчиков в структуре рождений, что в принципе является биологически обусловленным фактом. С 2000 по 2013 г. в Коми численность рожденных мальчиков превышает численность рожденных девочек на 2–8%.

Однако сразу после рождения доля мальчиков начинает стабильно убывать, поскольку практически во всех возрастах показатели мужской смертности выше женских показателей. Особенно значительны показатели смертности мужчин в трудоспособном возрасте, в результате в возрастной группе 35–39 лет происходит видоизменение гендерных пропорций. Так, в 2013 г. «среди всех умерших 35% приходилось на лиц трудоспособных возрастов (в 2012 г. – 37%), из них 81% – мужчины» [6, с. 35]. Это, в целом, совпадает с общероссийской ситуацией: в 2013 г. среди умерших трудоспособного возраста мужчины составили 79,6%. В том же году в структуре причин смерти в Коми в сравнении с показателями по России наблюдается «более низкий уровень смертности от болезней системы кровообращения,

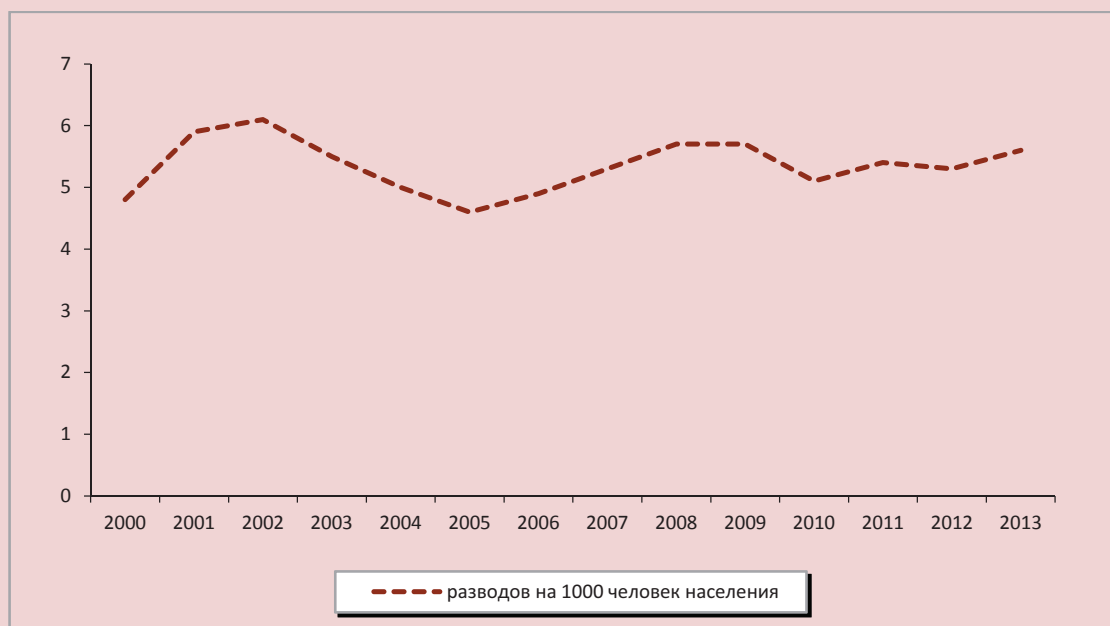
органов дыхания, новообразований, некоторых инфекционных и паразитарных болезней и более высокий – от болезней органов пищеварения и внешних причин» [6, с. 35].

Следует отметить, что в республике, в отличие от страны в целом, внешние причины лишь 2011 г. заняли закономерную третью позицию в структуре причин смерти. При этом злоупотребление алкоголем и его суррогатами в Коми по-прежнему оказывает гораздо более существенное влияние на общий уровень смертности, чем в целом по России. Случайные отравления алкоголем в составе внешних причин смерти в 2013 г. составили по республике 17%, по России – 6% [6, с. 36]. Тот факт, что заметную долю в структуре смертности мужчин в трудоспособных возрастах составляют случаи наступления смерти от внешних регулируемых причин, означает, что в борьбе со снижением показателей смертности данной группы населения большое внимание должно уделяться формированию установок и поведенческих стандартов здорового образа жизни.

Доля неполных семей увеличивается в Республике Коми и в результате разводов. В целом их уровень в период с 2000 по 2013 г. был достаточно стабильным, за исключением незначительного увеличения в ту или иную сторону в различные годы (рис. 3).

Однако структура разводимости по продолжительности сохранения брачного союза весьма тревожна. Проблема здесь состоит в том, что внушительная доля разводов осуществляется на ранних этапах становления семьи. В 2013 году из всех расторгнутых браков «42% составили браки, которые не выдержали сложный период становления семьи (до 5 лет)» [6, с. 67]. К сожалению, статистически невозможно измерить уровень распада официально не зарегистрированных браков, который,

Рисунок 3. Динамика общего коэффициента разводимости в Республике Коми, 2000–2013 гг.

Источник: Демографический ежегодник Республики Коми. 2014: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2014. – С. 107.

безусловно, еще выше, чем уровень расторжения официально зарегистрированных союзов. Во-первых, сама форма проживания в партнерстве изначально предполагает заниженный уровень личной ответственности за укрепление и сохранение семьи. Во-вторых, выход из партнерских отношений достаточно прост и не требует обращения в юридические инстанции, что также может способствовать реализации скоропалительного решения прекратить партнерские отношения.

Распад практически половины супружеских пар в период становления семьи свидетельствует о том, что молодые супруги на момент вступления в брак бывают «не готовы к серьезным отношениям, сложностям адаптационного периода в браке, построению длительных гармоничных взаимоотношений, не ориентированы на сохранение семьи, ее укрепление, разрешение конфликтных ситуаций путем

компромиссов. Психологи отмечают, что у современной молодежи не сформировано желание и умение выполнять комплекс обязанностей, которые предполагает социальная роль семьянина, слабо развито чувство ответственности, зато очень развито стремление к получению удовольствия, отсюда и гедонистическое отношение к браку, когда от него ждут только приятного, а при встрече с первыми проблемами с легкостью идут на разрыв отношений» [7, с. 149]. Ранние разводы бесспорно воздействуют на функционирование института родительства, поскольку за первые годы существования семьи у большинства супругов уже успевают родиться дети, которые после развода определенное время будут расти в семье с одним биологическим родителем, в подавляющем количестве случаев – с матерью.

Безусловно, в дальнейшем функции отца может взять на себя не биологический

отец — по статистике около трети регистрируемых в последние годы браков в Республике Коми являются повторными. Еще более распространена такая форма сожительства после распада семьи, как официально не зарегистрированный союз. Однако повторный брак также сопряжен с некоторыми трудностями, а именно: с проблемой принятия состава семьи (в том числе детей от предыдущего брака) новыми супругами; перенесением прошлого опыта семейной неудачи на вновь созданные отношения; проблемой становления взаимоотношений детей с новым супругом родителя (чаще — отчимом), не всегда складывающихся благополучно и доверительно.

Тем не менее значимость присутствия вовлеченного отца в жизни ребенка трудно переоценить. Помимо традиционной роли «добытчика» средств к существованию и защитника семьи от внешних угроз, отец, активно участвуя в жизни ребенка, выполняет ряд значимых социально-психологических функций: это функция формирования просоциального поведения у ребенка; обеспечение состояния психологического комфорта; дисциплинирование и социальный контроль; формирование ответственности и самостоятельности; влияние на половую идентификацию ребенка. Отсутствие вовлеченного в жизнь и развитие ребенка отца негативно влияет не только на становление его личности, но и на формирование его установок в области демографического поведения. В условиях, когда внутри семьи ребенок воспитывается матерью, а социальные институты воспитания и образования также носят женское лицо, часто становится весьма затруднительно получить достаточный опыт, дающий основание ответственно относиться к родительству и ставить полную семью на высокий уровень в иерархии своих смысловых ценностей.

Таким образом, можно заключить, что ряд явлений и процессов, характеризующих качественный аспект репродуктивного поведения населения Республики Коми, оказывают неблагоприятное влияние на функционирование института родительства и разрушительно воздействуют на сохранение традиционных семейных ценностей, закрепленных на государственном уровне в Концепции семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года. В условиях высокого уровня внебрачной рождаемости в Республике Коми, особенно на селе, гендерной диспропорции структуры населения ввиду высоких показателей смертности мужчин в трудоспособных возрастах, распространения разводимости супружеских пар на ранних этапах становления семьи, — дети, как правило, вынуждены расти и воспитываться одной матерью, испытывая патермальную депривацию, либо в полной семье, но не с биологическим отцом. Особого внимания со стороны своей семьи или социальных служб в процессе становления в родительской роли требуют юные матери, вклад рождений которых в общую структуру рождаемости в Республике Коми превышает общероссийский уровень, а причины возникновения беременности у девочек-подростков требуют отдельного исследования. Анализ особенностей репродуктивного поведения населения республики также показал, что дети перестают быть сдерживающим фактором для сохранения семьи, значимость официально зарегистрированного брака снижается, о чем свидетельствует тот факт, что наступление беременности далеко не всегда является достаточным основанием для регистрации отношений, происходит все большее дистанцирование между матримониальным и репродуктивным поведением, разрыв связи между биологическим и фактическим родительством.

Комплекс выявленных проблем служит призывом к активизации действия мер семейной и демографической политики, направленных на их решение, к числу которых необходимо отнести следующие.

1. Повышение контрацептивной культуры и грамотности сексуального поведения населения с целью снижения риска наступления у женщин нежелательной беременности. Осуществление данных мер возможно: через выпуск буклетов на заданную тематику и их распространение в местах концентрации молодежи, а также среди категорий женщин из группы социального риска; усиление акцента на консультировании женщин по предохранению от нежелательной беременности в женских консультациях.

2. Пропаганда здорового образа жизни и профилактика в СМИ, в медицинских и образовательных учреждениях, на предприятиях, в рамках реализации социальной ответственности руководителей, курения, злоупотребления алкоголем, пристрастий населения к токсическим и наркотическим веществам как факторов, негативно влияющих на здоровье населения и здоровье рождающихся поколений, а также значительно воздействующих на уровень смертности мужчин, в том числе в трудоспособных возрастах.

3. Постоянный мониторинг причин безответственности родителей, разводимости населения, рождаемости вне брака и у несовершеннолетних матерей на уровне региона для построения четко выверенных, методически обоснованных программ, предлагающих меры по решению выявленных проблем, отвечающих вызовам современности и учитывающих региональную специфику.

4. Увеличение доли трансляции в СМИ телепередач с участием специалистов-теоретиков, исследователей института семьи,

иных специалистов, которым по роду своей деятельности приходится взаимодействовать с семьями, а также с участием крепких семей, готовых поделиться информацией о традиционных семейных ценностях, о родительских функциях и значимости вовлеченности обоих членов семьи в активное воспитание своих детей для их полноценного развития и успешной социализации.

5. Распространение практики организации культурных, творческих мероприятий широкого масштаба с целью повышения значимости для населения ценностей семьи и родительства. Яркий пример в развитии данного направления – проведение в России с 2004 г. Всероссийского фестиваля короткометражных фильмов «Семья России». Большое внимание в рамках фестиваля уделяется «поэтизации института семьи; укреплению традиционных семейных устоев; созданию интернет-ресурса кино- и фотоматериалов о семейном благополучии и родительской успешности» [19]. Важно, чтобы подобные мероприятия проводились по всей России и чтобы короткометражные фильмы-участники фестиваля транслировались на центральных российских телеканалах, в образовательных, интернатных учреждениях с последующим анализом и обсуждением просмотров среди молодежи с участием психолога (специалиста по социальной работе).

6. Поскольку Республика Коми – это субъект, характеризующийся большим количеством учреждений среднего и высшего профессионального образования, проведение на их базе ежегодных мероприятий, направленных на постановку и обсуждение молодежи проблем, касающихся функционирования института семьи и родительства, может стать одним из векторов реализации данного направления (например, Форум «Осознанное родительство»).

7. Ориентационная работа с населением по упрочению установки о том, что супружеские конфликты и кризисы — это часть развития семейных отношений, а не повод к расторжению брака (кроме крайних случаев: алкоголизм, наркомания одного из супругов, жестокое обращение, различные формы дискриминации и насилия).

8. Распространение информации среди молодежи о том, что в ситуации официального оформления брака ребенок и его мать в наибольшей степени юридически защищены государством.

9. Повсеместное распространение в дошкольных, школьных и высших образовательных учреждениях, в творческих и детских, а также трудовых коллективах практики поощрения благодарственными письмами за заслуги в воспитании детей:

за их хорошую учебу, творческие успехи, за развитие различных форм внутрисемейного досуга и пр.

10. Хотя процесс формирования традиционных семейных ценностей активно поддерживается на уровне государства, средствами массовой информации, однако семья непременно остается первоочередным институтом трансляции ценностей любого порядка, поэтому именно в семье должно происходить усвоение детьми базового предназначения женщины (рождение и воспитание детей, сохранение домашнего очага) и основной роли мужчины (быть ответственным за свою семью, морально сильным в жизненных обстоятельствах, уметь принимать решения, которые будут наилучшим образом сказываться на жизни семьи и детей).

Литература

1. Голод, С.И. Современные немоногамные модели семьи / С.И. Голод // Петербургская социология сегодня. — 2010. — Т. 1. — С. 107-123.
2. Демографический ежегодник Республики Коми. 2014 [Текст]: стат. сборник / Комистат. — Сыктывкар, 2014. — 197 с.
3. Демографический ежегодник России. 2006 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B06_16/IssWWW.exe/Stg/04-07.htm
4. Демографический ежегодник России. 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2014/demo14.rar
5. Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д.И. Валентей. — М.: Советская энциклопедия, 1985. — 608 с.
6. Естественное движение населения Республики Коми в 2013 г. [Текст]: информационно-аналитический бюллетень №06-54-57/5 / Комистат. — Сыктывкар, 2014. — 71 с.
7. Зритнева, Е.И. Объективные и субъективные показатели кризиса института семьи / Е.И. Зритнева // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. — 2013. — № 1 (34). — С. 148-150.
8. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Том 2. Состояние в браке. Образование [Текст]: стат. сборник / Комистат. — Сыктывкар, 2012 — 158 с.
9. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: утв. Распоряжением Правительства РФ от 25.08.14 № 1618-Р. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/>
10. Концепция демографического развития Республики Коми до 2015 года [Электронный ресурс]: утв. Указом Главы Республики Коми от 28.12.07 № 121. — Режим доступа: http://komi.news-city.info/docs/sistemsr/dok_iegkyo.htm
11. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Российской Федерации от 9.10.07 № 1351. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/191961/>

12. Лушенко, Э.М. К вопросу о понятии «родительство» и его сущности / Э.М. Лушенко, С.И. Некрасов // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 124-127.
13. Митрофанова, Е.С. Демографическое поведение россиян в сфере семьи и рождаемости / Е.С. Митрофанова // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2011. – № 4. – С. 519-542.
14. Народонаселение: энциклопедический словарь / гл. ред. Г.Г. Меликьян. – М., 1994. – 640 с.
15. Овчарова, Р.В. Родительство как психологический феномен / Р.В. Овчарова. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.
16. Орлова, В.С. Внебрачная рождаемость как медико-социальная проблема современности / В.С. Орлова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация. – 2008. – Т. 6. – № 6. – С. 12-18.
17. Попова, Л.А. Внебрачная рождаемость: тенденции, причины, модели развития внебрачной семьи / Л.А. Попова. – Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2007. – 92 с.
18. Семейный кодекс РФ [Электронный ресурс]: от 29.12.1995 № 223 – ФЗ. – Режим доступа: <http://www.semkod.ru>
19. Семья России. Всероссийский кинофестиваль короткометражных фильмов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://semyarossii.ru/kinofestival>
20. Сметанина, Е.С. Социологический анализ проблемы рождаемости в современной российской семье / Е.С. Сметанина // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2013. – № 1. – С. 107-112.

Сведения об авторе

Мария Александровна Шишкина – аспирант, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26, shishkina@iespn.komisc.ru)

Shishkina M.A.

Influence of Reproductive Behavior of the Population of the Komi Republic on the Functioning of the Institute of Parenthood

Mariya Aleksandrovna Shishkina – Graduate Student, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation, shishkina@iespn.komisc.ru)

Abstract. The paper studies the peculiarities of reproductive behavior of the Komi Republic residents. It describes the dynamics of quantitative indicators of fertility, analyzes the qualitative characteristics of reproductive behavior of the Komi Republic residents and determines the nature of their influence on the state of the institute of parenthood. The article gives the definitions of “reproductive behavior”, “parenthood” and establishes their relationship. The aim of the research is to identify the processes and phenomena that characterize the qualitative aspects of reproductive behavior, which could have an adverse impact on the functioning of the institute of parenthood; the study also aims to develop recommendations for the minimization of the negative phenomena. To achieve the objectives of the study based on statistical data, the author analyzes the demographic processes and phenomena that are characteristic of the Komi Republic and that have an adverse effect on the functioning of the institute of parenthood, and makes an attempt to establish cause-effect relations between these phenomena. The study has found that the number

of children born to teenage mothers is decreasing; however, the level of underage motherhood in Russia remains above the national average. The paper points out hypothetical reasons why underage girls become mothers. An adverse impact on the functioning of the institute of parenthood is provided by a significant number of incomplete, mainly maternal, families with underage children. Their share increases due to a high level of out-of-wedlock births, divorce rates of families in the early stages of marriage, significant mortality in working age men. The author raises the issues of paternal deprivation, division of biological and de facto parenthood, describes the phenomenon of the spreading of common-law marriages. The paper analyzes the potential of out-of-wedlock births based on the data on the proportion of births registered at the request of both parents or the mother only. The research findings show that, despite the improvement in the quantitative indicators of fertility in recent years, some qualitative characteristics of reproductive behavior of the population of the Komi Republic require optimization. Taking into account regional specifics, the author proposes the measures necessary to reduce the level and prevalence of demographic processes and phenomena that can negatively affect the functioning of the institute of parenthood.

Key words: reproductive behavior; underage motherhood; out-of-wedlock births; divorce rate; gender imbalance; institute of parenthood; demographic policy objectives.

References

1. Golod S.I. Sovremennye nemonogamnye modeli sem'i [Modern Non-Monogamous Models of Family]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [Petersburg Sociology Today], 2010, vol. 1, pp. 107-123.
2. Demograficheskii ezhegodnik Respubliki Komi. 2014: stat. sbornik [Demographic Yearbook of the Komi Republic. 2014: Statistics Collection]. *Komistat* [Regional Office of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation in the Komi Republic]. Syktyvkar, 2014. 197 p.
3. *Demograficheskii ezhegodnik Rossii. 2006* [Demographic Yearbook of Russia. 2006]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/B06_16/IssWWW.exe/Stg/04-07.htm
4. *Demograficheskii ezhegodnik Rossii. 2014* [Demographic Yearbook of Russia. 2014]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2014/demo14.rar
5. *Demograficheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Demographic Encyclopedic Dictionary]. Chief Editor D.I. Valentei. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1985. 608 p.
6. Estestvennoe dvizhenie naseleniya Respubliki Komi v 2013 g.: informatsionno-analiticheskii byulleten' № 06-54-57/5 [Natural Movement of Population of the Republic of Komi in 2013: Information-Analytical Bulletin No. 06-54-57/5]. *Komistat* [Regional Office of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation in the Komi Republic]. Syktyvkar, 2014. 71 p.
7. Zritneva E.I. Ob"ektivnye i sub"ektivnye pokazateli krizisa instituta sem'i [Objective and Subjective Indicators of Family Crisis]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of the North-Caucasus Federal University], 2013, no. 1 (34), pp. 148-150.
8. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda. Respublika Komi. Tom 2. Sostoyanie v brake. Obrazovanie: stat. sbornik [The Results of 2010 All-Russia Population Census. Komi Republic. Volume 2. Marital Status. Education: Statistics Collection]. *Komistat* [Regional Office of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation in the Komi Republic]. Syktyvkar, 2012. 158 p.
9. *Kontseptsiya gosudarstvennoi semeinoi politiki v Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda: utv. Rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 25.08.14 № 1618-R* [The Concept for State Family Policy in the Russian Federation for the Period till 2025: Approved by the Resolution of the RF Government of August 25, 2014 No. 1618-R]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/>
10. *Kontseptsiya demograficheskogo razvitiya Respubliki Komi do 2015 goda: utv. Ukazom Glavy Respubliki Komi ot 28.12.07 № 121* [The Concept for Demographic Development of the Komi Republic until 2015: Approved by the Decree of the Head of the Komi Republic dated December 28, 2007 No. 121]. Available at: http://komi.news-city.info/docs/sistemsr/dok_iegkyo.htm

11. *Kontseptsiya demograficheskoi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda: utv. Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 9.10.07 № 1351* [The Concept of Demographic Policy of the Russian Federation for the Period until 2025: Approved by the Order of the President of the Russian Federation of October 09, 2007 No. 1351]. Available at: <http://base.garant.ru/191961/>
12. Lushchenko E.M., Nekrasov S.I. K voprosu o ponyatii “roditel’stvo” i ego sushchnosti [To the Issue of the Concept of “Parenthood” and its Essence]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial’nye nauki* [Scientific Notes of Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2014, no. 2, pp. 124-127.
13. Mitrofanova E.S. Demograficheskoe povedenie rossiyan v sfere sem’i i rozhdaemosti [Demographic Behavior of the Russians in the Field of Family and Fertility]. *Ekonomicheskii zhurnal Vyssei shkoly ekonomiki* [Economic Journal of the Higher School of Economics], 2011, no. 4, pp. 519-542.
14. *Narodonaselenie: entsiklopedicheskii slovar’* [Population: Encyclopedic Dictionary]. Chief Editor G.G. Melik’yan. Moscow, 1994. 640 p.
15. Ovcharova R.V. *Roditel’stvo kak psikhologicheskii fenomen* [Parenthood as a Psychological Phenomenon]. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial’nyi institut, 2006. 496 p.
16. Orlova V.S. Vnebrachnaya rozhdaemost’ kak mediko-sotsial’naya problema sovremenности [Out-of-Wedlock births as a Health and Social Challenge of Our Time]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Meditsina. Farmatsiya* [Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Medicine. Pharmacy], 2008, vol. 6, no. 6, pp. 12-18.
17. Popova L.A. Vnebrachnaya rozhdaemost’: tendentsii, prichiny, modeli razvitiya vnebrachnoi sem’i [Out-of-Wedlock Birth Rate: Trends, Causes, Development Models of Non-Marital Family]. Syktyvkar: Komi nauchnyi tsentr UrO RAN, 2007. 92 p.
18. *Semeinyi kodeks RF: ot 29.12.1995 № 223 – FZ* [The Family Code of the Russian Federation: Federal Law of December 12, 1995 No. 223-FL]. Available at: <http://www.semkod.ru>
19. *Sem’ya Rossii. Vserossiiskii kinofestival’ korotkometrazhnykh fil’mov* [Family in Russia. The All-Russian Festival of Short Films]. Available at: <http://semyarossii.ru/kinofestival>
20. Smetanina E.S. Sotsiologicheskii analiz problemy rozhdaemosti v sovremennoi rossiiskoi sem’e [Sociological Analysis of the Issue of Fertility in the Modern Russian Family]. *Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby* [Bulletin of the Volga Region Academy of Public Service], 2013, no. 1, pp. 107-112.

Сравнительный анализ региональных различий в сферах здоровья населения, экологии и здравоохранения

**Петр Александрович
ЛАВРИНЕНКО**

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
117418, Россия, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47, petr@lavr.cc

**Дарья Александровна
РЫБАКОВА**

магистрант
Международный институт экономики и права, журнал «Розничные финансы»
121108, Россия, г. Москва, ул. Минская, 1Гк2, оф. 22, Rybakova.daria@gmail.com

Аннотация. В данной статье авторами было решено провести сравнение регионов России по положению дел в сферах здоровья населения, экологии и здравоохранения. Сравнение было выполнено при помощи эконометрических методов, а именно кластерного анализа. В качестве исходных данных использована статистика, полученная из официальных публикаций Росстата. Для первого параметра — «здоровье населения» — использовались показатели средней продолжительности жизни населения и общей заболеваемости людей по всем причинам. Для второго параметра — «экология» — проанализированы показатели выбросов вредных веществ в атмосферу и выбросов грязных вод в сточные воды. Анализ отрасли здравоохранения проведен с помощью таких четырёх показателей, как количество коек на 100 000 населения, количество больниц, количество врачей на 10 000 населения и мощность больниц. В результате анализа для каждой группы показателей был получен график рассеивания, а также составлена таблица, в которой показаны структурные и качественные сдвиги, произошедшие в регионах в течение 2000-х годов. Были сделаны следующие основные выводы: в 2010 г. на 90% упало количество регионов, которые по уровню здоровья населения в 2000 г. вошли в кластер «плохой уровень развития», и на 63% снизилось число регионов с «низким уровнем развития». Большинство из них перешло в кластер

регионов со «средним уровнем развития». Многие регионы (70%) относятся к кластеру «высокий уровень развития» экологической безопасности и обладают более чистой окружающей средой по сравнению с другими регионами. Касательно отрасли здравоохранения динамика носит биполярный характер, так как за 10 лет в 6–7 раз уменьшилось число регионов в кластерах «хороший уровень» и «плохой уровень», при этом кластеры «высокий уровень» и «низкий уровень» выросли в 2,3 и 1,5 раза соответственно.

Ключевые слова: здравоохранение, здоровье населения, экология, человеческий капитал, кластерный анализ, региональный анализ, эконометрический анализ, региональное развитие.

В современной науке одним из ключевых факторов конкурентоспособности экономики регионов принято считать качество человеческого капитала. Этот фактор зависит от множества других параметров – уровня образования, социального обеспечения, средней заработной платы и так далее¹. В данном исследовании нами были изучены региональные особенности таких параметров человеческого капитала, как: физическое здоровье населения, система здравоохранения и экологическая обстановка.

Следует отметить, что улучшение ситуации со здоровьем населения и охраной окружающей среды представляет цель различных государственных программ, на которые выделяются большие средства. При этом существует необходимость определения эффективности использования государственных средств, выделяемых на здравоохранение и экологию. Анализ эффективности позволит соотносить какие-либо изменения в расходах на здравоохранение и экологию с изменениями в здоровье людей. Этот анализ можно осуществлять разными способами. Одним

из них является проведение регулярных опросов населения. В рамках этих опросов респонденты оценивают результаты различных действий в социальной сфере, например, с помощью пятибалльной системы, использующей диапазон оценок от «очень плохо» до «очень хорошо». Этот метод имеет не только существенные достоинства, но и существенные недостатки. Недостаток данного метода – это высокий уровень информационных шумов. Под информационными шумами в данном случае понимается тот факт, что люди, как правило, не могут абстрагироваться от эмоций, влияния СМИ или общественного мнения и т.п. и дать объективную оценку произошедших изменений.

Именно поэтому столь важно создать эффективную эконометрическую модель оценки, основанную на независимых статистических данных. На первом этапе исследования было решено использовать кластерный анализ. Для этого был выбран метод *k*-средних. Суть этого метода заключается в разделении *m* имеющихся наблюдений на *k* кластеров, при этом каждое наблюдение относится к тому кластеру, к центру (центроиду) которого оно ближе всего. Указанный подход позволяет классифицировать все российские регионы по степени их развития на три группы: здоровье населения, уровень экологии и уровень здравоохранения, а также выявить «лидеров» и «аутсайдеров» и увидеть масштаб

¹ В «Индексе человеческого капитала» Всемирного экономического форума используются, например, такие параметры: качество и доступность образования для граждан, физическое и психологическое благополучие проживающих в стране людей, возможности трудоустройства и обеспечение занятости населения, а также уровень развития инфраструктуры в государстве. <http://reports.weforum.org/human-capital-index-2013/>

дифференциации регионов. Выявление «аутсайдеров» позволит более адресно и точно оказывать государственную поддержку.

Для определения количества градаций развития были построены графики рассеивания, в которых использованы данные по всем регионам России за 10 лет (таким образом, всего на графиках рассеивания более 800 точек). В качестве осей выбраны исходные основные показатели для первых двух групп (здоровье и экология) и главные компоненты для третьей группы (здравоохранение). Графики показали, что регионы не выделяются в какие-нибудь ярко выраженные группы. Поэтому в целях более четкой структуризации регионов было выбрано пять градаций. Подобные градации относительны, то есть самый хороший регион является лучшим относительно менее развитых, но не в целом. Эти градации получили следующие характеристики:

- высокий уровень развития;
- хороший уровень развития (выше среднего);
- средний уровень развития;
- плохой уровень развития (ниже среднего);
- низкий уровень развития.

Классификация на основе указанных градаций позволяет сравнивать все регионы не только между собой, но и каждый из них с самим собой, иначе говоря, анализ помогает понять, как уровень развития экологии соотносится с уровнем здоровья. Кроме того, была проанализирована динамика изменений параметров (с 2000 по 2010 г. – для 1 группы, с 2001 по 2011 г. – для 2 группы и с 1997 по 2011 г. – для 3 группы).

В ходе моделирования с помощью статистического пакета Stata получается столбец, где каждому региону в каждом году присваивается свой номер кластера (от 1 до 5). Эти номера не являются убывающими

или возрастающими, а просто объединяют регионы под единым именем кластера (в данном случае это цифра). В дальнейшем определяется, к какому номеру относится соответствующая градация из предложенных ранее.

Приведённые статистические данные взяты из официальных публикаций Росстата. Для тех лет, данные за которые отсутствовали, был сделан официальный запрос в Росстат.

Для первого параметра – «здоровье населения» – использовались показатели средней продолжительности жизни населения и общей заболеваемости по всем причинам. Для второго параметра – «экология» – были проанализированы показатели выбросов вредных веществ в атмосферу и выбросов грязных вод в сточные воды. Третий параметр состоит из четырёх показателей: количества коек на 100 000 населения, количества больниц, количества врачей на 10 000 населения и мощности больниц.

Выбор именно этих показателей обусловлен проблемой наличия данных за период 2000–2005 гг. Только по выбранным для исследования показателям имеются данные за все рассматриваемые годы.

По понятным причинам сами исходные данные в статье не приводятся, поскольку представляют собой огромные таблицы. Перед эконометрическим анализом стоит сделать первоначальный анализ. Это является зрительным анализом статистики.

1. Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ). В первую очередь в глаза бросается положительная динамика роста. За период в 12 лет (с 1999 по 2011 г.) ОПЖ по России выросла почти на 4 года – с 66 лет до 70. В некоторых регионах страны рост несколько больше: так, например, в Москве, Ингушетии или Тыве показатель вырос на 6 лет. Наименьший рост наблю-

дается в Дальневосточном федеральном округе, где ОПЖ выросла всего на 2,58 года (а на территории Чукотского АО даже упала на 0,02 года). Наибольший рост показателя наблюдается в Северо-Западном ФО, где он составил 4,6 года. Максимальное абсолютное значение составляет 76,3 года и принадлежит Ингушетии, а минимальное значение составляет 61,3 года (что удивительно, это показатель Тывы, продемонстрировавший наибольший рост — с 55 лет до 61,4).

2. *Заболееваемость населения по регионам Российской Федерации.* Данный показатель вычисляется исходя из расчета на 1000 населения. За 16 лет на 16% выросло число зарегистрированных больных с диагнозом, установленным впервые в жизни. Причин такого роста может быть несколько. Во-первых, возможно просто повышается заболеваемость населения по различным причинам (или же общее старение населения). Во-вторых, это может быть обусловлено ростом доверия населения к системе здравоохранения. Если раньше люди предпочитали лечиться самостоятельно, то с каждым годом все больше больных выбирают профессиональную высококвалифицированную помощь.

3. *Выбросы загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников.* В целом по России объёмы выбросов вредных веществ снизились на 10%. Однако в регионах страны мы можем наблюдать противоположные тенденции. В одних регионах объёмы снизились на 50–60%, в редких случаях — на 70%. В других рост составил 100–130%. Рекордсменами как по абсолютным значениям, так и по темпам роста являются регионы Уральского ФО (что, очевидно, связано с развитием в этом районе страны перерабатывающего комплекса). Резкие изменения в разных

регионах могут объясняться закрытием предприятий или же их передислокацией, изменением условий подсчета и т.д.

4. *Выброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты.* В целом на территории Российской Федерации выбросы грязных вод в поверхностные водоемы сократились на 35%. Регионов, где произошёл бы значительный рост, не наблюдается. По этому индикатору статистика является в действительности показывающей положительные тенденции. Причинами этого могут быть улучшение технологического процесса промышленного производства, ужесточение законодательных мер.

5. *Число больничных коек на 10 000 населения.* По всем регионам Российской Федерации количество коек снизилось на 25%. Показатель только одного региона демонстрирует положительную динамику — Мурманской области (рост составил 15%). Учитывая рост мощности больниц и инвестиций в здравоохранение, получаем, что снижение количества коек вызвано скорее оптимизацией системы и улучшением качества здравоохранения.

6. *Численность врачей на 10 000 населения.* В целом по стране численность врачей за 17 лет увеличилась на 10%. Практически во всех регионах наблюдается положительная динамика. При росте инвестиций в области здравоохранения, росте средней заработной платы, уменьшении количества больниц и росте мощности больниц подобная картина кажется логичной.

7. *Число больничных учреждений.* Число больничных учреждений по России снизилось на 49% за 17 лет. Тяжело однозначно судить о причинах подобной динамики. Существует программа «модернизации системы здравоохранения», которая привела к такому результату.

8. *Мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений на 10 000 населения.* В среднем по всем регионам Российской Федерации мощности больниц выросли на 12%. Скорее всего это является следствием уменьшения количества больниц, а так как рост общей заболеваемости населения составил 16% за тот же период, то количество посещений растет в оставшихся больницах.

Показатель уровня здоровья населения

Данный показатель основан на индикаторах средней продолжительности жизни населения (le_uni) и общей заболеваемости людей по всем причинам (mp_uni)².

Анализ построенного графика рассеивания дал следующие результаты (рис. 1).

К наиболее выраженным аутсайдерам относятся: Ненецкий АО (номер 25 соответствует номеру региона в исходных статистических данных), Республика Тыва (72), Чукотский АО (91) и в меньшей сте-

пени Еврейская АО (90) и Забайкальский край (75).

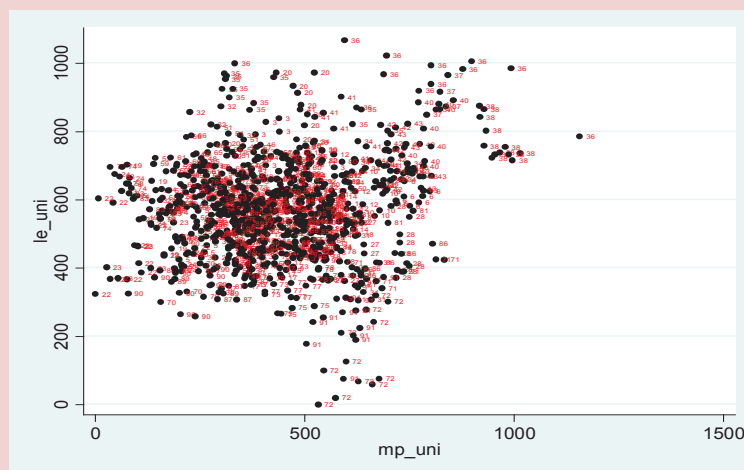
Возможные причины подобной малой средней продолжительности жизни и высокого уровня заболеваемости регионов-аутсайдеров – это алкогольная зависимость населения, низкий уровень здравоохранения, низкий уровень социального обеспечения.

Лидерами по уровню здоровья населения являются: Ингушетия (36), г. Москва (20), Чеченская Республика (37), Карачаево-Черкесская Республика (40), Республика Северная Осетия-Алания (41), Кабардино-Балкарская Республика (38).

Это обстоятельство отражает тот факт, что люди, проживающие на территории кавказских республик, относительно жителей остальных регионов России традиционно мало болеют и дольше всех живут.

Полные результаты кластерного анализа приведены в *таблице 1*.

Рисунок 1. График рассеивания регионов по показателям средней продолжительности жизни (le_uni) и уровня общей заболеваемости (mp_uni)

² Так как эти два показателя имеют разные направления роста (чем больше значение переменной le , тем лучше, и чем больше значение переменной mp , тем хуже), то сначала необходимо было провести унификацию этих переменных. Более подробно см.: Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения. Эконометрический подход.

Таблица 1. Кластерный анализ регионов России по интегральному показателю уровня здоровья

Регион/год	2000	2010	Регион/год	2000	2010
Воронежская область	выс	выс	Белгородская область	хор	хор
Курская область	хор	выс	Калининградская область	плох	ср
г. Москва	ср	выс	Мурманская область	низ	ср
Ленинградская область	плох	выс	г. Санкт-Петербург	хор	ср
Чеченская Республика	-	выс	Республика Дагестан	выс	ср
Кабардино-Балкарская Республика	выс	выс	Вологодская область	низ	ср
Карачаево-Черкесская Республика	выс	выс	Ростовская область	хор	ср
Республика Северная Осетия-Алания	выс	выс	Республика Башкортостан	ср	ср
Краснодарский край	выс	выс	Республика Марий Эл	низ	ср
Ставропольский край	выс	выс	Республика Татарстан	хор	ср
Республика Ингушетия	выс	выс	Удмуртская Республика	ср	ср
Калужская область	низ	хор	Чувашская Республика	хор	ср
Липецкая область	хор	хор	Кировская область	хор	ср
Московская область	хор	хор	Нижегородская область	хор	ср
Рязанская область	хор	хор	Оренбургская область	низ	ср
Смоленская область	плох	хор	Пермская область	низ	ср
Тамбовская область	хор	хор	Самарская область	низ	ср
Тульская область	плох	хор	Ульяновская область	хор	ср
Псковская область	плох	хор	Курганская область	низ	ср
Республика Адыгея	выс	хор	Тюменская область	ср	ср
Республика Калмыкия	хор	хор	Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	ср	ср
Астраханская область	хор	хор	Челябинская область	низ	ср
Волгоградская область	хор	хор	Республика Алтай	низ	ср
Республика Мордовия	хор	хор	Республика Хакасия	плох	ср
Пензенская область	хор	хор	Алтайский край	ср	ср
Саратовская область	хор	хор	Красноярский край	низ	ср
Свердловская область	плох	хор	Новосибирская область	хор	ср
Республика Бурятия	плох	хор	Республика Саха (Якутия)	низ	ср
Кемеровская область	плох	хор	Республика Тыва	плох	плох
Омская область	хор	хор	Чукотский автономный округ	плох	плох
Томская область	плох	хор	Новгородская область	низ	низ
Камчатский край	плох	хор	Забайкальский край	плох	низ
Приморский край	хор	хор	Иркутская область	плох	низ
Хабаровский край	плох	хор	Амурская область	плох	низ
Брянская область	хор	ср	Сахалинская область	низ	низ
Владимирская область	низ	ср	Еврейская автономная область	низ	низ
Ивановская область	низ	ср	Ненецкий авт. округ		
Костромская область	плох	ср	Ямало-Ненецкий авт. округ		
Орловская область	низ	ср	Магаданская область	низ	
Тверская область	плох	ср	Выс. (кол-во регионов)	9	10 (рост на 11%)
Ярославская область	ср	ср	Хор. (кол-во регионов)	23	24 (рост на 4%)
Республика Карелия	низ	ср	Ср. (кол-во регионов)	7	38 (рост в 5 раз)
Республика Коми	низ	ср	Плох. (кол-во регионов)	19	2 (падение на 90%)
Архангельская область	низ	ср	Низ. (кол-во регионов)	22	6 (падение на 63%)

Анализ показывает, что динамика ситуации носит однозначно положительный характер. В 2010 г. на 90% упало количество регионов, которые в 2000 г. вошли в кластер «плохой уровень развития», и на 63% упало число регионов с «низким уровнем развития». Большинство из них перешло в кластер регионов со «средним уровнем развития».

Показатель уровня экологической чистоты региона

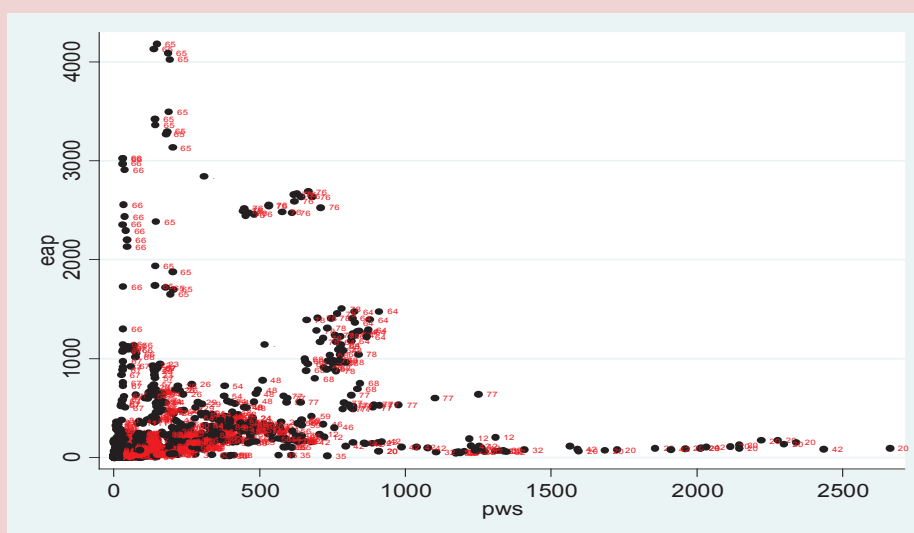
Величина данного показателя включает в себя статистику выбросов вредных веществ в атмосферу и выбросов грязных вод в сточные воды³.

При анализе указанных данных было выявлено, что хуже всего ситуация с экологической безопасностью складывается в таких регионах, как Красноярский край (76), Тюменская область (65), Ханты-Мансийский АО (66), Иркутская область (77),

Краснодарский край (42), Свердловская область (64). В остальных регионах экологическая ситуация является более благоприятной (рис. 2 и табл. 2).

Большое число регионов (70%) относятся к кластеру «высокий уровень развития» экологической безопасности и характеризуются более чистой окружающей средой по сравнению с другими регионами. В первую очередь это вызвано тем, что в России большинство крупных промышленных предприятий сосредоточены в указанных выше регионах-аутсайдерах. А многие регионы вообще не обладают развитым индустриальным сектором. Лишь 9 из 83 регионов попали в кластеры с уровнем ниже хорошего. Динамика изменений за 10 лет оказалась очень умеренной, так как производственная специализация регионов в целом остается той же, что и была.

Рисунок 2. График рассеивания регионов по показателям выбросов грязных вод (pws) и грязного воздуха (ear)

³ В ходе анализа панельных данных именно эти индикаторы показывали наибольшее влияние на экологическую ситуацию среди всех индикаторов состояния окружающей среды.

Таблица 2. Кластерный анализ регионов России по показателю экологической чистоты

Регион/год	2000	2010	Регион/год	2000	2010
Белгородская область	выс	выс	Республика Хакасия	выс	выс
Брянская область	выс	выс	Алтайский край	выс	выс
Владимирская область	выс	выс	Забайкальский край	выс	выс
Воронежская область	выс	выс	Новосибирская область	выс	выс
Ивановская область	выс	выс	Омская область	выс	выс
Калужская область	выс	выс	Томская область	выс	выс
Костромская область	выс	выс	Республика Саха (Якутия)	выс	выс
Курская область	выс	выс	Камчатский край	выс	выс
Липецкая область	хор	выс	Хабаровский край	выс	выс
Орловская область	выс	выс	Амурская область	выс	выс
Рязанская область	выс	выс	Магаданская область	выс	выс
Смоленская область	выс	выс	Сахалинская область	выс	выс
Тамбовская область	выс	выс	Еврейская автономная область	выс	выс
Тверская область	выс	выс	Чукотский автономный округ	выс	выс
Тульская область	хор	выс	Республика Коми	хор	хор
Ярославская область	выс	выс	Архангельская область	хор	хор
Республика Карелия	выс	выс	Вологодская область	хор	хор
Ненецкий авт. округ	выс	выс	Ленинградская область	хор	хор
Калининградская область	выс	выс	Мурманская область	хор	хор
Новгородская область	выс	выс	Краснодарский край	ср	хор
Псковская область	выс	выс	Республика Башкортостан	хор	хор
Республика Адыгея	выс	выс	Республика Татарстан	хор	хор
Республика Дагестан	выс	выс	Кировская область	хор	хор
Республика Ингушетия	выс	выс	Оренбургская область	хор	хор
Чеченская Республика	выс	выс	Пензенская область	хор	хор
Кабардино-Балкарская Республика	выс	выс	Самарская область	хор	хор
Республика Калмыкия	выс	выс	Иркутская область	хор	хор
Карачаево-Черкесская Республика	выс	выс	Приморский край	хор	хор
Ставропольский край	выс	выс	г. Москва	ср	хор
Астраханская область	выс	выс	Московская область	хор	ср
Волгоградская область	хор	выс	г. Санкт-Петербург	ср	ср
Ростовская область	хор	выс	Свердловская область	плох	плох
Республика Марий Эл	выс	выс	Ямало-Ненецкий авт. округ	хор	плох
Республика Мордовия	выс	выс	Челябинская область	плох	плох
Удмуртская Республика	выс	выс	Кемеровская область	плох	плох
Чувашская Республика	выс	выс	Тюменская область	плох	низ
Нижегородская область	выс	выс	Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	плох	низ
Пермская область	выс	выс	Красноярский край	низ	низ
Саратовская область	выс	выс	Республика Северная Осетия-Алания		
Ульяновская область	выс	выс	Выс. (кол-во регионов)	54	58 (рост на 7%)
Курганская область	выс	выс	Хор. (кол-во регионов)	19	15 (падение на 21%)
Республика Алтай	выс	выс	Ср. (кол-во регионов)	3	2 (падение на 33%)
Республика Бурятия	выс	выс	Плох. (кол-во регионов)	5	4 (падение на 20%)
Республика Тыва	выс	выс	Низ. (кол-во регионов)	1	3 (рост в 3 раза)

Показатель уровня здравоохранения

Этот показатель построен на основе четырёх индикаторов: количества коек на 100 000 населения, количества больниц, количества врачей на 10 000 населения и мощности больниц. В него целенаправленно не были включены денежные индикаторы — средняя заработная плата и инвестиции в отрасль здравоохранения. Они не показывают текущий уровень развития, сильно коррелированы с другими индикаторами и при включении в рассматриваемый показатель создают много шума, и поэтому процесс кластеризации не совсем адекватно распределяет индикаторы.

В данном случае мы использовали метод главных компонент (МГК) для построения двух главных компонент, по которым затем был построен график рассеивания и проведена кластеризация регионов (рис. 3 и табл. 3). Лидерами по уровню обеспечения населения услугами здравоохранения являются г. Москва (20), Чукотский АО (91), Республика Саха (83), г. Санкт-Петербург (32),

Новосибирская область (79), Амурская область (87), Красноярский край (76).

Эти результаты необходимо прокомментировать. В число регионов-лидеров по уровню развития здравоохранения входят Республика Саха и Чукотский автономный округ, которые ранее в ходе нашего анализа попали в кластеры с низким уровнем развития здоровья населения. Это чисто статистический феномен, который объясняется, с одной стороны, малой численностью населения регионов, а с другой стороны, методом исчисления показателей здравоохранения (в расчете на 100 000 чел.).

Обращает на себя внимание низкий уровень развития здравоохранения в Республике Ингушетия (36). Это выглядит очень парадоксально с учетом того, что продолжительность жизни в Ингушетии одна из самых высоких в России. К числу других регионов с низким уровнем развития здравоохранения относятся Чеченская Республика (37), Карачаево-Черкесская Республика (40), Ненецкий АО (25).

Рисунок 3. График рассеивания регионов по показателям количества коек на 100 000 населения, количества больниц, количества врачей на 10 000 населения и мощности больниц

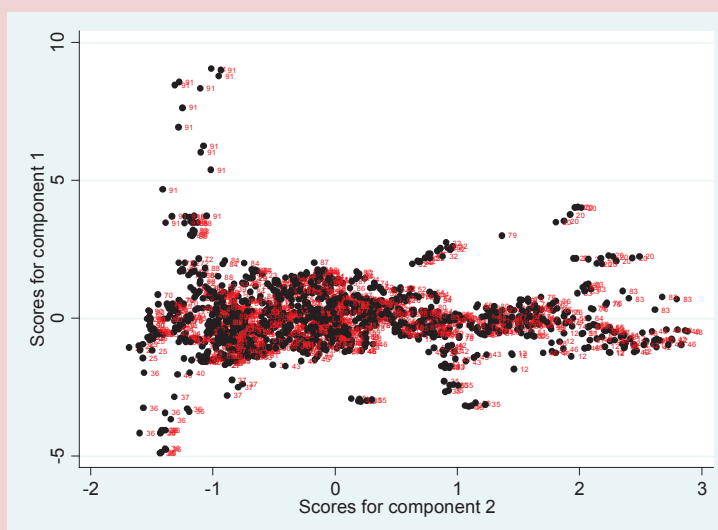

Таблица 3. Кластерный анализ по показателю уровня развития здравоохранения

Регион/год	1997	2011	Регион/год	1997	2011
Владимирская область	ср	выс	Новосибирская область	хор	ср
Липецкая область	ср	выс	Омская область	плох	ср
Ярославская область	ср	выс	Приморский край	плох	ср
Республика Коми	ср	выс	Хабаровский край	ср	ср
Архангельская область	ср	выс	Республика Дагестан	плох	плох
Вологодская область	ср	выс	Краснодарский край	хор	плох
Мурманская область	низ	выс	Белгородская область	ср	низ
Новгородская область	низ	выс	Брянская область	ср	низ
г. Санкт-Петербург	выс	выс	Ивановская область	плох	низ
Астраханская область	ср	выс	Калужская область	низ	низ
Республика Марий Эл	ср	выс	Костромская область	низ	низ
Чувашская Республика	ср	выс	Курская область	ср	низ
Республика Алтай	выс	выс	Орловская область	низ	низ
Республика Тыва	выс	выс	Рязанская область	ср	низ
Республика Хакасия	выс	выс	Смоленская область	ср	низ
Республика Саха (Якутия)	хор	выс	Тамбовская область	плох	низ
Камчатский край	низ	выс	Республика Карелия	низ	низ
Амурская область	ср	выс	Ненецкий авт. округ	низ	низ
Магаданская область	выс	выс	Калининградская область	низ	низ
Чукотский автономный округ	выс	выс	Ленинградская область	ср	низ
Московская область	хор	хор	Псковская область	низ	низ
г. Москва	хор	хор	Республика Адыгея	низ	низ
Челябинская область	хор	хор	Республика Ингушетия	низ	низ
Воронежская область	плох	ср	Чеченская Республика		низ
Тверская область	плох	ср	Кабардино-Балкарская Республика	низ	низ
Тульская область	ср	ср	Республика Калмыкия	низ	низ
Волгоградская область	хор	ср	Карачаево-Черкесская Республика	низ	низ
Ростовская область	хор	ср	Республика Северная Осетия-Алания	низ	низ
Республика Башкортостан	хор	ср	Ставропольский край	плох	низ
Республика Татарстан	хор	ср	Республика Мордовия	низ	низ
Удмуртская Республика	ср	ср	Пермская область	плох	низ
Кировская область	плох	ср	Ульяновская область	ср	низ
Нижегородская область	хор	ср	Курганская область	низ	низ
Оренбургская область	хор	ср	Ямало-Ненецкий авт. округ	низ	низ
Пензенская область	плох	ср	Республика Бурятия	плох	низ
Самарская область	ср	ср	Забайкальский край	плох	низ
Саратовская область	плох	ср	Томская область	низ	низ
Свердловская область	хор	ср	Сахалинская область	низ	низ
Тюменская область	хор	ср	Еврейская автономная область	низ	низ
Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	ср	ср	Выс. (кол-во регионов)	6	20 (выросло на 230%)
Алтайский край	хор	ср	Хор. (кол-во регионов)	17	3 (упало на 80%)
Красноярский край	хор	ср	Ср. (кол-во регионов)	22	25 (выросло на 13%)
Иркутская область	хор	ср	Плох. (кол-во регионов)	15	2 (упало на 86%)
Кемеровская область	плох	ср	Низ. (кол-во регионов)	22	33 (выросло на 50%)

Анализ ситуации со здравоохранением в российских регионах позволяет сделать следующие заключения. Во-первых, необходимо отметить неоднозначную динамику развития ситуации. За 10 лет в 6–7 раз уменьшилось число регионов в кластерах «хороший уровень» и «плохой уровень», при этом кластеры «высокий уровень» и «низкий уровень» выросли в 2,3 и 1,5 раза соответственно. Единая динамика по России отсутствует, так как рост носит биполярный характер. Поясним возможные причины подобной биполярной динамики. Одной из вероятных причин является закрытие множества больничных учреждений в одних регионах и создание центров здравоохранения в других. Вторая возможная причина заключается в методике подсчета показателей здравоохранения. Так как они вычисляются из расчета на

100 000 человек, то при изменении количественного состава населения меняются и эти показатели.

Выводы

Судя по данным проведенного анализа, уровень здоровья в России растет при практически стабильном уровне заболеваемости. Экологическая ситуация также является стабильной. Выделение значительных средств на развитие медицины дало результаты. Основной показатель эффективности инвестиций в области здравоохранения – ожидаемая продолжительность жизни – увеличивается. Одна из главнейших проблем здравоохранения заключается в росте численности не обеспеченных медициной регионов, так как централизация этого сектора удобна и выгодна для бюджета, но крайне неблагоприятна для населения.

Литература

1. Айвазян, С.А. Анализ качества и образа жизни населения. Эконометрический подход / С.А. Айвазян. – М.: Наука, 2012. – 432 с.
2. Айвазян, С.А. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Самарской области и ее муниципальных образований) / С.А. Айвазян, В.С. Степанов, М.И. Козлова // Прикладная эконометрика. – 2006. – № 2. – С. 18-84.
3. Вербик, М. Путеводитель по современной эконометрике / М. Вербик. – М.: Научная книга, 2008. – 616 с.
4. Кетова, Н.П. Модельный инструментальный результативного управления в ресурсном регионе / Н.П. Кетова, В.Н. Овчинникова // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 2.
5. Коломак, Е.А. Эконометрический анализ панельных данных: учеб. пособие / Е.А. Коломак // НГУ. – Новосибирск, 2007. – 48 с.
6. Лавриненко, П.А. Анализ инвестиционной привлекательности проектов в экологической сфере / П.А. Лавриненко // Проблемы прогнозирования. – 2013. – № 5.
7. Публикации «Демографический ежегодник России» (2002, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312
8. Публикации «Здравоохранение в России» (2001, 2005, 2007, 2009, 2011 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139919134734
9. Публикации «Охрана окружающей среды в России» (2001, 2006, 2008, 2010 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139919459344
10. Методологические рекомендации по формированию показателей природоохранных расходов с учетом международного опыта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/oxrana/met_oxrrek%20.htm

11. Annual Health Econometrics Workshop [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.healtheconometrics.org
12. Сайт Всемирного экономического форума [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://reports.weforum.org/human-capital-index-2013/>

Сведения об авторах

Петр Александрович Лавриненко – младший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, Россия, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47, petr@lavr.cc)

Дарья Александровна Рыбакова – магистрант, Международный институт экономики и права; начальник отдела, журнал «Розничные финансы» (121108, Россия, г. Москва, ул. Минская, 1Гк2, оф. 22, Rybakova.daria@gmail.com)

Lavrinenko P.A., Rybakova D.A.

Comparative Analysis of Regional Differences in Healthcare, Environment, and Public Health

Petr Aleksandrovich Lavrinenko – Junior Research Associate, Institute of Economic Forecasting, RAS (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation, petr@lavr.cc)

Dar'ya Aleksandrovna Rybakova – Master's Degree Student, International Institute of Economics and Law; Department Head, Journal "Roznichnye Finansy" (1Gk2, Minskaya Street, office 22, Moscow, 121108, Russian Federation, Rybakova.daria@gmail.com)

Abstract. The article compares Russia's regions on the basis of the current state of affairs in healthcare, environment and public health. The comparison was performed using econometric techniques, namely, cluster analysis. The authors used the statistics obtained from Rosstat's official publications as initial data. The first parameter – "public health" – uses indicators of life expectancy and the total morbidity rate due to all causes. The second parameter – "environment" – analyzes the indicators of emissions of harmful substances into the atmosphere and discharge of contaminated water into waste water. The sphere of healthcare was analyzed with the help of four indicators such as the number of beds per 100,000 population, the number of hospitals, the number of doctors per 10,000 population and the capacity of hospitals. After the analysis, the authors created a scatter plot for each group of indicators, and compiled a table that shows the structural and qualitative developments in the regions during the 2000s. The main research findings are as follows: in 2010 there was a 90% decrease in the number of regions that in 2000 were included in the cluster with the "poor level of development" of people's health, and the number of regions with the "low level of development" declined by 63%. Most of them moved to the cluster of regions with the "medium level of development". Many regions (70%) belong to the cluster with the "high level of development" of environmental security and have a cleaner environment in comparison with other regions. Regarding the healthcare sector, its dynamics is bipolar in nature, as in 10 years the number of regions in the clusters with the "good" and "bad" level of development reduced 6–7-fold; and the clusters with the "high" and "low" level of development increased by 2.3 and 1.5 times, respectively.

Key words: health care, public health, environment, human capital, cluster analysis, regional analysis, econometric analysis, regional development.

References

1. Aivazyan S.A. *Analiz kachestva i obraza zhizni naseleniya. Ekonometricheskii podkhod* [Analysis of the Quality of Life and the Lifestyle of the Population. Econometric Approach]. Moscow: Nauka, 2012. 432 p.
2. Aivazyan S.A., Stepanov V.S., Kozlova M.I. Izmerenie sinteticheskikh kategorii kachestva zhizni naseleniya regiona i vyyavlenie klyuchevykh napravlenii sovershenstvovaniya sotsial'no-ekonomicheskoi politiki (na primere Samarskoi oblasti i ee munitsipal'nykh obrazovaniy) [Measuring the Synthetic Categories of Quality of Life in a Region and Identification of Main Trends to Improve the Social and Economic Policy (Samara Region and its Constituent Territories)]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics], 2006, no. 2, pp. 18-84.
3. Verbeek M. *Putevoditel' po sovremennoi ekonometrike* [A Guide to Modern Econometrics]. Moscow: Nauchnaya kniga, 2008. 616 p.
4. Ketova N.P., Ovchinnikova V.N. Model'nyi instrumentarii rezul'tativnogo upravleniya v resursnom regione [Model Tools for Effective Management in the Resource Region]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2014, no. 2.
5. Kolomak E.A. *Ekonometricheskii analiz panel'nykh dannykh: ucheb. posobie* [Econometric Analysis of Panel Data: Textbook]. NGU. Novosibirsk, 2007. 48 p.
6. Lavrinenko P.A. Analiz investitsionnoi privlekatel'nosti proektov v ekologicheskoi sfere [Analysis of Investment Attractiveness of Projects in the Environmental Field]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2013, no. 5.
7. *Publikatsii "Demograficheskii ezhegodnik Rossii" (2002, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010 gg.)* [Publications "Demographic Yearbook of Russia" (2002, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010)]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312
8. *Publikatsii "Zdravookhranenie v Rossii" (2001, 2005, 2007, 2009, 2011 gg.)* [Publications "Healthcare in Russia" (2001, 2005, 2007, 2009, 2011)]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139919134734
9. *Publikatsii "Okhrana okruzhayushchei sredy v Rossii" (2001, 2006, 2008, 2010 gg.)* [Publications "Environmental Protection in Russia" (2001, 2006, 2008, 2010)]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139919459344
10. *Metodologicheskie rekomendatsii po formirovaniyu pokazatelei prirodookhrannykh raskhodov s uchetom mezhdunarodnogo opyta* [Methodological Recommendations on the Formation of Indicators of Environmental Protection Costs Taking into Account International Experience]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/oxrana/met_oxrrek%20.htm
11. *Annual Health Econometrics Workshop*. Available at: www.healtheconometrics.org
12. Sait Vsemirnogo ekonomicheskogo foruma [The World Economic Forum Website]. Available at: <http://reports.weforum.org/human-capital-index-2013/>

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

DOI: 10.15838/esc/2015.5.41.15

УДК 316.42, ББК 60.524

© Ласточкина М.А.

Научная жизнь: исследование социокультурной модернизации регионов России*

**Мария Александровна
ЛАСТОЧКИНА**

кандидат экономических наук

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, mashkop@mail.ru

Аннотация. В данной статье поставлена цель сжато и конструктивно описать исследование по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (инициированной Центром исследования социокультурных изменений Института философии РАН в 2005 г.), которое проводится и в Вологодской области начиная с 2008 г. Результаты социологических мониторингов соотнесены с данными по изучению процессов модернизации в субъектах Российской Федерации. Описан многолетний опыт и итоги работы научных коллективов из 25 регионов страны. Большой вклад в становление и развитие инструментария внес член-корреспондент РАН Лапин Николай Иванович. На разработанной им методике развернуто масштабное социологическое исследование, которое не угасает вот уже более 10 лет. Действующая программа, с каждым годом осваивая новые аспекты познания современного социума, демонстрирует продуктивность социокультурного подхода к изучению динамики социально-экономического развития общества.

Ключевые слова: социокультурный портрет, модернизация, регион, население, ценности.

Два последних десятилетия в России характеризуются существенными изменениями социально-экономических, политических и культурных процессов. Современный этап эволюции российского общества как социокультурной системы сопровождается глубокими переменами

во всех сферах общественной жизни. Подобная ситуация требует теоретического осмысления, эмпирического анализа выделения новых категорий, поэтому изучение социокультурного развития регионов является весьма значимым для будущего всей России.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, № 15-02-00482.

С целью представить регионы с позиции социокультурных территориальных сообществ в их целостности, своеобразии и в контексте социокультурного пространства страны как дифференцированного целого в 2005 г. была разработана программа «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Ее инициатором выступил руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН член-корреспондент РАН Лапин Николай Иванович. С каждым годом к проекту присоединялось все больше и больше участников, таким образом в настоящий момент в их число входят 25 субъектов РФ (республики Башкортостан, Бурятия, Калмыкия, Карелия, Татарстан, Чеченская, Чувашская, Краснодарский, Красноярский и Пермский края, Астраханская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Курская, Новосибирская, Омская, Самарская, Свердловская, Смоленская, Тюменская, Тульская, Ульяновская, Челябинская области, город Москва). Ученые и исследовательские коллективы из научных учреждений и высших учебных заведений работают над общей темой, ежегодно встречаясь на конференциях, представляя результаты своих наработок и обмениваясь мнениями. Организовано уже 10 ежегодных тематических конференций в таких городах, как Москва (2005 г.), Тюмень (2006 г.), Курск (2007 г.), Чебоксары (2008 г.), Смоленск (2009 г.), Ульяновск (2010 г.), Казань (2011 г.), Уфа (2012 г.), Вологда (2013 г.), Пермь (2014 г.), в г. Омске конференция пройдет в 2015 г. И надо отметить, что их проведение постоянно поддерживает Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ). Длющиеся уже 11 лет исследования «Социокультурный портрет региона России» стали инструментом выявления факторов устойчивости и неустойчивости социетальной системы на региональном

уровне. Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой были разработаны программа и типовой инструментарий, который представлен программой-проспектом «портрета», комплексом социологических и статистических методов получения информации, включающим оценки населением основных параметров своей жизнедеятельности¹. Так, в 2006–2010 (2012) гг. созданы портреты около 25 регионов различных федеральных округов Российской Федерации. Эти работы опубликованы в двух десятках монографий и сотнях статей, в сборниках материалов конференций, в обобщающей коллективной монографии «Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте»².

ИСЭРТ РАН, став участником Программы, начал изучение Вологодской области и составление ее портрета на основе социокультурного подхода в 2008 г. В ходе проведенных в 2008–2012 гг. исследований были выявлены закономерности и особенности трансформации социокультурного образа области на фоне экономической и социальной нестабильности и представлена комплексная картина, характеризующая регион с различных сторон. Изучены основные экономические показатели, описывающие быт населения, проанализированы такие сферы общества, как здравоохранение, образование, инновационное развитие, культурная активность, образ и стиль жизни населения. На этом этапе работы подробно исследовался и культурный потенциал региона. Анализ культурного развития очертил ситуацию, оценивающую уровень культурного потенциала и

¹ Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2010. – 111 с.

² Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: Academia, 2009.

степень его конвертируемости в культурный капитал. По итогам исследования выявлено, что Вологодская область обладает существенным культурно-историческим наследием, однако ее культурный потенциал заметно снижает низкая культурная активность населения³. Ее приоритетные векторы позволили четко определить иерархию ценностей вологжан. В сфере их главных интересов преобладают ценности семьи и дома (65% ответивших в 2012 г.). Интересы, связанные с образованием и духовным развитием, занимают последние ступени в иерархии ценностей (3%). Самыми распространенными причинами низкой культурной активности более трети населения называет отсутствие свободного времени и финансовые трудности (24%). При и так недостаточно развитой в регионе инновационной деятельности еще большее ее сокращение произошло в период кризиса 2008 года. Вместе с тем доля организаторов создания новшеств незначительно увеличилась благодаря в основном региональной политике по поддержке малого и среднего бизнеса. Среди ключевых проблем-опасностей на первом месте стоит преступность, далее бедность. Они являются первостепенными не только для Вологодской области, но и для России в целом. Несмотря на поступательное социально-экономическое развитие региона, в нем наблюдается внутренняя асинхронность и противоречивость урбанизированного центра (города Вологда и Череповец) и районной периферии, что отражается и на социокультурном развитии. Социокультурный потенциал области обладает хорошим базисом, который необходимо сохранять, поддерживать и развивать. На первом

³ Антонова М.А. Культурный капитал населения Вологодской области // Проблемы развития территорий. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – № 2 (58). – С. 62-69.

месте по значимости стоит демографическая ситуация, далее – экология и, что не менее важно, стимулирование гражданской, инновационной и культурной активности населения.

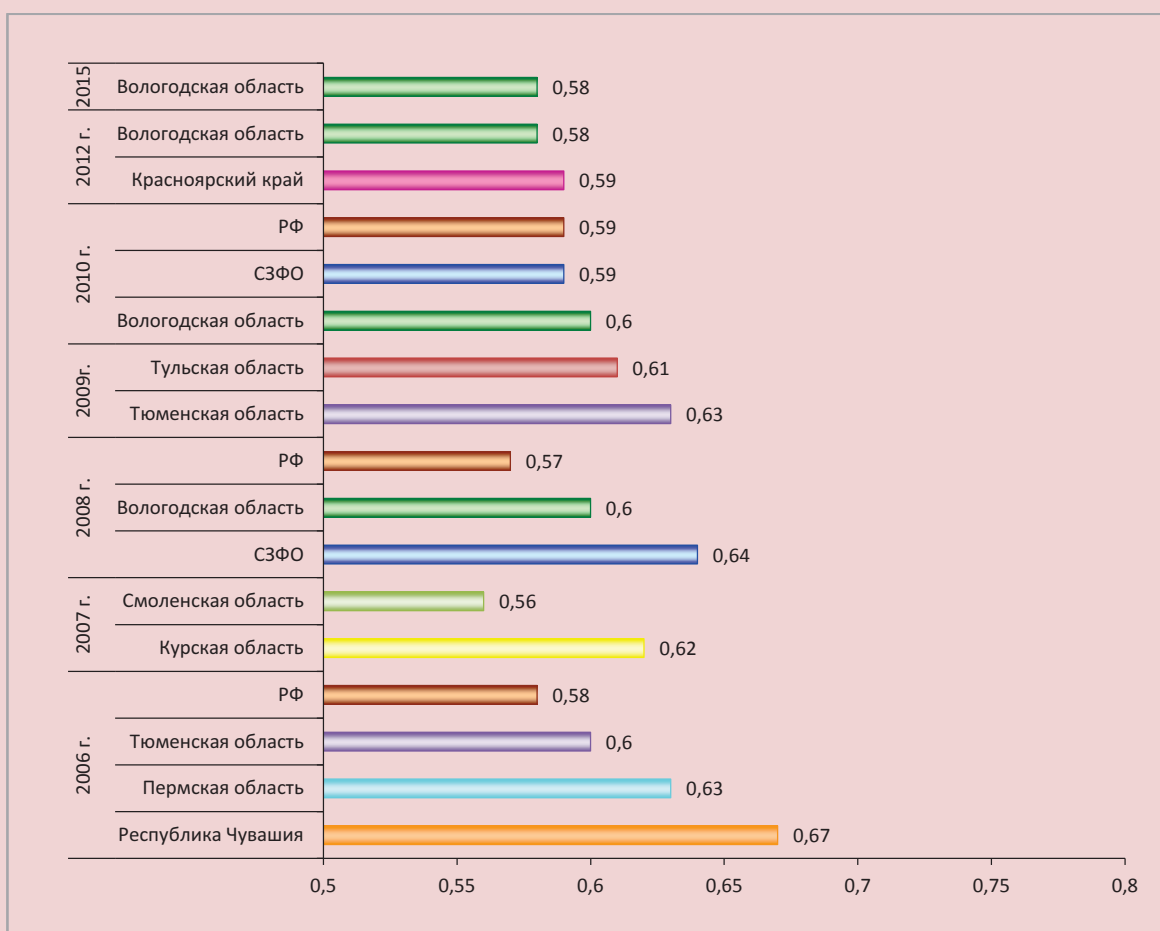
Одним из ключевых индикаторов, отражающих экономическую состоятельность государства, уровень охраны прав граждан, качество жизни, социальные гарантии, является показатель социальной защищенности населения. Социальная защищенность в субъективном смысле – это чувство социальной защищенности, которое оценивается психологическим состоянием личности⁴. Индикатором выявления уровня самооценки защищенности стали ответы на вопрос: «Насколько сегодня лично Вы чувствуете себя защищенным от различных опасностей?» с перечнем 10 опасных проблем, который содержится в общероссийском мониторинге⁵. Рассчитанный коэффициент социальной защищенности показывает степень устойчивости сообщества⁶. За анализируемый период с 2006 по 2015 г. коэффициенты социальной защищенности в различных регионах страны отличались друг от друга незначительно (*рисунок*). Также не наблюдались и значения, близкие к критическому уровню (0,5). В Вологодской области на протяжении последних четырех лет его величина составляет 0,58, и это меньше, чем было в 2008 и 2010 гг. Такие изменения произошли вследствие роста тревожности жителей из-за их национальности, рели-

⁴ Ласточкина М.А. Социальная защищенность населения России: обзор исследований последних лет // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 2 (26). – С. 171-179.

⁵ Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии РАН. – М.: ИФ РАН, 2010. – 111 с.

⁶ Диапазон измерения от 0 до 1, значения свыше 0,51 можно считать достаточным уровнем защищенности, а менее 0,5 – недостаточным.

Коэффициенты защищенности в регионах России

Источник: Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: Academia, 2009. – 808 с.; Результаты пятой волны Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», полученные ЦИСИ ИФ РАН в 2006 году; Результаты региональных исследований «Социокультурный портрет региона».

гиозных убеждений и преследования за политические убеждения. При детальном рассмотрении проблем-опасностей отметим, что население регионов России менее всего защищено от преступности, бедности, произвола чиновников и экологической угрозы (коэффициенты защищенности по этим показателям имеют оценку менее 0,5). Таким образом, данные показывают, что в стране нет стабильности и чувства безопасности в отношении преступных посягательств, а также низка

надежда на защиту правоохранительных органов. Об этом свидетельствует и существующая угроза произвола с их стороны, которая замыкает список наиболее острых проблем. То есть в российском обществе имеется социальная разобщенность и неуверенность в своем будущем и отношениях с людьми.

Рассмотрим еще один показатель, который используется для оценки социокультурной обстановки, – индекс социального самочувствия населения.

Таблица 1. Индекс социального самочувствия и его коэффициенты

Индекс	2006 г.		2008 г.	2010 г.			2012 г.	2015 г.
	РФ	СЗФО	Вол. обл.	РФ	СЗФО	Вол. обл.	Вол. обл.	Вол. обл.
Индекс социального самочувствия	0,60	0,65	0,62	0,62	0,64	0,61	0,62	0,61
<i>Коэффициенты, составляющие индекс социального самочувствия</i>								
Защищенность от опасностей (Кз)	0,57	0,64	0,6	0,59	0,59	0,6	0,58	0,58
Удовлетворенность жизнью в целом (Ку)	0,66	0,69	0,61	0,68	0,71	0,61	0,71	0,71
Оптимизм (Ко)	0,58	0,62	0,66	0,58	0,61	0,61	0,58	0,55

Как видно по данным *таблицы 1*, в 2010 г. значение индекса социального самочувствия в Вологодской области было ниже, чем по России в целом. Если значения коэффициентов защищенности от опасностей и социального оптимизма в целом в регионе приблизительно равны общероссийским, то по уровню удовлетворенности населения жизнью область отстает от России. Исследования 2012 и 2015 гг. показали, что удовлетворенность жизнью у населения области значительно возросла, однако уменьшились два других коэффициента. Вызывает тревожные опасения спад коэффициента оптимизма, который за 8 лет снизился на 0,11 пункта – с 0,66 до 0,55. Если ситуация не стабилизируется, то к 2020 г. можно ожидать снижение данного показателя до критического уровня. Налицо социальные последствия экономических неурядиц, периодически повторяющихся в последние годы.

Социальное самочувствие населения связано с жизненными ценностями, которые формируют стиль жизни и поведение индивида. Подробное исследование этого вопроса включает методический инструментарий «Социокультурный портрет региона России». Так, жители Вологодской области в большинстве случаев разделяют иерархию ценностей, характерную для россиян (*табл. 2*). Вместе с тем дифференциация ценностей на 4 функциональных

слоя в 2010 г. полностью совпала только в последней группе – конфликтогенной периферии. Балльные оценки ценностей в регионе меньше, чем в целом по России. Жители региона ставят на первое место, как высшую ценность, человеческую жизнь. Дополняют эту ценность и образуют интегрирующее ядро такие ценности, как семья, порядок, общительность. Население области ставит на более низкую позицию ценность «свобода» (9-е место по сравнению с 7-м местом в общероссийском рейтинге ценностей). Отметим, что во многих регионах РФ наблюдается резко нарастающее ослабевание в сознании населения ценности «традиции». В Вологодской области, в отличие от России целом, нравственность, жертвенность и инициативность оказываются в оппозирующем дифференциале. Властность и своевольность не рассматриваются в качестве значимых ценностей большинством жителей области. Эти ценности отрицаются подавляющей частью населения России. В 2015 г. иерархия ценностного пространства населения Вологодской области не претерпела существенных изменений, отметим только, что заметно больше жители стали ценить свободу и жертвенность, а ценность работы упала.

В ходе начатого в 2011 г. второго этапа исследований внимание участников Программы было сосредоточено на изучении

Таблица 2. Ценностные предпочтения населения
(звешенные средние баллы по 5-балльной шкале)

Вологодская область, 2010 г. (2015 г.)			Россия, 2010 г.		
Ценности	Баллы	Место	Ценности	Баллы	Место
<i>Интегрирующее ядро</i>					
Жизнь человека	4,64 (4,63)	1 (1)	Жизнь человека	4,80	1
Семья	4,53 (4,60)	2 (2)	Семья	4,80	2
Порядок	4,49 (4,56)	3 (3)	Общительность	4,73	3
Общительность	4,48 (4,51)	4 (4)	Порядок	4,72	4
			Благополучие	4,59	5
			Независимость	4,47	6
			Свобода	4,44	7
			Традиция	4,40	8
<i>Интегрирующий резерв</i>					
Благополучие	4,38 (4,39)	5 (5)	Работа	4,29	9
Независимость	4,29 (4,32)	6 (6)	Инициативность	4,13	10
Традиция	4,19 (4,18)	7 (8)	Нравственность	4,10	11
Работа	4,11 (3,94)	8 (9)	Жертвенность	4,07	12
Свобода	4,08 (4,19)	9 (7)			
<i>Оппонирующий дифференциал</i>					
Нравственность	3,80 (3,72)	10 (12)			
Инициативность	3,74 (3,81)	11 (10)			
Жертвенность	3,66 (3,80)	12 (11)			
<i>Конфликтогенная периферия</i>					
Властность	2,49 (2,55)	13 (13)	Властность	2,76	13
Своевольность	2,42 (2,51)	14 (14)	Своевольность	2,49	14
* Методика определения ценностей – Н.И. Лапин (Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии РАН. – М.: ИФ РАН, 2010. – 111 с.). Источник: данные опроса «Социокультурный портрет региона», проведенного ИСЭРТ РАН в 2010, 2015 гг. (Вологодская область), ИФ РАН в 2010 г. (Россия).					

процессов социокультурной модернизации в регионах. На основе инструментария Центра исследований модернизации Академии наук Китая (с 2000 г. осуществляют мониторинг стадий модернизации, их фаз и уровня в 131 стране, включая Россию) и данных Росстата были посчитаны индексы состояний модернизации всех 83 субъектов и 8 федеральных округов РФ (китайская методика адаптирована к российской статистике Н.И. Лапиным)⁷. Более детальному изучению методики измерения уровня модернизации в мире, в России и в отдельном регионе страны способствовала про-

⁷ Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. – 2011. – № 9. – С. 3-18.

веденная в 2012 г. Институтом философии РАН российско-китайская конференция «Цивилизация и модернизация». Полученный опыт использован при разработке информационно-аналитической системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, <http://mod.vssc.ac.ru/>), которая была создана для автоматизации расчетов и визуализации данных по регионам и федеральным округам РФ. Развернулся содержательный анализ процессов модернизации с использованием результатов социокультурных портретов регионов. Благодаря такому комплексному подходу появилось социокультурно-модернизационное понимание региона, обеспечена международная сопоставимость происходящих процессов модернизации.

Результаты российских исследований были представлены на Первом Международном форуме по модернизации «Modernization and Global Change» (Пекин, 8–9 августа 2013 г.)⁸.

Первые итоги работы региональных рабочих коллективов опубликованы в коллективной монографии «Проблемы социокультурной модернизации регионов России»⁹. Определены шесть типов (состояний) модернизованности российских регионов, детально проанализирована социокультурная модернизация в 18 регионах. Выявлено, что недостаточно реализуется социокультурный потенциал и не обеспечивается необходимое повышение уровня и качества жизни населения. Обозначены факторы такого положения, разработаны направления стратегии модернизации региона с учетом повышения уровня его социокультурного развития и конкурентоспособности.

В рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» (руководитель – академик М.В. Котляков)¹⁰ Центр изучения социокультурных изменений ИФ РАН планирует выход монографии «Социокультурный атлас модернизации России». Социокультурное пространство России будет представлено в Атласе на трех уровнях: страна в целом, федеральные округа, регионы. Уже сделаны первые шаги по развернутому

анализу состояний модернизованности российских территорий, определению ближайших этапов реализации стратегии модернизации¹¹.

Так, оценка вторичной модернизации¹² (ВМ) выявила неравномерность модернизации в федеральных округах России – разница в индексах ВМ составила 25 п.п. В зависимости от величины индекса федеральные округа можно разделить на три группы: уровень индекса ВМ низкий (от 31 до 51), средний (от 52 до 80), высокий (от 81 до 120). Высокоразвитому уровню соответствует только Центральный ФО, все остальные территории находятся на среднем уровне (табл. 3). Расчеты показали, что в результате финансово-экономического кризиса снизились темпы среднегодового прироста индексов, а в двух ФО даже стали убывать. Позитивным оказался 2012 год, когда ситуация стабилизировалась и во всех округах отмечены положительные изменения.

Рассмотрим динамику развития вторичной модернизации в Северо-Западном федеральном округе. Наиболее высокий уровень модернизации наблюдается в городе Санкт-Петербурге, в некоторых северных регионах с развитой добывающей и обрабатывающей промышленностью (Мурманская область, Ненецкий АО, Республика Коми), включающих крупные города или соседствующих с ними. Самым низким уровнем модернизации характеризуются Вологод-

⁸ Lastochkina M. Socio-Cultural Modernization of Vologda Region // Global modernization review: new discoveries and theories revisited / [edited by] Alberto Martinelli and Chuanqi He. – 2015. – P. 269-276.

⁹ Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост. и общ. ред. Л.А. Беляевой, Н.И. Лапина. – Гл. 15. – М.: Academia, 2013. – 416 с.

¹⁰ Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез / отв. ред. академик М.В. Котляков. – М.: Медиа-Пресс, 2013. – 664 с.

¹¹ Работу по федеральным округам РФ выполнили: ЦФО – Н.И. Лапин, Е.А. Когай, Н.А. Касавина, А.А. Когай; СЗФО – В.А. Ильин, А.А. Шабунова, М.А. Ласточкина; ЮФО – Н.В. Дулина, Е.В. Каргаполова; ПФО – В.Т. Тарасов, И.И. Бойко, В.Г. Харитонов; УФО – Г.Ф. Ромашкина; СФО – В.Г. Немировский, В.С. Половинко; ДФО – А.В. Немировская.

¹² Вторичная модернизация представляет собой тип модернизации, при котором осуществляется переход социально-экономической системы в информационное общество, приоритетными становятся инновации, знания, производство высокотехнологичной продукции. Оцениваются четыре области: трансляция знаний, качество жизни, инновации в знаниях, качество экономики.

Таблица 3. Динамика индексов вторичной модернизации федеральных округов РФ*

Федеральный округ	Год					Средний темп прироста		
	2000	2005	2008	2010	2012	2000–2008 гг.	2008–2010 гг.	2010–2012 гг.
Центральный	<i>Среднеразвитые</i>		<i>Высокоразвитые</i>			1,7	0,6	1,3
	68,9	76,7	82,8	84,1	86,6			
Северо-Западный	66,7	72,6	<i>Среднеразвитые</i>			1,3	0,8	0,8
			77,4	79	80,6			
Россия	61	66,2	69,8	72	78,4	1,1	1,1	3,2
Уральский	56,2	63,1	67,4	66,1	69,1	1,4	-0,7	1,5
Сибирский	52,6	59,2	62,8	63,2	63,9	1,3	0,2	0,3
Приволжский	55	61	63,4	64,4	68,3	1,1	0,5	2,0
Дальневосточный	<i>Предв. развитие</i>	58,6	62,4	62,1	65,9	1,4	-0,1	1,9
	51,4							
Южный	50,3	55,6	58,3	59,1	61,8	1,0	0,4	1,4
Северо-Кавказский	44,2	<i>Предв. развитие</i>	51,7	53,6	63,7	0,9	0,9	5,1
		49,6						

* VM-уровни: высокообразованные – 81 и более; среднеразвитые – 52–80; предварительно развитые – 31–51.
Источник: ИС «Модернизация».

Таблица 4. Динамика индексов вторичной модернизации федеральных округов РФ*

Федеральный округ	Год					Средний темп прироста		
	2000	2005	2008	2010	2012	2000–2008 гг.	2008–2010 гг.	2010–2012 гг.
г. Санкт-Петербург	<i>Среднеразвитые</i>	<i>Высокоразвитые</i>				14,5	0,7	4,9
	77,7	86,7	92,2	92,9	97,8			
Мурманская область	58,5	<i>Среднеразвитые</i>				10,7	1,5	2,6
		64,5	69,2	70,7	73,3			
Ненецкий автономный округ	54,1	59	64,6	65,1	71,9	10,5	0,5	6,8
Республика Коми	53,6	60,2	66,1	65,8	69,7	12,5	-0,3	3,9
Ленинградская область	54,4	56,8	61,3	62,9	67,3	6,9	1,6	4,4
Республика Карелия	<i>Предв. развитие</i>	55,2	61,9	64,6	65,7	12	2,7	1,1
	49,9							
Архангельская область	49,3	56,3	62,4	60,6	65,1	13,1	-1,8	4,5
Калининградская область	52,9	57,1	61,4	61,9	64,6	8,5	0,5	2,7
Новгородская область	49	53,8	57,7	59,9	63,9	8,7	2,2	4
Псковская область	45,8	<i>Предв. развитие</i>	55,5	56,7	61,1	9,7	1,2	4,4
		51,1						
Вологодская область	46	51,9	56,7	56	59,9	10,7	-0,7	3,9

* VM-уровни: высокообразованные – 81 и более; среднеразвитые – 52–80; предварительно развитые – 31–51.
Источник: ИС «Модернизация».

ская, Псковская и Новгородская области. В рассматриваемый период наблюдалась позитивная динамика индекса вторичной модернизации. Так, если в 2000 г. четыре

региона соответствовали низкому уровню, то в 2005 г. таких регионов осталось только 2, а в 2012 г. – ни одного (табл. 4). Всё больше территорий (10 из 11 в 2012 г.) соответствуют

среднему уровню вторичной модернизации, группа с высоким уровнем развития пополнилась г. Санкт-Петербургом и СЗФО. Следует отметить неравномерность процесса региональной модернизации в округе, при этом существует и асинхронность в развитии даже соседних по географическому положению территорий. Ярким примером служит Санкт-Петербург, который опережает Ленинградскую область более чем на 30 п.п. по индексу ВМ.

Участие ИСЭРТ РАН в программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» позволило более детально, комплексно, в конструктивно-проектном духе оценить процессы социокультурной модернизации в Вологодской области и Северо-Западном федеральном округе.

Результаты исследований представлены в трех монографиях ИСЭРТ РАН («Социокультурные аспекты развития территории»¹³, «Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты»¹⁴, «Социальная структура и мобильность в российском обществе»¹⁵), более чем четырех десятках статей и в материалах конференций¹⁶, а также в выступлениях на Первом Международном форуме по модернизации в Пекине¹⁷.

Исследование ИСЭРТ РАН не раз получало грантовую поддержку: РФФИ (проект «Оценка влияния неравенства доходов на уровень и темпы социально-экономической модернизации регионов», 2013 г.); Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 31 в рамках

¹³ Социокультурные аспекты развития территории / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, Н.А. Окулова, Т.С. Соловьева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 131 с.

¹⁴ Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 158 с.

¹⁵ Шабунова А.А., Соловьева Т.С., Ласточкина М.А. Социальная структура и мобильность в российском обществе / под науч. рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 172 с.

¹⁶ Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. по прог. «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Вологда, 23–26 октября 2013 г. : в 3-х частях. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013.

¹⁷ Il'in V., Shabunova A. Socio-Cultural Modernization of Vologda Region // Global modernization review : new discoveries and theories revisited / [edited by] Alberto Martinelli and Chuanqi He. – 2015. – P. 277-284.

проекта 4.9 «Вызовы модернизации: социокультурная стратификация и мобильность в регионах»; РГНФ (проект «Социокультурные детерминанты модернизационного развития России: методы измерения и анализ причинных зависимостей», 2015 г.). В 2013 г. на базе ИСЭРТ РАН были организованы IX Всероссийская научно-практическая конференция «Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации» по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (при поддержке РГНФ) и Российская научно-практическая конференция молодых ученых «Социокультурный потенциал территорий в контексте глобальных вызовов: методологические аспекты исследования» (при поддержке РФФИ).

Изучаемые участниками Программы аспекты социокультурных изменений в регионах России показали, что модернизация приобрела масштаб всемирного процесса и означает глобальный конкурентный вызов каждой стране. В России обострилась потребность в научных исследованиях реальных параметров этого вызова, использовании математических методов прогнозирования и формировании стратегии действий, которая позволит обеспечить безопасность и устойчивость развития страны, повышение человеческого потенциала и качества жизни ее населения.

Результаты исследований, выполненных почти в 30 субъектах Российской Федерации специалистами НИИ и ведущих университетов, убеждают, что основными принципами конкурентоспособной модернизации большинства регионов РФ в ближайшие годы должны стать: ускоренная неоиндустриализация и социокультурно сбалансированный переход от первичной, индустриальной стадии модернизации к вторичной, информационной стадии.

Настоятельно требуется активная государственная политика, обеспечивающая рост инвестиций в создание новых знаний и их трансляцию молодым поколениям (т.е. в науку и образование) и, что не менее важно, в реализацию все еще значительного имеющегося человеческого, в целом социокультурного потенциала страны и регионов, его преобразование в действенный человеческий, социокультурный капитал. Эту политику должна закрепить последовательная законодательная практика, стимулирующая бизнес (корпорации, фирмы, предприятия, банки) к широкому использованию достижений науки и техники для значительного повышения доли инновационных товаров и услуг в общем объеме отгруженной продукции, к обеспечению должного вклада бизнеса в федеральный и региональные бюджеты.

Необходимо развивать региональное и межрегиональное сотрудничество вузов и НИИ в исследовании процессов и проблем модернизации. Желательно дополнить используемый инструментарий актуальными для России параметрами и индикаторами модернизации. В российских регионах целесообразно разработать долгосрочные стратегии, включающие совокупность региональных программ и муниципальных проектов, обеспечивающих снижение факторов инерции и сопротивления модернизации, а главное — усиление факторов поддержки неоиндустриализации регионов и их перехода к информационной стадии модернизации. Опыт показывает, что более эффективна модернизация, использующая как возможности отечественного инновационного потенциала, так и передовые зарубежные достижения. Из-за значительных различий в условиях даже соседним территориям могут понадобиться разные сроки для перехода к информационной стадии модернизации.

Литература

1. Антонова, М.А. Культурный капитал населения Вологодской области [Текст] / М.А. Антонова // Проблемы развития территории. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – № 2 (58). – С. 62-69.
2. Лапин, Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) [Текст] / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2010. – 111 с.
3. Лапин, Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации [Текст] / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 2011. – № 9. – С. 3-18.
4. Ласточкина, М.А. Социальная защищенность населения России: обзор исследований последних лет / М.А. Ласточкина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 2 (26). – С. 171-179.
5. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты [Текст]: монография / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 158 с.
6. Проблемы социокультурной модернизации регионов России [Текст] / сост. и общ. ред. Л.А. Беляевой, Н.И. Лапина. – Гл. 15. – М. : Academia, 2013. – 416 с.
7. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте [Текст] / сост. и общ. ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: Academia, 2009.
8. Социокультурные аспекты развития территории [Текст]: монография / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, Н.А. Окулова, Т.С. Соловьева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 131 с.
9. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез / отв. ред. академик М.В. Котляков. – М.: Медиа-Пресс, 2013. – 664 с.
10. Шабунова, А.А. Социальная структура и мобильность в российском обществе [Текст]: монография / А.А. Шабунова, Т.С. Соловьева, М.А. Ласточкина; под науч. рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 172 с.
11. Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации [Текст] : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. по прогр. «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Вологда, 23–26 октября 2013 г. : в 3-х частях. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013.
12. P'in, V. Socio-Cultural Modernization of Vologda Region / V. P'in, A. Shabunova // Global modernization review : new discoveries and theories revisited / [edited by] Alberto Martinelli and Chuanqi He. – 2015. – P. 277-284.
13. Lastochkina, M. Socio-Cultural Modernization of Vologda Region / M. Lastochkina // Global modernization review : new discoveries and theories revisited / [edited by] Alberto Martinelli and Chuanqi He. – 2015. – P. 269-276.

Сведения об авторе

Мария Александровна Ласточкина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, mashkop@mail.ru)

Lastochkina M.A.

Scientific life: research in socio-cultural modernization of Russian regions

Mariya Aleksandrovna Lastochkina – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of SocioEconomic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, mashkop@mail.ru)

Abstract. The article makes an attempt to concisely and constructively describe the research under the program “Socio-cultural evolution of Russia and its regions” (initiated by the Centre for the Study of

Social and Cultural Change at the Institute of Philosophy RAS, 2005), carried out in the Vologda Oblast since 2008. The sociological monitoring results correspond to the data of the RF modernization processes study. The article describes the experience and work results of the research teams from 25 regions of the country. The big contribution to the elaboration and development of tools was made by RAS Corresponding Member Nikolai Ivanovich Lapin. The developed methodology underlined the large-scale sociological research conducted for more than 10 years. The current program, annually mastering new aspects of knowledge of modern society, demonstrates the effectiveness of the socio-cultural approach to the study of the dynamics of socio-economic development of the society.

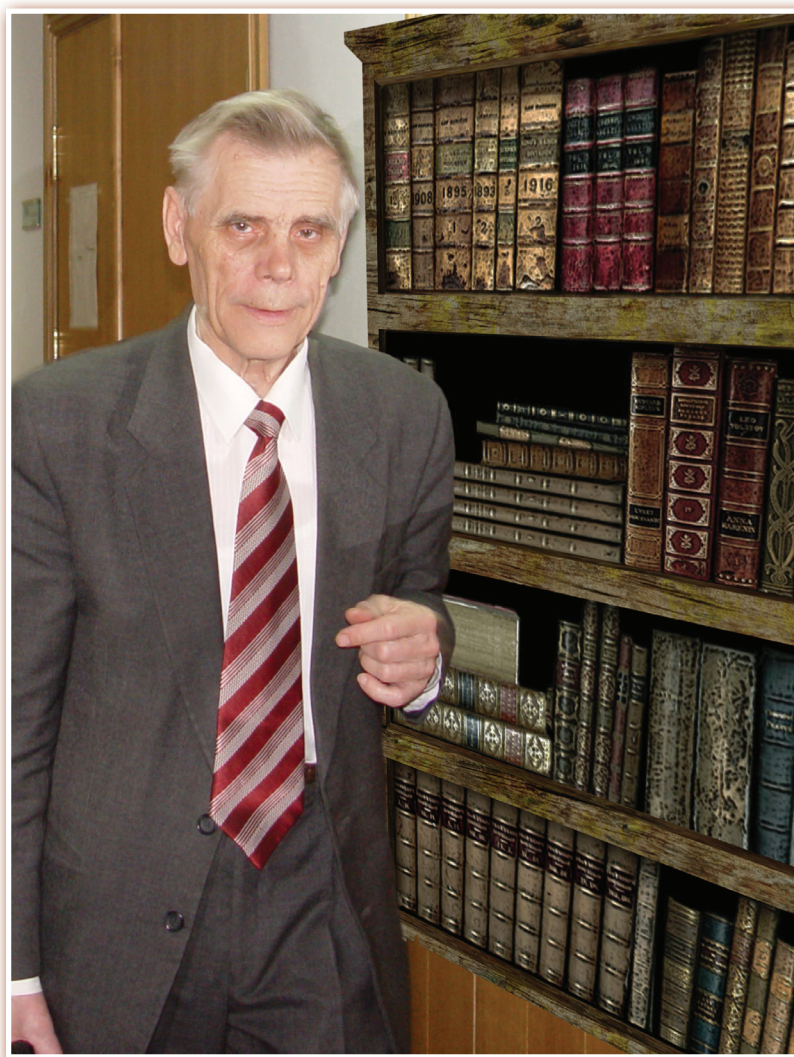
Key words: socio-cultural portrait, modernization, region, population, values.

References

1. Antonova M.A. Kul'turnyi kapital naseleniya Vologodskoi oblasti [Cultural Capital of the Vologda Oblast Population]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], Vologda: ISERT RAN, 2012, no. 2 (58), pp. 62-69.
2. Lapin N.I., Belyaeva L.A. *Programma i tipovoi instrumentarii "Sotsiokul'turnyi portret regiona Rossii" (Modifikatsiya – 2010)* [Program and Standard Tools "Socio-Cultural Portrait of Russia" (Modification – 2010)]. Moscow : IF RAN, 2010. 111 p.
3. Lapin N.I. Sotsiokul'turnye faktory rossiiskoi stagnatsii i modernizatsii [Sociocultural Factors of Russian Stagnation and Modernization]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2011, no. 9, pp. 3-18.
4. Lastochkina M.A. Sotsial'naya zashchishchennost' naseleniya Rossii: obzor issledovaniy poslednikh let [Social Security of Russia's Population: an Overview of the Past Years Studies]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 2 (26), pp. 171-179.
5. Shabunova A.A., Gulin K.A., Lastochkina M.A., Solov'eva T.S. *Modernizatsiya ekonomiki regiona: sotsiokul'turnye aspekty: monografiya* [Modernization of the Region's Economy: Socio-Cultural Aspects: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2012. 158 p.
6. *Problemy sotsiokul'turnoi modernizatsii regionov Rossii* [Problems of Socio-Cultural Modernization of Russian Regions]. Compiled and edited by L.A. Belyaeva, N.I. Lapin. Moscow : Academia, 2013. 416 p.
7. *Regiony v Rossii: sotsiokul'turnye portrety regionov v obshcherossiiskom kontekste* [Regions in Russia: Socio-Cultural Portraits of Regions in the All-Russian Context]. Compiled and edited by N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. Moscow: Academia, 2009.
8. Shabunova A.A., Gulin K.A., Okulova N.A., Solov'eva T.S. *Sotsiokul'turnye aspekty razvitiya territorii: monografiya* [Socio-Cultural Aspects of Territorial Development: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2009. 131 p.
9. *Fundamental'nye problemy prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: mezhdistsiplinaryni sintez* [Fundamental Problems of Spatial Development of the Russian Federation: Interdisciplinary Synthesis]. Executive Editor Academician M.V. Kotlyakov. Moscow: Media-Press, 2013. 664 p.
10. Shabunova A.A., Solov'eva T.S., Lastochkina M.A. *Sotsial'naya struktura i mobil'nost' v rossiiskom obshchestve: monografiya* [Social Structure and Mobility in the Russian Society: Monograph]. Under scientific supervision of Doctor of Economics, Professor V.A. Ilyin. Vologda: ISERT RAN, 2015. 172 p.
11. *Evolutsiya regionov Rossii i strategii ikh sotsiokul'turnoi modernizatsii: materialy IX Vseros. nauch.-prakt. konf. po progr. "Sotsiokul'turnaya evolyutsiya Rossii i ee regionov", g. Vologda, 23–26 oktyabrya 2013 g. : v 3-kh chastyakh* [Evolution of Russian Regions and Strategy for Socio-Cultural Modernization: Materials of the 9th All-Russian Research-to-Practice Conference according to the Program "Socio-Cultural Evolution of Russia and Its Regions", Vologda, October 23–26, 2013 : in 3 Parts]. Vologda : ISERT RAN, 2013.
12. Ilyin V., Shabunova A. Socio-Cultural Modernization of Vologda Region. *Global Modernization Review : New Discoveries and Theories Revisited*. Edited by Alberto Martinelli and Chuanqi He. 2015, pp. 277-284.
13. Lastochkina M. Socio-Cultural Modernization of Vologda Region. *Global Modernization Review : New Discoveries and Theories Revisited*. Edited by Alberto Martinelli and Chuanqi He. 2015, pp. 269-276.

ЮБИЛЕИ

Сычеву Михаилу Федоровичу – 80 лет

23 октября 2015 г. исполнилось 80 лет ведущему научному сотруднику Института социально-экономического развития территорий РАН кандидату экономических наук Михаилу Федоровичу Сычеву.

Михаил Федорович родился в 1935 году в селе Турмасово Мичуринского района Тамбовской области. В 1959 году окончил

агрономический факультет Мичуринского плодовоовощного института с присвоением квалификации «Ученый агроном». В 1969 году завершил учебу в аспирантуре Института экономики Академии наук СССР и защитил в этом институте диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук.

Трудовую деятельность М.Ф. Сычев начал в 1959 году агрономом колхоза «Дружба» Череповецкого района Вологодской области, затем был избран первым секретарем Череповецкого райкома комсомола, а в 1960 году – секретарем Вологодского обкома ВЛКСМ. С 1964 по 1984 год работал помощником первого секретаря, заведующим отделом сельского хозяйства и пищевой промышленности Вологодского обкома КПСС. В январе 1984 года избран секретарем, а в мае 1985 года – вторым секретарем Вологодского обкома КПСС.

М.Ф. Сычев – видный ученый в области анализа экономического развития территориальных и производственных систем, работает в системе ИСЭРТ РАН с 1991 года. Под его руководством сложилась научная школа по направлению исследований разработки теоретико-методологических и методических основ модернизации хозяйств северных регионов страны с учетом современных задач общероссийского развития. Он автор более 40 научных работ.

За период работы в институте М.Ф. Сычев выполнил значительный объем научно-исследовательских и прикладных разработок по проблемам социально-экономического развития территорий, повышения эффективности экономики регионов Европейского Севера России. Он автор разделов монографических публикаций Института, получивших высокую оценку в научной и производственной среде: «Анализ и оценка состояния возможностей научно-технического потенциала Вологодской области для решения задач структурной перестройки» (Вологда, 1996); «Агропромышленный комплекс района: реформа и развитие» (Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1997); «Лесопромышленный комплекс: проблемы и решения» (Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН,

1999); «Инвестиционная деятельность в регионе» (Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2002); «Тенденции и проблемы развития региона» в 3-х томах (Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005); «Стратегия развития региона» (Москва: Academia, 2006); «Региональная стратегия экономического роста» (Москва: Наука, 2007); «Пространственные аспекты развития региона» (Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2008); «Проблемы регионального развития: 2002–2012» (Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2009); «Тенденции и проблемы развития региона» в 4-х томах (Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011); «Экономика воспроизводства лесов» (Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011); «Влияние интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие» (Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012). Под руководством М.Ф. Сычева выполнен ряд работ, получивших гранты федеральных научных фондов и финансовую поддержку региональных органов власти. В этих работах были определены стратегические резервы и направления социально-экономического развития экономики региона, выявлены приоритеты реализации экономических реформ, связанных с сочетанием крупного производства с возможностями малого и среднего бизнеса, обоснованы важнейшие концептуальные положения разработки и реализации параметров текущей и долгосрочной направленности модернизации экономики страны.

При его активном участии осуществлены исследования по критериям отнесения Вологодской области к районам Севера (материалы были представлены областной администрацией в Правительство Российской Федерации), а также разработаны стратегии социально-экономического развития Череповецкого, Сокольского, Грязовецкого и других районов области.

М.Ф. Сычев вносит существенный вклад в подготовку научных кадров и высококвалифицированных специалистов экономического профиля. Под его непосредственным научным руководством два сотрудника ИСЭРТ РАН защитили диссертации на соискание учёной степени кандидата экономических наук.

Аспиранты ИСЭРТ РАН получают от М.Ф. Сычева постоянные консультации, способствующие повышению качества и актуальности диссертационных работ. Он вёл преподавательскую деятельность в Вологодском государственном университете. За 2000–2015 гг. под его руководством студентами выполнено и защищено более 50-ти дипломных и выпускных квалификационных работ.

За достижения в труде М.Ф. Сычев удостоен правительственных наград (два ордена «Знак почета» – 1971, 1973 гг., орден «Дружбы народов» – 1986 г., Почетная грамота Президиума Верховного совета РСФСР – 1985 г.). Он награжден также Почетной грамотой РАН (2005 г.), имеет документальные поощрения от губернатора Вологодской области. В 2013 году стал лауреатом премии Вологодской области по науке и технике, присужденной коллективу научных сотрудников ИСЭРТ РАН.

Сычев Михаил Федорович является заместителем главного редактора журнала

«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», входящего в перечень ВАК Минобрнауки РФ, а также членом редколлегии журналов «Проблемы развития территории» и «Вопросы территориального развития», издаваемых ИСЭРТ РАН; организует рецензирование статей, поступающих в журнал из различных регионов России, и взаимодействует с авторами. Его отличает большой профессионализм, неустанный творческий поиск, высокая требовательность к своему труду.

Умение масштабно мыслить, исключительное трудолюбие, настойчивость и упорство в достижении поставленных целей позволяют ему успешно решать административные, научные, методические и иные вопросы.

Сычев Михаил Федорович – отзывчивый и доброжелательный человек. Он пользуется заслуженным авторитетом и уважением в коллективе института. Это авторитет профессионала и творческого человека, щедро одаренной интеллектуальной личности.

Коллектив ИСЭРТ РАН горячо и сердечно поздравляет Михаила Федоровича с замечательным юбилеем и от всей души желает ему крепкого здоровья, долгих, счастливых дней жизни, дальнейших успехов в научной деятельности, творческих успехов и благополучия!

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Статья должна, как правило, содержать следующие аспекты: цель работы; метод и методологию проведения работы; её результаты; область применения результатов; выводы. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, предложениями, гипотезами, вытекающими из содержания статьи. При представлении в статье результатов социологических исследований необходимо указать следующую информацию: сведения о методологии и методике; дату, место (территорию) и организацию, проводившую исследование; структуру генеральной совокупности; тип, объем и ошибку выборки; описание методов сбора и анализа данных. Данную информацию следует изложить в одном из следующих вариантов: в специальном разделе (параграфе) статьи; непосредственно в тексте; в сноске. При оформлении таблиц важно пояснить, как считаются проценты: от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных. Пристатейный список литературы должен быть представительным, демонстрировать профессиональный кругозор и качественный уровень исследований авторов. Работы в пристатейном списке располагаются в алфавитном порядке сначала на русском, затем на английском (или любом другом – на латинице) языке. При ссылке в тексте даётся номер работы в квадратных скобках.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Приводимые в таблицах (графиках) стоимостные показатели, относящиеся к разным временным периодам, представляются, как правило, в сопоставимой оценке. Если в таблицах (графиках) содержатся сравнительные данные по отдельным территориям, видам экономической деятельности и т.п., то они представляются в ранговом порядке с указанием периода, по которому производится ранжирование.

Объём статьи – не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем учёной степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) – для остальных авторов. Исключения по объёму возможны только по предварительной договорённости с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (один экземпляр, на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант обязательно подписывается автором (авторами).

Текст статьи направляется в формате MS Word в соответствии со следующими параметрами: гарнитура Times Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе MS Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только сами графические материалы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в формате MS Word или MS VISIO-2003.

Статье должен быть присвоен **индекс УДК** (располагается до заголовка статьи).

Статью должны сопровождать **аннотация** (200 – 250 слов; предполагается описание следующих позиций: формулировка проблемы, указание методики исследования и источников информации, характеристика основных результатов исследования, варианты решения проблемы) и **ключевые слова на русском и английском языках, библиографические списки**.

К статье прилагаются (отдельным файлом) **сведения об авторах статьи**, содержащие: заголовок статьи (**на русском и английском языках**), фамилию, имя, отчество (полностью),

учёную степень, учёное звание, полное название и адрес организации – места работы, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

К электронному варианту статьи прилагается **цветная фотография автора (авторов)** размером 4 × 6 см в формате tif (предпочтительно) или jpeg разрешением 300 dpi.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и редакцией журнала должен быть заключён Лицензионный договор с приложением к нему Акта приёма-передачи произведения. Эти документы, составленные по приведённой ниже форме и подписанные всеми авторами статьи, представляются в редакцию вместе с текстом статьи. Подписанный редакцией экземпляр договора будет направлен авторам по почте вместе с авторским экземпляром номера журнала.

Рукописи следует направлять **Почтой России** по адресу: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН, редакция журнала, с пометкой «для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также **на электронный адрес: common@vscs.ac.ru.**

Факс: 8(8172)59-78-02. Тел.: 8(8172)59-78-31.

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию. Если у рецензента возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений и сокращений, не искажающих смысла статьи.

С 2010 года в журнале открыта рубрика «Молодые исследователи», в которой публикуются рукописи аспирантов. Статья должна быть без соавтора, заверена научным руководителем, рекомендована научной организацией, за которой закреплён аспирант.

Внимание! В случае несоблюдения указанных требований статья редакцией не рассматривается.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: <http://esc.vscs.ac.ru>.

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____
_____
Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____
_____
Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включен в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Существует несколько способов оформления подписки на журнал «Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз»:

- **Подписка на журнал на Почте России.**

Самый простой и традиционный способ — это подписка на Почте. Подписка на журнал осуществляется через объединенный каталог «Пресса России». Подписной индекс журнала «Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз» - **41319**.

Поиск журнала по печатному каталогу на Почте довольно прост: по тематике, по алфавиту, по индексам. При оформлении подписки на журнал на Почте России Вы найдете данное издание в разделе «Экономика. Статистика» каталога «Пресса России».

- **Подписка в редакции.**

Наш менеджер будет рад проконсультировать Вас по вопросам подписки.

Журнал можно приобрести за безналичный расчет по договору.

Менеджер: Бушманова Анна Станиславовна

Телефон: 8 (8172)59-78-10 (доб. 387)

e-mail: bushmanova@vscc.ac.ru

- **Онлайн-подписка.**

На сайте <http://www.aks.ru> Вы легко сможете оформить онлайн-подписку на журнал.

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.С. Киселева

Подписано в печать 27.10.2015.
Дата выхода в свет 30.10.2015.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 27,1. Тираж 500 экз. Заказ № 283.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and social changes: facts, trends, forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-60248 от 19 декабря 2014 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru